М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

М. Е. САЛТЫКОВ ЩЕДРИН

19 (1)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В двадцати томах

Издание осуществляется
совместно с Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) Академии наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1977

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том девятнадцатый

КНИГА ВТОРАЯ

*

ПИСЬМА

(1881—1884)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1977

Р1
С16

Подготовка текста и примечания
В. Э. Бограда

при участии *С. А. Макашина* (письма к А. М. Жемчужникову, Н. Н. Златовратскому, В. Р. Зотову, Г. Л. Кравцову, Г. И. Успенскому, Ш. Шассену, С. А. Юрьеву (февраль 1883 г.), В. Е. Якушкину, И. И. Ясинскому (июль 1882 г.) и раздел «Приложения»).

Оформление художника
И. ЖИХАРЕВА

С $\frac{70301\text{-}376}{028(01)\text{-}77}$ подписное

ПИСЬМА

1881—1884

1881

753. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

5/17 июля 1881. Висбаден

Висбаден. 5 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич. Вот уж два дня, как я в Висбадене, где нашел семью свою, устроившуюся весьма прилично. Но лично меня путешествие довольно-таки утомило. К счастию, со мной приехал Лихачев, который поберег меня дорогой.

Очень я слаб, и Кареев помог мне мало или даже совсем не помог. Он какой-то странный: все что-то новое дает; Адония прописывал по 3 ложки в день (2 недели пил), мясной сок три недели заставлял пить, потом стал предлагать питательный лимонад и питательную зельтерскую воду. А под конец пришел к тому, что на Вашем же рецепте микстуры Senegae [1] написал repetatur [2]. Кашель у меня усилился и какими-то пароксизмами раз шесть-семь в день по получасу. Отделения густые. Перед сном и утром после сна очень тяжко.

Я думаю, не остаться ли мне в Висбадене: может быть, воздух поможет. Я уж не столько об себе, сколько об детях забочусь. Говорят, им хорошо было бы в Аркашон съездить. Не посоветуете ли и мне? Мне очень хотелось бы повидаться с Вами, но напало какое-то уныние и страх перед путешествиями. В Эмс было бы ближе. Но вообще говоря, совсем лечиться не хочется. Мучительно. С сегодняшнего дня и сердце стало неспокойно; быть может, потому, что до 8 числа здесь Лихачевы, и каждый день мы куда-нибудь ездим. Сегодня поехали, например, в Шлангенбад, и, к удивлению, нашли там Лорис-Меликова и Кошелева. Первый принял меня с распростертыми объятиями и обещал, что завтра или послезавтра приедет в Висбаден. Нового, т. е. такого, чего бы мы не знали, он, впрочем, ничего не сказал, кроме того, что за ним следят 6 шпионов. Вероятно, и за нами они следили. Здесь же кто-то в газетах вычитал, что его в Петербург вызывают. Но он об этом молчит, и, вероятно, это вздор. Впрочем, нынче может случиться и такая комбинация: Игнатьева вместо Горчакова,

а Лориса опять на старое место. Недаром, Лорис *защищает* Игнатьева, говорит: лгун, но способный [3].

Елисеева я оставил в Петербурге выздоравливающим и собирающимся в Гатчину, куда зовет его и Боткин. Но он все-таки не отложил намерения ехать за границу, и в августе хочет оставить Гатчину. Впрочем, он, как и всегда, все хранит в секрете, так что ничего не разберешь. Я думаю даже, что и удар с ним случился от этой мании секретов [4].

Я кое-что пописываю, но вряд ли дело пойдет успешно [5], потому что как-то все больше на воздухе живется. Целый день слоняешься, а вечером вернешься домой точно пьяный. Я ванны хочу брать, одну уже вчера взял, но ванны здесь отвратительно неопрятные. Хочу с десяток ванн взять неглубоких 27%. Кареев советовал.

Вы, я слышал, в Париж на зиму перекочевываете и будто бы намерены быть там в начале сентября. Так как и мне Парижа не миновать (я полагаю пробыть там от 1 до 20 сентября), то желательно бы знать, где Вас найти там в случае ежели не придется увидеться раньше.

Очень мне плохо; с каждым днем все больше и больше слабею. Исключительное что-нибудь может еще оживить меня на время, но потом опять хуже.

Прошу Вас передать мое глубокое почтение добрейшей Софье Петровне. Жена ей кланяется и благодарит за письмо.

Мой адрес висбаденский: Sonnenbergstrasse, 16.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 6.

Впервые опубликовано: Сб. «Дело». М., 1899, стр. 117—118 с неверным отнесением к июню 1881 г.

---

[1] Сенега (корень сенеги) — рвотное, отхаркивающее средство.

[2] Повторить.

[3] См. прим. 5 к письму 755.

[4] См. прим. 2 к письму 753-bis.

[5] В это время Салтыков работал над «Письмами к тетеньке».

753-bis. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

7/19 июля 1881. Висбаден

Многоуважаемый Николай Константинович.

Будьте так добры прислать мне тот № «Руси», в котором идет речь о последней главе «За рубежом». Я прочитал в «Новом времени», что Аксаков в этом № прочел мне «отпо-

ведь», и потому интересуюсь. Может быть, и напишу что-нибудь по этому поводу, если стоит [1]. Этот № должен был выйти между 20 и 30 июня.

Что с Григ<орием> Захаровичем? Вчера в «Новом времени» прочитал, что с ним случился нервный удар. Есть ли это запоздалое известие об ударе, случившемся еще 3 недели тому назад, или что-нибудь новое? [2] Пожалуйста, уведомьте меня, равно как и о том, где находится в настоящее время Григ<орий> Зах<арович> и остается ли он при намерении ехать за границу?

Прочитали ли Вы мое письмо к тетеньке? [3] Я предположил написать штук 7 или 8. Второе письмо (о лгунах и лганье) кончаю, 3-е (о вероломстве) тоже скоро напишу и пришлю для августовской книжки (будет около 1½ листов). В дальнейших письмах пойдет дело о содействии общества, т. е. о приглашении к содействию и проч. Но опасаюсь, что уже на 1-м письме, пожалуй, произойдет осечка, т. е. вырежут. Вероятно, в минуту получения Вами этого письма, июльский № уже будет в цензуре. Пожалуйста, последите за перипетиями этого пребывания во чреве кита, и буде что случится обратитесь к Краевскому, который каждодневно бывает в Петербурге.

Третьего дня я сделал здесь с Лихачевым экскурсию в Шлангенбад (1½ часа в экипаже), думая встретиться с Кошелевым, и, к величайшему изумлению, встретился с Лорис-Меликовым, о котором только что вычитал в газетах, что он в Вевэ. С полчаса просидели в компании, побеседовали и разошлись. Сказывают, будто перед тем был у него Суворин.

Мое здоровье до крайности плохо. Кашляю как никогда, но лечиться не желаю. Просто надоело. Советуют в Биариц съездить, не для купанья, а для воздуха. Во всяком случае, предположил себе как можно меньше передвижений делать, потому что это ужасно действует на сердце. Покамест буду жить в Висбадене (Sonnenbergstrasse, 16), куда попросил бы прислать и 7-ой № «Отеч<ественных> зап<исок>» по выходе. Пожалуйста, поместите в августовской книжке обручевскую статью об иезуитах [4]. После будет уж поздно. Он ужасно обескуражен. Принес мне статью беллетристического содержания, довольно-таки плохую, и все-таки надо будет поместить. На одном редактировании придется мне потратить дня три усидчивого труда [5].

Прощайте, кланяйтесь А. М. Скабичевскому и Плещееву. Пожалуйста, напишите, в каком положении находится Григ<орий> Захарович.

Весь Ваш

7/19 июля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, лл. 53—54. Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 207—208.

---

[1] Салтыков имеет в виду сообщение в разделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1881, № 1916, 30 июня) о том, что газета «Русь» «делает легкую отповедь Щедрину по поводу его рассуждений в одной из последних сатир о единении с народом». Эти строки написаны по поводу передовой статьи газеты «Русь» (1881, № 33, 27 июня) «Москва, 27 июня», содержащей полемику со статьей А. И. Введенского «Критические заметки» («Порядок», 1881, № 171 от 24 июня) о заключительной главе «За рубежом»: «В «Порядке» и ему подобных газетах не без восторженного сочувствия перепечатаны именно те строки, где г. Щедрин, коснувшись темы *о единении с народом,* называет его «миром, валяющимся в недугах», с которым «действительное единение по меньшей мере столь же мучительно, как и сдирание с живого организма кожи».

[2] В «Хронике» «Нового времени» (1881, № 1918, 2 июля) сообщалось: «Один из соредакторов М. Е. Салтыкова по «Отечественным запискам» г. Елисеев, как мы слышали, опасно занемог. Говорят, с ним случился на днях первый удар».

[3] Имеется в виду первое письмо из цикла «Письма к тетеньке» (*ОЗ*, 1881, № 7).

[4] О статье Обручева см. письмо 750, прим. 1.

[5] Салтыков имеет в виду опубликованную под псевдонимом «Ив. Бредихин» и отредактированную им статью В. А. Обручева «Прикащичья выучка» (*ОЗ*, 1882, №№ 6—7).

754. Г. И. НЕДЕТОВСКОМУ

8/20 июля 1881. Висбаден

Многоуважаемый Григорий Иванович.

По письму Вашему [1] я вместе с сим о высылке Вам 1000 р. написал г. Краевскому, который, как издатель, распоряжается суммами. Не сомневаюсь, что он вышлет, если только «Отеч<ественным> запискам», т. е. существованию их, не угрожает что-либо серьезное, что в нынешнее время весьма возможно. Думаю, впрочем, что все обойдется и дня через три Вы получите чек. Что касается Ваших возражений на мои замечания относительно конца «Миражей», то я приму их в соображение [2]. Конец «Миражей», вероятно, будет печататься в ноябре или в декабре, когда я буду в Петербурге. Извините, что не сейчас ответил Вам: очень болен.

Затем, желая Вам всего лучшего, остаюсь искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

20 июля 1881 г.

В Висбадене пробуду еще недели с две, а потом уеду в Швейцарию и около 3 сентября нов. ст. буду в Париже.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 130, л. 10. Впервые опубликовано: *Известия ОРЯС,* стр. 279.

---

[1] Письмо Г. И. Недетовского неизвестно.

[2] «Миражи» были опубликованы в *ОЗ,* 1881, №№ 9—11.

755. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

11/23 июля 1881. Висбаден

Висбаден. 11 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за письмо [1], которое было для меня тем дороже, что Вы и сами, как я слышал от жены, не совсем здоровы. Что касается до меня, то, мне кажется, я совсем кончаю карьеру. Главным образом, сердце угнетено, и причина этого явления, сколько могу судить, заключается в акте передвижения, которое всегда действует на меня угнетающим образом. А между тем я в Берлине прожил сутки, да и здесь, благодаря Лихачевым (которые только сегодня уезжают в Диепп), мог бы проводить время без скуки. Но, должно быть, скука-то именно и нужна для меня вместе с абсолютным спокойствием. Такой тоски, такого адского отвращения к жизни я никогда не испытывал. Вы вот поощряете меня к дальнейшим писаниям, а поверите ли, что в течение 9 дней моего пребывания здесь я двух строк выжать из себя не могу. В Петербурге кое-что задумал, половину написал и теперь стал в тупик, хотя в голове и ясно. В июльской книжке (ежели выйдет) прочтете начало проектированного мною целого ряда писем, касающихся исключительно современности. Увидите, что письмо написано сразу; [2] точно так же, накануне отъезда, написал начало второго письма, а теперь вот не могу и не могу. Вот почему я полагаю, что не попаду в Тун, хотя всей душой желал бы. Боюсь, что помру в Висбадене. Представьте себе, насилу хожу.

Я сегодня хотел начать пить Вейльбах, и встал в 7 часов. Но шел проливной дождь (даже и теперь в 11 часов нет-нет да и пойдет), я и остался дома. Здесь эту воду (Швефельвейльбах) продают в бутылках (в два стакана) и говорят, надо пить прямо из бутылки, чтоб не исчез air fixe [3]. Но горе

мое в том, что ходить не могу. Легкомысленные Лихачевы заставили меня пойти до Диттенмюле (с версту), и я чуть совсем не погиб. Ванны я взял две поясных, но бросил: ужасно волнуют. Хочу посидеть дома, посмотреть, что дальше будет с сердцем. К докторам не обращаюсь, потому что опасаюсь новых экспериментов; но Вейльбах буду пить, вместе с Гаевским, которому тоже предписаны эти воды. Он, впрочем, кажется, уедет в самый Вейльбах.

Я забыл Вам сказать в прошлом письме, что ехал из Петербурга [4] в одном вагоне с президентом Академии Козловым, который с третьей же станции пришел к нам в отделение. Он очень интересовался моею болезнию, но ничего особенного не сказал. Сюда в Висбаден он приехал к жене, но пробыл только день и уехал в Карлсбад или в Мариенбад. Между прочим, он рассказывал, что царь очень жалеет, что так легко решился на манифест и расстался с Лорисом <-Меликовым> [5], а в особенности с Милютиным, и что это якобы только вопрос времени, что Лорис<-Меликов> будет вновь у дела. А Гаевский, приехавший только вчера, привез известие, что был вопрос об отставке Ванновского [6], которого терпеть не может Воронцов-Дашков. Как видите, порядочный-таки сумбур. А Игнатьев совсем изолгался, так что Баранов (градоначальник) открыто на него жалуется (между прочим Лихачеву), что он его компрометирует, объявляет высоч<айшие> повеления, а когда потом Баранов докладывает царю о затруднениях, то последний говорит: в первый раз слышу. И все это сходит с рук. Царь хот<ел> Клушину (мерзавцу) поручить спасение России и сказал об этом Игнатьеву, чтоб он переговорил. Игнатьев переговорил очень слегка и доложил, что Клушин отказывается. А Клушин, узнавши об этом, письмо написал: никогда-де я не отказывался. Но дело кончилось тем, что назначили спасать Россию Каханова [7], под руководством Игнатьева.

Будете ли вы в Париже и когда? Я все-таки думаю съездить не в Аркашон, а в Биариц для детей, но недели через три.

Передайте мой сердечный поклон многоуважаемой Софье Петровне. А также и от жены.

Об Елисеевых никаких вестей не имею. Как уехал <из> Петербург<а>, так никто из редакции мне не пишет. Вот что значит прочно устроенное дело: что есть редактор, что нет его — все равно.

И прекрасно.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 7.

Впервые опубликовано в отрывках: «Русские ведомости», 1894, № 330, 29 ноября; Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 267—268; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 208—209.

---

[1] Письмо Н. А. Белоголового к Салтыкову неизвестно.

[2] Первое письмо из цикла «Письма к тетеньке» (*ОЗ*, 1881, № 7).

[3] Углекислый газ.

[4] См. письмо 752.

[5] В манифесте 29 апреля 1881 г. Александр III объявил о незыблемости самодержавия, что означало конец «либеральной» политики М. Т. Лорис-Меликова. 30 апреля М. Т. Лорис-Меликов, а за ним А. А. Абаза и Д. А. Милютин подали прошения об отставке. На место М. Т. Лорис-Меликова министром внутренних дел был назначен Н. П. Игнатьев, которого В. И. Ленин назвал «дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 46).

[6] Назначенный вместо Д. А. Милютина П. С. Ванновский был военным министром до 1898 г.

[7] Во второй половине мая 1881 г. под председательством М. С. Каханова была образована особая комиссия для подготовки законопроекта «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия».

756. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

15/27 июля 1881. Висбаден

Висбаден. 15 июля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Извините, что долго не писал Вам. Тоскливо живется, за перо взяться лень. Покуда Лихачевы были здесь, все-таки было веселее, но и они вот уж три дня как уехали в Диепп. С тех пор, как я выехал из Петербурга — словно в воду канул; никаких известий не получаю. Самый, значит, настоящий редактор. Гаспер однажды по моим личным делам писал [1], но и тот ни об Вас, ни о ком из редакции ни одним словом не обмолвился.

Устроился я здесь очень хорошо; платим за 5 пансионов, имеем 6 комнат, утренний кофе или чай, обед из 4-х блюд и вечером чай с легким (весьма) ужином. Комнаты прекрасные, вид прямо в парк, бесподобный. Платим по 7 марок с рыла — по-моему, недорого. До сего числа жили в бель-этаже, а сегодня перегнали в нижний этаж, потому что весь бель-этаж наняли под Лорис-Меликова. Надо Вам сказать, что я уже раз его видел совсем неожиданно. Поехали мы с Лихачевыми в

Шлангенбад погулять ($1\frac{1}{2}$ часа езды), а там в кур-листе увидели, что и Лорис-Меликов налицо. Кстати, и Кошелев там же оказался. Вот мы с Лихачевым и послали узнать, примет ли он нас. Принял, и был очень любезен, а через три дня приехал в Висбаден и отдал нам визит, но не застал никого, потому что мы опять экскурсию делали. А сегодня приехала его дочь искать квартиру, и так как наша вилла очень удобна и красива, то она уговорила нашу хозяйку уступить весь бель-этаж, а нам пришлось перейти вниз, что, впрочем, для меня и лучше, потому что не утомительно. Житье здесь, как и во всех немецких городах в эту пору, развеселое, и даже в эту самую минуту перед нашей виллой в парке спускают фейерверк, и в моих ушах раздается канонада от ракет. Но я более нездоров, нежели когда-нибудь: слаб до крайности и кашляю непрерывно. По совету Николая Андреевича[2] пью Вейльбах, серные воды, имеющие вкус тухлого яйца. Предположил себе пить три недели, т. е. по 3/15 августа, и стало быть до этого числа обязательно пробуду в Висбадене. Куда поеду дальше — не знаю. Хотел было в Биариц проехать для детей, но пугает праздная толпа, да и времени едва ли достанет. Не хочется с места трогаться — благо раз приютился. Но, вероятно, все-таки хоть на короткое время (дня на три), но съезжу в Тун. Сначала поеду в Баден-Баден, оставлю там детей и отправлюсь с женой в Швейцарию. А между 1—5 сентября нов. ст. в Париж, где пробуду дней 20.

Напишите, как Ваше здоровье и не встретимся ли где-нибудь? А также не грозит ли что «Отеч<ественным> зап<искам>» и как идут дела? Что касается до меня, то я с самого приезда сюда двух строк из себя выжать не могу, хотя очень хотелось бы к августовской книжке что-нибудь прислать[3]. Постараюсь, впрочем, сделать это и до 5-го числа (ст. ст.) прошу оставить место листа на $1\frac{1}{2}$.

Гаспер какие-то загадочные штуки со мной выделывает. Просил я его получить по векселю в мою пользу 2 т. руб. и прислать их мне переводом через Учетный банк. Он это и сделал, но каково было мое удивление, когда я на переводе прочел: выдать такому-то столько-то марок и занести их счетом на редакцию «Отеч<ественных> записок». Каким образом он мои *личные* деньги смешал с деньгами «Отеч<ественных> зап<исок>» — не понимаю. Я послал ему, пять дней тому назад, запрос по этому предмету; но, право, как-то чересчур это чудно! Хотел было сгоряча Краевскому написать, но остановился, и теперь боюсь, что он что-нибудь солжет мне в ответ. Сверх того, я просил его напечатать в «Голосе» объявление о моих книгах, и даже дал ему совсем готовый проект. Он

и тут ухитрился напакостить: печатает такую глупость, что ни на что не похоже[4].

До свидания; выздоравливайте скорее, и если сами не можете написать мне (Wiesbaden, Sonnenbergstrasse, 16), то попросите Екатерину Павловну, которой и я и жена посылаем сердечный поклон.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 22.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 210—211.

---

[1] Письмо А. К. Гаспера неизвестно.

[2] Н. А. Белоголового.

[3] В № 8 помещено второе письмо из цикла «Письма к тетеньке».

[4] В газете «Голос» (1881, № 186 от 7 (19) июля) в объявлении о продаже «Невинных рассказов» и «Сатир в прозе» Салтыкова сказано: «Склад в квартире автора (Литейная, 62), но по случаю временной его отлучки следует обращаться с требованиями в контору «Отеч. записок» (Бассейная, № 2)».

757. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

25 июля/6 августа 1881. Висбаден

25 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вот уж скоро четыре недели, как я оставил Петербург, и почти две недели как поглощаю Вейльбах; дошел до трех стаканов, но так как я пью из бутылки и, вероятно, выпиваю каждый раз больше стакана, то на 3-х стаканах думаю остановиться и еще дней десять попить, спускаясь помаленьку до одного стакана. Кашель идет своим чередом, изнурительный, хотя не столь частый. Слабость большая, хотя по наружному виду совсем здоров и никто не верит в мою болезнь, кроме Лорис-Меликова, которого мой кашель приводит в изумление. Впрочем, довольно об этом предмете.

С тех пор, как я выехал из Петербурга, я ни от кого из сотрудников и товарищей *ни одной* строки не получил, хотя писал и к Елисееву и к Михайловскому. Так что не имею ни малейшего понятия о том, что делается в редакции, и в каком положении находится Елисеев. По-моему, это просто жестокосердие, и, право, я, наконец, серьезно начинаю подумывать, что мне удобнее войти в соглашение с Стасюлевичем, не до-

жидая срока контракта. Там у меня будет скромная роль, которая даст мне, по крайней мере, спокойствие.

Будете ли Вы еще в Туне между 20—30 августа нового стиля? Ежели будете, то я непременно у Вас побываю. Но, во всяком случае, уведомьте, где Вас отыскать в Париже, где я пробуду между 3—25 сентября нов. ст. Пожалуйста, не откажите в моей просьбе. Не для того, чтоб надоедать Вам своими болезнями, а просто хочется Вас видеть.

Государь исшел из Питера 18-го, а к 22-му опять был в Александрии, посетив, кроме Москвы, Нижний, Кострому и Ярославль. Вот пример самодержавия и глупости.

Лорис-Меликов все еще здесь и пробудет дольше нас, а потом, как говорит, поедет в Париж. Вчера вечером приехал сюда Кошелев и привез свою новую брошюру, половину которой прочел сегодня утром Лорису и мне, а вторую половину предстоит нам выслушать сегодня вечером[1]. Подобного унылого переливания из пустого в порожнее я давно не слыхал. И вот такою-то литературой думают отрезвить правительство. За этим чтением застал нас здешний поп, Тачалов и, вероятно, кому следует, донесет. Что касается до авторов «Писем о соврем<енном> состоянии России», то это Фадеев и Воронцов-Дашков. По-моему, в «Голосе», была довольно обстоятельная статья об этих письмах[2].

Гр<аф> Лорис-Меликов очень добрый человек, но чересчур уж болтлив. Представьте себе, что то же самое, что он мне в разное время говорил,— он рассказал и Гаевскому, человеку, которого в первый раз в жизни видел. О литературе он имеет слабое понятие и был весьма удивлен, когда я ему сказал, что *основы* и суть та самая вещь, о которой литература имеет право всего свободнее говорить. А между тем он один из любителей литературы, многое читал и все-таки не вычитал, что все великие писатели и мыслители потому и были велики, что об основах говорили.

Сегодня получил от Лихачева письмо[3]. Пишет, что 30 июля ст. ст. покидает Диепп, потом дней пять проживет в Париже, и затем, отправляясь в Подольскую губернию, к родственникам, заедет в Тун.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Затем, до свидания. Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 8.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 211—212.

---

[1] А. И. Кошелев. Где мы? Куда и как идти? Berlin, 1881. 72 стр Намек на эту брошюру содержится в запрещенном цензурой третьем письме «Писем к тетеньке» (см. в наст. изд. т. 14, стр. 471, 670).

[2] Об этой книге в «Голосе» (1881, № 194, 15 июля; № 198, 19 июля) помещена большая (по два подвала в каждом номере) анонимная критическая статья «Наши язвы. Письма о современном состоянии России». Лейпциг. 1881».

[3] Это письмо В. С. Лихачева неизвестно.

758. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

29 июля / 10 августа 1881. Висбаден

Висбаден. 29 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вероятно, Вы знаете, что «Голос» запрещен на 6 месяцев. Я еще *верного* ничего не знаю, но сегодня уже «Голос» не был получен, а в иностранных газетах имеются телеграммы о запрещении именно на 6 месяцев[1]. А так как я, уезжая, распорядился о выписке «Голоса», то и выходит, что останусь временно без газет.

Сегодня Лорис-Мел<иков> сообщил мне следующее. В Петербурге, под покровительством в<еликого> кн<язя> Владимира Алекс<андровича> учреждена Дружина спасения, цель которой есть исследование и истребление нигилизма, не останавливаясь даже перед *устранением* таких личностей, как Гартман, Кропоткин и т. п. Дружина организована в виде тайного общества, но с субсидией от государя, *пятерками,* так что одна пятерка не знает другую, но все повинуются известному лозунгу[2]. Пятерки эти рассеялись и за границей, так что Лор<ис>-Меликова убеждают быть осторожным. Сообщая мне об этом, армянин присовокупил: «наверное, уж донесли обо мне, что я с Вами и с Кошелевым виделся». Вы можете себе представить, как мне было приятно слышать это. Он-то отделается тем, что на него будут дуться, а мне, пожалуй, и перепадет кое-что.

А еще пишут, что Баранов, Гейнс и еще кто-то интригуют против Игнатьева и под покровительством Воронцова-Дашкова хлопочут об учреждении министерства полиции. А Игнатьев с своей стороны, вкупе с Влад<имиром> Алекс<андровичем>[3] требуют, чтоб Баранов был смещен. Одним словом, идет потеха.

Я пишу это письмо единственно для того, чтоб Вам о «Дружине» сообщить, и потому, исполнив сие, умолкаю, надеясь, что рассказ мой послужит для Вас предостережением при сношениях с россиянами.

Прошу Вас передать от меня и от жены наш сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Я получил письмо от Михайловского[4]. Пишет, что Елисеев в Гатчине, но изъявил желание, чтоб его не посещали. Поэтому Михайл<овский> его не видал, а слышал, будто бы у него второй раз отнялся язык. Мне Елисеев на письмо не ответил.

Ваш
М. Салтыков.

Дня четыре тому назад я писал к Вам, прося ответа.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 9.

Впервые опубликовано: «Русские ведомости», 1912, № 230, 6 октября; вторично: В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, стр. 54—55.

---

[1] Газете «Голос» объявлено было третье предостережение «с приостановлением издания на шесть месяцев» за «выходящие из последних пределов приличия суждения и отзывы о князе Болгарском» в № 198 и «независимо от сего в №№ 183 и 202 той же газеты в передовых статьях и в фельетоне под заглавием «Судовые порядки в заграничных плаваниях» высказаны неуместные суждения, оскорбительные для нашего флота» («Правительственный вестник», 1881, № 164, 26 июля; подробнее: *ЦГИА*, ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 101, лл. 186—194). См. также письмо 813, прим. 3 и письмо 760, прим. 2.

[2] «Священная дружина» — тайное общество придворной аристократии, ставившее своей целью неофициальную охрану царя и подпольную борьбу с революционным движением. Существовало с весны 1881 г. по декабрь 1882 г. «Священной дружине» Салтыков посвятил третье письмо из «Писем к тетеньке», запрещенное цензурой (см. в наст. изд. т. 14, стр. 471—517, 664—679). О роли Салтыкова в разоблачении «Священной дружины» см.: В. Розенберг. «Священная дружина» (из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым).— «Русские ведомости», 1912, № 230, 6 октября, и отклик на нее П. Кропоткина «Священная дружина» (письмо в редакцию).— «Русские ведомости», 1912, № 251, 31 октября, и *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 427—431; Ю. П. Пищулин. М. Е. Салтыков-Щедрин и «Священная дружина» (по новым материалам).— «Русская литература», 1968, № 1, стр. 176—183, и др.

[3] Великий князь, брат Александра III.

[4] Это письмо Михайловского неизвестно.

759. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

2/14 августа 1881. Висбаден

2 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Душевно благодарен Вам за письмо;[1] я уже начинал тревожиться, здоровы ли Вы. Я думаю выехать отсюда 8-го, в субботу, стараясь попасть в воскресенье утром в Люцерн. Не знаю, как отсюда едут на Швейцарию и во сколько времени попадают в Люцерн. Но так как Лихачев писал[2], что он 9-го числа еще будет в Люцерне, то хорошо бы их там застать. А из Люцерна я Вам телеграфирую и попрошу удержать номер. Я думаю одну комнату с двумя кроватями — не больше, но только чтобы не так высоко. Ведь еще надо будет в Интерлакен съездить.

Я совсем бросил пить воду. Здесь неделю стоят холода постоянные, так что я кашляю сильнее, нежели когда-либо. Два дня тому назад опять начал пить Сѐнега по Вашему рецепту, который Кареев переложил на здешние нравы. Неделю попью — может и полегчит. И начал обертывать шею кашнѐ. А сердце у меня успокоилось совсем; но одышка, по-прежнему, чрезвычайная.

То, что Вы пишете об Елисееве, успокаивает меня на его счет, но зачем его Боткин за границу пускает? Таинственность — одно из прирожденных его качеств, и, признаюсь, в высшей степени неприятное. Не могу объяснить себе, как он не понимает этого. Представьте себе, в Петербурге из сотрудников никто ничего об нем не знает, и мне тоже ни слова не пишет, хотя я писал к нему. Чего он добивается от меня — понять не могу. Нам остается еще два года быть в сожитии; не знаю, дотянем ли, но удостоверяю заранее, что по истечении срока с ним в дело не пойду[3]. Да думаю, что вряд ли и дотянем.

Из Петербурга известия все хорошие. Победоносцев более в силе, нежели когда-нибудь; зато с Влад<имиром> Алекс<андровичем>[4] полнейший разрыв. Царь из Петергофа переезжает вновь в Гатчину и останется там до глубокой зимы. Гатчину всю предполагается осветить электрическим освещением, потому что это должно сократить расходы на полицию. Известие это привез сюда брат гр<афа> Игнатьева (младший), два дня тому назад приехавший к маменьке, здесь же живущей.

Организатором Святой дружины, о которой я Вам писал, оказывается Шмидт, бывший управляющий 3-м Отделением [5].

Гр<аф> Лор<ис>-Мел<иков> уверяет меня честным словом, что за мной никогда не было надзора, и что, в течение 1½ года его господства, ни разу даже речи обо мне *по делам* не было. *Вот за Лихачевым — был надзор небольшой,* прибавил он, *но разумеется, ничего вредного для него не было.*

Армянин высказывается помаленьку, но довольно свободно. Иногда мне кажется, не выпытывает ли он и меня. И когда вновь будет у кормила, тогда...

Цензура ничего не помарала в «Письме к тетеньке», и ежели это Вам показалось, то отнесите сие к недостатку самого сочинения. Вообще мне очень трудно пишется. Производительность иссякает — это Вы еще больше заметите по 2-му письму, ежели оно в августовской книжке появится [6].

Передайте, пожалуйста, наш сердечный привет добрейшей Софье Петровне. Ежели Лихачевых увидите, то поклонитесь.

До свидания.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 10.

Впервые опубликован отрывок: «Русские ведомости», 1912, № 230, 6 октября; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 214—215.

---

[1] Упоминаемое письмо Белоголового неизвестно.

[2] Это письмо Лихачева неизвестно.

[3] Срок договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* истекал 1 января 1884 г.

[4] Великий князь, брат Александра III.

[5] Во главе «Священной дружины» (см. письмо 758, прим. 2) стоял граф П. П. Шувалов, а управляющий III Отделением Н. К. Шмидт был членом ее Центрального комитета.

[6] См. письмо 756, прим. 3.

760. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

4/16 августа 1881. Висбаден

Висбаден. 4 августа.

Многоуважаемый Николай Константинович.

У меня есть до Вас просьба несколько странная. А именно: при назначении гонорара за августовскую книжку, назначьте мне таковой за статью (буде она не будет вырезана) [1] в размере 250 р. за лист вместо прежних 200. Дело в том, что я совсем измотался и писать мне ужасно трудно. Прежде мне, бывало, Некрасов прибавлял (я со ста р. начал), а теперь приходится просить.

Вообще со мной что-то творится. Слова забываю. Хочу сказать: дайте туфли и не могу припомнить слово. Боюсь, чтоб не кончилось худым. И когда пишу, сознаю, что совсем не то слово под перо попало, а настоящего найти не могу. Никогда этого не бывало. Боюсь, что последние статьи вышли вялые, особенно — последнее письмо.

Здесь холодище страшный. Целую неделю не видим солнца, дождь без перемежки. В субботу, 8-го, хочу уехать. С неделю проезжу в Швейцарии, а потом в Париж. Думаю быть там 16—18, и адрес свой сообщу Гасперу немедленно.

Похвалите, пожалуйста, Гаспера за то, что «Новую газету» высылает. Краевский хитрую штуку с этой газетой удрал, только не прекратят ли течение ее? [2] Хотя я и уезжаю, но пусть газеты по-прежнему высылают в Висбаден, потому что семья моя остается здесь. А когда надо будет высылать в другое место, я уведомлю.

Коварный Гр<игорий> Зах<арович> ничего мне не пишет. От Белоголового узнал, что он располагает выехать из Петербурга 12-го числа, но куда — неизвестно.

Пожалуйста, добейтесь от Зайончковской, пришлет ли она что-нибудь? [3]

Я не знаю, буду ли я готов к сентябрю. Очень уж туго идет дело. Опять прислать коротенькую вещь — будет скандально. Хотелось бы *два* письма написать, да вряд ли успею [4].

Златовратский [5] и Успенский написали ли что-нибудь? [6]

Ежели для сентябрьской книжки пришлет что-нибудь Зайончковская и притом не слишком короткое, то печатание романа «Миражи» можно будет отложить до октября [7].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Передайте, пожалуйста, Гасперу, что я книги получил.

Августовскую книжку, до получения нового моего адреса, распорядитесь не высылать.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, лл. 55—56.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 208—209.

---

[1] Второе письмо цикла «Письма к тетеньке» (*ОЗ*, 1881, № 8) не встретило препятствий со стороны цензуры.

[2] 25 июля 1881 г. газета «Голос» была приостановлена на шесть месяцев (см. письмо 758, прим. 1). Не желая потерять читателей, Краевский вошел в соглашение с В. И. Модестовым, получившим 10 сентября 1880 г. разрешение на выпуск «Новой газеты». Первый номер ее вышел 1 августа 1881 г., а на следующий день председатель С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петров в докладе в Главное управление печати обращал внимание на «совершенное во всех мелочных подробностях наружное сходство» «Новой газеты» с «Голосом». Вызванный для объяснений 5 августа зять Краевского В. А. Бильбасов заявил, что ни он, ни Краевский «не принимают ни прямого, ни косвенного участия в редактировании «Новой газеты» и что они уступили Модестову «лишь право пользования заготовленною для газеты «Голос» бумагою и типографиею». В результате последовавшего 7 августа первого предостережения, запрещения розничной продажи и заготовленного проекта второго предостережения выпуск «Новой газеты» был прекращен. На просьбу Модестова о возобновлении ее с 1 января последовал отказ (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 6, 1880 г., № 540).

[3] Ближайшая работа Н. Д. Зайончковской в *Отеч. записках* (1882, № 7) — перевод трагедии В. Монти «Кай Гракх».

[4] Присланное Салтыковым для № 9 *Отеч. записок* третье письмо из «Писем к тетеньке», посвященное разоблачению «Священной дружины», было изъято по требованию цензуры (см. в наст. изд. т. 14, стр. 471—487, 664—674). В другой редакции оно появилось в № 11 *ОЗ* за 1881 г.

[5] Н. Н. Златовратский. На родине. Встречи и впечатления (*ОЗ*, 1881, № 11).

[6] Г. И. Успенский. Бог грехам терпит. Отрывки из памятной книжки (*ОЗ*, 1881, № 9).

[7] О повести «Миражи» см. письмо 689, прим. 2.

761. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

7/19 августа 1881. Висбаден

Висбаден. 7/19 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сегодня вечером я должен был выехать отсюда в Люцерн, чтобы ожидать там Лихачевых; но постоянные дожди и холодная погода, в продолжение десяти дней, так размокропогодили мои внутренности, что я уподобился Везувию, извергающему не лаву, но мокроту, с великим трудом откашливаемую. Вот и сегодня: с утра небо было совсем чистое, и солнце великолепно сияло, а теперь, в 11 часов, снова со всех сторон надвигается, и дело, вероятно, кончится дождем и новым понижением натуры [1].

Вообще, заграничная жизнь, как и всегда, действует на меня неблагоприятно. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы и дачная жизнь, в окрестностях Петербурга, лучше действовала. Мне кажется, самое лучшее для меня было бы безусловное спокойствие, а этого я мог бы достигнуть только в том случае, если б у меня провидение отняло ноги. Только тогда, убедившись, что я *действительно* не могу двигаться, мне предоставили бы право на спокойствие, не избавляя, впрочем, от упреков: какая же это жизнь! и т. д. Жизнь и в самом деле довольно проклятая, если прибавить к этому осложнение в форме детей, которые все-таки требуют воспитания.

У меня есть до Вас просьба. 27/15 августа я уезжаю в Париж и, между прочим, писал содержательнице maison meublée (place de la Madeleine, 31), свободна ли у ней квартира, которую я занимал в прошлом году [2]. Ответ просил прислать на Ваше имя в Тун. Поэтому, ежели таковой получите, то сделайте милость перешлите его *немедленно* ко мне в Висбаден. Извините за беспокойство. Вас же я надеюсь видеть в Париже и буду искать в rue Tournon (hôt<el> du Senat) [3]. Я же во всяком случае, если б даже не остановился в упомянутом выше maison meublée, оставлю там свой адрес.

Вот Вы сомневаетесь, что может существовать Святая дружина [4]. А между тем читали ли Вы в «Порядке» об учреждении в Симбирске тайного общества, выдающего 100 р. за каждого превратного толкователя? [5] Разве это не то же самое? И поверьте, что такие общества появятся во множестве. И когда-нибудь нам с Вами завернут руки к лопаткам и выдадут за нас цену крови, т. е. 100 р.

Лорис-Меликов читал мне вчера отрывки из письма, полученного им от министра Игнатьева. «Ты, говорит, знаешь, что только патриотизм заставил меня принять эту должность, и

что я *шесть* молебнов отслужу, когда надобность во мне минет». Потом о путешествии царя говорит: «Неподдельный восторг народа указал мне, где настоящая сила правительства, хотя это сладкое сознание *отравлялось* мыслью, что борьба с превратными учениями продолжает стоять на первой очереди». И еще: «очень жаль, что тебя (они на ты) считают здесь представителем каких-то либеральных идей, и это лишает государя возможности пользоваться твоими указаниями». Привожу Вам эти слова почти буквально. Но должен при этом сказать, что хотя Лор<ис-Меликов> и прочитал мне эти выдержки, но кажется, что письмо на него повлияло, и он начинает посматривать на меня довольно косо, или лучше сказать, старается видаться со мною так, чтоб никто этого не заметил.

До свидания. Круг знакомых и доброжелательных людей постепенно редеет. Скучно становится жить.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет и жены добрейшей Софье Петровне. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 11.

Впервые опубликовано в отрывках: «Русские ведомости», 1912, № 230, 6 октября; В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, стр. 55; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 216—217.

---

[1] Описка Салтыкова. Надо: температуры.

[2] Меблированные комнаты (площадь Мадлены, 31).

[3] Улица Турнон (отель Сенат).

[4] О «Священной дружине» см. письмо 758, прим. 2.

[5] Газета «Порядок» (1881, № 208, 31 июля) перепечатала из «Симбирской земской газеты» «Заявление» за подписью «Многие», адресованное «К крестьянам»: «Желая исполнить долг верноподданных и охранить темный народ от смуты, мы, заявители, согласились между собой сделать складчину и объявляем, что каждый крестьянин, который задержит злоумышленника, рассказывающего в народе о переделах и о других незаконных предметах, и представит этого злоумышленника начальству,— этот крестьянин имеет *тотчас же* по предоставлении смутителя получить *сто рублей,* которые мы представляем при сем в редакцию «Земской газеты».

762. В. П. ГАЕВСКОМУ

10/22 августа 1881. Висбаден

Висбаден. 10 августа.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Сейчас получил твое письмо[1] и искренно жалею, что не проведу с тобой время в Париже, куда еду в субботу, и где, вероятно, буду сильно скучать в одиночестве.

У Кленц оба указываемые тобой этажа покуда заняты, но оба же скоро освободятся, потому что мы уезжаем, а Лор<ис>-Мел<иков> тоже скоро уедет. Он сам остается в Висбадене (но на другой квартире), а семья едет в Париж. Поэтому есть в настоящее время помещение только в 3-м этаже, куда, кажется, Елизавета Николаевна не охотно поселится. Во всяком случае, прибывши в Висбаден, ты легко сговоришься с хозяйкой, которая теперь мечтает об том, чтоб сдать квартиры на *всю* зиму, но ведь это идеал, к которому все стремятся и которого редко кто достигает.

Какой ты странный! не написал, где ты остановился, так что я должен адресовать свое письмо poste restante, что до известной степени замедляет его получение тобой.

Будь отец родной. Побывай Place de la Madeleine 31 в Maison meublée m-me Bellenger [2] и спроси ее, может ли она недели на 3—4 с 16/28 числа уступить нам те *два* appartements, которые мы занимали в прошлом году и по тем же ценам: 24 фр. в день за квартиру и по 5 фр. за обед с персоны (сколько обедов спросим). Я этой дуре шесть дней тому назад писал, но ответа не получил — вероятно, не хочет рисковать истратиться на почтовую марку.

И уж будь добр до конца. Когда получишь ответ Белланже, то телеграфируй мне в Висбаден как можно скорее. Я за телеграмму заплачу тебе при свидании. Сделай одолжение, исполни мою просьбу.

Я хотел было ехать в Швейцарию, но ввиду ливней бросил это предположение. Здесь мы совсем издрогли, а в Петербурге, сказывают, в мехах ходят.

Прошу тебя передать от меня и от жены поклон уважаемой Елизавете Николаевне.

Хорошо, кабы можно было мне сразу остановиться у Белл<анже>. Я мог бы тогда приехать в Париж ночью ($9^{3}/_{4}$ ч.) с детьми.

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, лл. 20—21.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 87—88.

---

[1] Это письмо В. П. Гаевского неизвестно.

[2] Площадь Мадлены 31, меблированные комнаты м-м Беланже.

763. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

12/24 августа 1881. Висбаден

Висбаден. 12/24 августа.

Хотел было дальнейшую переписку прекратить, многоуважаемый Николай Андреевич, но, право, жить страшно становится.

Узнал я, что Святая дружина[1] наняла искусного дуэлиста и бретёра (к сожалению, фамилию мне не сказали), чтобы оскорбить Рошфора и затем убить его на дуэли. Подобным же образом предполагается поступить и с Кропоткиным. Ежели сойдут эти два устранения благополучно, то весьма может быть, что пойдут и дальше[2].

Демидов вызвался давать дружине по 15 т. р. в м<еся>ц. Во всех предприятиях принимают живейшее участие оба Шуваловы: Петр и Павел.

Каким бы образом раскрыть все это и в особенности предупредить Рошфора? Я собственно становлюсь в тупик, и положительно боюсь, что сейчас же на меня подумают, особливо зная, что я хорош с Лор<ис>-Мел<иковым>, о чем, вероятно, донесено отсюда.

«Новая газета» прекратила сама свое существование на 9-м №[3]. Вероятно, велели. Я почти не сомневаюсь, что и «Отеч<ественные> записки» перестанут существовать через 2—3 месяца. Да еще ка́к бы не *посоветовали* выехать из Петербурга... Выслать, я полагаю, не вышлют, но *посоветовать* выехать, например, в Тверь (либерально, потому что не очень далеко) и там помолчать — право, это можно. И заметьте, что никто не охнет. Первое время, конечно, пошепчутся, а месяца через 2—3 заплывет. Чернышевский в этом отношении отличнейший пример — кто об нем помнит? И долго еще так будет, потому что сия яма так переполнена, что сто лет ее чисти — опять на сто лет останется.

Благодарю за присылку письма Белланже. Вероятно, я остановлюсь у нее (Pl<ace> de la Madeleine, 31), но верно не могу сказать, ибо сегодня жена уехала на выставку в Франкфурт, а я — раб. Во всяком случае, 2-го или 3-го сентября утром я отыщу Вас. Я же непременно выеду в воскресенье утром в Париж — не раньше и не позже.

Прошу Вас передать мой поклон добрейшей Софье Петровне.

Ваш *М. Салтыков.*

Об Елисееве Михайловский пишет, что он уезжает в Канн[4].

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 12.

Впервые опубликовано: «Русские ведомости», 1912, № 230, 6 октября.

---

[1] О «Священной дружине» см. письмо 758, прим. 2.

[2] Получив это письмо Салтыкова, Белоголовый сразу же известил Лаврова о необходимости «немедленно предупредить и Рошфора и Кропоткина, но непременно следовало бы сделать так, чтобы Рошфор не разболтал в газете подробности о Дружине, потому что тогда легко будет доискаться, откуда идут эти сведения, а погубить С<алтыкова> было бы жестоко» (*Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 426—427). См. также: П. Кропоткин. «Священная дружина». Письмо в редакцию (там же, стр. 427—431, перепечатка из «Русских ведомостей», 1912, № 251, 31 октября).

[3] О «Новой газете» см. письмо 760, прим. 2.

[4] Это письмо Михайловского неизвестно.

764. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

14/26 августа 1881. Висбаден

Висбаден. 14 сентября[1].

Многоуважаемый Николай Константинович.

Благодарю Вас за письмо[2]. В четверг на будущей неделе, то есть 19-го августа выезжаю в Париж и поселюсь Place de la Madeleine, 31, maison meublée[3]. На всякий случай сообщите этот адрес и Гасперу, ибо хотя я ему и пишу, но, пожалуй, письмо не дойдет. Пускай по этому адресу присылает «Порядок».

Вероятно, в эту минуту «Отеч<ественные> зап<иски>» уже приготовляются к отъезду в цензуру. От души желаю, чтоб путешествие было благополучное, хотя, признаться, после того, что в газетах пишется о действиях цензуры, не совсем-то спокойно на сердце. Во всяком случае, теперь остается одно: держаться на системе соглашения и не жалеть вырезывать статьи, ежели этого потребуют. Я думаю, что Петров согласится на это.

Я пишу третье письмо о «содействии общества»[4]. Предметом 4-го письма послужит книга Фадеева[5], которую я, впрочем, называть не буду. Я буду трактовать о ее содержании — анонимно.

Так как Зайончковская ничего не присылает, то в сентябрьской книжке можно будет начать печатать «Миражи» Недетовского[6]. Это не особенно блестящая вещь, но ничего. Не-

ужели ни Успенский, ни Златовратский ничего не доставляют? [7]

Меня несколько смущает масса долгов на сотрудниках «Отеч<ественных> зап<исок>». При нынешних условиях, существование журнала очень сомнительно, и долги могут остаться на плечах редакции. Одна Зайончковская должна 1250 р. и, очевидно, ничего не желает заработать.

Насчет статьи Горбуновой не могу согласиться с Вами. 1-я статья, по-моему, очень полезна, именно по своей безыскусственности [8].

Нет ли чего-нибудь от Энгельгардта? [9]

Адрес его: Московско-Брестская дорога, станция Дорогобуж.

До свидания. Будьте здоровы.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Здесь ужас какая скука. И наблюдают за мною — страсть.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 28, лл. 57—58.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 210—211.

---

[1] Описка Салтыкова. Надо: 14 августа.

[2] Это письмо Михайловского неизвестно.

[3] Площадь Мадлены, 31, меблированные комнаты.

[4] О судьбе «письма» третьего см. письмо 760, прим. 4.

[5] Книге Р. А. Фадеева и И. И. Воронцова-Дашкова «Письма о современном состоянии России» (см. письмо 757) посвящена не опубликованная при жизни Салтыкова первоначальная редакция «письма» четвертого (см. в наст. изд. т. 14, стр. 488—504, 674—679).

[6] О повести «Миражи» см. письмо 689, прим. 2.

[7] О работах Г. И. Успенского и Н. Н. Златовратского см. письмо 760, прим. 6 и 7.

[8] О статье М. К. Горбуновой см. письмо 750, прим. 3.

[9] Следующая и последняя работа А. Н. Энгельгардта в *Отеч. записках* (1882, № 2) — одиннадцатое письмо «Из деревни».

765. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

15/27 августа 1881. Висбаден

15 августа. Висбаден.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Статью Филиппова приобрел Григорий Захарович и возлагал на нее некоторые надежды [1]. Но мне она никогда не нра-

вилась, и я нимало об ней не жалею. Хотя она действительно была у нас напечатана и хранилась в полном количестве экземпляров, но так как для «Отеч<ественных> зап<исок>» едва ли в настоящее время возможно ее опубликование, то, по мнению моему, мы не имеем права лишать автора этой возможности на неопределенное время. Только отчего же Филиппов не уплатил своего долга? Ведь Семевский не даром же у него берет статью. Впрочем, *если есть у нас* еще статья Филиппова, то, конечно, можно возместить долг и из нее.

К сентябрьской книжке я пришлю только одно письмо — больше не могу[2]. Получите вы его между 1—5 сент<ября> ст. ст. Я желал прислать 2 письма, потому что совестно являться в публику с такими коротенькими вещами. Да и деньги нужны. Но становлюсь стар, и стар необыкновенно. И это так быстро делается, как я и не ожидал. Хорошо, кабы два-то года продержаться, да и то не чаю.

Вы пишете от 11-го числа и, к сожалению, ни одним словом не упоминаете, когда предполагаете отправить № в цензуру[3]. Мне кажется, что мы много себе мучения прибавляем этою медленностью. Думаю, однако ж, что хоть вчера-то отправили ввиду двух праздничных дней.

19-го ст. ст. я буду в Париже. В Петербург приеду около 22 сентября ст. стиля. Поверите ли, так щемит сердце. Здесь все какие-то безобразнейшие слухи, которые принимают тем более уродливые размеры, что нельзя проверки никакой сделать. Все думается, что ждет нечто необыкновенно неприятное.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 28, лл. 59—60.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 211—212.

---

[1] О статье М. А. Филиппова см. письмо 728, прим. 3.

[2] О третьем письме из «Писем к тетеньке» см. письмо 760, прим. 4.

[3] Упоминаемое письмо Михайловского к Салтыкову неизвестно.

766. Ш. ШАССЕНУ

19/31 августа 1881. Париж

Paris, le 7 août.

Monsieur et cher collaborateur,

Je viens d'arriver à Paris. J'ai été hier matin chez Vous, mais Votre porte était close et je n'ai même pas pu laisser ma carte chez le concierge, parce qu'il n'y était pas. Je voudrais bien vous

voir et si Vous pouviez venir place de la Madeleine, 31 (comme l'an passé), vous me feriez un véritable plaisir. On me trouve tous les jours entre 3 et 8 heures.

Veuillez agréer l'assurance de mes sincères amitiés.

M. Soltikoff.

Париж, 7 августа.

Перевод: Милостивый государь и дорогой сотрудник.

Я только что приехал в Париж. Вчера утром был у Вас, но дверь оказалась запертой, и мне не удалось даже оставить свою карточку у привратника, потому что его не было на месте. Мне очень хотелось бы повидаться с Вами, и если бы Вы смогли прийти на площадь Мадлены, 31 (как в прошлом году), Вы доставили бы мне истинное удовольствие. Меня можно застать дома ежедневно между тремя и восьмью.

Благоволите принять уверения в моей искренней преданности.

М. Салтыков.

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Впервые опубликовано с датой «7 августа 1881 г.»: K y r a S a n i n e. «Les Annales de la patrie et la diffusion de la pensée française en Russie (1868—1884)». Paris, 1955, pp. 118.

Дата «le 7 août» стоит в подлиннике. Но она неверна и является результатом ошибки Салтыкова в переводе календаря старого стиля, по которому он вел из-за границы свою русскую корреспонденцию, на новый, при обращении к французу. Салтыков «выезжал в Париж» не «19-го августа» старого стиля, как сообщал в письме 764 к Н. К. Михайловскому, а «в четверг» 18/30 августа. Письмо к Шассену написано на другой день по приезде, то есть 19/31 августа. Желая обозначить дату по новому стилю, Салтыков ошибся и вместо того, чтобы прибавить двенадцать дней к дате старого стиля, вычел их, откуда и получилась неверная дата «7 августа», вместо нужной «31 августа».

О сотрудничестве в *Отеч. записках* французского историка и журналиста демократического направления Шарля-Луи Ш а с с е н а (писавшего до мая 1874 г. под псевдонимом К л о д Ф р а н к, а затем — Л ю д о в и к) см. в упомянутой книге K. Sanine и в статье С. Макашина.— *ЛН,* т. 67, стр. 478—484.

767. М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ

21 августа/2 сентября 1881. Париж

Милостивый государь граф Михаил Тариелович.

За особенное удовольствие и долг поставляю себе поблагодарить Ваше сиятельство за то благосклонное внимание, которым Вы почтили меня в мою бытность в Висбадене. От всей души желаю, чтобы Вы поверили этой признательности и, с своей стороны, вспомнили обо мне добрым словом. Скажу Вам совершенно искренно: я всю жизнь свою избегал соприкосновения с лицами высоко стоящими, и только Вы одни победили во мне чувство, внушавшее мне эту сдержанность. Во всяком случае, повторяю Вам всю мою признательность за Вашу благосклонность и прошу Вас продолжить ее и на будущее время, ежели это возможно.

Я приехал в Париж довольно благополучно и застал его на старом месте и в том же виде, как и в прошлом году. Только поезд наш был очень неудачный. Раз пять заставляли менять вагоны, и в том числе однажды через четверть часа. Все это, впрочем, происходило в счастливой Германии, а от Меца мы уже доехали без тревоги. Дело в том, что висбаденский поезд присоединяется к франкфуртскому (который не меняет вагонов до Парижа), но на этот раз франкфуртский поезд оказался переполненным, а потому нас и начали подкидывать ко всем боковым поездам, которые присоединялись к главному. По моему мнению, ехать по этой дороге можно, но лучше всего выехать вечером, запасшись во Франкфурте спальным вагоном. Однако и тут есть неудобство: в Бингенбрюкке приходится с полчаса ехать на пароходе, что вечером будет довольно неудобно, тем больше что с парохода приходится идти до станции пешком около ста сажен.

Погода здесь весь нынешний день стояла омерзительная, и я кашляю еще больше, нежели обыкновенно. Театры почти все уже открыты, и завтра я уже отправляюсь смотреть «Niniche» [1]. Дают, впрочем, и серьезные вещи, но я, будучи легкомыслен, смотреть их не пойду.

На мое счастие, сюда сегодня приехал Белоголовый, и мы уже виделись. Это даст мне возможность провести и здесь несколько приятных часов.

Позвольте мне просить Вас передать от меня и от всей моей семьи глубочайшее уважение графине Нине Ивановне и Вашему семейству и поблагодарить их за внимание.

Затем, прося Вас принять уверение в совершенном почтении и неизменной моей преданности, имею честь быть

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Михаил Салтыков.

Париж.
2 сентября
1881 г.

Печатается по тексту первой публикации: *Неизданные письма*, стр. 329—331.

Подлинник неизвестен.

---

[1] «Ниниш». Водевиль А. Геннекена и А. Милло.

768. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

29 августа/10 сентября 1881. Париж

Париж, Place de la Madeleine, 31. 10 сентября.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Вместе с сим посылаю 3-е письмо к тетеньке[1].

Вот уж 9 дней как я здесь, и все это время дождь льет как из ведра. Вследствие этого, я простудился до невозможности. Насморк, кашель неимоверный и спина болит. Не знаю, как и кончил статью.

Думаю, что она и неудовлетворительна и не весьма цензурна. Поэтому предоставляю Вам делать с ней что хотите: исправлять, печатать, не печатать и т. д. Спорить и прекословить не стану, а буду, напротив, очень благодарен.

Григорий Захарович приехал сюда и виделся со мной[2]. Остановился он Rue de l'Université, 22. Белоголовый (который тоже здесь) осматривал его и говорит, что его песня спета. Мне тоже кажется подозрительным, что прошло столько времени, а человек не поправляется.

Много Вам еще мертвых придется видеть. Я очень просил бы Вас, нельзя ли отослать 9 № в цензуру 12-го числа? Тут два дня праздников. Я возвращусь около 22-го.

Здесь в газетах пишут, якобы Игнатьев пал, а Шувалов воскрес. Неужели нельзя обоих сохранить?

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, л. 61.

Впервые опубликован отрывок: «Русская мысль», 1890, № 4, отд. II, стр. 161; полностью: *Письма*, стр. 212—213.

---

[1] О судьбе третьего «письма» см. письмо 760, прим. 4.

[2] Г. З. Елисеев.

769. В. П. ГАЕВСКОМУ

30 августа/11 сентября 1881. Париж

11 сентября. Париж.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Душевно благодарю за письмо;[1] сам же пишу к тебе совершенно больной, потому что все эти десять дней в Париже проливные дожди, сырость, слякоть, а я не остерегся, ходил в театры и схватил жесточайшую простуду. Выходит, что я живу здесь взаперти совершенно так, как бы жил на Колтовской или в 1-м Парголове. Даже в эту минуту жена и дети присутствуют на представлении «La Biche au bois»[2], а я, как дурак, сижу дома. А представь себе, в этой пьесе есть картина «Купающиеся сирены», где на сцену брошено до 300 голых женских тел (по пояс), а низы и <———> оставлены под полом в добычу машинистам. Я слышал, что Унковский нарочно приехал инкогнито в Париж и перерядился машинистом, чтобы воспользоваться <———> (300 <———>!). Но как только мне будет полегче, я сейчас же отправлюсь. А может быть, тоже машинистом переоденусь.

Что это Ламанскому вздумалось спрашивать мой адрес? Вот что значит бог-то! Мы вот не верим ему, а он явно свой перст перед нами показывает. Покуда был важный чин, Ламанский и не думал справляться об моем адресе, думал: он ведь, кажется, неблагонамеренный! А теперь вспомнил. Думает, вероятно, что я его утешать буду и в смешном виде министерство финансов представлять. Да нет, будет с меня. Плохой я утешитель.

Унковский ни слова мне не писал и не пишет. Я начинаю думать, что он тоже на место Набокова заглядывается и малопомалу рассортировывает людей на благонамеренных и неблагонамеренных. Чудно ноне как-то жить становится и страшно.

Сегодня 30-е августа, день, в который ожидалось разрешение уз «Голоса» — разрешены ли?[3] Через пять дней узнаем. А скучно без «Голоса». «Порядок» это такая газета, такая газета... ах, какая это газета! И такой злой этот Стасюлевич, что даже бумагу дает, что подтереться нельзя, не рискуя поре-

зать <———>. Вот Суворин все это предусмотрел, а потому и дело у него идет хорошо.

Тургенева я не чаю видеть в Париже. Во-первых, он приедет в Петербург для свидания с подагрою, а во-вторых, ежели и воротится сюда, то не раньше 20-х чисел нового стиля, а я 28-го уж уеду в Петербург. Надоело шляться, вечно сидеть на сквозном ветру и спать на <———> кроватях. Сколько людей на этих матрацах подохло!

Прощай, будь здоров. Еще раз благодарю за письмо и остаюсь навсегда

твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, лл. 22—23.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 89—90.

---

[1] Письмо Гаевского неизвестно.

[2] «La Biche au bois», féerie en 4 actes et 17 tableaux, de M. M. Coignard frères, Ernest Blum et Raoul Toché. Paris, 1881. («Лесная лань», феерия в 4 актах и 17 картинах, соч. братьев Куаньяр, Эрнеста Блюма и Рауля Тоше. Париж, 1881). О посещении Салтыковым этого спектакля совместно с П. Д. Боборыкиным и А. И. Урусовым см. *Салтыков в воспоминаниях*, стр. 133—134, 176—177, 708, 717.

[3] Быть может, Салтыков имел в виду отмену запрещения на издание «Голоса» на шесть месяцев (см. письмо 758, прим. 1). В деле об издании этой газеты (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 3, 1865, № 101) никаких сведений об этом обнаружить не удалось.

770. А. И. УРУСОВУ

4/16 сентября 1881. Париж

Многоуважаемый князь.

Я два дня сряду приходил к Вам, но без карточки. Вчера Вам ходили даже докладывать (это было около $11\frac{1}{2}$ часов), но, вероятно, Вы предположили, что пришел какой-нибудь рефюжье[1]. Если Вы свободны в воскресенье вечером, то возьмите билеты в fauteuils d'orchestre[2] в «La biche au bois» (th. Porte St. Martin) и уведомьте меня. Надо взять билеты завтра. Ближе 4-го ряда не берите. Location[3] в 5 часов запирается. Я все еще болен и с трудом хожу. Но будет же конец этому.

Весь Ваш

16 сентября. *М. Салтыков.*

Ежели сами не поедете, то и для меня не берите билета. Ибо похабство — это такая вещь, которая требует обмена мыслей.

На конверте: En ville. Rue Castiglione 7—9. Hotel Dominici. M-r le prince Alexandre Ouroussoff.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 311, карт. 16, № 42.
Впервые опубликовано: «Князь Александр Иванович Урусов», т. II и III. М., 1907, стр. 465.

---

[1] Эмигрант.
[2] Кресла партера.
[3] Предварительная продажа билетов.

771. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7/19 сентября 1881. Париж

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Прилагаю при сем письмо, которое слезно прошу Вас напечатать в самом ближайшем № «Порядка»[1]. Я читал его И. С. Тургеневу, и ОН одобрил.

Я пробуду в Париже еще дней с 10 и потом двинусь в Россию. Здесь только дня два как стоит хорошая погода; все остальное время были проливные дожди. Я болен ужасно: кашель, насморк, одышка — все обострилось. Я совсем было и забыл, что есть какой-то *мой* юбилей. Да и вольно же считать юбилей с 56 года[2], тогда как я в литературе состою с 47 года, когда в ноябре была напечатана в «Отеч<ественных> зап<исках>» моя первая повесть[3], или даже с 43-го года, когда печатались в плетневском «Современнике» мои стихи[4].

Прошу Вас передать от меня и от жены привет многоуважаемой Любови Исаковне.

В это самое время происходит в Тюльирийском саду *праздник республиканской прессы*[5]. Мои все туда отправились, а я остался совсем один.

До свидания. Будьте здоровы и крепки в брани.

В том же отеле, где я,— Боборыкин. Но сколько он пишет — это даже сказать невозможно! И прямо сам говорит: пишу быстро и хорошо[6]. В Париже также Урусов.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Париж.
Place de la Madeleine, 31.
7/19 сентября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 21.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, стр. 9.

---

[1] См. следующее письмо.

[2] Время появления «Губернских очерков».

[3] Повесть «Противоречия» (*ОЗ*, 1847, № 11; см. в наст. изд. т. 1, стр. 71—183, 401—415).

[4] Первые известные стихотворения Салтыкова в «Современнике» Плетнева появились в № 7 за 1844 г. (см. в наст. изд. т. 1, стр. 358, 444—447).

[5] Праздник в Тюильрийском саду был дан журналистами «с целью положить начало основному капиталу» для основанного ими Общества взаимного кредита (*ОЗ*, 1881, № 10, отд. II, стр. 187—188).

[6] Со слов А. Н. Пыпина, его дочь, В. А. Ляцкая, записала следующий диалог между Салтыковым и Боборыкиным во время их совместного проживания в отеле: «Заходит к нему <Салтыкову> Боборыкин, жизнерадостный и самодовольный.

— Ну, как работаете, Михаил Евграфович? — спрашивает он, потирая руки.

— Да что, как-то скучно, мало и скверно.

— А я как раз наоборот — бодро, много и хорошо!» (*ИРЛИ*, ф. 163, оп. 4, № 34, л. 5).

772. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7/19 сентября 1881. Париж

Париж. 7/19 сентября 1881 г.

Милостивый государь Михаил Матвеевич.

Находясь за границей, я только вчера имел случай прочесть в «Порядке» известие о бывшем 31 августа обеде, которым кружок профессоров, журналистов, художников и актеров почтил в Москве двадцатипятилетие появления моего первого «Губернского очерка». В тот же день я получил *по почте* (через контору «Отеч<ественных> зап<исок>») несколько телеграмм и писем из разных мест России по тому же поводу. Эти знаки сочувствия со стороны читающих русских людей глубоко меня взволновали. Я не считаю себя вправе даже благодарить за это сочувствие, ибо, конечно, в данном случае шла речь не о том, чтобы сказать мне лично комплимент, а о том, чтобы выразить одобрение тому роду деятельности, которому я служу в русской литературе. Но, во всяком случае, я искренно горжусь этим одобрением, хотя с тою же искренностью думаю, что, приуроченное к моим трудам, оно превышает мои заслуги.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 23.

Впервые опубликовано: «Порядок», 1881, № 253, 14 сентября; повторная публикация: *Стасюлевич,* т. V, стр. 9—10.

Сообщение о чествовании Салтыкова 31 августа 1881 г. по случаю 25-летия «Губернских очерков» см.: «Порядок», 1881, № 241, 2 сентября. Описание этого чествования содержится также в письме Н. П. Орлова к Успенскому от 12 сентября 1881 г. («Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 224). Здесь же приведен текст приветственной телеграммы Салтыкову: «Празднуя 25 лет Вашей литературной деятельности, пьем дорогое здоровье Ваше и веруем в торжество разума, правды и любви».

В это же время издатель газет «Петербургский листок» и «Суфлер» А. А. Соколов напечатал на гектографе и разослал ряду лиц письмо, в котором предлагал собраться, дабы «избрать комитет для составления программы чествования М. Е. Салтыкова и его плодотворной деятельности» (*ГПБ,* ф. 874, № 20, л. 103).

773. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

11/23 сентября 1881. Париж

Париж. 11 сентября.

Многоуважаемый Николай Константинович.

В сентябре у Вас довольно материала, а на октябрь я не назначал, потому что сам располагал приехать, и действительно около 22—25 сентября приеду. Во всяком случае, предполагаю печатать «Наташку» [1] и Златовратского [2]. Последний чересчур много должен, но у него надо вычитать только половину, или, лучше сказать, оставлять ему 150 руб. Плещеев [3] и Михаловский [4] еще при мне доставили стихи и взяли за них вперед деньги, а между тем в августовской книжке стихов совсем нет. Есть еще стихи Яхонтова — спросите, пожалуйста, у Плещеева [5]. Ежели «Миражей» [6], Златовр<атского> и Ясинского (будет еще мое письмо в 1 л.) [7] недостаточно, то можно в середку запихать Белоконского [8]. Кажется, я проредактировал его статью, и она должна быть в числе материалов. Я совсем об нем забыл; помню только, что ссыльный студент из Красноярска. Большакова статью [9] оставьте до меня, Салова [10] тоже лучше в ноябре поместить. Да что же Успенский? — неужели так ничего и не будет писать? По-моему, это самый для нас необходимый писатель, хоть последняя его статья скучновата [11].

Забыл Вам в прошлом письме сказать: Боборыкин здесь и остановился в том же самом доме, где и я. И первым словом его при свидании было: а у меня для Вас повесть листов в 5 готова. Я, впрочем, ему сказал прямо: что ежели мотивы ее

будут те же, что и в прошлогодней, то едва ли можно будет печатать. Говорит, что нет, что повесть — безразличная[12].

Я попросил бы Вас спросить у Новодворского (Осипович тож), сколько ему нужно денег, и дать записку. Он, кажется, нам совсем не должен и, вероятно, нуждается. Что же касается до Каронина, то до смерти его жалко. «Записки ученого» — негодная вещь, я с Вами совершенно согласен, ибо читал их[13].

Говорят, что Альбов хорошо пишет. Я ничего не читал, но хвалят. Нельзя ли его привлечь в «Отеч<ественные> зап<иски>». Коропчевский говорил мне (здесь), что он готовит большую повесть[14].

Куда решился ехать Григорий Захарович — никак не могу добиться, потому что Катерина Павловна[15] решительно не дает говорить. Как только рот разинешь, она уж и влетела туда, точно муха в летнее время. Но он *собирается писать,* хотя это и не совсем вероятно.

По-моему, Ясинский талантлив. И его не мешало бы привлечь.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Не слыхали ли, не написал ли чего Островский? Как бы «Вест<ник> Евр<опы>» не перебил его у нас. Хоть хорошего в нем уж немного, но таков уж предрассудок, что «Отеч<ественные> зап<иски>» с него всегда начинали год[16].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 28, лл. 63—64.

Впервые опубликован отрывок: «Русская мысль», 1890, № 4, отд. II, стр. 162; полностью: *Письма,* стр. 213—215.

---

[1] О рассказе И. И. Ясинского «Наташка» см. письмо 743, прим. 1.

[2] См. письмо 760, прим. 5.

[3] В *Отеч. записках* (1881, № 9) помещены стихотворения В. Гюго «Моей дочери» и «Песня» в переводе А. Н. Плещеева.

[4] Д. Л. Михаловский. Кубок жизни (*ОЗ*, 1881, № 10); «Мечты и действительность» (1881, № 12) и его же перевод стихотворения Е. Манюэля «На вершине» (там же).

[5] А. Н. Яхонтов. Старые — молодые песни (*ОЗ,* 1881, № 11).

[6] О повести «Миражи» см. письмо 754, прим. 2.

[7] О судьбе третьего «письма» см. письмо 760, прим. 4.

[8] И. П. Белоконский. Очерки тюремной жизни (*ОЗ*, 1881, № 10). По цензурным соображениям первая часть этой статьи не была напечатана и впервые увидела свет в 4 и 5 номерах «Голоса минувшего» за 1913 г. (под названием «Отрывки из воспоминаний»).

[9] Ближайшее произведение Н. Я. Большакова, напечатанное в *Отеч.*

записках под псевдонимом «Н. Яковлев»,—«В частном училище» (1882, № 2).

10 И. А. Салов. Николай Суетной. История одного крестьянина (*ОЗ*, 1881, № 10).

11 Салтыков имеет в виду «Без определенных занятий» Г. И. Успенского (*ОЗ*, 1881, № 8).

12 Речь идет о повести «Пристроился» (*ОЗ*, 1881, № 12).

13 О «Записках ученого» см. письмо 750, прим. 5.

14 В *Отеч. записках* М. Н. Альбов не сотрудничал.

15 Г. З. и Е. П. Елисеевы.

16 В 1882 г. № 1 *Отеч. записок* открывался комедией А. Н. Островского «Таланты и поклонники».

774. В. П. ГАЕВСКОМУ

13/25 сентября 1881. Париж

Париж, 25/13 сентября.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Сейчас получил твое письмо и спешу отвечать на него[1]. Что касается до оваций по поводу юбилея, то я решительно желал бы их отклонить по след<ующим> причинам.

Во-первых, это юбилей чисто выдуманный, потому что моя литературная деятельность началась с ноября 1847 года, а ежели считать стихи, то и раньше[2].

Во-вторых, я так болен, что торжества для меня должны быть губительны. Белоголовый, который здесь и читал в «Порядке» о московских овациях, положительно думает, что я серьезно заболею, ежели не отклоню от себя всякое чествование[3].

В-третьих, я ужасно не желаю обращать на себя внимание публики. Я не говорун и не хвастун, и положительно потеряюсь. *Я положительно убежден, что самая моя литературная деятельность после этого прекратится или сократится.*

В-четвертых, рядом с овациями, начнутся и глумления. Уже «Нов<ое> время», ничего не видя и зная, что я ничего не искал, подшучивает по поводу юрьевского письма, действительно высокопарного и преувеличенного[4].

В-пятых, я не только литератор, но и журналист, человек партии. Партия, к которой я принадлежу, никакого участия в овациях не примет; затем, участвовать будут люди, которым хотя я и сочувствую, но рядом с которыми до сих пор не шел. Согласись сам, что это будет торжество довольно странное.

Впрочем, без торжества я отобедать готов, но именно в кружке Литературного фонда и сочувствующих ему людей. Надеюсь, что их не будет более 20—25 человек.

Что же касается до выезда моего из Парижа, то он уже настолько подвинулся, что я на 30/18 сентября взял билеты.

Я все хвораю, и буду хворать, вероятно, до конца бренного моего существования. На днях болезнь было поутишилась, но стоило мне двукратно пообедать вне дома, и опять настало мученье. Следовательно, ждать минуты, когда я буду в состоянии усладиться Парижем, просто не стоит. На будущей неделе, в начале, я буду в Петербурге.

Тургенева видел 3 раза, два раза завтракали вместе, а завтра, в понедельник, будем обедать. 3-м собутыльником будет Арапетов. Тургенев совсем здоров.

До свидания, желаю тебе всего лучшего.

Был в «La biche au bois»[5]. Урусов сидел около меня и все кричал, чтоб его на сцену пустили. Задницы были голубые, зеленые, розовые, красные, белые с блестками, и у всех — ангельское выражение.

Твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, лл. 24—25.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 90—92.

---

[1] Письмо В. П. Гаевского неизвестно. В нем шла речь об организации чествования Салтыкова в Петербурге в связи с 25-летием со дня опубликования «Губернских очерков».

[2] О начале литературной деятельности Салтыкова см. письмо 771, прим. 3, 4.

[3] В письме к М. М. Стасюлевичу от 20 сентября 1881 г. В. И. Лихачев писал: «На днях я получил от Н. А. Белоголового письмо, в котором он сообщает, что М. Е. Салтыков сильно волнуется, боясь, чтобы по возвращении его домой в Петербурге не надумали разразиться какими-нибудь обеденными манифестациями». К этому Белоголовый прибавляет: «Для меня, как врача, в этом есть сторона серьезная: вдруг с Михаилом Евграфовичем во время затрапезных волнений приключится непоправимый и даже смертельный удар»; вероятность эта возможна, а последствия ее так ужасны и нежелательны в видах общественной пользы, что советует сделать все возможное, чтобы избавить Михаила Евграфовича от излишних волнений.

Сообщаю Вам об этом на тот конец, что если затеется какая-нибудь манифестация в честь Салтыкова, то она, естественно, Вас не минует и Вы можете вовремя ее предупредить и остановить, как представляющую опасность для здоровья и даже жизни Михаила Евграфовича. Об этой опасно-

сти Белоголовый ничего Салтыкову не говорил, чтобы его не мучить, и лучше, чтобы он ее и не знал» (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 812, л. 11). О праздновании в Москве 25-летия со дня опубликования «Губернских очерков» см. прим. к письму 772.

[4] В анонимной статье «Юбилей Щедрина» («Новое время», 1881, № 1979, 1 сентября) об этом сказано так: «И тосты и речи отзывались грустью. А г. Юрьев прислал письмо, в котором сказал: «Не раздавлен будет народ, у которого родился такой писатель». Мысль совершенно верная, до того верная, что если б просто было сказано, независимо от рождения Щедрина, что «русский народ нельзя раздавить», то и тогда это было бы вполне верно. <...> Может быть, фраза г. Юрьева была просто приемом красноречия <...> Как бы то ни было, нам приятно заносить на свои страницы <...> верные и красноречивые мысли, идущие из Москвы». Полный текст письма С. А. Юрьева см.: «Московская неделя», 1881, № 2, 27 сентября.

[5] Об этой пьесе см. письмо 769, прим. 2.

775. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

16/28 сентября 1881. Париж

Париж. 16/28 сентября.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Благодарю за письмо[1], хотя весьма огорчен, что отсылка 9 № отложена до вчерашнего числа. Дело в том, что я выезжаю отсюда в пятницу, а срок цензурный кончится в субботу. По особенностям моего организма я все время буду ехать с стесненным сердцем, тогда как если бы срок кончился сегодня, то Гаспер мог бы телеграфировать мне о результатах[2]. Всякое мученье нужно сокращать — вот мое правило.

О «науках» говорил с Елисеевым. Он отвечает, что надо доставать. Воронцов, дескать, будет присылать статьи[3], Скабичевский что-то готовит[4]. Циммерман тоже не замедлит[5]. Указывал еще на Анненского[6]. Нет ли в «Слове» чего подходящего — ведь уж с ним, кажется, покончено[7]. Могли бы нам передать.

Попросите, пожалуйста, Гаспера, чтоб он в понедельник вечером, часу в 9-м, побывал у меня, в Петербурге.

До свидания, будьте здоровы.

Ваш

М. Салтыков.

Златовратского необходимо печатать[8]. Ему деньги нужны. Я думал бы, что в октябрьской книжке следует поместить.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 28, л. 65.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 215—216.

---

[1] Письмо Михайловского неизвестно.

[2] В № 9 *Отеч. записок* должно было быть напечатано третье «письмо» из «Писем к тетеньке» (см. письмо 760, прим. 4).

[3] В. П. Воронцов продолжал активно сотрудничать в *Отеч. записках:* «Из истории русского капитализма» (1881, № 11), «Очерки общинного землевладения в России» (1882, №№ 1, 3, 4) и др.

[4] Скабичевский заканчивал свою большую работу «Французские романтики. Историко-литературные очерки» (*ОЗ*, 1881, №№ 10, 12).

[5] Ближайшая работа Э. Р. Циммермана в *Отеч. записках* (1882, №№ 8, 9, 12; 1883, №№ 7—9) «Путешествие по Австралии и Океании».

[6] Н. Ф. Анненский в это время в *Отеч. записках* уже не печатался.

[7] О журнале «Слово» см. письмо 564.

[8] О Златовратском см. письмо 760, прим. 5.

776. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

22 сентября 1881. Петербург

22 сентября. Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Возвратясь вчера из-за границы, я считаю первым долгом обратиться к Вам с обычною просьбой: дать нам для 1-го № Вашу новую комедию, ежели таковая у Вас имеется[1]. Хоть наш журнал и считается ныне злонамеренным (в особенности я лично), но надеюсь, что Вы не откажете нам в продолжении Вашего сотрудничества.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Не будете ли Вы так добры ответить мне.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2302.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 524 с отнесением к 1880 г.

---

[1] О комедии Островского см. письмо 773, прим. 16.

777. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24 сентября 1881. Петербург

24 сентября, 7 час. утра.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам на первый раз кратко, ибо как-то совсем неслыханно болен. Мало того, что целую ночь не спал, но восемь часов кряду, сидя на стуле, дышал точно на рысях. Именно восемь часов. Сейчас посылаю к Соколову с просьбой помочь. Думаю, что не путешествие собственно сразило меня, а разные удовольствия, вроде, например, того, что вырезали мою статью, и мне надобно бы теперь хлопотать, а я не могу[1]. Сверх того, вышла моя книга «За рубежом», и меня одолели книгопродавцы. Весь день я должен был болтать да к вечеру и доболтался. Книгу Вам посылаю, т. е. вышлю немедленно, дня через два-три получите. Елисеевы, вероятно, уже уехали из Парижа; с завтрашнего дня газеты им будут высылаться в Ниццу poste restante.

Прошу Вас передать мой дружеский привет Софье Петровне. Лихачевы и Унковские здоровы. Смеются и не унывают, хоть и очень здесь неприглядно. Прощайте, больше писать не в силах.

Ваш

М. Салтыков.

Кажется, лихорадка начинается.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 13.

Впервые опубликовано: «Русские ведомости», 1912, № 230, 6 октября; повторная публикация: В. Розенберг. Журналисты безвременья. М., 1917, стр. 59—60.

---

[1] О статье Салтыкова см. письмо 760, прим. 4.

778. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

27 сентября 1881. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Только что приехал из-за границы, и сижу дома больной. Редко я нынче бываю немного болен — все много, но, кажется, никогда того со мной не было, что теперь. Целые ночи напролет кашляю и задыхаюсь, ни на минуту не смыкая глаз. Вообще, настает, по-видимому, ликвидация — и слава богу. Нехоро-

шо только то, что на руках дело и нет возможности исправить его как следует. Так через пень колоду валим. Едва ввалился в квартиру, как узнал, что в сентябрьской книжке мою статью вырезали[1]. Вот тут и гадай. И болезни и начальство немилостивое, а писать все-таки надо. Ведь это сущая каторга, а когда она кончится? Вы бы теперь меня не узнали: сижу безвыходно дома, не пью, не ем, только кашляю. Так кашляю, что все знакомые содрогаются.

Вы прислали ко мне Шарапова с плохою комедией. Он прежде в «Новом времени» был в услужении, а при Аксакове блудодействует. Я очень даже рад, что комедия его оказалась плохою, а то бы не отвязаться от него[2]. Он Виктору Гюго надоел. Тоже затесался, насилу отделались. А потом в «Новом времени» описывал, как его брусникой с говном там кормили[3].

Вот если б, вместо Шарапова, Вы нам что-нибудь свое прислали, мы были бы Вам по гроб жизни обязаны. Пора бы. Нынешний год Вы как-то особенно заленились, а между тем есть об чем поговорить. Пьянство уничтожить хотят, мужичков в коллежские асессоры пожаловать. Чиновничество тоже уничтожить хотят, чтоб земство прямо само от себя мужичку ребра подсчитывало. Да мало ли еще! Обо всем этом и можно и должно писать, ибо не успеете оглянуться, как у Вас уж исправник будет свой, выборный человек. Уж от него Вы не отвертитесь, потому что он знает, где Кузькина мать живет. Право, напишите-ка. А не об этом, так об том, как Вам бог хлебца пожаловал.

Уведомьте меня, ради Христа, можем ли мы на Вас рассчитывать и к какому времени[4]. Но чур без обмана, ибо Вы у нас в красной строке, сиречь украшение. Так мы и будем рассчитывать: № такой: украшенье — Энгельгардт. Хорошо кабы для ноябрьской книжки, но для этого нужно, чтоб Вы прислали статью *не позднее* 15 октября. В противном случае, мы должны будем отложить.

Я думаю, что Вы могли бы и старым материалом воспользоваться, который цензура похерила. Но на Вашем месте я переработал бы его. В драматической бы форме хорошо. Скорее пройдет.

Прощайте, будьте здоровы; я же — погибаю.

Весь Ваш

27 сентября. *М. Салтыков.*

Литейная, 62.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 30—31. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 230—231.

[1] Имеется в виду третье «письмо» из «Писем к тетеньке» (см. письмо 760, прим. 4).

[2] Сотрудник издаваемой И. С. Аксаковым газеты «Русь» С. Ф. Шарапов пытался опубликовать в *Отеч. записках* комедию «Старшая сестра», которую театральная цензура сочла «неудобною к представлению».

[3] Салтыков имеет в виду опубликованную под псевдонимом «Parisien» в «Новом времени» (1878, №№ 711, 712, 736, 19, 20 февраля и 17 марта) корреспонденцию С. Ф. Шарапова «У Виктора Гюго».

[4] См. письмо 764, прим. 9.

779. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

30 сентября 1881. Петербург

30 сентября. 1881 г.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Уже 9 дней как пропекаюсь в Петербурге, но не писал к Вам потому, что крайне болен. С самого приезда буквально ни одной ночи более 4-х часов не спал. Одышка, неестественный кашель не дают покоя. Одну ночь положительно думал, что не доживу до утра: совсем задохся.

Отечество встретило меня не весьма приветливо: из сентябрьской книжки вырезали мое письмо[1]. Я предполагал, что, может быть, личными переговорами удастся поместить письмо с некоторыми изменениями в октябрьской книжке, и сначала дело шло было на лад, но сегодня я окончательно убедился, что ничего не поделаешь. И октябрьская книжка выйдет без меня, да и кажется вообще «Письма» придется оставить. А так как у меня вся мозговая деятельность была направлена в эту сторону, то и не знаю, что дальше будет. Пожалуй, до конца года придется молчать, ибо для меня всякое творчество, при болезни, сопряжено с мучительными усилиями.

Распоряжение о высылке Вам газет и журналов в Ниццу, poste restante, мною уже сделано, и Вы, вероятно, уже все получаете как следует. Что касается до 3 т. р., то я распоряжусь немедленно выслать их Вам, как только получу известие, как и где Вы в Ницце устроились. Помнится, так мы с Вами условились. Я, признаться, даже предполагал уже получить это известие, но о сю пору ничего нет от Вас.

Я получил от Льва Толстого диковинное письмо[2]. Пишет, что он до сих пор пренебрегал чтением русской литературы, и вдруг дескать открыл целую *новую* литературу превосходную и искреннюю — в «Отечеств<енных> записках»! И это так его поразило, что и он отныне намерен писать и печатать в

«Отеч<ественных> записках». Я, разумеется, ответил, что очень счастлив и журнал счастлив и сотрудники счастливы, что будем ждать с нетерпением, а условия предоставляем определить ему самому[3]. Но покуда еще ответа от него нет[4].

Соколов, который лечит меня, очень расспрашивал меня об Вас. Он думает, что Вы соскучитесь в Ницце и что, пожалуй, было бы лучше, если б Вы воротились в Петербург. Говорит, что и Боткин якобы не предполагал послать Вас на долгое время. Я в этом деле мало смыслю, а Боткина совсем не вижу; но помню, что и мне в Ницце как-то необыкновенно скучно было. Об Даниловой Соколов отзывается с крайним озлоблением. Во всяком случае, лучше было бы, если б Вы не обязывались относительно ее.

О вырезке моей статьи слух по всему городу идет, и со всех сторон ищут, как бы ее прочесть. Но, разумеется, любопытство остается без удовлетворения. А у меня два письма готовых — и я должен их бросить[5].

Пожалуйста, передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне. Жена Вам кланяется; она передала посылку Вере Григорьевне[6] и была у ней. Я же, по нездоровью, до сих пор в редакции не был и к должности редактора не приступал.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 22.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 29—30; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 231—232.

---

[1] О судьбе третьего «письма» из «Писем к тетеньке» см. письмо 760, прим. 4.

[2] Письмо Л. Н. Толстого неизвестно.

[3] Это письмо Салтыкова неизвестно.

[4] По словам Михайловского, «ответа так и не последовало» (Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, т. 1. СПб., 1900, стр. 213).

[5] Салтыков имеет в виду первоначальную редакцию четвертого «письма» из «Писем к тетеньке», явившуюся прямым продолжением ранее запрещенного для № 9 *Отеч. записок* третьего «письма» (см. письмо 760, прим. 4), которая так и осталась не опубликованной при жизни Салтыкова (см. в наст. изд. т. 14, стр. 488—517, 674—679).

[6] В. Г. Матвеева.

780. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

10 октября 1878. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

«История моего платья» была принесена в редакцию во время моего отсутствия и по прочтении была признана неудобною для помещения в журнале и сдана в контору[1]. Теперь, по Вашему желанию, я вытребовал ее и прочитал. Но результат все тот же. Это просто тоскливое переливание из пустого в порожнее о том, как героиня никак не могла сшить платья, хотя, если б она не предавалась пустословию, то, наверное, могла бы сшить не одно, а тридцать платьев. Напечатать решительно нельзя, и я вновь сдал вещь в контору, где и можно ее получить обратно, потребовав рукопись под № 237/234.

Очень жаль, что Вы не вполне здоровы, надеюсь, однако ж, что нездоровье это не так уже сильно, чтобы помешать Вам исполнить Ваше намерение относительно нового письма из деревни. Коснуться женского вопроса в деревенской среде было бы интересно, но, разумеется, нужно избежать некоторого похабства. Вы справедливо сказали, что *барам* нужно то же, но другими словами, и Ваш анекдот о замене говна калом очень хорош, но ведь носим же мы штаны даже летом, когда могли бы совершенно свободно обойтись без оных. Я Вам скажу даже, что без штанов ходить только молодым людям может казаться желательным — для них оно и красиво и сподручно, а для нас, седеющих старцев, выгоднее, коли подальше наши инструменты запрятаны, и теплее и смехоты меньше.

А в ответ на Ваш анекдот о говне и кале расскажу другой анекдот. Работал плотник Кузьма на барском дворе и нечаянно зашиб себе <———>. Видит барыня из окна, что Кузьма сидит сам не свой, посылает девку узнать, что случилось. Возвращается девка и не смеет барыне доложить.— Зашиб, говорит.— Да что зашиб? — Не смею, говорит, доложить.— Да ты, дура, обиняком.— Маялась-маялась девка и вдруг надумала.— А вот что под <———>-то, говорит.

Так и надо писать. Ежели неприлично сказать «<———>», пишите: то, что под <———>. И ясно и деликатно выйдет. Я иногда к этому способу прибегаю, и выходит благополучно. Попробуйте и Вы. Ежели неблагополучно выйдет, то я приложу руки и постараюсь найти соответствующую замену.

Пожалуйста, пишите и, если возможно, пришлите поскорее. Не дожидайтесь неурожаев, чтобы иметь повод для писанья, потому что, в сущности, Ваше писание равносильно урожаю

самому хорошему. Притом в длинные осенние и зимние вечера никаких сельских работ нет [2].

Вам, конечно, известно, что у нас новый шеф жандармов [3]. Не попробуете ли Вы написать к нему? Говорят, что он не сторонник административных высылок [4].

Вы жалуетесь, что недомогаете, а я так и вовсе болен. Просто разлагаюсь. Кашляю, задыхаюсь — ужасно мучительно. Жизнь прошла — в этом нет больше сомнения. Тянется что-то такое, чему нет имени, совершенно отрицательное. Сидеть и ничем не пользоваться — не лучше ли во сто крат издохнуть. А тут еще задачу задают: заботься, чтобы не издохнуть. Ешь пилюли, пей микстуру. Вот до чего я дожил.

Прощайте, будьте здоровы и пишите.

Ваш

М. Салтыков.

10 октября.
Литейная, 62.

На письме помета неизвестной рукой: 10 окт. 1878.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 20—21.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 173—174, с неправильным отнесением к 1880 г.

---

[1] Кто был автором этого произведения, установить не удалось.

[2] Очередной очерк цикла «Из деревни» А. Н. Энгельгардта («Письмо седьмое») появился в *ОЗ*, 1879, № 1.

[3] Имеется в виду генерал-адъютант А. Р. Дрентельн. Он был назначен шефом жандармов и главным начальником III Отделения в сентябре 1878 г.

[4] Речь идет об административной ссылке А. Н. Энгельгардта (см. т. 18, кн. II, письмо 309).

781. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

14 октября 1881. Петербург

14 октября. П.бург.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Извините, что давно не писал. Я нахожусь в таком состоянии угнетения, как редко бывало. Кажется, придется литературу совсем бросить, и, разумеется, и редакцию. Да, пошли не прежние времена. Нынче так дело ведется, чтобы всякий *сам* бросил. Подробностей, разумеется, не пишу, но, кажется, что на то похоже. Во всяком случае, придется совсем манеру

и содержание переменить, и хоть это дело не невозможное, но все-таки подобная ломка времени требует. Главное, что кой-что было уж затеяно, а стало быть и мысли около этого затеянного обращались.

В Петербурге тихо, но тишина какая-то мертвая и загадочная. У нас, в сфере книгопечатания, циркуляры так и сыплются. Снаружи-то как будто ничего нет, а именно: сам от себя околевай. Даже в самые трудные времена этого не бывало.

Здоровье мое хотя и поправилось против того, как я из-за границы приехал, но все-таки плоховато. Кашляю меньше, мокроты — тоже меньше; но слабость большая и полное бессилие. Из дому почти не выезжаю, а с каждым выездом чувствую скверные последствия. Право, хоть бы поскорей умереть. Работать не приходится, а без работы я совсем лишний в семье человек. И характер у меня все больше и больше портится — ни на что бы не смотрел.

От Елисеевых никаких известий не получаю. Слышал, будто Матвеевы получили письмо, что Елисеевы в Ницце основались, но так как я туда уж писал [1], и никакого ответа не получил, то и не знаю наверное, думают ли они там остаться. Гораздо было бы лучше, если б они домой воротились. Он, провожая, сколько мне наказывал: не забудьте 3 т. р. прислать. Я-то не забыл, но так как между нами было условлено, что я тогда только деньги вышлю, когда он мне напишет, куда, то я и не высылаю. А курс между тем падает, да, пожалуй, и опять к прежнему положению к Рождеству придет.

Нехорошо мое положение. Не шутя говорю, что, вероятно, придется и с редакторством распрощаться и литературу бросить. Только чем я тогда буду? И как бы совсем меня не съели.

Писал бы я Вам много, да ведь неудобно это. Да в сущности, все пустяки, и, право, не знаю, как мы живем.

Получили ли Вы «За рубежом»? Вот думал, что книгу расхватают, напечатал 5000 экз., а она засела. Книгопродавцы разобрали 1800 экз., да и будут полгода с ними возжаться, а потом уж пойдет — потихоньку, лет на пять. Вот какова наша публика. А другие мои издания (вторые) и совсем не идут. На днях выпускаю «Губернские очерки», и продал все издание с 50% уступки. Да и не рад, что затеял. Читал корректуру — так слабо, а иное даже и совсем пошло. Просто совестно.

Не пропали ли у Вас №№ алжирской лотереи, которые я сообщил Вам для наблюдения? Из «Temps», который я читаю, не видно, когда предполагается тираж. Не можете ли

Вы узнать и сообщить мне. Я думаю, что в каждой табачной лавочке это сведение получить можно.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Затем, желая Вам всяких благ, остаюсь искренно Вас уважающий и преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 14.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 232—234.

---

[1] Имеется в виду письмо Салтыкова от 30 сентября 1881 г. (779).

782. Г. И. УСПЕНСКОМУ

17 октября 1881. Петербург

17 октября.

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Что Вы отдали два рассказа в «Русскую мысль» — это еще не беда[1]. Журнал этот хороший и не мешает его подогреть. Но все-таки жалко, что «Отеч<ественные> зап<иски>» не могут овладеть обстоятельствами, которые владеют Вами. Мне кажется, что Вы из своих книжек не извлекаете, что следует. Что может быть проще: напечатать известное число в типографии в долг и потом продавать экземпляры с уступкою, хотя и большою. Все же лучше, нежели продавать *право* на издание. Впрочем, я опасаюсь, что мои советы неуместны, и что Вы и впредь будете обращаться к Гартье и тому подобным бездельникам[2]. Я получил начало Вашего рассказа, но из письма Вашего не вижу, скоро ли можно ожидать продолжения и в каком размере[3]. Ваш последний рассказ произвел в цензуре целую бурю[4]. Пропустить-то его пропустили, да потом и хватились. Судя по тому, как этот рассказ кончился, не чаю, чтоб и тот, который Вы посылаете теперь, был цензурен. Времена ноне тяжкие. Я вот второй месяц не «украшаю страниц», да вряд ли и совсем от «украшения» не придется отказаться[5]. Очень будет обидно, ежели Ваш новый рассказ придется отложить.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Абрамов присылает много[6], но что-то неслыханное. <Ничег>о нельзя печ<атать>[7].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 313, оп. 3, № 280, л. 18.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 321—322.

---

[1] Успенский отдал в этот журнал рассказы «Старики» и «Равнение «пододно» («Русская мысль», 1881, № 11 и 1882, № 1). Впоследствии они вошли главами (без заглавий) в рассказ «Старый бурмистр».

[2] Издатель-книгопродавец и антиквар Эмиль Карлович Гартье торговал в Петербурге под фирмою «Посредник». См. некролог ему в журнале «Русский библиофил», 1911, № 1.

[3] Это был очерк «Опустошители» из цикла «Бог грехам терпит». Напечатанный в *Отеч. записках*, 1881, № 11 (подп. Г. Иванов), очерк остался без продолжения, хотя оно явно предполагалось, судя по последним строкам опубликованного текста.

[4] «Бурю» в цензуре произвел рассказ Успенского «Маленькие недостатки механизма», из цикла «Бог грехам терпит» (подп. Г. Иванов), помещенный в *Отеч. записках*, 1881, № 9. В нем изображались и осуждались «идеология» и практика политической полиции царизма в ее борьбе с революционерами.

[5] См. письмо 760. прим. 4.

[6] Публицист либерально-народнического направления Я. В. Абрамов («Федосеевец») был рекомендован для сотрудничества в *Отеч. записках* Г. Успенским.

[7] Текст, взятый в угловые скобки, в оригинале поврежден. Восстанавливается предположительно.

783. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

18 октября 1881. Петербург

18 октября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Письмо Ваше получил в пятницу и вчера исполнил Ваше поручение относительно денег. В Crédit Lyonnais [1] в основании расчетов принимается перевод на 3 месяца, каковой на Ниццу по курсу существует 272½, а на Париж 272¾. Так, как Вы желали, мне давали на 1 т. à vue 268½, на месяц 270 и на 2 мес<яца> 271½. Но при этом мне сказали, что ежели я все три векселя возьму на 3 месяца, то в Ницце всякий будет учтен из 5% годовых. Полагая, что Вам, быть может, деньги не сейчас понадобятся, я счел за лучшее все три векселя взять на 3 месяца. При первой же надобности Вы любой из них можете учесть в ниццской конторе Crédit Lyonnais. Только последний вексель Вы предъявите к уплате непременно *не позже* 3-х месяцев. Надеюсь, что Вы на меня за это не будете в претензии, ибо я делал, как думал лучше.

Очень-очень Вам благодарен за Ваше письмо и искренно сожалею, что Ваше здоровье препятствует Вам заниматься и осуждает на скуку [2]. Эту скуку я испытал и сам, но все-таки мог писать, хотя с грехом пополам, и это меня облегчало. Но

все-таки, лучше поскучайте и положительно избегайте утомления. И нам без Вас очень скучно; по воскресеньям у Лихачевых мы постоянно об Вас вспоминаем, и Ваше отсутствие очень чувствительно.

Теперь, поговорю об делах. Вы, вероятно, получили сентябрьскую книжку «Отеч<ественных> зап<исок>» без моей статьи: она была вырезана по просьбе м<инист>ра внутр<енних> дел [3]. А так как приготовленная мною еще в Париже статья для октябрьской книжки была продолжением и разъяснением сентябрьского письма, то и ее я должен был похерить [4]. Не знаю, какое впечатление произведет на публику это отсутствие моего присутствия, но знаю, что сентябрьское письмо ходит по рукам в списках с всевозможными комментариями (оно касалось известной «Дружины») и производит гораздо больше шума, нежели того заслуживает. Ибо, признаюсь откровенно, мне самому оно не нравилось. Скомкано и довольно скучно. Во всяком случае, отечество встретило меня не совсем гостеприимно и с первых же шагов (я узнал об этом в Луге) заставило съёжиться. Теперь выходит октябрьская книжка, и завтра истекает срок. Кажется, никаких препятствий не будет, хотя и несколько боялся за статью Иванюкова, который настоятельно просил Михайловского о ее помещении [5].

Теперь приступаю к главному. Я получил приглашение явиться к министру внутр<енних> дел и именно сейчас только от него приехал [6]. Граф Игнатьев принял меня крайне любезно и объяснил, почему он признал невозможным пропустить 3-е письмо к тетеньке, так как оно возбудило бы столько неудовольствий, против которых и он ничего не мог бы сделать. Между прочим сказал, что он давал читать это письмо государю, и государь, не имея ничего по существу, тем не менее, согласился, что печатание письма было бы неуместно и возбудило бы много неудовольствий. Вообще я этим свиданием очень доволен, хотя и не ручаюсь, чтобы тут не участвовала дипломатия. Говорено было и об «Отеч<ественных> зап<исках>» вообще. Я первый начал, просил указать, в чем заключается социалистическое направление, в котором наш журнал обвиняется. Из слов министра я мог вывести одно заключение: что главная причина обвинений сидит в том, что подследственные политические беспрестанно ссылаются на статьи из «Отеч<ественных> записок». Я возразил на это, что усилия нашего журнала направлены к исследованию современного положения народного быта, и что ежели картины выходят неудовлетворительные, то ведь и правительство не находит их удовлетворительными, беспрерывно возбуждая во-

просы о помощи народу. Не знаю, однако ж, насколько удовлетворило это объяснение.

Успенский удрал штуку. Так как он «Отеч<ественным> зап<искам>» должен и, стало быть, находится в необходимости хоть по частям да уплачивать, то он отослал 2 рассказа в «Русскую мысль» и получил оттуда наличные[7]. А мне прислал какой-то клочок, и даже не пишет, когда будет продолжение[8]. Так что мы относительно ноябрьской книжки находимся в большом затруднении: положительно нечего печатать. Разумеется, как-нибудь справимся. Златовратский — представьте себе — привез рассказ, где описывает девицу, поющую серенаду Шуберта[9]. Черт знает что, одним словом. Хорошо, что Боборыкин для декабря в запасе есть[10].

Кстати: Успенский около Чудова в дер<евне> Сябринцы купил дом и 1 дес<ятину> земли за 1000 р. и вот ради этой 1000 р. и мечется как угорелый. Продал Гартье свою книжку[11] за 100 р. *под вексель,* за учет заплатил, да ездил в Петербург по этому *делу.* Мы рассчитывали, что у него останется 70 р., не больше. И никто из близких не остановит его — все как-то шутят. Я, впрочем, вчера написал ему, что он поступает до крайности легкомысленно[12].

Прощайте, выздоравливайте. Крепко жму Вашу руку. Поклонитесь от меня и от жены многоуважаемой Екатерине Павловне. Жена благодарит Вас за память. При сем прилагаю три векселя. О получении их прошу Вас уведомить меня незамедлительно, *но не по телеграфу,* что совершенно лишнее. Оставим телеграф в распоряжении Успенского.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 22.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 30—31; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 235—237.

---

[1] «Лионский кредит» (название банка).

[2] Упоминаемое письмо Елисеева неизвестно.

[3] О третьем «письме» цикла «Письма к тетеньке» см. письмо 760, прим. 4.

[4] Имеется в виду первоначальная редакция четвертого «письма» (см. письмо 779, прим. 5).

[5] Опасения Салтыкова не оправдались. В докладе председателя С.-Петербургского цензурного комитета отмечено, что статья И. И. Иванюкова «Роль правительства, дворянства и литературы в крестьянской реформе» (*ОЗ,* 1881, №№ 9—10, 12) «соответствует видам правительства» (Н. П. Емельянов. «Отечественные записки» в борьбе с пережитками

крепостничества (1878—1881 гг.).— «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», № 218. Серия филол. наук, вып. 33, 1957, стр. 128).

[6] Копия приглашения Салтыкова к Игнатьеву хранится в *ЦГИА*, ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 139, л. 330.

[7] Посланные Г. И. Успенским в «Русскую мысль» «два рассказа» это — «Старики» (1881, № 11) и «Равнение «под-одно» (1882, № 1).

[8] Г. И. Успенский. Бог грехам терпит. Отрывки из памятной книжки. Опустошители (*ОЗ*, 1881, № 11).

[9] Н. Н. Златовратский. На родине. Встречи и впечатления (*ОЗ*, 1881, № 11).

[10] П. Д. Боборыкин. Пристроился (*ОЗ*, 1881, № 12).

[11] Г. И. Успенский. Деревенская неурядица (Рассказы). т. 1—3. СПб., изд. Э. Гартье, 1881—1882.

[12] См. письмо 782.

784. Ф. Ф. ВОРОПОНОВУ

20 октября 1881. Петербург

Многоуважаемый Федор Федорович.

Прошу Вас в предстоящем общем собрании предложить в члены Литер<атурного>фонда след<ующих> лиц:[1]

1) Логгина Федоровича Пантелеева, жительствующего в Благовещенске на Амуре.

2) Василия Константиновича Абазу, мирового судью 26 участка г. Петербурга.

Первый из них внес пожизненный взнос в 100 р.; второй — 10 р. *с января 1882 года.*

Эти 110 р. при сем прилагаю, прося прислать мне квитанцию для передачи по принадлежности.

Искренно Вам преданный

20 октября. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1881 г.,* т. 2, л. 226.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 216—217.

---

[1] На состоявшемся 25 октября общем собрании Литературного фонда предлагаемые Салтыковым лица были приняты единогласно (там же, л. 222).

785. Г. И. УСПЕНСКОМУ

24 октября 1881. Петербург

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Уведомьте, пожалуйста, действительно ли *сенаторской* ревизией было обнаружено что-нибудь подобное? Ежели нет, то лучше просто: ревизией[1].

Пользуюсь этим случаем, чтобы попросить Вас поторопиться высылкою окончания. У нас очень большая бедность по части беллетристики: совсем нечего печатать. И набор остановился.

Ваш

24 октября. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 313, оп. 3, № 280, л. 20.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 322.

---

[1] В очерке «Опустошители», из цикла «Бог грехам терпит», напечатанном в *Отеч. записках,* 1881, № 11, Успенский рассказывает о том, как в г. Посусалове «отцы города» — гласные городской думы — учредили ремесленное училище, а затем в течение ряда лет разворовали все отпущенные средства. В тексте *Отеч. записок* хищения раскрывает «ревизор, ревизующий нашу губернию», а не «сенаторская ревизия», как значилось, судя по публикуемому письму, в рукописи.

786. А. Н. БЕКЕТОВУ

Между 19 и 25 октября 1881. Петербург

Многоуважаемый Андрей Николаевич.

Позвольте мне просить Вас принять участие в утвердительном разрешении просьбы г. Новодворского (Осиповича) о выдаче ему пособия в просимом им размере. Это очень хороший писатель, который доведен болезнью до последней степени изнурения и который *непременно* должен уехать из Петербурга. Врачи советуют ему ехать в Кутаис. Поэтому денег нужно немало, как ни умеренно будет он жить. Будьте так добры, поспешите с помощью.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Новодворский «капли в рот хмельного не берет».

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1881 г.*, т. 2, л. 236.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 217 с отнесением к декабрю.

19 октября 1881 г. А. О. Новодворский обратился в Литературный фонд «с просьбой о пособии в размере 500 р.», необходимом ему в связи с обязательным пребыванием по состоянию здоровья «в течение нескольких месяцев в теплых местах юга» (там же, л. 235). В заседании Комитета от 25 октября 1881 г., рассмотрев просьбу Новодворского «и удостоверение М. Е. Салтыкова, что г. Новодворский действительно очень болен и безус-

ловно нуждается в просимом им пособии», Комитет постановил: «Имея в виду, что г. Новодворский весьма талантливый беллетрист и что вопрос о выезде из Петербурга является для него буквально вопросом жить или не жить, выдать г. Новодворскому 500 р. с тем, чтобы 300 р. были выданы теперь же, а остальные 200 р. в январе» (там же, л. 219 об.).

787. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

25 октября 1881. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

На днях я узнал, что жена моя впутывается в Ваши семейные дела. Поэтому, спешу Вас известить, что я тут ни при чем. Вы сами достаточно разумны, чтоб устраиваться как желаете.

Ваше обещание присылки статьи имею в виду [1]. Хорошо бы, если бы в декабре (в начале) для январской книжки прислали. Но, впрочем, большого чаяния не имею. А очень было бы хорошо. Какого рода статью — это уж Ваше дело.

Будьте здоровы, крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

25 октября.

Цензурные дела очень плохи. Мои статьи вырезывают [2]. Кажется, скоро придется отказаться от писательства.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, № 174, л. 32.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 238.

---

[1] О статье А. Н. Энгельгардта см. письмо 764, прим. 9.

[2] Салтыков имеет в виду третье «письмо» из «Писем к тетеньке» (см. письмо 760, прим. 4).

788. Г. И. УСПЕНСКОМУ

27 октября 1881. Петербург

27 октября.

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Вы обещали дослать окончание Вашего рассказа в понедельник, но вот понедельник прошел, а ничего нет [1]. Извините, что я, быть может, надоедаю Вам, но дело в том, что отсутствие Ваше в ноябрьской книжке нашего журнала может быть многими принято за перенесение Вашей деятельности в «Русскую мысль». А сверх того, есть и еще обстоятельство. Печатание 11-го № дошло до той степени, что необходимо иметь Вашу статью или что-нибудь другое. Поэтому, будьте так

добры, напишите прямо: можем ли мы на Вас рассчитывать для ноябрьской книжки или нет. Повторяю: Ваш оригинал очень нужен, но ежели его нет, то делать нечего. Впрочем, до 1-го числа мы можем ждать, но только, ради бога, напишите верно: будет ли конец в редакции в понедельник 2-го ноября. Конечно, раньше лучше, но и до понедельника можно ждать.

То, что до сих пор было у меня в руках, я нахожу вполне цензурным за очень малыми исключениями. Я об одном из них писал Вам (*сенаторская* ревизия) — вероятно, Вы получили мое письмо.

Затем, остаюсь как и всегда искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 313, оп. 3, № 280, л. 22.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 322—323.

---

[1] Окончание рассказа «Опустошители» было дослано. См. письмо 785 и прим. к нему.

789. Ф. Ф. ВОРОПОНОВУ

Начало ноября 1881. Петербург

Многоуважаемый Федор Федорович.

Вчера я получил от нового нашего члена, г. Пантелеева, 1000 р. от имени действит<ельного> ст<атского> сов<етника> Федора Ивановича Базилевского, который желает быть членом Общества и посылает эти деньги в виде пожизненного взноса.

Препровождая при сем означенные 1000 р., прошу Вас выслать квитанцию прямо г. Базилевскому (Захарьевская, собственный дом), а при первом собрании предложить его в члены Общества моим именем и именем г. Пантелеева. Базилевского, по избрании, отметьте в списках звездочкой.

Ваш
М. Салтыков.

Меня о получении денег прошу уведомить с подателем особо.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1881 г.,* т. 2, л. 343.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 217—218, с отнесением к началу января 1881 г. В *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 239, датировано началом ноября 1881 г

На состоявшемся 9 ноября 1881 г. заседании, заслушав это письмо Салтыкова, Комитет Литературного фонда постановил предложить Ф. И. Базилевского в члены общества в ближайшем общем собрании (т а м ж е, т. 2, л. 265).

790. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

2 ноября 1881, Петербург

П.бург. 2 ноября.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вчера, получив Ваше письмо [1], сделал распоряжение о высылке Вам, через контору Юнкера, 1500 р. Но так как сегодня праздник, то деньги будут внесены в контору Юнкера лишь завтра. Во всяком случае, получение их не замедлится.

С нетерпением жду Вашу пьесу. Повестки еще не получал [2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 2310.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 520, где со знаком вопроса отнесено к 1878 г. В *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 239, датировано 1881 г.

---

[1] Это письмо Островского неизвестно.

[2] О пьесе Островского см. письмо 773, прим. 16.

791. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

5 ноября 1881. Петербург

5 ноября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сделайте одолжение, уведомьте меня, получили ли Вы три векселя, которые я выслал Вам еще 20 октября. Меня ужасно это беспокоит. С тех пор уже 3-я неделя пошла.

Извините, что пишу так мало. Гаспер сидит и требует поскорее.

К Вам в Ниццу поехал Новодворский (Осипович) совсем больной [1].

Нельзя ли устроить его в том же пансионе. Я дал ему Ваш адрес.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На днях буду писать подробнее.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 22.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 240.

---

[1] 13 ноября 1881 г. Елисеев сообщил Салтыкову, что Новодворский приехал в Ниццу в очень тяжелом состоянии (*Письма Елисеева*, стр. 57).

792. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

11 ноября 1881. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Не получили ли Вы что-нибудь от Иванюкова об Виницкой. Я получил от нее довольно нелепое письмо, из которого вижу, что деньги дошли до нее[1]. Получил также *роман* от нее. Но так как она *требует* 200 р. за лист, то я и читать роман не желаю[2].

Еще вопрос: в каком положении статья Обручева?[3]

Вы крайне обязали бы меня, если б навестили. Понедельник меня совсем измучил.

Весь Ваш
М. Салтыков.

11 ноября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, л. 66.
Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 218.

---

[1] Упоминаемое письмо А. А. Виницкой неизвестно.

[2] В *Отеч. записках* этот роман А. А. Виницкой не опубликован.

[3] О статье В. А. Обручева см. письмо 753-bis, прим. 5.

793. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

13 ноября 1881. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

По моему мнению, статья Ваша может навлечь на журнал некоторые неприятности или, лучше сказать, повредить отношениям редакции к цензуре, каковые отношения еще необходимо поддерживать. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Во всяком случае, попрошу Вас выкинуть те места, которые отмечены в прилагаемой корректуре. Я думаю, что это совершенно необходимо.

Ваш
М. Салтыков.

13 ноября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 28, л. 68.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 219.

Очевидно, речь идет о восьмой статье Михайловского из цикла «Записки современника» (*ОЗ,* 1881, № 11).

794. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

19 ноября 1881. Петербург

19 ноября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Тысячу раз виноват, что не писал так долго. Все справлялся с ноябрьской книжкой, да кстати и для декабрьской книжки статью готовил [1]. Теперь я пользуюсь всякою минут<н>ой охотой к писанию, которая решительно начинает покидать меня. Ноябрьская книжка вышла вчера, и я уже передал в конторе, чтоб Вам выслали ее по Вашему новому адресу. В настоящую минуту, вероятно, Вы уже имеете ее.

Вы пишете, что в газетах об России ничего нет и желаете иметь сведения. А мы-то здесь что знаем? Кроме слухов, ничем не гарантированных и ходящих на улице,— что̀ мы имеем? Нынче принято за правило ни о чем не объявлять. Хотят, чтоб общество успокоилось, а слухи до него все-таки доходят, и беспокойство все увеличивается. Все обращаются к содействию, и все скрывают. Вследствие этого ходят, например, такие слухи, что когда Санковский выстрелил в Черевина, то последний, взявши его за голову, начал пальцами давить ему глаза [2]. Очевидное преувеличение, но как же уберечься от них. Другие говорят, что он оторвал Санковскому оба уха — представьте себе! Ясно, что со стороны товарища министра ничего подобного не может быть, но это Вам дает меру того, как относится общество к этой системе скрывания. Мы не знаем даже, политическое ли это было покушение, или просто попытка сумасшедшего. Вообще, никогда так скучно и утомительно не жилось, даже в незабвенные Гуркины времена [3]. Хотят всех молиться заставить; театры сокращают. А Катков с Аксаковым орут пуще прежнего, и все кричат: Мало! Мало! Собственно говоря, они-то и наводят страх, потому что считаются выразителями интимных мыслей.

Очень Вам признателен, что призрели Новодворского. Ужасно этот человек болен. Я опасался, что он не доедет до Парижа, однако Елисеев, которого письмо [4] я получил через

день после Вашего[5], пишет, что он уж и в Ниццу приехал. Не понимаю, чем он будет жить. Елисеев пристроил его за 8 франков в том пансионе, где он сам жил, но ведь это все-таки потребует 100 р. в месяц, потому что понадобятся свечи и дрова. А денег у него за проездом останется не больше 300—400 рублей. Писать он, кажется, совсем не может, а если и напишет, то выйдет нецензурно. Такой уж склад ума. Что̀ он, откуда, есть ли у него близкие или родные — ничего не знаю. Эти господа ужасно скрытны.

«Письмо к тетеньке», которое Вы прочтете в ноябрьской книжке, несколько глуповато, но что же делать — простите[6]. Ничто иное нынче не по сезону. А писать надо, хотя бы для того, чтоб заявлять, что курилка жив.

Я болен по-прежнему, хотя по временам чувствую себя легче, т. е. меньше кашляю. Но астма — чудовищн<ая>, и совершенное мужское бессилие, именно вследствие астмы.

Елисеев пишет, что перебрался на квартиру оттого, что ему надоел Семевский. Действительно, это ужасный холоп.

Третьего дня здесь ходили слухи, будто Игнатьев выходит в отставку, а на место его назначается Коханов. А по другим, будто бы министерство разделяется на два: просто внутр<енних> дел и полиции — с Черевиным во главе. Но вчера эти слухи смолкли и стали говорить, что дело уладилось опять.

Прощайте, передайте наш дружеский привет добрейшей Софье Петровне и не забывайте преданного Вам

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 15.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 241—242.

---

[1] В № 12 *Отеч. записок* за 1881 г. напечатано четвертое «письмо» из «Писем к тетеньке» (в новой редакции).

[2] 13 ноября 1881 г. Н. Санковский и П. Мельников совершили покушение на жизнь товарища министра внутренних дел П. А. Черевина, за что были осуждены (5 января 1882 г.) на каторжные работы.

[3] То есть во время пребывания И. В. Гурко на посту временного генерал-губернатора С.-Петербурга (с 7 апреля 1879 г. по 14 февраля 1880 г.).

[4] От 13 ноября 1881 г. (*Письма Елисеева,* стр. 50—58).

[5] Это письмо Белоголового неизвестно.

[6] Об этом см. письмо 760, прим. 4.

795. М. О. ВОЛЬФУ

23 ноября 1881. Петербург

Милостивый государь Маврикий Осипович.

Я очень хорошо понимаю, как тяжело подниматься в 3-й этаж человеку, страдающему одышкой, потому что и сам одержим этой болезнью в высшей степени. Поэтому я охотно приеду к Вам, но предварительно должен изложить Вам следующие сведения, небесполезные для переговоров. «За рубежом» я печатал в количестве 5000 экземпляров, из них продано 2600 экз. (в том числе 500 кн<ижному> маг<азину> «Нового врем<ени>», неделю тому назад); у меня остается 2400 экз. Прочие издания (4 наименования) печатались мной в количестве 2000 экз. В настоящее время осталось у меня на руках: «Нев<инных> рассказов» 700 экз., «Сатир в прозе» 650 экз., «Сборника» 750 экз. и «Среди умеренности» 980 экз. Из этого количества я желал бы оставить за собой: «За рубежом» 200 экз., «Невинных рассказов» и проч. по 100 экз., а «Сатир в прозе» только 50 экз. Это для меня необходимо, во-первых, потому, что я объявил о выписке через контору «Отеч<ественных> зап<исок>» на особых льготных условиях, а во-вторых, потому что сделал некоторые обещания. Затем, имею честь предложить Вам: «За рубежом» 2200 экз., «Нев<инных> расск<азов>» 550 экз., «Сатир в прозе» 600 экз., «Сборника» 600 экз. и «В среде умеренности» 830 экз. Уступку я предлагаю в количестве 45%, т. е. за книгу «За рубежом» получить мне 1 р. 10 к. и т. д.

Я нарочно изложил Вам все эти подробности, чтобы Вы могли взвесить все планы предстоящей продажи.

Если же Вы найдете невозможным принять эти условия, то не согласитесь ли, подобно книжному магазину «Нового времени», взять у меня 500 экз. «За рубежом» и по 100 экз. прочих изданий с уступкою 40%.

Я обращаюсь в Ваш магазин, так как он наиболее посещается публикою и, следовательно, наиболее может продать моих книг, если они будут на виду. В этом смысле я был бы доволен, если бы Вы брали у меня книги и, по мере надобности, на прежних условиях. Но, разумеется, продать большое количество разом было бы для меня приятнее.

Во всяком случае, я просил бы у Вас предварительного ответа на настоящее мое письмо и, буде возможно, в непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Новь», 1889, № 13, стр. 52. Публикация С. Ф. Либровича, указавшего даты этого и других писем Салтыкова к Вольфу.

Подлинник неизвестен.

В ответном письме от 25 ноября 1881 г. на это письмо Салтыкова Вольф выражал согласие приобрести «не только все оставшиеся экземпляры отдельных томов, уже отпечатанных, но и более значительное количество в полном отпечатанном составе тех томов, которые распроданы и которые необходимо вновь печатать» (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 698). Таким образом, Вольф предлагал Салтыкову уступить ему право на издание его собрания сочинений.

796. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

23 ноября 1881. Петербург

23 ноября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Прежде всего, поздравляю многоуважаемую Екатерину Павловну [1] от себя и от жены с именинами, а Вас с именинницей. Затем продолжаю.

Я совершенно понимаю Ваше бегство от лица М. И. Семевского. Это малый, созданный для того, чтобы обращать людей в бегство, и если бы правительство в прошлую войну употребило его в качестве передового отряда, то многих врагов он обратил бы в бегство без кровопролития. Я никогда особенно часто с ним не видался, но могу себе представить положение человека, который видится с ним каждый день поневоле. Бедному Новодворскому предстоит эта участь, а он больной и всякое раздражение ему явно грозит ухудшением. Я уже получил от него из Ниццы письмо, в котором он жалуется на дороговизну и изъявляет желание искать климатов подешевле [2]. Что ему дорого — это так, но едва ли он найдет что-нибудь более подходящее. Разве Пизу рекомендовать, но там ведь он со скуки умрет. Может быть, писать удосужится, хоть и болен. Я был болен в его роде, но писал. Только пусть поцензурнее пишет. У нас есть его рассказ, в январе, вероятно, пойдет. Я увеличу его гонорар до 100 р. [3].

Вы жалуетесь, что мало сведений об России имеете, но где же их взять? И мы здесь в потемках живем и только темпераментами что-то чувствуем. Прочтите в ноябрьской книжке мое письмо — и вы отчасти поймете [4]. Слухов всяких разнообразие великое; каждый день эти слухи кого-нибудь да сменяют — и вот среди этого переплета произвольных предположений мы и живем. На днях разнесся слух, что Игнатьева сменяют и министерство разделяется надвое: внутр<енних> дел и поли-

ции. В первое указывали Коханова, во второе — Черевина. Но теперь этот слух утих. Может быть, завтра опять другой слух в этом же роде возникнет. Разнесся даже слух, будто бы меня из Петербурга выслали, все равно как два года тому назад, будто бы обыск у меня был. Конечно, мне очень неприятно быть героем таких слухов, но ничего не поделаешь.

Вырезанного письма к тетеньке я Вам не посылаю, и не могу послать [5]. Воистину, боюсь. И так оно по рукам теперь ходит, так что, чего доброго, заподозрят меня в распространении, а я даже из книжки его выдрал. И всем просящим показывают: вот! На днях один какой-то с улицы зашел: позвольте, говорит, почитать; я тут же у Вас прочту и никому не скажу. Вот до чего дошло. Пожалуйста, не сетуйте на меня за неприсылку статьи; право, небезопасно.

По поводу этого письма гр<аф> Игнатьев мне объяснил, что он не решился пропустить его, потому что оно могло бы *мне* навлечь большие неприятности. И прибавил, что показывал статью государю, и государь одобрил распоряжение о непропуске. Вообще, относительно многих вещей нужно хранить безмолвие. Однако, я все продолжаю писать и для декабрьской книжки уже написал и для январской начал [6]. Но должен Вам сознаться, что ремесло это начинает мне до такой степени постылеть, что иногда хоть в воду. Всему есть предел.

Я слышал сегодня от Гаспера, что он уже послал Вам и Календарь и гр<афа> Киселева [7]. «Русскую мысль» за сентябрь и октябрь Вам на днях вышлют, а за ноябрь книжка нужна Михайловскому, который что-то по поводу ее пишет [8]. По миновании надобности, вышлем и ее. «Вестник Европы» Вы, вероятно, уже получили. Но, право, там нечего читать.

Здесь Воронцов и все справляется о своей статье о поземельном кредите, а мы не знаем ничего. Не помните ли что-нибудь Вы? [9] Плещеев, как водится, только ноет: да я почем знаю?! Впрочем, пусть это Вас не беспокоит, ибо Воронцов, как кладезь неистощимый, еще несколько статей привез.

Подписка у нас только что начинается. До сих пор не больше 102 человек. Против прошлого года повялее как будто, а впрочем, настоящее дело покажет себя в декабре.

До свидания, будьте здоровы. Передайте наш привет Екатерине Павловне и вновь поздравьте и ее и себя с именинами.

Глубоко Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 22.

Впервые опубликовано частично: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 31—32; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 243—245.

[1] Жена Г. З. Елисеева.

[2] Имеется в виду письмо А. О. Новодворского к Салтыкову от 14/26 ноября 1881 г. (*ЛН*, т. 13—14, стр. 361).

[3] А. О. Новодворский. История. Рассказ (*ОЗ*, 1882, № 2).

[4] Об этой статье см. письмо 760, прим. 4.

[5] О судьбе первоначальной редакции третьего «письма» см. письмо 760, прим. 4.

[6] Речь идет о четвертом и пятом «письмах» из цикла «Письма к тетеньке» (*ОЗ*, 1881, № 12; 1882, № 1).

[7] В письме от 13/25 ноября 1881 г. Елисеев просил Салтыкова выслать ему в Ниццу книгу А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (т. I—IV, СПб., 1882) и издаваемый А. С. Сувориным «Русский календарь» на 1882 г. (*Письма Елисеева*, стр. 54).

[8] В ноябрьском номере «Русской мысли» Михайловскому понадобилась статья И. И. Дитятина «Когда и почему возникла рознь в России между «командующими классами» и «народом», которой он посвятил значительную часть «Записок современника» (*ОЗ*, 1882, № 2).

[9] «Статьи о кредите Воронцова,— отвечал Елисеев Салтыкову 31 ноября/12 декабря 1881 г.,— я не видал. Когда я был здоров, он только обещал ее в своем письме, которое я Вам и показывал. Присылал ее он после кому, не знаю. Не сестре ли своей? Тогда эта статья, наверное, попала в портфель великого московского ловца человеков и явится в «Русской мысли» (*Письма Елисеева*, стр. 61). В *Отеч. записках* статьи под таким заглавием нет.

797. Г. И. УСПЕНСКОМУ

23 ноября 1881. Петербург

23 ноября.

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Из гонорара следующего Вам за ноябрьскую книжку (275 р.), я распорядился вычесть только 125 р.; остальные 150 р., следовательно, Вы можете получить. Но, признаюсь, мне настолько тяжело играть относительно Вас роль *вычитателя,* что я никогда впредь вычитать не буду, и предоставляю делать это Вам самим, когда и сколько Вы сами найдете возможным. Я хорошо понимаю Ваши денежные затруднения и желал бы одного: чтобы расчеты эти <не> повредили Вашим добрым отношениям к журналу.

Теперь скажу несколько слов о деле. Относительно январской книжки журнал находится в большом затруднении. Островский, который ежегодно давал свою комедию, на этот раз, кажется, не поспеет. Не наверное, но весьма может быть, потому что комедия написана только наполовину[1]. Декабрьскую книжку мы можем составить и не очень нарядно. Поэто-

му нельзя ли ту работу, которую Вы готовите для декабрьской книжки, отложить до январской, но добавив и еще, так чтоб вышло листа 3 по малой мере. Может быть, для Вас это неудобно в том отношении, что Вы в декабре предполагаете окончить *серию* — в таком случае, делать нечего, мы напечатаем Ваш рассказ в декабре, но ежели Вы можете серию продолжить листов до 3-х, то это будет очень приятно. Но так или сяк, позвольте хоть на небольшую работу Вашу <рас>чит<ыв>ать для январской книжки[2]. Разумеется, под предполагавшуюся для декабрьской книжки работу Вы можете получить вперед деньги, с тем чтобы *эти только деньги* были вычтены в январе. Пожалуйста, уведомьте меня повернее, можете ли выполнить мою усерднейшую просьбу к 15-му декабря, когда должна начаться печатанием январская книжка.

Здесь был Юрьев и говорил, что ждет от Вас целого ряда рассказов. Очень жаль будет, если это помешает Вашей работе в «Отеч<ественных> зап<исках>». Златовратский тоже что-то дал в «Русскую мысль». Пожалуй, придется и совсем лавочку закрыть за недостатком сражающихся. Может быть, и пора.

Преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 313, оп. 3, № 280, лл. 24—25. Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 323.

---

[1] Опасения Салтыкова не оправдались. Для январской книжки *Отеч. записок* 1882 г. А. Н. Островский дал пьесу «Таланты и поклонники».

[2] В декабрьскую книжку *Отеч. записок* за 1881 г. Успенский не дал ничего. В январской же за 1882 г. началось печатание его очерков «Власть земли».

798. М. О. ВОЛЬФУ

25 ноября 1881. Петербург

Милостивый государь Маврикий Осипович.

Будьте так любезны уведомить меня, получили ли Вы мое письмо, посланное третьего дня, и ежели получили, то на что именно решились. Я затрудняю Вас этою просьбою, потому что сегодня получил из Москвы значительный заказ книг, но охотно бы от него отказался, ввиду требования кредита, если бы Вы уведомили меня, может ли состояться между нами сделка и в каком именно смысле.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Новь», 1889, № 13, стр. 53. Подлинник неизвестен.

О переговорах Салтыкова с М. О. Вольфом см. прим. к письму 795.

799. М. О. ВОЛЬФУ

26 ноября 1881. Петербург

Милостивый государь Маврикий Осипович.

В настоящее время я не имею в виду никаких новых изданий. Во-первых, потому — что старые издания мои, за исключением «Признаков времени», еще имеются в продаже; во-вторых, потому — что для новой книги еще нет достаточно материала, да при нынешнем положении печати нельзя ручаться, что таковой скоро наберется. Поэтому дело идет только о пяти книгах, которые имеются у меня на руках в количестве, о котором я Вам уже сообщил. Ваш магазин более других имеет средства для распродажи книг — вот почему я встретил с удовольствием Ваше предложение купить у меня мои книги. Но, признаюсь откровенно, мне в особенности было бы приятно, если бы Вы, подобно книжному магазину «Нового времени», взяли у меня, с уступкою 40%, от 500 до 600 экз. книги «За рубежом» и от 100 до 200 экз. каждого из остальных 4-х изданий. Ежели нужна рассрочка, то я на нее согласен, а именно $^{1}/_{3}$ денег вперед, а остальное — векселя на 4 и 8 месяцев на равные части. Впрочем, я готов и большее количество экземпляров уступить, но все-таки этих, а не иных изданий.

Я совершенно готов приехать к Вам, но прошу Вас иметь в виду, что болезнь моя очень серьезна, и всякий выход мой почти всегда сопровождается обострением припадков.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Новь», 1889, № 13, стр. 53. Подлинник неизвестен. Датируется на основании письма М. О. Вольфа к Салтыкову от 25 ноября 1881 г. (см. прим. к письму 795).

По сообщению С. Ф. Либровича, в результате этих «переговоров явилось приобретение Вольфом значительного количества экземпляров перечисленных выше сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина».

800. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

11 декабря 1881. Петербург

Многоуважаемый Александр Львович.

Извините, что беспокою Вас и, главное, неприятною просьбою. Выслушайте подательницу сего, Елизавету Александровну Боголюбову, и ежели можно, то доставьте ей возможность видеться с Плеве. Разумеется, еще лучше, ежели Вы примете в этом деле участие, но не знаю, насколько это для Вас возможно.

Дело в том, что сына Энгельгардта, 21 года, высылают административно. Отец-Энгельгардт желает, чтоб его выслали в деревню к нему. Это было бы весьма желательно. Во всяком случае, укажите г-же Боголюбовой какие-нибудь пути[1].

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

11 декабря.

Еще одно: получил от Елисеева письмо, в котором он просит напомнить Вам об обещании[2]. Я хотел передать Вам об этом в воскресенье, но у Лихачевых Вас не было. В будущее воскресенье тоже Лихачевы будут в театре.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 366, оп. 3, № 7, л. 6.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 92—93.

---

[1] По поручению А. Н. Энгельгардта, Е. А. Боголюбова неоднократно посещала находившегося в заключении его сына, М. А. Энгельгардта, арестованного за участие «в студенческих беспорядках» и пропаганду среди рабочих (*ЦГИА,* ф. 1405, оп. 80, № 8710, л. 2 об.). Письма Боголюбовой к А. Н. Энгельгардту свидетельствуют о большом участии Салтыкова в судьбе его сына, М. А. Энгельгардта; Салтыков добился замены грозившей ему ссылки в Западную Сибирь ссылкой в имение отца (село Батищево, Дорогобужского уезда, Смоленской губернии). Так, 24 декабря 1881 г. Боголюбова сообщала Энгельгардту: «М. Ев. С<алтыков> хотя очень нездоров, но непременно будет видеться с Треповым на днях. Какой чудесный, добрый человек М<ихаил> Е<вграфович>, как он горячо хлопочет» (*ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 89, л. 23). 12 февраля 1882 г.: «Я, кажется, писала Вам, что Михаил Евграфович подарил для Миши 4 тома своих сочинений и собрание полное «Стихотворений» Некрасова, которые я тщетно искала по лавкам и только что пожаловалась ему на свою горькую участь вследствие невозможности достать для него Некрасова, как он тотчас же изъявил готовность подарить книгу, которая была лично ему прислана» (там же, л. 28 об.).

[2] О просьбе Елисеева к Боровиковскому см. письмо 806 и прим. к нему.

801. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

15 декабря 1881. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Скульптор Бернштам, кончающий ныне мой бюст — и притом очень удачно — желает сделать Ваш бюст для московской выставки [1].

Позвольте Вам рекомендовать этого талантливого молодого человека.

Комедия Ваша набрана и, конечно, Вам уже доставлена на корректуру [2].

Надеюсь с Вами видеться. Я простудился, ездивши смотреть на Сару Бернар, в чем раскаиваюсь.

Ваш

15 декабря. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2301.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 527.

---

[1] О Московской выставке см. прим. к письму 812.

[2] А. Н. Островский. Таланты и поклонники. Комедия (*ОЗ*, 1882, № 1).

802. М. О. ВОЛЬФУ

19 декабря 1881. Петербург

19 декабря.

Милостивый государь Маврикий Осипович.

Условия, изложенные в проекте контракта об уступке права издания на мои сочинения, кажутся мне неудовлетворительными, как с точки зрения вознаграждения, так и с точки зрения сложности. Поэтому я предпочитаю издавать на будущее время отдельные томы, как издавал до сих пор.

Извините, пожалуйста, за причиненное Вам беспокойство и верьте чувствам искреннего почтения и преданности, с которыми имею честь быть

готовый к услугам

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Новь», 1889, № 13, стр. 51, с отнесением к 1880 г. В *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 248, передатировано 1881 г.

Подлинник неизвестен.

В происходивших в декабре 1881 г. и окончившихся неудачно перего-

ворах Салтыкова с М. О. Вольфом об издании собрания его сочинений принял также участие находившийся в это время в Петербурге А. Н. Островский. Предложенный Салтыковым проспект издания см.: *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 98.

803. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

21 декабря 1881. Петербург

21 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Всякий раз приходится начинать с извинения. Но, право, ужасно болен. Вот уж две недели, как ни одной ночи правильно не сплю. Никогда более 4-х часов. Кашель беспрестанный, в горле свербит. Право, не понимаю, зачем жизнь в этаком положении. И все оттого, что съездил в театр на Сару Бернар посмотреть. Абонирован был на 6 представлений, а всего 2 раза посмотрел и уж никуда не годен. Так несносно, так несносно, что Вы не поверите.

Наконец, год «Отеч<ественных> зап<исок>» закончился, декабрьская книжка вышла, и, вероятно, Вы уже получили ее. Январская книжка, по случаю праздника, вероятно, приопоздает, и Вы получите ее не раньше 23—24 числа старого стиля. Там будет новая комедия Островского, сверх обыкновения, очень хорошая [1], статья Успенского [2] и V «Письмо к теньке» [3], которое уже написано и набрано. Вот как я, благодаря болезни, исправен. Январское письмо, ежели не подгадит цензура, Вам понравится. Идет в нем речь о семейных распрях, как плоде современной внутренней политики. И весело и ужасно в одно и то же время. Вообще, не ручаюсь, что живописую Россию, но что Петербург в моих письмах отражается вполне — это верно.

Новостей сообщить Вам не могу, по той простой причине, что их нет. Правда, готовится несколько процессов, но нынче ведь это происходит в четырех стенах и, стало быть, для публики недоступно [4]. За недостатком новостей, публика пробавляется Сарой Бернар, и все газеты полны статьями об ней, а «Порядок» по преимуществу [5]. Я думаю, и Вам уж надоело. Что касается до меня, то я не поклонник этой актрисы. Хороша она — слова нет, но до великого ей далеко. Декламаторская школа Comedie Française [6]. Там все отлично читают стихи, и она — тоже. Но ни скорби, ни тоски, ничего такого, что рвет сердце человека — ничего этого она не дает.

От Елисеева получил недавно письмо; [7] сверх того, из Ниццы приехал Семевский и сказывает, что ему лучше гораздо. Я же все никак не могу собраться писать к нему. Теперь идет

подписка и, кажется, не хуже прошлогоднего, так хотелось бы настоящим образом это выяснить и ему сообщить [8].

Слухи были, что коронация будет в мае, а теперь опять слух, что отложено до сентября [9]. Мне кажется, что это изменение к лучшему, потому что в сентябре народ свободнее и с новым хлебом, а в мае начинается страда и хлеб в умалении. Дай бог, чтоб урожай был.

Семевский рассказывает, что Лорис-Меликов живет в Ницце и очень болен. А на днях был у меня двоюродный его брат и поехал в Киевскую губернию, чтоб подыскать графу имение, куда, дескать, он и проедет весной.

Поздравляю Вас с наступающим русским Новым годом. Желательно было бы, чтоб он был несколько превосходнее против истекающего. Просто измучились мы совсем от этой тишины. Такое всюду безмолвие, точно в монастыре живешь. А воображаю я себе, что будет, как великий пост наступит. Особливо в Москве, как загудут колокола.

Насчет лета еще никаких проектов не имею. Хотелось бы в России остаться, да вряд ли. Лизавета Аполлоновна доймет кроткими мерами так, что вытаращишь глаза и поедешь за границу.

Передайте от меня и от жены сердечный привет и поздравление с Новым годом многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно жму Вашу руку и говорю: до свиданья.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 16.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 248—249.

---

[1] О комедии Островского см. письмо 801, прим. 2.

[2] Г. И. Успенский. Власть земли (*ОЗ*, 1882, № 1).

[3] М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке, письмо V (*ОЗ*, 1882, № 1).

[4] В это время готовилось несколько процессов: Н. Санковского и П. Мельникова (см. письмо 794, прим. 2); с 9 по 15 февраля 1882 г. в Особом присутствии Сената происходил «процесс 20-ти» — суд над деятелями «Народной воли», самый значительный из народовольческих процессов; 28 января в Харьковском военно-окружном суде — процесс Обедзинского, Макаренко, Данилова и других по делу о распространении прокламаций и т. д.

[5] В ноябрьских и декабрьских номерах газеты «Порядок» в разделе «Театр и музыка» содержатся положительные отзывы о гастролях Сары Бернар в Киеве, Москве, Петербурге. Кроме того, ей посвящены отдельные

статьи: Л. Нелидова. Сарра Бернар в Москве (1881, № 346, от 16 декабря); *Пл.* Театральные заметки (1881, № 347 от 17 декабря) и др.

[6] Французской комедии.

[7] Это письмо Елисеева неизвестно.

[8] В 1881 г. *Отеч. записки* издавались тиражом 9550 экземпляров, а в 1882 г.— 10 020 экземпляров.

[9] Коронация состоялась 15 мая 1883 г. в Москве.

804. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

23 декабря 1881. Петербург

23 декабря.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Прежде всего поздравляю Вас с наступающим новым годом, сопровождая это поздравление всевозможными пожеланиями счастья и в особенности здоровья. Это последнее главное, а остальное все приложится само собою.

Извините, что долго не писал: отчасти, хлопотал по последней книжке журнала, но главным образом, по нездоровью. Две последние недели я был так необыкновенно болен, что из трех ночей две не спал. И теперь то же самое. Голова как в тумане, кашель с самым тяжелым отхаркиваньем, насморк и по временам лихорадочное состояние. Даже я, который привык к явлениям подобного рода,— и я впадаю в уныние. К счастию, что по журналу, с цензурной точки зрения, довольно покойно, а то просто бы смерть. Всякий выезд — несчастие, так что от всего приходится отказываться. Старость невеселая.

Посылаю Вам составленный Гаспером счет Вашим деньгам по декабрь включительно. Налицо Ваших денег 732 р. 39 к., которые и находятся у меня. Как с ними поступить? выслать ли Вам или обождать до сведения счетов по журналу за 1881 год, по которому, конечно, Вам придется еще сумма, и тогда уже вместе прислать? Счеты будут покончены в первых числах января, а быть может и раньше. Но я должен Вас предупредить (Вы, впрочем, и сами, конечно, знаете), что курс значительно упал с тех пор, как я послал Вам 3 тыс. рублей. Теперь на Ниццу не дадут больше 264 на три месяца, т. е. на 8 франков меньше. И вероятно, дело пойдет еще больше книзу до самой весны, как это обыкновенно бывает.

Нового у нас ничего нет. Жизнь приобрела скрытный и притом ужасно удручающий характер. Это, впрочем, и из газет достаточно видно. По-прежнему разглагольствуют Катков и

«Русь», да еще, говорят, Суворин. Последнего, впрочем, и Аксакова я не читаю, к Каткову же привык и не удивляюсь больше. По слухам, коронацию сперва назначили на апрель, а теперь отложили до сентября[1]. Впрочем, и это только слух, а верного ничего нет. Процессы все при закрытых дверях происходят, а высылки продолжаются[2]. На днях, сказывают, высылают сына Энгельгардта, мальчика 20 лет[3]. О снисхождении нет и речи. Не те времена. Война так война. Суровое время мы переживаем.

Недели две тому назад являлся ко мне Семевский и между прочим передал, что Ваше здоровье лучше, чему я от души порадовался. Он же передал мне просьбу гр<афа> Лор<ис-> Мел<икова> относительно непропущенного письма к тетеньке[4], но я удовлетворить его не могу. Слышал, впрочем, будто кто-то ему послал, так что и Вы можете от него получить, если только дошедший до меня слух верен. А вместо того Вы передайте ему декабрьскую книжку, когда она Вам будет не нужна, ибо, по словам Семевского, он совсем не имеет русских книг и очень скучает.

Что-то с Новодворским? Справьтесь, пожалуйста, о денежном его положении.

Передайте, пожалуйста, от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне. Искренно поздравляем ее с новым годом.

До свидания. Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

На письме помета рукою Елисеева: 1881. Декабрь. 732 р. 39 к. у Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 22.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 32; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 250—251, с неточностью в двух словах.

---

[1] Коронация состоялась 15 мая 1883 г. в Москве.

[2] Последним гласным политическим процессом в России был «Процесс 1 марта 1881 г.», происходивший в Особом присутствии Сената. См. также письмо 803, прим. 4.

[3] Об М. А. Энгельгардте см. письмо 800, прим. 1.

[4] Имеется в виду третье «письмо» из «Писем к тетеньке» (см. письмо 760, прим. 4).

805. М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ

25 декабря 1881. Петербург

Милостивый государь граф Михаил Тариелович.

За особенную честь себе поставляю поздравить Вас, равно как и уважаемое Ваше семейство с наступающим новым годом. От полноты души желаю Вам всевозможных благ, а более всего — здоровья.

Пусть наступающий год не будет похож на своего предшественника — вот горячая мечта всех истинно честных русских людей. Никогда Петербург не имел такого унылого вида, как нынешнюю зиму, никогда общество так не скучало, несмотря на занятия «сведущих людей»[1] и на представления Сары Бернар. Состояние открытой взаимной вражды, посреди которого приходится жить, делается не только тяжелым, но и прямо удручающим. Легко переносят это существование только те, которые, благодаря ему, устраивают свои карьеры.

Г-н Семевский, который недели две тому назад приехал сюда из Ниццы, передал мне, что здоровье Вашего сиятельства хотя медленно, но поправляется. С другой стороны, до меня дошел слух, что Вы сбираетесь весной в Россию и даже ищете для себя имение в Киевский губернии. Я полагаю, что решение приехать в Россию уже само по себе принесет Вам пользу. Как ни благотворно ниццское небо — впрочем, я лично нашел его несколько коварным,— но постоянная отчужденность от «своего» должна парализировать и самые благотворные влияния климата. Я имел честь еще в Висбадене лично высказывать Вам мнение, что при известным образом сложившейся жизни самое лучшее — свой дом, хотя бы этот дом находился не в <*нрзб.*>, а где-нибудь в Захарьевской.

Что касается до меня, то я всю зиму хворал, а в настоящую минуту даже очень нездоров. Никуда не выезжаю, а ежели необходимость иной раз заставляет выехать, то потом ужасно страдаю. Вот уже шесть лет, как я нахожусь в одном и том же положении, и, право, с меня довольно.

В Ницце в настоящее время живут двое из ближайших моих сотрудников по журналу: гг. Елисеев и Новодворский. От первого Ваше сиятельство может получать «Отечеств<енные> записки», ежели пожелаете. Что касается до второго, то это молодой человек, обреченный на близкую смерть. Так, по крайней мере, говорит доктор Якоби.

Жена моя и дети тоже поздравляют Вас и Ваше семейство с Новым годом и посылают Вам наилучшие пожелания.

Затем, позвольте мне уверить Вас в чувствах глубокого уважения и искренней преданности, с которыми имею честь быть

Вашего сиятельства

покорнейший слуга

Михаил Салтыков.

25 декабря 1881 года.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР*, ф. 569, оп. 1, № 230, л. 1.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 93—95.

---

[1] О «сведущих людях» см. в «Письмах к тетеньке» в наст. изд. т. 14, стр. 277, 305, 628—629, 633—634.

806. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

31 декабря 1881. Петербург

31 декабря.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Боровиковский получил уверение, что ходатайство об изъятии Вас из-под надзора полиции будет удовлетворено[1]. Поэтому он составил проект прошения, который при сем прилагаю. Прошение это Вы подпишите и пошлите, уведомив в то же время Боровиковского.

Дивиденд за 1881 год оказался в количестве 8425 р. 23 к. на человека. Из них Вы взяли вперед 5500 р., да я, согласно прежним примерам, выдал Гасперу и Чижову по 100 р. Осталось Ваших денег 2725 р. 23 к., а с прежними, о которых писал Вам в предыдущем письме, 3457 р. 60 к. Пожалуйста, уведомьте, как поступить с ними, ибо они хранятся у меня. Прошу Вас, уведомьте.

Первая книжка «Отеч<ественных> зап<исок>» почти набрана. Подписка идет почти так, как в прошлом году, даже несколько веселее.

Соловьевский долг (5049 р.) я со счетов не снимаю, но так как вряд ли что получится, то предполагаю погасить его в три раза.

До свидания; будьте здоровы. Передайте сердечный привет от меня и жены многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 22.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 252—253.

---

[1] В ответном письме от 13 января 1882 г. Елисеев писал: «За уведомление от Боровиковского очень благодарен. Сегодня же посылаю прошение министру и цидульку Боровиковскому» (*Письма Елисеева*, стр. 65—66).

807—808. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

31 декабря 1881. Петербург

31 декабря.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Статью Вашу я получил только три дня тому назад и уже прочитал. Боюсь за начало; но во всяком случае в февральской книжке пущу [1]. Для январского № она уже не поспела, и книжка эта в настоящую минуту почти уже набрана.

Что касается Миши, то, к сожалению, ходатайства об нем, кажется, не будут иметь успеха [2]. Нынче прямо говорят: война так война и ничего оправдательного в расчет не принимают. Если б хоть недалеко выслали — и то спасибо.

Личное мое участие может тут только повредить. Слишком много людей (и именно в этой сфере), которые желали бы при первом удобном случае сделать мне неприятное.

Лизавета Александровна следит за этим делом и советуется. Деньги же, о которых Вы пишете, будут выданы во всякое время и даже в бóльшем количестве, если прикажете [3].

Я чуть жив; но по странному капризу судьбы пять лет умираю и все умереть не могу. Пора бы. Жить не просто невесело, а прямо противно. Но раз эта мысль овладела всем существом, какая же может быть деятельность?

Прощайте, будьте здоровы.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Вы пишете, что предполагаете прислать статью популярно-научного содержания. Очень-очень обрадуете [4].

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 33—34. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 253.

---

[1] Одиннадцатое, последнее письмо А. Н. Энгельгардта «Из деревни» (*ОЗ*, 1882, № 2).

[2] Об М. А. Энгельгардте см. письмо 800, прим. 1 и письмо 834.

[3] 10 января 1882 г. Е. А. Боголюбова сообщала А. Н. Энгельгардту: «Вчера я получила от Салтыкова записку на 100 руб. в счет Вашей статьи, которая, он мне сказал, больше чем на 400 руб. Больше я не хотела взять,

так как всегда, когда понадобятся деньги для отправки Мише, могу получить. Потом М. Е. Салтыков писал Вам, что вообще он, если понадобятся деньги для отправки больше чем Вами заработано, он не откажет» (*ЦГАЛИ*, ф. 572, оп. 1, № 89, л. 26 об.).

[4] Это намерение не было осуществлено. О последней работе А. Н. Энгельгардта в *Отеч. записках* см. прим. 1.

809. В. П. ГАЕВСКОМУ

1881 (?). Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Жена сказывала мне, что ты был так любезен, что уступаешь мне некоторое количество красного вина. Ежели это так, то будь так добр пришли вино с подателем сего, и вместе с тем уведомь, что стоит, чтобы я мог расплатиться.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

Я болен по обыкновению, но несколько хуже.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 26.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 80.

810. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

Конец декабря 1881 — начало января 1882. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Чем более я думаю о Вашей статье, тем более убеждаюсь, что люди грубые и злорадные непременно привлекут сюда Каракозова, Рысакова и проч. [1]. А это может повести за собой не одну вырезку статьи, но и нечто большее. Нельзя ли сделать небольшую перестановку: т. е. начать с теоретической постановки вопроса, а факты изложить потом?

Я, по обыкновению, болен. Не зайдете ли Вы ко мне утром? Статью Вашу сейчас принесли. Пожалуйста, извините за беспокойство. Второю статьей после комедии [2] можно печатать Воронцова [3].

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, л. 70.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 219, с отнесением к декабрю 1881 г.

Датируется временем подготовки январской книжки *Отеч. записок* 1882 г.

---

[1] Салтыков имеет в виду статью Михайловского «Герои и толпа» (*ОЗ,* 1882, № 1).

[2] А. Н. Островский. Таланты и поклонники. Комедия (*ОЗ,* 1882, № 1).

[3] В. П. Воронцов. Очерки общинного землевладения в России. Очерк первый (*ОЗ,* 1882, № 1).

811. А. А. КРАЕВСКОМУ

5 января 1882. Петербург

Многоуважаемый Андрей Александрович.

Я получил от Елисеева письмо, в котором он пишет, что Новодворский, живущий теперь в Ницце, ждет остальных обещанных ему Литературным фондом денег [1]. Нельзя ли устроить, чтоб выслали? Да вот еще что: Новодворский спит и видит уехать в марте или апреле на родину, в Подольскую губернию. Уехать-то он вряд ли уедет, а скорее умрет через месяц или через два (так, по крайней мере, утверждает доктор); но во всяком случае, на переезд или на похороны потребуются деньги. Нельзя ли попросить у Литературного фонда еще рублей 200 для этой цели? [2]

Работать Новодворский совсем не может, а «Отеч<ественным> запискам» и без того должен около 300 р. Хотя же в редакции и есть его рассказ, но небольшой (рублей на 150) и притом не совсем ладный в цензурном смысле [3]. Поэтому я и отложил на время его печатание. Пожалуйста, похлопочите.

Весь Ваш

М. Салтыков.

5 января.

Я вчера послал Вам через Скороходова мою долю взноса за г-жу Конради [4]. Получили ли Вы?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1882 г.,* т. 1, л. 68.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 95—96.

---

[1] Об этом Елисеев писал Салтыкову 31 декабря 1881 г. (*Письма Елисеева,* стр. 63).

[2] В заседании от 11 января 1882 г., заслушав «письмо М. Е. Салтыко-

ва о необходимости оказать г. Новодворскому, которому в прошлом было назначено выдать в несколько сроков 585 р., еще раз пособие в рублей 200» и сообщение казначея, что «из пособия, следовавшего г. Новодворскому, остальные 100 руб. будут посланы на днях и что, сверх того, он перешлет ему и частное пожертвование от нескольких лиц рублей около 50», Комитет Литературного фонда постановил: «Ввиду весьма значительного пособия, оказанного уже г. Новодворскому, ходатайство о дальнейшем пособии отклонить» (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1882 г.,* т. 1, л. 62).

[3] А. О. Новодворский. История. Рассказ (*ОЗ,* 1882, № 2).

[4] В заседании Комитета Литературного фонда от 11 января 1882 г. рассматривалась просьба Е. И. Конради «о превращении полученной ею в прошлом году срочной ссуды в пособие», но так как эта ссуда «была пополнена членами Комитета» Воропановым, Краевским, Манасеиным и Салтыковым, то просьба ее была оставлена «без последствий» (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1882 г.,* т. 1, лл. 62—63).

812. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 января 1882. Петербург

9 января.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не будете ли Вы так добры напечатать в «Порядке» прилагаемый на след<ующей> странице entrefilet[1]. Я собственно интереса в этом никакого не имею, но меня просил об этом г. Берништам. Бюсты, действительно, чрезвычайно удачные.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

В сию минуту, т. е. в 12½ часов утра, мы еще не имеем сегодняшнего «Порядка», хотя обыкновенно получаем газету в 10 часов. «Голос» получен. Не случилось ли чего-нибудь?[2]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 17.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, стр. 8, с отнесением к 1881 г. В *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 186, также датировано 1881 г. Между тем Салтыков рекомендовал Бернштама Островскому 15 декабря 1881 г. (см. письмо 801), а Московская выставка, для которой Бернштам готовил бюст Островского, открылась в мае 1882 г. Следовательно, данное письмо следует датировать 1882 г.

[1] Небольшая заметка.

[2] Действительно «случилось»: последний номер издаваемой Стасюлевичем газеты «Порядок» вышел 9 января 1882 г. (см. письмо 813, прим. 2). Поэтому прилагаемый Салтыковым текст объявления о работах Бернштама для Московской выставки остался неопубликованным.

Приводим его: «Художник Бернштам приготовил для предстоящей в Москве выставки бюсты некоторых русских писателей. Покуда совершенно готовы чрезвычайно схожие бюсты И. А. Гончарова, А. А. Потехина и М. Е. Салтыкова. В настоящее время г. Бернштам трудится над бюстом А. Н. Островского».

813. И. С. ТУРГЕНЕВУ

11 января 1882. Петербург

Петербург. 11 января.

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Я несколько запоздал ответом на Ваше дорогое письмо по случаю разыскивания рукописей г-жи Виницкой [1]. Благодарю Вас за память. Среди неслыханного современного уныния память хороших людей очень-очень радует. Вам, конечно, известна катастрофа, постигшая Стасюлевича [2]. Удивительное дело! Этот поистине средний человек прослыл чуть не за Робеспьера. Кажется, он намерен в нынешнем году совсем не издавать «Порядка». Его пристигли в самом разгаре подписки, и множество подписчиков потребовало назад деньги. Так, по крайней мере, он мне говорил. В прошлом году он имел по этой газете до 10 т. р. недочета, да в нынешнем, по случаю внезапного прекращения, тоже будет изрядный наклад. А сколько сотрудников осталось без хлеба! Наш Плещеев только что было пристроился, думал рублей 150 в месяц заработать — и опять ни при чем. Рискуешь совсем без газеты остаться. Я получал две: «Порядок» и «Голос» — и думал весь год так провести. До 6-го января «Голоса» не давали [3], а с 9-го «Порядок» уничтожили. А к «Новому времени» приступиться нельзя: чуть не плюются. Не забавно и не поучительно — с какой же стати раздражать себя чтением ругательств. Я и не читаю. Ежели «Голос» опять приостановят, клянусь совсем газет не читать, кроме «Московских ведомостей» (кстати: вчера слух прошел, что Каткова в тайные советники из статских произвели и якобы с целью назначения членом Госуд<арственного> совета).

Обе статьи Виницкой будут к Вам завтра или послезавтра высланы. Читайте и насладитесь. По-моему, они, помимо цензурных соображений, никуда не годятся. Что касается до нее самой, то Вы совершенно справедливо заметили, что у нее

мысли как лошадиный хвост во время ветра. Она дошла до того, что вообразила себе, будто ее подозревают в шпионстве, и оправдывалась. Вы ей этого не говорите, но все-таки имейте в виду, что она находится в болезненном состоянии.

Я тоже болен и притом жестоко. Прелести одышки и кашля усилились сильнейшим драхеншусом, который ухватил меня и не выпускает вот уж две недели. Хорошо, что я к январской книжке заранее управился (выйдет 20-го числа, ежели выйдет) [4], а к февральской вряд ли что-нибудь успею. Везде больно.

Я никуда не выхожу и прослыл невеждой. А ей-богу, не могу выходить, буквально, потому, что ноги не ходят. Не то что боюсь заболеть, а просто ноги не ходят.

Очень рад, что Вы предполагаете быть у нас в конце марта, но выполните ли Вы это намерение — вот в чем вопрос.

До свидания; крепко жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 61, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: «Памяти В. Г. Белинского». М., 1899, стр. 382—383. Повторная публикация: *Письма,* стр. 220—221.

---

[1] 29 декабря 1881 г. (10 января 1882 г.) Тургенев сообщал Салтыкову: «Я видел здесь г-жу Виницкую. У ней в голове такое идет колыхание мысли. Точно лошадиный хвост во время сильного ветра. Она просит меня узнать от Вас, поместите ли Вы ее последние вещи — а если нельзя — так чтобы Вы их сюда выслали — хоть на мое имя. Считаю долгом прибавить, что она тут же воскликнула: «Нет! Вы его не беспокойте», потом опять заметила, что лучше, однако, написать... хотя собственно к чему?» (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 174).

[2] Постановлением министра внутренних дел за публикацию в газете «Порядок» (1882, № 7, 8 января) запрещенного «московским губернатором к напечатанию в московских изданиях отчета о заседаниях Московской городской думы от 4 января» и «вообще вредное направление этого издания» газета была приостановлена на полтора месяца («Правительственный вестник», 1882, № 6, 9 января; *ЦГИА,* ф. 776, оп. 6, 1880 г., № 548, лл. 61—77). См. также письмо 685, прим. 6.

[3] 4 января 1882 г. министр внутренних дел разрешил «с 6 сего января выпуск в свет газеты «Голос», приостановленной распоряжением от 25 июля минувшего года» (*ЦГИА,* ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 101, л. 208). См. также письмо 758, прим. 1 и письмо 760, прим. 2.

[4] В № 1 *Отеч. записок* напечатано пятое «письмо» из цикла «Письма к тетеньке».

814. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

13 января 1882. Петербург

13 января.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сегодня с почтой Вам послано 3700 р. русскими сторублевками. Деньги эти образовались так: 3457 р. 60 к., о которых я уже писал Вам, да еще текущего счета по хранению в прошлом году денег пришлось на каждого из нас по 341 р. 80 к. Всего, значит, образовалось 3799 р. 40 к. Из них 3700 р. посланы Вам, а 99 р. 40 к. остались на руках у Гаспера. Из них 12 р. с лишком употреблено на пересылку 3700 р., как это видно из имеющейся у меня почтовой расписки. Я не решился купить выигрышных билетов, потому что ввиду современных колебаний, по случаю парижского краха, трудно рассчитывать на подобную спекулятивную бумагу [1]. Притом же, я полагаю, что и в Ницце Вы можете купить этих бумаг и притом дешевле здешнего. Там пропасть русских, которые, по случаю Монтекарло, продают всякого рода бумаги, и в том же Crédit Lyonnais найдется все для Вас подходящее.

1-й № «Отеч<ественных> зап<исок>» посылается в цензуру завтра, 14-го числа, и ежели не встретится препятствий, 18-го выйдет. Но так как 15-го мне исполнится 56 лет, то я думаю, что судьба, не особенно мне благоприятствующая в жизни, приуготовит какой-нибудь скверный сюрприз. В этом № помещена комедия Островского, на этот раз очень хорошая [2]. Затем: Успенский [3], Каронин [4] и я [5]. Для 2-го № получена статья Энгельгардта, впрочем, не беллетристическая [6], так что покуда я совсем не знаю, что там будет по части беллетристики. Обещал Успенский (окончание статьи, начатой в 1-м №) [7] и Зайончковская [8], но полагаться на них не вполне удобно. Я тоже все болен (две недели драхеншус — никогда так долго не бывало) и совсем писать не в силах. Златовратский городит чушь и, пожалуй, такое что-нибудь даст, что и поместить нельзя [9]. Он теперь кулаков стал восхвалять. Вообще, осел изрядный.

Сегодня Семевский написал мне, что Новодворский очень плох [10]. Я писал Краевскому, что следует послать ему из Литературного фонда денег [11], а он отвечает, что ему уже послано 150 р. на днях и на Ваше имя. Сделайте одолжение, справьтесь и уведомьте определенно, сколько выслано и вообще дано ему денег из фонда и сколько еще нужно. Буде окажется нужным, рублей 100 выдайте из своих. Я ручаюсь, что деньги будут Вам *немедленно* возвращены.

3700 р. высланы Вам в двух пакетах, потому что в одном пакете больше 2500 р. не принимают.

Передайте сердечный привет от меня и от жены многоуважаемой Екатерине Павловне.

«Порядок» на $1^1/_2$ мес<яца> запрещен[12]. Таковы наши дела.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На письме рукою Елисеева: 1882. Янв. 13. В Ниццу 3700 рублей.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликовано в отрывках: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 32—33; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 256—257.

---

[1] О «парижском крахе» Салтыков, вероятно, узнал из статьи Л. Шассена «Хроника парижской жизни» (*ОЗ,* 1882, № 2).

[2] А. Н. Островский. Таланты и поклонники.

[3] Г. И. Успенский. Власть земли, гл. I—V.

[4] С. Каронин. <Н. Е. Петропавловский>. О чем он думал. Рассказ.

[5] Н. Щедрин. Письма к тетеньке. Письмо пятое.

[6] О статье А. Н. Энгельгардта см. письмо 807, прим. 1.

[7] Г. И. Успенский. Власть земли, гл. VI—X (*ОЗ,* 1882, № 2).

[8] Ближайшая работа Н. Д. Зайончковской в *Отеч. записках* — перевод трагедии В. Монти «Кай Гракх» (1882, № 7).

[9] В *Отеч. записках* Н. Н. Златовратский поместил последнюю часть «Устоев» (1882, №№ 3, 5, 8—9, 11—12).

[10] Это письмо М. И. Семевского неизвестно.

[11] Салтыков имеет в виду свое письмо к Краевскому от 5 января 1882 г. (811).

[12] О газете «Порядок» см. письмо 813, прим. 2.

815. Г. И. УСПЕНСКОМУ

14 января 1882. Петербург

14 января.

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Сегодня январская книжка пошла в цензуру, и надо набирать 2-ую. Буквально нѐ с чего начать. Будьте так добры уведомить меня, доставите ли Вы к февральской книжке окончание «Власти земли», и когда [1]. Пожалуйста, извините за назойливость, но, право, никогда так не бывало с «Отеч<ественными> записками». Материал есть, но совсем средний.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 313, оп. 3, № 280, л. 26.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 323—324.

---

[1] Напечатанные в *Отеч. записках*, 1882, № 2, очерки «Власть земли» были продолжением этого цикла, а не окончанием его.

815-bis. В. П. ГАЕВСКОМУ

19 января 1882. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Не знаю, позволит ли мое здоровье быть завтра у тебя; но ежели будет возможно, то к 6 часам явлюсь.

Благодарю за хлопоты.

Весь твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 35.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 142, с отнесением к 1883—1884 гг. «предположительно по почерку и бумаге». Датируется 20 января 1882 г. на основании записки Гаевского к Кавелину, в которой, приглашая его к себе «обедать в середу 20 января в 6 часов», он прибавлял: «Встретите: Салтыкова, Стасюлевича, Пыпина, Унковского и Еракова» (*ИРЛИ*, 20408, л. 19).

816. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

25 января 1882. Петербург

25 января.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сам сознаю, что слишком редко пишу к Вам, но воистину давно не бывал я в таком неистовом положении, как в последнее время. Вот уж с лишком три недели, как в меня вцепился драхеншус и не отпускает, а Вы знаете, какая это неприятная, даже мучительная болезнь. И теперь, вставая по утрам, чувствую себя необыкновенно скверно, но думаю, что это уж не драхеншус, а ревматическая боль. Н. И. Соколов уверяет, впрочем, что признаков ревматизма нет, но думаю, что это он меня утешает, потому что в прописанной им микстуре замечаю присутствие саллициловой кислоты. Вот будет прелесть, если эта штука разыграется у меня подобно тому, как это было в 1875 году? Право, иногда такую физическую боль ощущаю, что под постоянным ее давлением на свет не смотрел бы.

И за всем тем обязываюсь писать и пишу. Точно вечный жид: кончу одно и сейчас же должен начинать другое. Третьего дня покончил с февральским письмом, а завтра уже зачну мартовское[1]. А в свободные часы — корректуры, чтение рукописей — и в результате доход Краевскому $16^{1}/_{2}$ тысяч, а мне $8^{1}/_{2}$. И представьте, хоть бы он какую любезность мне сделал, напечатал бы, например, даром объявление о моих книгах — никогда!

А книги мои, между тем, совсем стали. Вот уж два месяца, как ни один книгопродавец ни одного экземпляра не берет. Это Вам рисует нашу публику. Я объявил в «Отеч<ественных> зап<исках>»[2], что иногородние, обращающиеся в контору за моими изданиями, за пересылку ничего не платят. Думал, что при подписке найдутся желающие. Представьте же себе, что таковых нашлось — 20 человек! Это из числа 4 тысяч с лишком писем, полученных уже поныне в конторе. Ничего более подлого вообразить себе невозможно, и я буду беспредельно рад, когда, наконец, треклятый контракт <кончится>, и я брошу все это дело[3]. Я бы давно это сделал, если б не обязанность оставить семье хоть какой-нибудь кусок хлеба.

Дела наши идут, по обыкновению, серенько. Один результ<ат> вышел: сегодня в газетах напечатано производство Каткова из статских в тайные советники. Говорят, будто бы ему предлагали назначить членом Госуд<арственного> совета, но он якобы отказался.

Стасюлевич сначала было волновался, но теперь присмирел. Его, так сказать, в корне подсекли, в самом начале подписки. И вот еще факт для характеристики русской публики. Едва узнали о прекращении «Порядка» на $1^{1}/_{2}$ месяца[4], как контору начали осаждать подписчики с требованием возврата денег. Будет ли Стасюлевич продолжать «Порядок» — не знаю, да и сам он ничего, кажется, не решил. На днях я обедал вместе с ним у Гаевского, и он не говорит ни да ни нет. И в газетах ничего не объявляет. А псы: Краевский и Суворин процветают. Последний получил разрешение издавать еще газету — в Москве[5]. Вероятно, это будет вроде перепечатки «Нового времени», но суть в том, что телеграммы будут получаться в Москве и за Москвой будут получаться раньше. На этой струне играли «Моск<овские> ведомости», и в этом смысле Суворин, вероятно, нанесет им удар. И то хорошо, что хотя одна гадина съест другую.

Пожалуйста, передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. И не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

Гамбетта-то, кажется, провалился — и навсегда. Хоть он и хитро свою отставку обставил, однако ж Марсельская демонстрация показывает, что и хитрость иногда бывает тщетная[6].

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 17.

Впервые опубликовано в отрывках: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 37—38; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 257—258.

---

[1] Салтыков имеет в виду шестое и седьмое «письма» из цикла «Письма к тетеньке» (1882, №№ 2, 3).

[2] Объявление Салтыкова, напечатанное на отдельном листе, прилагалось к № 1 *Отеч. записок* за 1882 г.

[3] Срок договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* истекал 1 января 1884 г. (см. наст. том, стр. 321—327).

[4] О газете «Порядок» см. письмо 813, прим. 2.

[5] Суворин пытался издавать в Москве с 1883 г. газету «Русское дело» (вышел только один номер).

[6] Имеется в виду предстоящая отставка правительства Гамбетты, просуществовавшего с 14 ноября 1881 г. по 26 января 1882 г.

817. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ

25 января 1882. Петербург

Петербург. 25 января.

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Я совсем не так избалован фортуной и не так нагл от природы, чтобы не ценить глубоко и искренно сочувственного отношения ко мне таких людей, как Вы. И письмо Ваше тем больше утешило меня, что я решительно не на розах покоюсь[1].

Глубоко, всем организмом больной, непрерывно кашляя и задыхаясь, я, как вечный жид, обязываюсь идти и идти. Нет конца моей работе. Месяц кончается — начинается другой и в то же время кончается и начинается моя работа, точно проклятый заколдованный круг меня окружил. И все это имея в перспективе, что лет через двадцать меня или забудут, или будут читать с комментариями, как уже теперь читают «Губернские очерки» (я сам почти так их читал недавно, выпуская новое издание). Но скоро вижу конец этой египетской работе, потому что через два года кончается срок контракта с Краевским, и я нового, конечно, не заключу, разве что с голоду придется умирать[2]. Публика действительно как будто

благоволит ко мне, однако же не без осмотрительности, что доказывается тем, что отдельные издания мои расходятся довольно медленно. Особенно осмотрительными оказываются в этом отношении подписчики «Отеч<ественных> зап<исок>», на которых, казалось бы, я имею некоторое право рассчитывать. Вот Вам пример: несмотря на ежемесячные объявления, что издания мои можно выписывать прямо от меня или из конторы журнала (с некоторою льготою), из 4500 иногородных подписчиков, прямо подписывающихся на журнал в конторе, только 20 выписали книгу «За рубежом».

Живется нам нельзя сказать чтоб отлично. Главная беда, что неизвестность какая-то давит. И не только людей развитых, но и самых обыкновенных. И еще странно: торжествуют Катков, Аксаков и притом торжествуют официально, так что всякое равновесие в борьбе потеряно[3]. Этого еще никогда не бывало. Но делать нечего, приходится переживать. Но надеюсь, что после этого Вам не покажется удивительным, почему я с таким нетерпением жду момента, когда и для меня откроется возможность положить перо в сторону. И болен, и стар и до смерти устал. Ни развлечений, ни удовольствий не знаю; редактирую журнал и никого не вижу. Ужасно это странно. Вообще, ежели будет моя правдивая биография, то она может быть любопытна.

Летом думаю, что вынужден буду ехать за границу, как это делаю постоянно в последние годы. Я собственно очень недолюбливаю подобных экскурсий, но семья вынуждает, или, лучше сказать, жена. В будущем году, однако ж, эта история прекратится, потому что сыну придется поступить в гимназию.

Дружески жму Вашу руку и прошу не забывать душевно Вам преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 639, оп. 2, № 82, лл. 18—19. Впервые опубликовано: «Русская мысль», 1913, № 4, отд. II, стр. 123—124.

---

[1] Упоминаемое письмо А. М. Жемчужникова к Салтыкову неизвестно.

[2] Намерения своего не заключать нового контракта с Краевским на издание *Отеч. записок* Салтыков не осуществил: 20 октября 1883 г. договор был пролонгирован до января 1886 г. Ср. предыдущее письмо.

[3] В день, когда Салтыков писал это письмо, в газетах были напечатаны известия о производстве Каткова из статских в тайные советники и об «успехе», который имела «в некоторых официальных кругах» последняя статья И. С. Аксакова в издававшейся им газете «Русь» («Новое время» от 25 января 1882 г.).

818. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

1 февраля 1877—1882. Петербург

Многоуважаемый Александр Львович.

Препровождаю при сем письмо, адресованное мне на малороссийском диалекте вместе с стихами и портретом автора[1]. Последний можете повесить у себя в кабинете. Я попросил бы Вас кратко сообщить мне о содержании письма: не требуется ли от меня ответа.

Ваш
М. Салтыков.

1 февраля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, л. 1. Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 67.

---

[1] О чем идет речь, установить не удалось.

819. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

10 февраля 1882. Петербург

10 февраля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Будьте так добры, выдайте Новодворскому 150 рублей; я же с своей стороны такую же сумму передам Гасперу для присоединения к деньгам, каждомесячно откладываемым им из Вашего жалованья. Полагаю, что это Вас не затруднит, а между тем Новодворский просит выслать ему денег, и я вместе с сим пишу ему в этом смысле[1]. Я, впрочем, уже писал к Вам, прося, в случае надобности, помочь Новодворскому, но Вы мне ничего не ответили[2]. Новодв<орский> тоже не пишет, сколько ему надобно, так что размер суммы я определил сам. Если же Вы почему-нибудь признаете для себя неудобным выдать Новодв<орскому> деньги, то напишите поскорее: мы ему отсюда вышлем, а Вы между тем только обеспечьте в его пансионе, чтоб его не тревожили уплатами до присылки денег. Я сначала обратился было к Литературному фонду за помощью, но получил ответ, что и без того Новодв<орскому> уж дано 585 р. и, стало быть, теперь он может умирать на всей своей воле[3]. Но из письма Новодв<орского> видно, что он надеется вынырнуть, и что Якоби будто бы делает ему в этом смысле комплименты.

2-я книжка «Отеч<ественных> зап<исок>» оканчивается печатанием и 13-го в субботу отправится в цензуру. Там есть

отличная статья Энгельгардта[4]. И Новодворского повесть там же помещена[5].

А у нас в доме семейная радость: Анна Аполлоновна выходит замуж на 43-м годку от рождения[6]. Искала — и обрела. Где? В незнаемом городке Каркассоне на юге Франции. Как она туда попала — бог весть; но должно быть оттуда пахло жареным, а быть может и провидение вмешалось. Осень провела в Биарице, и все пела: иде домув муй?[7], потом отправилась в Тулузу, потом в Каркассону, не пробыла там недели и порешила. И сейчас же портрет прислала: стоит старец испитого вида, на шее — старческие складки (у меня еще нет их) и на голове шляпа, для предохранения плеши от непогод. Имущество — чистое сердце; звание — спирит. Впрочем, говорит Анна, вероятно, у нас будет вдвоем до 10 т. фр. дохода, полагая в том числе своих 2 тыс. рублей. Фамилия его — Турнье и предки когда-то были seigneur'ами, так что и теперь ему в Каркассоне «как-то особенно кланяются» (это Анна пишет). Сверх того, имеет знак отличия мужеска пола для ношения в штанах — это я пишу. Теперь выправляют малюткины документы, и это такая возня, что легче было храм Спасителя в Москве построить. А мамаша из Сергача пишет: я думала, что моя цыпка чистая, а она, как и все, к мужчинам ушла. На днях мы ей деньги посылали: представьте курс какой: на 3 месяца 257.

Дела наши идут все прежним порядком, но поговаривают, что будет война с австрияком. Вероятного мало, но ведь в 1876 году казалось маловероятным, а между тем случилось.

Передайте, пожалуйста, от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне. Затем, будьте здоровы, и не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

К 8 февраля было подписчиков 8500, кроме даровых. Февральская книжка поэтому печатается в 10½ т. экземпл. А материала у нас совсем нет. Вот будет штука, ежели журнал кончит жизнь по недостатку что̀ печатать.

На письме рукою Елисеева: 1882 г. Февраль 10.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликована выдержка: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 33; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 260—261.

---

[1] Письма А. О. Новодворского и Салтыкова неизвестны.

[2] С этой просьбой Салтыков обращался к Елисееву в письме от 13 января 1882 г.

[3] Салтыков имеет в виду свое письмо к Краевскому от 5 января 1882 г. (см. письмо 811, прим. 2).

[4] О статье А. Н. Энгельгардта см. письмо 807, прим. 1.

[5] А. О. Новодворский. История. Рассказ (*ОЗ*, 1882).

[6] А. А. Болтина (в замужестве Турнье) — свояченица Салтыкова.

[7] «Где дом мой» — чешская песня, ставшая гимном национально-освободительного движения западных и южных славян (см. наст. изд. т. 14, стр. 618).

820. И. С. ТУРГЕНЕВУ

13 февраля 1882. Петербург

13 февраля. Петербург.

Многоуважаемый Иван Сергеевич. Я замедлил ответом Вам потому, что не имел времени прочитать присланную Вами статью, а не прочитал ее потому, что только сегодня отправил 2-ю книжку «Отеч<ественных> зап<исок>» в цензуру. Однако ж, сейчас кончил и скажу, как и Вы: написано не без таланта, но весьма неопытной рукой. Оборвано и много лишнего, противного архитектуре. Сверх того, у нас не без веса и цензурные соображения — и в этом смысле трудно что-нибудь сказать заранее[1]. Во всяком случае, я поработаю над этой вещью, хотя раньше майской книжки или даже июньской не обещаю ее поместить. Я думаю в конце прибавить главу фантастического характера. Сидят в остроге 5, 10, 20 лет, и все нет решенья. И дети в остроге завелись и выросли, вскормленные млеком превратных толкований, и тоже попали под суд. Наконец, приходит благородный действ<ительный> стат<ский> советник, Стратилатова (городничего) сажает в острог, а адвоката из острога освобождает и сажает на место городничего. Опять начинается дело, у Стратилатова рождаются дети, приходит новый действит<ельный> ст<атский> советник, Стратилатова освобождает, а адвоката сажает и т. д. Будет много смеха и притом веселого. Спросите у автора, согласен ли он[2]. И еще спросите: гонорар 75 р. за лист — согласен ли? И, пожалуйста, напишите, потому что я, пожалуй, удосужусь, да и раньше за работу примусь.

Насчет повести Виницкой я тоже с Вами согласен: переделать начало, да конец *совсем* выбросить — только и всего. А сверх того, и еще: повесть совсем нецензурна[3]. Ежели она переработает повесть, я буду не только рад напечатать ее, но и в восхищении. Никогда мы не были так бедны материалом, а Виницкая положительно талантлива. Пожалуйста, убедите

ее приняться за работу поскорее, а главное, иметь в виду цензурные условия. Я знаю, что это условие ужасное, но нам, видно, и умереть с ним придется. Особливо мне. Я, впрочем, серьезно уж помышляю о закрытии лавочки. Предположил себе: две работы докончить и две новые сделать, чтобы четыре книги новых вышли — и баста. Все это сделаю до 1-го января 1884 года, ежели не умру раньше[4]. А потом, может быть, даже застрелюсь. Физические страдания начинают одолевать. Характер делается невозможным; боюсь, что дети возненавидят. А сверх того, по окончании литературной деятельности, я уже — лишний рот. Как у крестьян: пора старику и умирать.

До свидания. Благодарю, что случай заставляет Вас вспоминать обо мне. Но вот что: Вы писали, что в марте приедете, а теперь — помалчиваете. Что сей сон значит?

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 61, лл. 3—4.

Впервые опубликовано: «Памяти В. Г. Белинского». М., 1899, стр. 383—384; повторная публикация: *Письма,* стр. 222—224.

---

[1] В письме к Салтыкову от 1/13 февраля 1882 г., посылая рукопись повести И. Я. Павловского «Политическое дело», Тургенев писал: «...это продукт молодого литератора (одного из Ваших подражателей), который, кажется, не без таланта. Удостойте прочесть или дайте прочесть какому-нибудь компетентному судье и скажите: может ли он вообще продолжать свое писание — и есть ли хоть некоторая возможность со всеми вырезами и укройками, какие только вздумаются, поместить это в «О<течественных> з<аписках>» (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 195). Из последующих писем Салтыкова к Тургеневу (829 и 840) явствует, что Салтыков согласился опубликовать повесть Павловского в *Отеч. записках* и даже выслал автору аванс (100 руб.). Однако в апреле 1883 г. Салтыков посылает «Политическое дело» «в корректурных листах» в редакцию «Русской мысли». В письме к С. А. Юрьеву от 15 октября 1883 г. он объясняет это тем, что повесть Павловского «слишком смахивает» на «Современную идиллию», да и «строгости цензурные остановили» (см. письмо 953). Не зная об этом, Павловский 27 января 1886 г. обращается к Суворину с просьбой «вытащить» его «рукопись от Щедрина» (*ЦГАЛИ,* ф. 459, оп. 1, № 3141, л. 11). В начале 1912 г. Павловский ведет переписку с С. Н. Шубинским о напечатании этой повести в «Историческом вестнике» (*ГПБ,* ф. 874, № 129, лл. 198—200). Ознакомившись с повестью, Шубинский отказался от ее публикации.

[2] К повести И. Я. Павловского Салтыков написал «Эпилог» (см. *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 431).

[3] В письме от 1/13 февраля 1882 г. Тургенев сообщал Салтыкову: «Получил я две вещи г-жи Виницкой и прочел их. Первая (маленькая) никуда не годится, но вторую (побольше) я бы не забраковал, если только переделать начало и выбросить совсем весь конец. Позволите ли Вы ей переслать Вам ее в новом исправленном виде?» (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 195). Под второй «вещью» имеется в виду рассказ Виницкой «Ни дна, ни покрышки» (*ОЗ,* 1882, № 11), затяжку в опубликовании которого Салтыков объяснял его нецензурностью (см. письма 824, 831, 862).

[4] 1 января 1884 г. истекал срок договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок.*

821. Г. И. УСПЕНСКОМУ

18 февраля 1882. Петербург

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Решительно невозможно обсуждать какие бы то ни было вопросы, имея между собой расстояние, равняющееся 3—4 верстам. Ежели Вы не больны, то, сделайте милость, зайдите на днях утром ко мне. Я всегда дома, и мы, наверное, в два-три слова все покончим; иначе, я все-таки рискую не вполне понять Ваши желания.

Ваш

М. Салтыков.

18 февраля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 313, оп. 3, № 280, л. 28.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 326.

Годовая дата письма определяется по его связи с содержанием письма Салтыкова к Н. К. Михайловскому (827). Во второй половине февраля Успенский действительно приезжал на короткое время в Петербург.

822. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

22 февраля (?) 1882. Петербург

Многоуважаемый Александр Львович.

Обед Островскому будет 2-го марта, во вторник, у Донона, в 6 часов. Гостей около 15 человек. Уведомьте, будете ли Вы? Собственно говоря, это обед интимный. Очень хорошо бы, если б Вы не пошли на попятный двор.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, л. 8.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 97, с отнесением к концу февраля 1882 г. Предположительно датируется 22 февраля 1882 г. по письму М. М. Стасюлевича В. П. Гаевскому, в котором он сообщал, что совместно с Салтыковым затеял «приятельский обед в честь А. Н. Островского», который «должен быть 2 марта в 6 часов у Донона» (*ГПБ,* ф. 171, № 270, лл. 67—68).

Обед был устроен по случаю 35-летия литературной деятельности А. Н. Островского. На нем присутствовали: Гончаров, Кавелин, Григорович, В. Корш, Пыпин, Стасюлевич, Салтыков, Боровиковский, Михайловский и другие (Н. Кропачев. А. Н. Островский. Воспоминания его бывшего литературного секретаря.— «Русское обозрение», 1897, № 2, стр. 857).

823. А. А. ВИНИЦКОЙ

22 февраля 1882. Петербург

Многоуважаемая Александра Александровна.

Повесть Вашу я прочитал и положительно не могу сказать, будет ли она помещена. Как повесть она мне понравилась, но в цензурном смысле — совершенно невозможна. Впрочем, так как в последнем письме Вы даете мне известные полномочия, то я постараюсь что-нибудь сделать. Но не думаю, чтоб можно было сделать это скоро[1].

Я вижу из Вашего письма, что Вам необходимы деньги[2]. В этом случае редакция может Вам предложить свои услуги, то есть дать вперед. Напишите немедленно, сколько Вам необходимо — деньги будут сейчас же высланы. Примерно, от 200—300 р.

Не хотите ли познакомиться в Париже с доктором Белоголовым? Если желаете, то придите от моего имени — он отличнейший человек, жена его — тоже. Живут они более нежели скромно Rue des Beaux Arts 4/bis (Hôtel de Nice), тоже на левом берегу.

Искренно преданный

22 февраля. *М. Салтыков.*

Пишите всякий раз в заголовке Ваш адрес.

На конверте: France. Paris. Rue Gay Lussac, 46. Hôtel d'Egypte. M-lle Alexandrine Boudzianik.

Почтовый штемпель: СПб, 23 февраля 1882.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 146, № 26, л. 9.

Впервые опубликовано: Неизданные письма, стр. 96—97.

[1] Об этой повести см. письмо 820, прим. 3.

[2] Упоминаемое письмо А. А. Виницкой к Салтыкову неизвестно.

824. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

23 февраля 1882. Петербург

23 февраля. Петербург.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Здесь прошел было слух, что Вы заболели, и я очень был рад, получив Ваше письмо и не найдя в нем подтверждения этого слуха (по крайней мере, серьезного) [1]. Что касается до меня, то я, по обыкновению, то в тупом, то в обостренном состоянии, но во всяком случае невесело провожу время. Но хуже всего то, что у меня вся семья болеет. Сначала дети (теперь им лучше) простудились и гриппом заболели; потом — жена, которая заболела серьезно и вот целую неделю как перемогается, а сегодня даже слегла. И при этом капризничает, не хочет лечиться; Соколов пропишет что-нибудь, а она не принимает. Просто голова у меня кругом идет. Да еще занятий при этом скопилось, как нарочно. Лезут прямо ко мне, минуя редакцию, требуют, чтоб я *сам* прочитал, сам сказал мнение.

Что касается до воронежского адреса [2], то, право, у меня выработалось какое-то странное отношение ко всем этим *оказательствам*. Хотелось бы, чтоб обо мне забыли, оставили в покое, не тревожили навозных куч, которые теперь господствуют в литературе. Ибо на всякое одинокое слово участия отвечают десятками самых пошлых ругательств. В сущности, ведь, участливые голоса не защитят, а ругатели могут *добить* окончательно.

Адрес доставлен мне, но он вовсе не от интеллигенции, как заявлено в газетах, а скорее от мещан, купцов, семинаристов, гимназистов и даже крестьян. Это, коли хотите, лестнее, нежели от заправской интеллигенции, но с другой стороны возникает вопрос: не ходили ли собирать подписи по домам, как некогда для приговоров о ссылке на поселение?

Я перед Вами несколько прегрешил, и вот в чем. Есть у нас писательница, г-жа Виницкая-Будзианик, которая в прошлом году в майской книжке очень хорошую повесть напечатала [3]. После она и еще кое-что присылала, но негодное. Вообще в ней есть что-то потерянное, полоумное. Теперь она очутилась каким-то родом в Париже. Прислала повесть не глупую, но совершенно невозможную к печатанию [4]. И вот я

указал ей на Вас и на Софью Петровну. Указал и раскаиваюсь. Во всяком случае, ежели она к Вам приедет, то будьте осторожны. Есть что-то загадочное в этой девице, и даже поездка ее в Париж является мне невыясненною. Я, впрочем, только сегодня послал ей письмо с указанием на Вас[5]. Может быть, она и не придет. Живет она у Вас в соседстве, rue Gay Lussac, hôtel d'Egypte. Была она и у Тургенева, и ему показалась странною. А может быть, она просто нимфоманка. Пишет ко мне и просит, чтоб я никому об ней не говорил, адреса ее не сообщал и т. д. Совсем нелепо.

Где-то Вы лето проведете — напишите, пожалуйста. Я хоть и не желаю ехать за границу, но, кажется, придется. Вообще, моя жизнь сложилась мучительно.

От Елисеева получил вчера письмо[6]. Пишет, что у него голова побаливает, и думает уехать в Монтрё. Об Новодворском пишет, что он плох очень, но тоже собирается из Ниццы в Монтрё. Вообще, около «Отеч<ественных> записок» постепенно все хиреет, а нового ничего не нарождается. Перебиваемся мы, так сказать, со дня на день, и постоянно нуждаемся в материале, так что легко может случиться, что вдруг совсем захиреем, несмотря на блестящую подписку, которая уже теперь перешла за 9 тысяч, а печатаем $10^1/_2$ тысяч, потому что хоть и потихоньку, а все-таки каждый день подписчиков 20—25 прибавляется.

Петербург уныл. Бесснежная зима и притом с беспрерывными оттепелями делает свое дело. Везде больные. Это кладет еще большую печать уныния. Сравнительно, даже я должен почитать себя здоровым. Поистине Вам говорю: не знаю, как я и выйду из болезни жены. С ней почти то же, что и прежде, когда Вы ее лечили, только она еще своенравнее сделалась.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. О жене не говорю: она вся в огне лежит. Посылал за Нилом Ивановичем[7] — не застали. Вероятно, вечером зайдет.

Искренно жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 18 а.

Впервые опубликовано в отрывках: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 39, полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 264—265.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового к Салтыкову неизвестно.

[2] Известие о полученном Салтыковым адресе проникло в печать. Так, газета «Голос» (1882, № 35, 9 февраля) в разделе «Внутренние известия»

сообщала: «5 февраля кружок местной интеллигенции Воронежа, по словам газеты «Московский телеграф», отправил в редакцию «Отечественных записок» М. Е. Салтыкову адрес, за подписью 148 лиц. В этом адресе местное общество выражает нашему знаменитому сатирику свое соболезнование по поводу известий о его болезни и заявляет, что честное и смелое слово его теперь больше, чем когда-нибудь, необходимо для общества. Адрес оканчивается пожеланием М. Е. Салтыкову полного восстановления здоровья на благо и славу родины» (то же: «Московский телеграф», 1882, № 37, 7 февраля; «Страна», 1882, № 18, 11 февраля).

[3] А. А. Виницкая. Перед рассветом. Повесть (*ОЗ*, 1881, № 5).

[4] Об этой повести Виницкой см. письмо 820, прим. 3.

[5] Имеется в виду письмо Салтыкова к Виницкой от 22 февраля 1882 г.

[6] Это письмо Елисеева неизвестно.

[7] Н. И. Соколов.

825. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 февраля 1882. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

И Боровиковский, и Михайловский — оба будут 2-го марта на обеде. Я сам — разумеется. Как видится, наберется человек шестнадцать.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

26 февраля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 150, № 584.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 266.

Посылая эту записку Салтыкова Гаевскому, как распорядителю на обеде в честь А. Н. Островского (см. письмо 822). Стасюлевич приписал: «Посылаю последнее сказанье; а относительно теши могу сказать только, что отныне имя Лукулла упраздняется, а вместо того будут говорить: Виктор Павлович. По крайней мере, закуска и кофе должны быть в той же цене или иначе будут ругаться.

М. Стасюлевич.

Таким образом, не дал ответа один Як. Полонский».

826. И. И. ЯСИНСКОМУ

Февраль 1882. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Повесть Вашу я прочитал и отправляю в типографию для мартовской книжки. Я отметил в ней 7—8 фраз не цензурных,

да еще мне кажется, есть некоторые неловкости в сцене (последней) с Черемисовой. Все эти места я помечу в корректуре, которую и пришлю к Вам. Мне думается, что Вы хорошо бы сделали, если б в конце прибавили, что предстоит продолжение.

Условия Ваши насчет гонорара принимаю с величайшей готовностью, и ежели Вы имеете надобность получить известную сумму вперед, то не стесняйтесь, напишите. Очень бы хотелось переговорить с Вами, и если б Вы потрудились зайти ко мне утром часов от 1—3, весьма обязали бы. Но в среду, быть может, вынужден буду выехать.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 663, № 14.

Впервые опубликовано факсимиле: Э. Э. Найдич. Рукописи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Описание. Л., 1954, стр. 25. Датируется февралем 1882 г. по упоминанию о Черемисовой, одном из персонажей повести Ясинского «Всходы. Картины провинциальной жизни» (*ОЗ*, 1882, № 3).

827. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

Конец февраля — начало марта 1882. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Успенский, по-видимому, здесь, но, разумеется, предпочитает изнурительную переписку, краткому личному объяснению[1]. Он прислал мне I главу «Вл<асти> земли», но Кривенко ему почему-то сказал, что в мартовской книжке эта глава уже не может быть помещена[2]. Между тем глава не более 1 листа и могла бы быть включена в книжку. Затем, Успенский пишет[3], что для апреля будут еще не то одна, не то две главы (ей-богу, не пойму). Сделайте одолжение, если можете, разъясните эту путаницу. Я бы желал печатать *теперь* главу, а в апреле особо. Хорошо кабы завтра утром около 4-х часов это выяснилось.

Ваш *М. Салтыков.*

Поездка Успенского внутрь России, кажется, уже совершилась.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, л. 71.

Впервые напечатано: *Письма*, стр. 222.

Датируется временем подготовки мартовской книжки *Отеч. записок* 1882 г.

---

[1] Получив это письмо, Михайловский обратился к Успенскому: «Я был вполне уверен, что Вы останетесь на середу посмотреть Катерину Павловну. Обещал даже Салтыкову привести Вас к нему в четверг: он все жалуется, что Вы предпочитаете «изнурительную переписку краткому разговору». Он желает слышать от Вас о дальнейших Ваших планах насчет «Власти земли» и прочего (пишет, говорит, да я ничего не понимаю). Приезжайте хоть к этой середе, Катерина Павловна еще здесь и просит передать Вам свое рукопожатие» (*ИРЛИ*, ф. 313, оп. 3, № 188, л. 57).

[2] Окончание «Власти земли» (гл. XI и XII) не было разбито на два номера, а полностью помещено в № 4.

[3] Это письмо Успенского неизвестно.

828. И. А. САЛОВУ

1 марта 1882. Петербург

Многоуважаемый Илья Александрович.

Помнится, Вы писали мне, что готовите для «Отеч<ественных> зап<исок>» несколько вещей, и что, между прочим, одна из них, довольно большая, уже переписывается Вами.

Не получая до сих пор от Вас ничего, позволяю себе напомнить о Вашем любезном обещании.

Искренно Вам преданный

1 марта 1882 г. *М. Салтыков.*

Печатается по копии: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 43, л. 15.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 331. Подлинник неизвестен. Ближайшие произведения И. А. Салова в *Отеч. записках* — «Лес» и «Едет!» (1882, №№ 6 и 7).

829. И. С. ТУРГЕНЕВУ

6 марта 1882. Петербург

Петербург. 6 марта.

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Я сделал распоряжение, чтоб Вам послали 100 р., о которых Вы мне писали, для передачи автору присланного Вами сатирического очерка[1]. Очерк этот я постараюсь поместить

летом, потому что его надо исправлять, а теперь у меня для этого нет времени[2]. Летом же я обыкновенно месяца на три умолкаю, и в апрельской книжке появится мое последнее письмо к тетеньке[3]. Устал ужасно. Да и ругают меня как-то совсем неестественно. Хорошо еще, что я не читаю газет и только в «Московских ведомостях» узнаю, что я безнравственный идиот[4]. Каторжная моя жизнь. Вот Островский так счастливец. Только лавры и розы обвивают его чело, а с тех пор, как брат его сделался министром[5], он и сам стал благообразнее. Лицо чистое, лучистое, обхождение мягкое, слова круглые, учтивые. На днях, по случаю какого-то юбилея (он как-то особенно часто юбилеи справляет), небольшая компания (а в том числе и я) пригласила его обедать[6], так все удивились, какой он сделался высокопоставленный. Сидит скромно, говорит благосклонно и понимает, что заслужил, чтоб его чествовали. И ежели в его присутствии выражаются свободно, то не делает вида, что ему неловко, а лишь внутренно не одобряет. Словом сказать, словно во дворце родился. Квас перестал пить, потому что производит ветра, а к брату царедворцы ездят, и между прочим будущий министр народного просвещения, Тертий Филиппов, который ныне тоже уж не <———>, но моет <———> мылом казанским. И все с кн<язем> Воронцовым-Дашковым разговаривают. Хоть бы одним ушком эти разговоры подслушать. А Аспазия у них — Феоктистиха и старая бандерша Евгения Тур.

За этим обедом рассказывали: Валуев написал роман («Лорин»), да и боится; что̀, ежели обругают! Пригласил к себе Буренина, поил чаем, и хорошими, но не самыми лучшими сигарами угощал. Выпросил у него книжку стихов и подарил «Лорина». Буренин, как истинный подлец, говорит: конечно, я должен теперь хвалить (и похвалил), но после — отыграюсь (и отыграется). Я собственно этого романа не читал, но говорят все, что неслыханная пакость.

На обеде был между прочим И. А. Гончаров и тихо завидовал, что у него нет брата-министра.

Виницкая прислала мне повесть совсем нецензурную[7]. Я боюсь, что она — сумасшедшая. Пишет, чтоб я никому об ней не говорил и адреса ее никому не сообщал. Не нимфоманка ли она? Вам я сообщаю ее новый адрес: rue Gay-Lussac, hôtel d'Egypte. Но, ради бога, не говорите, что от меня узнали. Я спрашивал ее, не нужно ли ей денег, и ответа не получил. Как бы она не утопилась или не повесилась. Я писал об ней доктору Белоголовому (rue des Beaux Arts, 4 bis)[8], но и не рад, что писал. Это такой клад, что рекомендовать его не безопасно.

До свидания. Будете ли Вы в Петербурге или отдумали? Я за границу нынче не еду. Нанимаем дачу в Ораниенбауме.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 795, № 85.

Впервые опубликовано: «Атеней». Историко-литературный сборник. 1924, № 3, стр. 127—128.

---

[1] В письме к Салтыкову от 26 февраля/10 марта 1882 г. Тургенев просил выслать И. Я. Павловскому 100 руб. за принятую для *Отеч. записок* повесть «Политическое дело» (*Тургенев. Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 208).

[2] Относительно повести И. Я. Павловского см. письмо 820, прим. 1.

[3] В № 4 напечатано предпоследнее «Письмо к тетеньке». 28 марта 1882 г. Салтыков сообщал Елисееву, что «хотел непременно кончить «Письма к тетеньке» в апрельской книжке», а «выходит, что конца не вышло» (см. письмо 832). Последнее «письмо» из цикла «Письма к тетеньке» появилось в следующем, пятом номере журнала.

[4] Салтыков имеет в виду статью «Е. Л.» (Е. Л. Кочетова) «Отметки читателя газет» («Московские ведомости», 1882, № 53, 22 февраля) с отрицательным отзывом о пятом «Письме к тетеньке». Ироническую реплику по поводу статьи Кочетова см.: А. Лукин. Московские письма («Новости и Биржевая газета», 1882, № 61, 6 марта).

[5] Брат А. Н. Островского, М. Н. Островский, был министром государственных имуществ.

[6] Об обеде в честь 35-летия литературной деятельности А. Н. Островского см. письмо 822, прим. 1.

[7] Об этом произведении А. А. Виницкой см. письмо 820, прим. 3.

[8] Имеется в виду письмо Салтыкова к Н. А. Белоголовому от 23 февраля 1882 г. (824).

830. А. А. ВИНИЦКОЙ

12 марта 1882. Петербург

Многоуважаемая Александра Александровна.

По желанию Вашему, при сем высылается 100 р. Когда Вам понадобится еще,— напишите. Поспешу выслать.

Очень рад, что Белоголовые Вам понравились.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

12 марта.

На конверте (не рукой Салтыкова): Chargèe. Paris (France) 46 Rue Gay Lussac, Hôtel d'Egypte. M-lle Alexandrine Boudzianik, Einliegend mit Einhundert Rubl. Silber (100 Rub. Silb.) 400 fis.

В Париж. Г-же Будзианик сто рублей.

Почтовый штемпель: СПб. 13 марта 1882.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 146, № 26, л. 11. В конце письма приписка рукою служащего (как и адрес на конверте) конторы *Отеч. записок*: «P.S. В получении денег контора покорнейше просит уведомить».

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 97—98.

831. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

20 марта 1882. Петербург

20 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Спешу ответить на письмо Ваше, что из числа предлагаемых Вами статей, по отзыву Михайловского, самая подходящая будет о книге Тейлора (если можно, не более 2-х листов), и затем статья о хлопотах, доставляемых науке низшими животными[1]. Что касается до письма о современной философии, то едва ли она будет представлять интерес по чрезмерной своей отвлеченности. Притом же это такой бесконечный лес, до конца которого, пожалуй, и не дойдешь, хотя и предполагается не более 3-х листов. Что готово, то присылайте, но не стесняйте сроками печатания; денег же вышлем, сколько требуется, вперед. Впрочем, разумеется, не станем и печатанием медлить. Статей не беллетристических у нас довольно, но не особенно ярких. Но «Отеч<ественные> зап<иски>» журнал, по преимуществу, беллетристический, и потому в нем требуются и читаются в особенности статьи этого рода. Их-то и недостает.

Покуда я справлялся и собирался Вам отвечать, в Одессе опять случилось происшествие, о котором, конечно, Вы уже знаете из газет[2]. По-видимому, в публике оно не произвело впечатления, а какое впечатление в правящих сферах — это еще пока не выяснилось. Но и без того нельзя сказать, чтоб хорошо жилось. Недавно (дней 5 тому назад) разослано по редакциям распоряжение, чтоб не говорить о поземельных невзгодах крестьян[3]. Представьте же себе такую картину: года два сряду вся литература сосредоточивалась около этого вопроса и само правительство относилось к этому благоприятно; все редакции наполнены статьями этого рода, везде начата

разработка относящихся к этому предмету подробностей — и вдруг: стой! У нас уж начали тискать для апрельской книжки статью — и должны были вынуть.

Скажу Вам откровенно: все эти покушения, убийства и проч. делаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошлы. Из-за них ничего не видать. Не только никакого дела делать нельзя, но и разобраться в этой галиматье трудно. Хоть бы смерть скорее — до такой степени жизнь делается несносною и глупою. Каждый день я только о том и думаю, чтобы бросить все и погрузиться в тьму забвения. По нынешнему времени, это самый лучший удел.

Что касается до Виницкой, то она действительно, надорванная, но только чем — это неизвестно. Я, впрочем, видел ее всего один раз в жизни и затем получал множество грубых и глупых писем. Жизни ее я не знаю, откуда она и сквозь какие медные трубы прошла, и почему она Будзианик и в то же время Виницкая. Первая повесть ее была отличная, две последующие — глупые; наконец, теперь она еще прислала — недурна, но в высшей степени нецензурна [4]. Ежели увидите, то спросите ее, пожалуйста, получила ли она через Тургенева свои две повести, которые были не приняты? Она просила их для переделки.

Я болен, а главным образом необыкновенно утомлен. Писать трудно; видимо творческие силы подходят к концу. И охоты ни малейшей нет. Вообще теряется вкус к жизни, а при отсутствии этого стимула и работа невозможна. Письма к тетеньке хочу закончить в апрельской книжке, но весьма возможно, что всего не напишу и тогда разделю работу, понемногу, на две книжки [5]. За границу мы нынче не поедем, и ищем дачу в Ораниенбауме. То есть, не я ищу, а жена. Полагаю, что получу ревматизм. Вы как и где предполагаете провести лето? когда выезжаете из Парижа и куда? Пожалуйста, пишите. Соколов не нарадуется на меня — так я здоров. А я так думаю, что конец.

Прошу Вас передать от меня и от жены искренно дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне.

С Лихачевыми я часто вижусь и вспоминаем об Вас. Унковского вижу реже и реже. К нему теперь Ераков повадился. Приедет с утра и сидит. «Я, говорит, вам не мешаю; занимайтесь, пожалуйста». Я делаюсь как будто не ко двору.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, 18 б.

Впервые опубликована большая часть письма: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 40—41; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 268—269.

---

[1] Письмо Н. А. Белоголового неизвестно. Автором упоминаемых в этом и в последующих письмах Салтыкова к Белоголовому статей, был не Белоголовый, а находившийся в эмиграции П. Л. Лавров, на протяжении ряда лет конспиративно сотрудничавший в *Отеч. записках*. Белоголовый являлся лишь посредником между редакцией журнала и Лавровым, с которым был связан давней дружбой. В письмах к Лаврову (хранятся в *ЦГАОР*, ф. 1762) Белоголовый подробно информировал о своей переписке с Салтыковым по поводу его статей для *Отеч. записок*. Из упоминаемых в этом письме Салтыкова статей напечатана только одна — «Хлопоты науки с низшими организмами» (*ОЗ*, 1883, №№ 4—8).

[2] 19 марта 1882 г. в Одессе по решению Исполнительного комитета «Народной воли» был убит военный прокурор В. С. Стрельников. Покушение было совершено Н. А. Желваковым и С. Н. Халтуриным. Схваченные на месте, они вскоре (22 марта) были казнены под чужими именами.

[3] 17 марта 1882 г. редакции журналов и газет получили отношение Главного управления по делам печати, которым предписывалось «совершенно воспретить появление в печати всяких известий о переделах, равнении земли, слушном часе и т. п., а равно и статей, в которых проводится мысль о пользе или справедливости изменения земельного положения крестьян» (*ЦГИА*, ф. 776, оп. 8, 1882 г., № 129, л. 3).

[4] Об этом рассказе А. А. Виницкой см. письмо 820, прим. 3.

[5] О «Письмах к тетеньке» см. письмо 829, прим. 3.

832. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

28 марта 1882. Петербург

Петербург. 28 марта.

Христос воскресе.

Я, конечно, виноват, что долго не писал к Вам, но, мне кажется, и Вы не совсем правы, молча о себе. У Вас и досуга больше и угнетение не так сильно. Вы, конечно, читаете русские газеты и видите непрерывные жалобы на то, что жить скучно, томительно, почти невозможно. Представьте себе, что это нимало не преувеличено; что жить действительно необыкновенно томительно. Вот под игом этой томительности мы и живем да еще работаем. Нет нужды говорить Вам, что работа идет медленно и трудно; что то, что сработалось бы прежде в неделю, требует целого месяца. Вообще, проклятие на нас и на детях наших. Мне кажется, что ни в одной стране такого исторического момента не бывало. Даже торжествую-

щие не понимают, в чем их торжество. У зверей этого нет; и те убивают, только когда чувствуют голод, а мы убиваем, чтоб убивать.

Уверяю Вас, что это какая-то фантасмагория, среди которой не найдется ни одного человека, который, по совести, мог бы сказать, что ему сносно живется.

Вот я хотел непременно кончить «Письма к тетеньке» в апрельской книжке, чтоб, наконец, погрузиться в бездействие, хотя относительное. Я ощущаю в этом почти мучительную нужду и предвкушал отдых, живя мыслью об нем одном. А выходит, что конца не вышло. Написалось мало и заключение пришлось отложить до мая [1]. Заключенье будет с куриный нос, а за этой постылой работой сидеть надо, медленно, строка за строкой, ее осуществлять. И при этом, все-таки бояться удара и себе и делу. И это целых четырнадцать лет мы эту каторгу с Вами ведем! подумайте, нормально ли это? Помоему, нет жестокости горше этой.

Предстоящим летом я предполагаю остаться здесь и даже не предполагаю, а уже нанял дачу в Ораниенбауме. И наняли, представьте себе, за 1000 р. Вероятно, будет и сыро, и паскудно, но я рад, что эта передряга кончилась. Все же лучше, чем шататься за границей из города в город. Думаю, что даже и дешевле будет, а то мы так уж размахнулись, что я даже недоумеваю, как будем жить в случае чего. Кажется, мне удастся также удержать за собой и квартиру, что также для меня удобно.

А Вы что думаете по случаю лета? Напишите, пожалуйста. Ведь не простое любопытство заставляет меня делать этот вопрос, а общность интересов. Ужасно тяжело, когда Вы отмалчиваетесь, точно умышляете. Но впрочем, простите за эти размышления, которые как-то сами вылились.

У нас по редакции благополучно, но подписка идет уже слабо. Я было распорядился сверх 10 т. еще 500 экземпл. печатать, но, кажется, эту затею бросить придется. Однако ж, 10 т. экз. с даровыми несомненно выйдут [2].

До свиданья. Передайте от меня и от жены дружеский привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Пишите.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Соколов беспрестанно об Вас спрашивает, что и как.

На письме рукою Елисеева: 1882 г. Марта 28.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 33—34; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 270—271.

---

[1] О последнем «письме» см. письмо 829, прим. 3.

[2] В 1882 г. *Отеч. записки* выходили тиражом 10 020 экз.

833. Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

4 апреля 1882. Петербург

Многоуважаемый Николай Николаевич.

По желанию Вашему, посылаю Вам записку в контору на получение 300 рублей. Искренно сожалею о постигшем Вас горе. Что же касается до «Устоев», то не знаю, сдано ли Вами и сколько именно этого материала в конторе, но по прежнему Вашему письму сужу, что у Вас готово не много. Поэтому, я решился печатать в апреле другую, уже 2 месяца тому назад набранную повесть. «Устои» же лучше напечатать в несколько большем объеме в майской книжке[1]. Поэтому, ежели найдете удобным, то пришлите сколько можете, но не позднее 25-го этого месяца. Но, пожалуйста, не позднее, а буде нельзя, то уведомьте.

Что же касается до займа из Литературного фонда, то если Вы встретите в этом надобность, переговорите с Н. К. Михайловским. Он укажет, как это сделать, а я не совсем помню эти правила.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

4 апреля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 74.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 67, стр. 506.

Годовая дата письма определяется по письму Н. Н. Златовратского к Салтыкову от того же 4 апреля 1882 г. В этом письме Златовратский сообщил Салтыкову о смерти своего отца во Владимире и просил выдать в счет будущего гонорара 300 руб. или же оказать содействие в получении ссуды из Литературного фонда (*ЛН*, т. 13—14, стр. 365—366).

---

[1] В *Отеч. записках,* 1882, № 5, напечатаны главы V—VII романа Н. Златовратского «Устои».

834. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

28 апреля 1882. Петербург

28 апреля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вчера был боткинский юбилей, и я был на обеде, о чем Вас и уведомляю. Обедало около 400 человек, и распоряжался, главным образом, Соколов. Но распоряжался не совсем благополучно, и порядку было немного. Обед стоил 6 р. с рыла, но качеством своим напоминал кухмистерскую «Афины». Даже удивительно: на дворе тепло, а для Боткина отыскали мороженого судака. Может быть, впрочем, что юбиляру и супруге его получше подавали пищу, но я и по сие время опомниться не могу. С правой стороны у Боткина сидел Глазунов, с левой — Богдановский. Напротив — супруга юбиляра рядом с m-me Грубер. Мы с Унковским и Лихачевым сидели поодаль, но тоже могли видеть. Тут же с нами сидели: Стасюлевич, Утин, Корш, Краевский и... Поляков, который поил нас настоящим шампанским, а не юбилейным. Торжество было шумное; читали речи; сначала можно было разобрать, а потом — нельзя. Под конец явились и пьяненькие. Кто-то, педагог, вскочил на стул и начал чествовать юбиляра во имя педагогии, но его тут же прозвали педерастом и не дали кончить, приказав музыке играть. Г-жа Манасеина с тетрадкой в руках, хромая, подбрела к Боткину и с четверть часа что-то шептала, а Боткин кивал. Вероятно, это было приглашение на любовное свидание, потому что Екатерина Алексеевна ужасно сердилась [1]. Получено было более сотни телеграмм, сначала их читали, но когда дело дошло до какого-то сифилитического отделения московской чернорабочей больницы, то плюнули и только сказали: вот еще сколько. Присутствовал и обер-полицийместер Козлов, но не в качестве оного, а в качестве почитателя. Боткин сказал несколько теплых слов, обращенных к молодежи, но говорил тихо, медленно и прерывисто, ибо был взволнован. С утра раннего его терзали. Сначала в Думе с 11 до 4½ часов, потом у Бореля с 6½ до 9 часов. Г-жа Манасеина еще в Думе его ловила, но не изловила, а у Бореля поймала. И вдруг, среди гама и шума, встает Сеченов и предлагает тост за Вашего покорнейшего слугу [2]. Можете себе представить мое волнение и даже испуг. И начал коварно так, что и ожидать было нельзя. Боткин, дескать, знаменит как диагност, а между нами есть еще и другой диагност... Клянусь Вам, меня почти паралич хватил. Разумеется, я как дурак кла-

нялся во все стороны. Хорошо, что еще кашель не захватил, а то картина была бы полная.

Сюда приехал Энгельгардт, которому позволили месяц пробыть в Петербурге. Дело в том, что сына его, за пропаганду (ему 20 лет), хотели сослать в Восточную Сибирь[3]. Но Энгельгардта приняли необыкновенно любезно и теперь, по его просьбе, отдают ему сына, под его надзор, в деревню. По этому случаю, и с него самого сняли надзор, а только не имеет он права въезжать в местности, пользующиеся усиленной охраной. Но с позволения и туда можно. Завтра он уже уезжает обратно, а сына пришлют к нему после.

О себе Вам скажу, что здоровье мое все в том же виде. Всякое волнение отдается, и вчера, например, по возвращении с юбилея, я целую ночь кашлял. И виною этому Сеченов, который, впрочем, очень любезно передо мной извинился. Пили даже за Краевского, который ныне исправляет должность благородного человека. Был и Суворин, но сидел где-то в дыре и даже как бы в презрении; но и около него сидели, и против него тоже. Головин даже разговаривал. Была минута, когда опасались, что какой-нибудь прохвост и за него тост предложит, но, к счастию, этого не случилось.

Я еду на лето в Рамбов. Вы — куда?

Где Елисеевы? Ежели увидите их, то скажите, чтоб они сообщили о своих намерениях.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 19.
Впервые опубликовано: Сб. «Дело», М., 1899, стр. 119—120.

---

[1] Жена С. П. Боткина.

[2] «Господа, вы чествуете великого диагноста в медицине,— говорил Сеченов,— но не забудьте, что в нашей среде находится теперь другой, не менее великий диагност, это — всеми уважаемый знаменитый диагност наших общественных зол и недугов — Михаил Евграфович Салтыков» («Биржевые ведомости», 1882, № 62, 30 апреля).

[3] О М. А. Энгельгардте см. письмо 800, прим. 1.

835. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

15 мая 1882. Петербург

15 мая.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Известие, сообщенное Вами о Тургеневе, повергло меня в необыкновенное уныние[1]. Хоть я и не был с ним особенно близок, но все-таки это личность крупная и как-то тяжело слышать упоминание о смерти рядом с именем человека, послужившего развитию каждого более или менее порядочного человека. Буду надеяться, что болезненный казус и на этот раз разрешится благополучно. Смертей больше нежели достаточно. Вот Новодворский умер; к нему на смену отправился умирать Ясинский (Макс<им> Белинский), в чахотке, почти безнадежный. Невольно приходит на мысль: а следующая очередь за кем? Оно, пожалуй, было бы и нехудо попасть в очередь, да хлопот и мученья много. Вы, господа медики, все стараетесь *продлить,* а по нынешнему времени лучше и целесообразнее было бы сократить и устранить хлопоты. Вот Вы не читаете «Московские ведомости», а мы читаем. И узнаем оттуда, что у нас есть не только права, но и более того,— обязанности и даже политические. И напрасно-де хлопочут об конституции — она давно у нас есть и заключается в присяге[2]. Вот как прочтешь такую вещь и знаешь, какой она эффект производит в известных сферах, так и думается: как было бы хорошо ничего этого не читать, не слышать и даже букв этих не видеть. Серьезно Вам говорю, что когда я прочитал эту передовую статью (третьего дня), то со мной почти припадок сделался. Не злобы, а безвыходного горя и отчаяния.

Статья о Лонгфелло получена, но будет помещена не ранее, как в июльской книжке[3]. Ежели требуются деньги, то напишите: вышлем вперед.

Семья моя вчера отправилась на дачу в Ораниенбаум, я же остаюсь здесь до вторника, потому что вчера майскую книжку отправили в цензуру, и во вторник срок. Вероятно, в Рамбове будет гадко (дачи сам не видал, но, говорят, хорошая, и плачу 1000 рублей), но я не очень-то забочусь. Чем хуже, тем скорее ликвидация. Именно только хлопот и мученья много, а то, пожалуй, было бы даже лучше какой-нибудь хорошенький тифец заполучить.

Гр<игорий> Зах<арович> удивил меня. Во-первых, ни с того, ни с сего, начал разговор о своих отношениях к редакции, и, во-вторых, опять поднял вопрос о квартире[4]. А в заключение возвещает приезд Екатерины Павловны[5] в Петербург. Не сидится покойно, да и все тут. Вопроса об отношениях к редакции никто не возбуждал и в мыслях ни у кого не было

переменять эти отношения. А вот вопрос о квартире для меня очень существенный, и возбуждает его Гр<игорий> Зах<арович> аккуратно каждый год перед самым сроком возобновления контракта (1 июня). Представьте мое положение: и корректуры читай, и рукописи редактируй, и пиши, и с цензурой убивайся да еще квартиру ищи. И все это летом, когда хочется хоть некоторое время отдохнуть. Что касается до приезда Екат<ерины> Павл<овны>, то я объясняю его так: Гаспер сказывал, что в конторе было получено *открытое* письмо на имя Екат<ерины> Павл<овны>, извещающее о смерти родственника и о наследстве. Что такое — Гаспер объяснить не умеет, но письмо послал в Париж. Я отвечал (вместе с сим) Гр<игорию> Зах<аровичу>, что не желаю заниматься квартирою, и даже готов совсем отказаться от редакции, ежели меня будут продолжать тиранить. Я не честолюбив и ищу хоть немного спокойствия. Сам ни на чье спокойствие не посягаю и прошу, чтоб на мое спокойствие не посягали.

На вопрос Ваш о Колпакове, Унк<овский> и Боровик<овский> отозвались, что это заурядный делец по вексельным и конкурсным делам и интереса его общество представлять не может и не должно. Что же касается до подписки «Голоса», то она значительнее, чем когда-либо.

До свидания. Жму Вашу руку и прошу Вас передать мой дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне. Когда выезжать будете из Парижа, напишите.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 20.

Впервые опубликовано в отрывках: «Русские ведомости», 1894, № 330, 29 ноября; Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 269—270; «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 41; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 273—274.

---

[1] Письмо Н. А. Белоголового к Салтыкову о болезни Тургенева неизвестно.

[2] Газета «Московские ведомости» (1882, № 130, 12 мая) в передовой статье «Москва, 11 мая» писала: «Наши воздушные партии <...> консерваторы и либералы хлопочут о «правовом порядке», как они выражаются на своем жаргоне, и желают наделить нас, русских подданных, политическими правами. Не напрасна ли их забота? Мы, русские подданные, уже обладаем тем, что они обещают даровать нам; у нас есть даже нечто большее. Они хотят даровать нам политические права, но у нас есть политические обязанности, а это больше <...> Напрасно нам сулят конституцию; мы уже имеем ее в нашей государственной присяге, которая обязывает всякого русского подданного радеть о пользах государя и государства».

[3] Имеется в виду статья П. Л. Лаврова «Генри Уодсвортс Лонгфелло» (*ОЗ*, 1882, № 7), напечатанная в журнале под псевдонимом «П. Крюков».

[4] Этот вопрос поднят Елисеевым в письме к Салтыкову от 9 мая 1882 г. (*Письма Елисеева*, стр. 72—75).

[5] Жена Г. З. Елисеева.

836. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

15 мая 1882. Петербург

П.бург. 15 мая.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Письмо Ваше двояко взволновало меня [1]. Во-первых, Вы никакого повода не имеете думать, чтоб отношения Ваши к «Отеч<ественным> зап<искам>» могли в чем-либо измениться. Ни мне, ни Михайловскому ни малейшей мысли в этом роде не приходило в голову, и мы считаем, что покуда контракт с Краевским существует, Вы имеете право на все те денежные выгоды, которыми Вы пользуетесь теперь и пользовались до болезни. Было бы несправедливо и даже бесчестно что-нибудь изменять. Еще до получения Вашего письма я распорядился, чтоб Гаспер составил расчет Вашим деньгам с января по май включительно (хотя майская книжка только вчера отправлена в цензуру, но, во всяком случае, она выйдет [2]. По расчету этому, при сем прилагаемому, Ваших денег у Гаспера 1149 р. 65 к., в том числе 38 р. взамен израсходованных на похороны Новодворского. Сюда следует присоединить 600 р. премии, и ежели Вы пожелаете, то и в счет дивиденда, сколько Вам потребуется. Будьте так добры, оставьте всякие мысли о перемене отношений и о ссылках на контракт. Между людьми добросовестными об этом не должно быть речи, и если б контракт был разорван, то сила его была бы обязательна. Само собой разумеется, что раз Вы воротитесь в Россию и будете в силах работать, Ваше место в редакции восстановится само собой. И я решительно не согласен ни на какие другие сделки, кроме тех, которые установились и существуют. Желательно было бы, чтоб и Вы в Ваших заботах о своем здоровье не имели никаких других соображений, кроме интересов самого здоровья. Уверяю Вас, что, действуя иначе и напоминая о том мне, Вы глубоко меня до крови огорчите. Екатерине Павловне, согласно Вашему письму, я прикажу отпускать 100 р. в месяц, а Вы мне все-таки напишите, как поступить с остальными деньгами. Если Вам нужно выслать их, то сколько вперед из дивиденда, помимо премии. Что же ка-

сается до того, что с будущим годом кончается срок контракта с Краевским, то я теперь не могу еще определить, вступлю ли в новые обязательства и насколько. Дело в том, что я устал до бесконечности. Не столько от физической боли, сколько от нравственной. Это определится в течение зимы, но во всяком случае, ежели и продолжу редакторство, то на год или на два — не больше. И с тем непременным условием, чтоб и Вы участвовали.

Затем, относительно квартиры. Это мое самое больное место, и позвольте мне попенять Вам, что Вы заговорили о нем почти в ту самую минуту, когда кончается срок квартире (Вы всегда указывали мне на 1-е июня). Я человек больной и метаться, чтоб искать квартиру, мне положительно не под силу. Точно так же входить в соглашения с Скабичевским или с кем-либо иным. Все теперь уж в разъезде, так что я не знаю: может быть, уже хозяин Вашего дома и распорядился с Вашей квартирой. Подумайте: кроме редакции, тут дело идет еще о кладовой. Я в это дело положительно не вмешиваюсь, и пускай Екатерина Павловна устраивает, как хочет. Но ежели мы очутимся без квартиры, то, быть может, я и совсем откажусь от редакции. Тяжело и чересчур разнообразно.

Семья моя вчера переехала в Ораниенбаум на дачу, я же сижу здесь в ожидании цензурного искуса и отправлюсь во вторник. Но по понедельникам буду наезжать.

Пожалуйста, освободите меня от квартирного вопроса. Можно будет вместо 600 р. платить 750 р., так что с конторскими к доплате придется всего 150 р. в год. Ведь Вы же, может быть, и воротитесь зимой, как пишете.

Искренно жму Вашу руку и желаю всего лучшего.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликован отрывок: «Русское богатство», 1893, № 9, стр. 68; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 274—276.

---

[1] Имеется в виду письмо Елисеева к Салтыкову от 9 мая 1882 г. (*Письма Елисеева*, стр. 72—75).

[2] О прохождении № 5 *Отеч. записок* через цензуру см. письмо 837 и прим. к нему.

837. В С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

17 мая 1882, Петербург

Редактора «Отечественных записок»

Заявление

Имея намерения сделать изменения в представленной мной в Комитет майской книжке «Отеч<ественных> записок», а именно: исключить из «Современного обозрения» статью «Маленькое величие» (стр. 68—95), покорнейше прошу возвратить представленные экземпляры для исполнения предположенных исключений. По исполнении их, книжки, в исправленном виде, представлены будут вновь в Цензурный комитет, на общем основании.

Михаил Салтыков.

Мая 17 дня 1882 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 777, оп. 2, 1865 г., № 60, л. 400. Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 168.

Представленный в С.-Петербургский цензурный комитет № 5 *Отеч. записок* за 1882 г. был задержан из-за вызвавшей серьезные возражения критической статьи С. Н. Кривенко «Маленькое величие» (по поводу «Истории политических учений» Б. Н. Чичерина). В результате переговоров Салтыкова с цензурным ведомством было признано «возможным предложить редакции исключить эту статью и если редакция этого не исполнит, то прибегнуть к применению закона 7 июня 1872 года», то есть к аресту пятого номера журнала (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 2, 1865 г., № 60, л. 398). На цитируемом документе заверительная подпись: «Упоминаемая здесь статья будет исключена. М. Салтыков». После исключения статьи Кривенко № 5 был разрешен к выпуску в свет (см. об этом: *Евгеньев-Максимов. Очерки*, стр. 207—208; *ЦГИА*, ф. 777, оп. 2, 1865 г., № 60, лл. 392, 396—405; ф. 777, оп. 27, № 511, лл. 129 об.—131; ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 139, лл. 334—342).

838. Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

26 мая 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 26 мая.

Многоуважаемый Николай Николаевич.

По желанию Вашему, я распорядился высылкою Вам 50 р.

Очень жалею, что работа Ваша идет так туго. Насчет проектируемых Вами подразделений «Устоев» не могу согласить-

ся: этими эпизодическими ухищрениями Вы только увлекаетесь в сторону и обманываете самого себя. Надо кончить эту вещь — вот, по моему мнению, что необходимо иметь в виду. Она так растянулась и пошла в эпизоды, что читателю уже теперь трудно свести концы с концами. Перечитайте Вашу работу с самого начала и установите отправной пункт для окончания, потому что переходить в следующий год совсем невозможно. В последних главах Вы употребляете язык вообще неудобный, а в отношении к крестьянскому быту даже немыслимый. Пожалуйста, воздержитесь от этой латинской конструкции, которая с успехом употреблялась Карамзиным, но давно уже оставлена.

Может быть, Вы скажете, что мои высказы неуместны и напрасны, но дело в том, что сколько уже лет я нахожусь в журнальном деле и ни одной цельной вещи в журнале не вижу: все отрывки. Удивляюсь долготерпению публики.

Впрочем, извините пожалуйста.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 18, л. 1.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 326—327.

Настоящее письмо интересно как немногий из дошедших до нас образцов непосредственного редакторского руководства Салтыкова по отношению к народническим писателям *Отеч. записок.* Критические замечания о «латинской конструкции» и манере Карамзина имеют в виду характерные для Златовратского торжественно-приподнятые и сентиментальные тоны в изображении крестьянской жизни. Непосредственно они относятся к гл. V—VII романа «Устои» (*ОЗ*, 1882, № 5).

839. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

8 июня 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 8 июня.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я полагаю, Вас немало-таки удивили перемены здесь происшедшие [1], что же касается до нас, то мы сидим и ждем, что

Небо с треском развалится
И время нá косу падет [2].

Главное, торжество Каткова чересчур уж позорно. И что еще позорнее — это то, что первые удары непременно падут

на литературу. Скажите, есть ли в мире государство, где бы положение литературы было столь постыдно? Но странное дело, Маковы, Игнатьевы, Тимашевы преходят, а литература все живет. Катков ведь заранее возвещал перемены. Полякову за три дня писал и успокаивал жидов. А мне еще пишут разные провинциальные незнакомцы: напрасно-де Вы держите такой унылый тон в Ваших сочинениях, надо, дескать, ободрять. Да где же взять материалов для ободрения? Вот и фактов еще никаких нет, а один неистовый лай «Московских ведомостей» уже действует подавляющим образом.

Ну да пусть будет что будет, поговорим лучше об другом. Тургенев, которого, по-видимому, Вы неглижируете, откликнулся мне из Буживаля. Сам написал письмо, стало быть, не так уж болен [3]. Мне ужасно совестно, что я к нему не писал во время болезни, но известие об опасности, которой он подвергался, не нашло меня равнодушным, и если я не писал, то единственно потому, что ему не до меня было. И я искренно рад буду узнать, что опасность окончательно для него миновалась. Все-таки это литературное имя, для многих дорогое и симпатичное. Что касается до другого больного, Елисеева, то мне начинает казаться, что положение его действительно ухудшилось и что едва ли он восстановится в прежнем виде. С чего-то он затеял переписку о своем положении при «Отеч<ественных> зап<исках>» [4]. Никому и в голову этот вопрос не приходил, а он вдруг ни с того, ни с сего возбуждает всякие недоразумения. Ужасно мне его жаль и думаю, что последние перемены и на него подействуют, ввиду непрочности журнально-литературного дела. Мне кажется, что едва ли можно ждать, что заграничное житье поможет ему. На Вашем месте, я разрешил бы ему возвратиться тем более, что он должен испытывать адскую скуку без Матреши. Вот он теперь пишет чувствительные письма, а о том забывает сказать, что нужно делать с его деньгами и нужно ли взять, по прежним примерам, тысячи три в счет дивиденда? Не пишет также, куда он едет, так что ставит и меня в невозможность писать ему.

«Письма к тет<еньке>» я кончил, и, как оказывается, совершенно кстати [5]. Во-первых, надо же и кончать, а во-вторых, любопытно, о чем бы я теперь писать стал? Теперь надо писать о светопреставлении. Вы спрашиваете, что я готовлю дальше? Да вот хотелось бы «Современную идиллию» кончить [6]. Если судьба помирволит, то в этом занятии и проведу осень.

Ораниенбаум встретил меня очень сурово и в сущности, вероятно, расстроит мое здоровье, а не укрепит. Я проживаю здесь с 17-го мая и до сих пор ни одного теплого дня не было,

а ночью просто стужа. Прибавьте к этому, что дача была всю зиму нетоплена, и, вероятно, просохнет не раньше как к августу, когда надо будет возвращаться в Петербург. Кашляю я много, но, главное, припадки ревматизма возобновляются в пояснице и в ляжках. Сидеть сижу, а хожу с трудом. Никуда до сих пор носу не показывал. Только и выезжаю, что по понедельникам в Петербург. Но и там плохо, никого нет. Лихачевы уехали в Финляндию, где пробудут до июля, а в июле едут за границу. Так, по крайней мере, предполагали. Я думал, что в Финляндию уедет одна Елена Ос<иповна>, а оказывается, что и Влад<имир> Ив<анович> там. Два понедельника сряду я его отыскивал и наконец дознался, что и он на лоне природы. Унковск<ий> до сих пор был в П<етер>б<урге>, а на этой неделе и он едет в деревню. Я поручил ему присмотреть и для меня именьишко по соседству, чтоб было куда под старость голову приклонить. Боткин тоже купил в Финляндии именье. Говорят, будто у него там четыре дома, и будто бы он купил сто сорок матрацов, чтобы разложить на них домочадцев. Унковский сказывал: пять пудов швейцарского сыру Боткины на лето повезли в деревню да икры три пуда и 100 бочонков сельдей и все голландских. И Соколов с Алышевским будут закуски есть; им тоже по матрацу приготовлено. С имением Боткин купил 20 коров и при них бык. Коровы дают прямо сливки, а некоторые даже масло. И все мало. Еще 20 коров и быка купили. Соленой осетрины 20 пудов. И виолончель, как ни просила Кат<ерина> Ал<ексеевна> [7] оставить.

Прошу Вас передать от меня и от жены дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне.

Жму крепко Вашу руку. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 21.

Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 41—43.

---

[1] 30 мая 1882 г. вместо гр. Н. П. Игнатьева министром внутренних дел был назначен гр. Д. А. Толстой.

[2] Неточная цитата заключительных строк стихотворения И. И. Дмитриева «Ермак».

[3] Имеется в виду письмо Тургенева к Салтыкову от 26 мая/7 июня 1882 г. (*Тургенев. Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 266).

[4] Об этом Елисеев неоднократно писал Салтыкову в мае 1882 г. (*Письма Елисеева*, стр. 72—75, 77—80).

[5] О «Письмах к тетеньке» см. письмо 829, прим. 3.

[6] Окончание «Современной идиллии» появилось в № 5 *Отеч. записок* за 1883 г.

[7] Жена С. П. Боткина.

840. И. С. ТУРГЕНЕВУ

9 июня 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 9 июня.

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Письмо Ваше несказанно обрадовало меня, послужив вещественным доказательством, что здоровье Ваше настолько поправилось, что Вы нашли возможным перебраться на летние квартиры и можете самолично писать [1]. Известие о постигшей Вас болезни подействовало на меня поистине подавляющим образом, и я постоянно справлялся об Вас через Белоголового, который, однако ж, по-видимому, не совсем-то исправно посещал Вас, потому что одновременно с Вашим письмом получил я таковое же и от него, из которого усматриваю, что он не знает об Вашем переезде в Буживаль [2]. Но довольно о болезни: будем надеяться, что все пойдет хорошо и Вы у нас побываете.

Я полагаю, что последние перемены произвели на Вас тоже угнетающее действие, как и на нас. Ужасно обидно это торжество Каткова. Представьте себе, он даже нимало не скрывает своей силы. За четыре дня до новых назначений, он уже писал к жиду Полякову (который дом его Лицею подарил), что Игнатьева не будет и чтоб он успокоил прочих жидов [3]. Вот кто и по каким мотивам оказал<ся> защитником еврейства! [4] Долгое время молчал, мерзавец, но, очевидно, жиды приступили вплотную — и он заговорил. И знаете ли Вы, от кого мне это известно? от одного из знаменитых Георгиевских, креатур Катковских! Только и есть утешение, что эти гады друг друга охотно выдают и сами себя поедают.

Вообще впечатление очень унылое, хотя я, проживая вне Петербурга, совсем никого не вижу. Но есть и комического немало. Как известно, теперь у нас исправляет должность честного журналиста Андрей Краевский (o tempora, o mores!) [5], так вот я к нему на днях зашел понаведаться и, представьте, услышал такую предику: не то, дескать, жалко, что нас с Вами могут водворить — что мы! — Россию жалко — вот что! Согласитесь, что Андрей, жалеющий Россию,— явление в высшей степени курьезное! Я думал, что он в заключение все-таки прибавит: а впрочем, мне жаль ее..., но нет, не прибавил! Покачивается, сивый мерин, в качалке, и сокрушается! И видно, что даже совесть имеет чистую.

Удовольствия Вашего по поводу г-жи Шабельской не разделяю, и от переписки с этой г-жой уклоняюсь [6]. Настоящая ее фамилия Мон<т>вид-Монвиж (по мужу) и Толочинова (по любовнику) и живет она в Киеве. Баба, по-видимому, нахаль-

ная, и все сбирается писать роман с вытравлением плода. Просила моего совета, но я отвечал довольно сухо, что по части вытравлений не специалист. Вообще, я не весьма стремлюсь навстречу, и этим, быть может, спасаюсь от панибратства. Пожалуй, что-нибудь такое узнаешь, что и в журнал пускать будет нельзя. «Парижский день»[7] — говно, и сама Виницкая далеко не оправдывает ожиданий. Тоже развязная дама, и надо быть очень осторожным с нею. Есть у нас ее повесть другая, и не знаю как поместить[8].

«Письма к тет<еньке>» закончил и, как оказывается теперь, совсем кстати. «Коленца» нового, как Вы выражаетесь (вероятно, со слов «Нового времени», которое так прилежно читаете), выкидывать не намерен[9], а возобновлю прерванную «Современную идиллию», ежели найду в себе достаточно бодрости, чтоб работать[10]. Затем будущий год посвящу «Игрушечного дела людишкам» и этим «коленцем» закончу свою литературную проходимость[11].

Я живу на даче в Ораниенбауме и наезжаю в Петербург только раз в неделю. Дача, по-здешнему, хорошая: с порядочным парком, садом и дом большой. Плачу 1000 р. Но представьте себе, что дом этот целую зиму не топлен, и что все лето он будет «отходить» и «отойдет» к сентябрю, когда надо сбираться в Петербург. Я ни одного дня не чувствовал себя даже изрядно. Не думайте, чтоб я сам выбрал дачу, но все-таки приходится жить. Вообще, надо *жить* — в этом-то вся и загвоздка.

До свидания. Выздоравливайте скорее. Жму крепко Вашу руку.

М. Салтыков.

Анненкова видел и обедал в очень небольшой компании с ним.

Повесть «Полит<ическое> дело», о которой Вы спрашиваете, у меня на столе. Надо подождать, посмотреть, что будет. Теперь вряд ли удобно[12].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 61, лл. 5—6.
Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 224—227.

---

[1] Имеется в виду письмо Тургенева к Салтыкову от 26 мая/7 июня 1882 г. (*Тургенев. Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 266).

[2] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового неизвестно.

[3] О смещении Н. П. Игнатьева см. письмо 839, прим. 1.

[4] Об отношении Салтыкова к еврейскому вопросу, а также характеристику демагогической политики Игнатьева см. в комментариях к статье «Июльское веяние» (наст. изд. т. 15, кн. II, стр. 355—361).

[5] О времена, о нравы!

[6] В это время в *Отеч. записках* (1881, № 12; 1882, № 5) печатались «Наброски карандашом» А. С. Монтвид-Монвиж, которым Тургенев в письме к Салтыкову от 26 мая/7 июня 1882 г. дал восторженную характеристику: «Я в последнем № прочел «Наброски карандашом» Шабельской — и поздравляю Вас с приобретением сильного и свежего таланта, которому прошу передать мой сердечный привет» (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 266).

[7] А. А. Виницкая. Парижский день (*ОЗ*, 1882, № 5).

[8] Имеется в виду рассказ А. А. Виницкой «Ни дна, ни покрышки» (см. письмо 820, прим. 3).

[9] Прочитав в *Отеч. записках* (1882, № 5) последнее письмо из цикла «Письма к тетеньке», Тургенев писал Салтыкову: «В Вашем «Письме к тетеньке» худо только одно, что оно последнее. Но Вы какое-нибудь другое коленце выкините» (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 1, стр. 266).

[10] Продолжение «Современной идиллии» начало печататься с № 9 *Отеч. записок* за 1882 г.

[11] Цикл «Игрушечного дела людишки» Салтыков задумал еще в 1879 г. Опубликовав начало его (*ОЗ*, 1880, № 1), писатель так и не осуществил мысль о его завершении (см. в наст. изд. т. 16, кн. 1, стр. 89—116, 461—462).

[12] О повести И. Я. Павловского «Политическое дело» см. письмо 820, прим. 1.

841. Г. Й. НЕДЕТОВСКОМУ

12 июня 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 12 июня.

Многоуважаемый Григорий Иванович.

Нынешний год я не еду за границу и поселился на даче в Ораниенбауме, откуда наезжаю в Петербург раз в неделю по понедельникам. Поэтому в будущий понедельник, 14 числа, я и сделаю распоряжение о высылке Вам 300 р. по приблизительному расчету. Я нимало не сомневаюсь, что Вы заработаете (и даже, вероятно, заработали) эти деньги, но не в этом дело, а в том, что журнальное дело никогда не бывало так непрочно.

Повесть Ваша мне понравилась, но поместить ее я не могу раньше сентября, вследствие изобилия материала [1].

До свидания; в случае надобности адресуйте Ваши письма в Петербург, куда я, кроме понедельника, от времени до времени посылаю.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 130, л. 11.
Впервые опубликовано: *Известия ОРЯС,* 1926, т. XXXI, стр. 280.

---

[1] Рассказ Г. И. Недетовского «Кто кого» (*ОЗ*, 1882, № 9) напечатан под псевдонимом «О. Забытый».

842. Ф. Д. НЕФЕДОВУ

30 июня 1882. Ораниенбаум

Многоуважаемый Филипп Диомидович.

К величайшему моему прискорбию, я не могу напечатать в «Отеч<ественных> зап<исках>» Ваш рассказ: «На ар<естантском> пароходе». Он очень беден по содержанию и крайне неудовлетворителен по форме.

Не желаете ли Вы, чтоб я передал его в другой журнал? [1]

Искренно уважающий Вас

М. Салтыков.

30 июня.

Так как я, в настоящее время, нахожусь вне Петербурга и бываю в редакции лишь изредка, то потрудитесь прислать ответ Ваш в контору «Отеч<ественных> зап<исок>» (Бассейная, 2) на имя Алексея Николаевича Плещеева.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 342, оп. 2, № 321, л. 1.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 281, с неверной датой — «10 июня»; вторично: «Ученые записки Шуйского гос. пед. ин-та», 1958, вып. VII, стр. 162.

---

[1] Рассказ Ф. Д. Нефедова «На арестантском пароходе (Путевые впечатления)» появился в журнале «Наблюдатель» (1883, № 1).

843. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

7 июля 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 7 июля.

Крайне Вам обязан за письмо, многоуважаемый Николай Андреевич: приятно хоть изредка иметь об Вас весточку [1]. Статью «Хлопоты с низшими организмами» редакция получила [2], но так как Михайловский уехал до конца августа в Сухум-Кале, где он купил себе собственность, то и статья покуда

лежит без употребления. Желания Ваши я своевременно ему передам. Судя по наружному виду, статья обширная и едва ли можно будет ее напечатать иначе как в трех книжках (октябрь — декабрь). Что касается до современной постановки журнального дела, то, право, ничего не могу Вам сказать. Както совсем не хочется об этом думать. Я вот уж полтора месяца живу на даче, а пера в руки не брал. Не знаю, к чему приступиться, да и охота совсем отпала. Как хотите, а осьмнадцать лет сряду все трепетать — это хоть кого ушибет. Собираюсь, впрочем, докончить «Современную идиллию», года два тому назад прерванную[3]. Совестно возобновлять старину, а делать нечего. Но что буду писать в будущем году — и ума не приложу. Будущий год — последний контрактный с Краевским год. Кажется, придется кончить[4]. Но тут опять возникнет вопрос: чем жить? и при моей беспорядочности вопрос очень существенный. Но устал я бесконечно, и волей-неволей нужно будет решиться.

Я здесь сижу и ничего не знаю; раз в неделю езжу в Петербург, но и там ничего не узнаю́. Да и никого теперь нет в Петербурге, кроме Лихачева, которого никак не поймаешь, потому что он во всех местах служит. Елена Осиповна[5] в пятницу на прошлой неделе была у нас и говорила, что в понедельник (5-го) отправляется за границу с сыном, а Влад<имир> Ив<анович> поедет 15-го числа. Но я был так нелеп, что даже не спросил, куда они едут. Знаю только, что пространствуют до 20 сентября и в Париже *не* будут. Е<лена> О<сиповна> думает, что Вы в Шённес уехали, а Вы не там совсем. Впрочем, она в Швейцарии едва ли будет.

Наша дача с приятностями. На прошлой неделе маленькую Лизу укусила змея. К счастью, подле оказался врач Грацианский, который прижег рану. Целый день мы были в величайшем страхе. А через день после того ночью вздумали залезть к нам воры и уже оторвали у окна задвижки, но тут уж я выручил: стал кашлять, и воры, убоясь, ретировались[6].

Я просил Вас относительно Елисеева убедить его, чтоб он или сам, или через Вас сказал мне, что делать с его деньгами. В июле их накопится около 1200 р. или больше да сверх того, по бывшим примерам, можно присовокупить 600 р. премии и 3 т. руб. в счет дивиденда. Составится около 5 т. р. Если ему и не нужны теперь деньги за границей, то можно бы купить бумаг. Я советовал бы моск<овских> город<ских> облигаций, которые теперь 87% или 6% облигаций Харьк<овского> зем<ельного> банка — 95%. А потом, когда понадобятся деньги за границу, то можно по частям продавать. Пожалуйста, объясните ему, что медлить не нужно, и что всегда лучше

заручиться вперед известной суммой. И я, и Михайловский взяли в счет дивиденда по 3 т. р., стало быть, и ему можно и следует. Пожалуйста, поскорее устройте это.

Оказывается, что Боткиных надули. Продали имение, не обозначивши границ; вследствие этого, озеро, которым они любуются, принадлежит не им. Владелец озера обращался уже к Лихачеву, прося объяснить Боткину, что он не имеет права ни рыбы ловить, ни купальни иметь. Но, кажется, что и до сих пор Боткины еще в заблуждении.

Прощайте, будьте здоровы. Передайте от меня и от жены сердечный привет Софье Петровне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 22.

Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 44—45.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового неизвестно.

[2] О статье «Хлопоты науки с низшими организмами» см. письмо 831, прим. 1.

[3] Последние главы «Современной идиллии» появились в № 5 *Отеч. записок* за 1883 г.

[4] Контракт Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* кончался 1 января 1884 г. Но 20 октября 1883 г. «по взаимному согласию» он был продлен на два года, то есть по 1 января 1886 г. (см. стр. 326 наст. тома).

[5] Жена В. И. Лихачева.

[6] Сообщение о происшествиях на даче Салтыкова попало в печать (см.: «Петербургский листок», 1882, № 153, 7 июля; «Страна», 1882, № 79, 8 июля).

844. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

19 июля 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 19 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Будьте так добры, уведомьте меня поскорее, как и куда я должен выслать Вам остальные деньги за «Лонгфелло», а также вперед за «Низших организмов» [1].

У нас все тихо, и после игнатьевской болтовни довольно поразительно [2]. Вы жалуетесь на отсутствие вестей об России; любопытнее всего, что и мы на то же жалуемся. Может быть, необыкновенная жара этому причиной — будем, стало быть, ждать осени.

Вчера был у нас Лихачев, который должен в понедельник выехать за границу. Он взял у меня Ваш адрес. Жена его уехала с сыном уже недели две тому назад и живет в Киссингене. И сам он туда же едет. Ежели Вы хотите видеть живого Златоуста, то советую Вам написать ему письмо в Киссинген с приглашением приехать Вас навестить. Теперь Ваше письмо еще наверное застанет его там. А куда он поедет позднее, мне неизвестно. Кажется, в северную Италию проберется и пропутешествует до половины русского сентября.

Получил письмо от Елисеева, на которое буду отвечать на днях[3]. Пишет и об деньгах, но как-то неопределенно. Оказывается, что я должен ловить момент, когда поднимется курс. Но ведь я с биржевыми делами очень мало знаком и могу прогадать. На днях я ему буду писать по адресу в Зонненберг.

Я, признаться, несколько удивляюсь, что Вы задерживаете Елисеева за границей. Его, очевидно, томит и одиночество, и забвение, и бездеятельность. Уж если ему суждено *не* работать, то может не работать и здесь. Но, по крайней мере, он все-таки будет хоть сколько-нибудь при деле. Может прочесть что-нибудь, посоветовать, и совесть его успокоится. А здесь и уход за ним лучше и простору ему больше. Право, благословясь, пришлите его на зиму на печное тепло. Я бы, по крайней мере, не вытерпел.

До свидания. Когда же Вы сами-то соберетесь обратно? Ведь у нас теперь отлично.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 23.

Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 45.

---

[1] Об этих статьях П. Л. Лаврова см. письмо 835, прим. 3 и письмо 831, прим. 1.

[2] Министр внутренних дел Н. П. Игнатьев (4 мая 1881 — 30 мая 1882) «был наиболее подходящим государственным деятелем для этого переходного периода. Демагог и лгун по своим воззрениям, кстати довольно сумбурным, он тяготел к реакционерам. В силу этого Игнатьев и был удачным кандидатом на пост министра внутренних дел. Как выражались современники, «диктатура сердца» сменилась «диктатурой улыбок» (П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964, стр. 380).

[3] Имеется в виду письмо Елисеева от 6/18 июля 1882 г. (*Письма Елисеева,* стр. 80—82).

845. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

27 июля 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 27 июля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Извините, что долго не отвечал на Ваше письмо [1]. На меня такое уныние напало, что, право, ни за что браться не хочется. И притом, жара здесь неслыханная вот уже четыре недели продолжается, так что даже мне тяжело.

Относительно денег Вы ничего определительного не пишете. Поэтому я в Ваших же интересах решаюсь поступить так: в будущий же понедельник возьму для Вас в счет дивиденда 3 т. р. и куплю на них облигаций здешнего кредитного общества, которые теперь очень дешевы ($86^1/_2$). Ежели Вы найдете это распоряжение для себя невыгодным, то я, по первому же Вашему знаку, возьму облигации за себя, а Вам уплачу стоимость. Купивши облигации, вышлю Вам записку во взятии их у Вас на сохранение, а по возвращении Вашем передам их Вам. Затем возьму еще Вашу премию в 600 р. и так как это, вместе с имеющими накопиться, по августовскую книжку включительно, Вашими деньгами составит приблизительно 2000 р., т. е. ту самую сумму, которая, судя по Вашему письму, будет Вам скоро необходима, то я оставлю ее для высылки Вам по Вашему требованию. Я был очень глуп, что давно этого не сделал. А теперь с своей стороны прошу Вас поспешить меня уведомить, когда и куда Вам выслать деньги. Курс действительно очень плох, но скорой поправки его вряд ли можно ожидать. Вы пишете, что надо ловить момент, но вот уж несколько месяцев, как мы все ловим и никак изловить не можем; если же Вы надеетесь на поправку, то можно не все деньги выслать, а часть. Только пишите, пожалуйста, определительно. Заметьте еще, что на Женеву курс всегда менее выгоден, нежели на Париж. Если Вы найдете возможным *сейчас же* ответить на это письмо, то для скорости адресуйте так: Петербургской губ. в город Ораниенбаум, на дачу Паской. Я во всяком случае здесь до 15 августа ст. ст. пробуду.

От души желаю восстановления Вашего здоровья, но, право, иногда кажется, что если б Вы воротились в Россию, то это не повредило бы Вам. По крайней мере, Вы увидели бы себя вновь в знакомой обстановке, и ежели редакционные занятия еще тяжелы для Вас, то ведь и совет Ваш был бы всегда полезен. Конечно, может быть, мое мнение и очень глупо, но посоветуйтесь с Белоголовым. Я думаю, что скука и отчуждение тоже не без влияния на Вас.

Лихачев уехал отсюда 18-го числа в Киссинген, где находится и Елена Осиповна с сыном. Он взял у меня Ваш люцернский адрес и говорил, что, быть может, заедет.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Жду с нетерпением от Вас письма и в ожидании жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 284—285.

[1] Об этом письме Елисеева см. письмо 844, прим. 3.

846. И. И. ЯСИНСКОМУ

29 июля 1882. Ораниенбаум

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

По письму вашему, в понедельник, 26 числа, я распорядился отослать 125 р. вашей супруге. Жду с нетерпением вашу повесть, хотя в сентябре вряд ли придется ее поместить, за недостатком места. Придется отложить до октября, но во всяком случае хорошо будет, если вы доставите не позднее конца августа или первых чисел сентября.

Искренно вам преданный и уважающий

М. Салтыков.

29 июля.
Ораниенбаум.

Печатается по подлиннику: Собрание Э. Ф. Ципельзона, Москва.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, стр. 506—507.

[1] Речь идет о повести И. Ясинского «Старый сад». Работа над ней автора задержалась. Рукопись была доставлена Салтыкову лишь в середине декабря 1882 г. и напечатана в *Отеч. записках,* 1883, № 3.

847. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

5 августа 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 5 августа.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

В понедельник я взял на Ваше имя вперед 3 т. р. и купил на них облигаций Петербургского кредитного общества. Как

увидите из прилагаемого расчета, куплено <на> 3500 р. Три облигации за № 767739, 767740 и 767741 по тысяче рублей и одна за № 763934 в пятьсот рублей. Я полагал сначала купить только 3400 р., но так как облигации оказались без сентябрьских купонов, то представилась возможность купить еще 100 р. Купон сентябрьский, 85 р., вычтен, но следует вычесть 87 р. 50 к. и вследствие этого весь расход надлежит считать не 3011 р. 47 к., а 3008 р. 97 к. Остальные сверх трех тысяч 8 р. 97 к. я получу из Ваших денег от Гаспера. Облигации эти я буду хранить до Вашего приезда, но ежели Вы не предполагаете скоро приехать, то вышлю Вам сохранную расписку. Только Вы напишите точнее, куда выслать, потому что надо будет послать письмо *заказное.*

Во всяком случае, повторяю, ежели мое действие окажется несоответствующим Вашему желанию, то напишите: я оставлю облигации за собой, а Вам немедленно внесу деньги, и это тем легче будет сделать, что проценты на 1-е сентября вполне уплачены. Пожалуйста, ни в каком случае не стесняйтесь.

Затем, по выходе августовской книжки (около 15-го числа) [1] я Вам пришлю расчет остальных Ваших денег, которых, я полагаю, будет не меньше 2 т. р. А так как Вы мне писали, что Вам в скором времени потребуется именно эта сумма, то она и будет к Вам немедленно выслана.

Я теперь в редакции совсем один. Михайловский уехал в Сухум-Кале и молчит; Плещеев тоже удрал да вдобавок так запустил дела, что я почти еженедельно получаю матерные письма от огорченных авторов, которым по полугоду не отвечают, несмотря на марки. Скабичевский пропускает корректуры с такими опечатками, что просто стыдно, а Кривенко все копается над «Устоями» [2] и заходит в редакцию на полчаса — не больше. Жду не дождусь, когда Лизавете Аполлоновне вздумается опять перебраться в Петербург; но как на грех лето выпало изумительно жаркое. Один в Петербург переехать не могу, потому что в квартире хаос, а мне и прислуги не дают. Преподлое мое положение. Чтоб жить, необходим мой труд, а мне и трудиться не дают. Глупость — вот главный враг и разоритель человечества.

Надеюсь, однако, что с сентябрьской книжкой дело пойдет лучше. И материал посвежее и небрежностей в издании поменьше. По мне, хоть бы вовсе не было лета — до такой степени расстроивается в это время дело.

До свидания, будьте здоровы и не ленитесь уведомлять о себе. Я же теперь готовлюсь к сентябрьской книжке, а два месяца сряду хуже чем ничего не делал: невыносимо страдал [3].

В жизни у нас — полнейшее затишье, и даже, по-видимому, твердо установившееся.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 285—286.

---

[1] Восьмой номер *Отеч. записок* вышел в свет 17 августа 1882 г.

[2] «Устои» (1881—1882) — либерально-народнический журнал, издававшийся группой литераторов, в состав которой входил и С. Н. Кривенко.

[3] В № 9 *Отеч. записок* за 1882 г. после длительного перерыва (1878, № 4) появились очередные главы «Современной идиллии».

848. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

8 августа 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 8 августа.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Будьте так добры уведомить меня, можем ли мы рассчитывать на Вас в ближайшем времени, т. е., например, на октябрь месяц. Ежели Вы можете что-нибудь дать, то крайне-крайне обяжете, прислав статью между 10—15 сентября, так как приятно было бы начать ею октябрьскую книжку[1]. Очень уж у нас скудно, и летние книжки вышли совсем плохие. Хотелось бы осенью поправиться. Пожалуйста, ответьте поскорее, а главное, ответьте утвердительно.

Вы хотели мне написать, не найдется ли подходящего именьица для меня в Вашем соседстве, и между тем ни слова не пишете. Так, впрочем, всегда бывает. Вы, вероятно, по горло были заняты летом, но теперь уж главная страда кончилась и будет посвободнее. А мне между тем очень хотелось бы угол иметь, чтоб усталое тело свое куда-нибудь спрятать. Кажется, и умереть лучше в деревне, а главное — дешевле. В Ницце, когда я там в 1876 году зимой был, с меня, ввиду ожидаемой смерти, спрашивали 6 т. фр. за *дворянские* похороны. Будет дескать катафалк, приличный гроб и всякие другие pompes funèbres[2]. А в деревне ничего этого не потребуется. Попу — 10 р., в церковь столько же, за домовину вроде того — и конец. И то только потому, что благородный человек.

Я продолжаю неистово кашлять, несмотря на сухое и жаркое лето. Живем мы в Ораниенбауме, и даже сегодня, 8-ое августа, солнце так и жарит. Жена хочет до 10-го сентября пробыть, но надеюсь, что господь пошлет морозцу и погонит в Петербург. Мне туда очень надо, потому что журнал, без личного присмотра, очень шатается.

Жена Вам кланяется. Я с своей стороны жму Вашу руку и посылаю сердечный привет детям.

Напишите, пожалуйста, по известному адресу: Литейная, 62, ибо я каждый понедельник езжу в Петербург.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 35—36. Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 286—287.

---

[1] Последняя работа А. Н. Энгельгардта в *Отеч. записках* — одиннадцатое письмо «Из деревни» (1882, № 2).

[2] Похоронные торжества.

849. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

11 августа 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 11 августа.

Благодарю Вас, многоуважаемый Николай Андреевич, за письмо[1]. Зажились Вы за границей — право, не худо бы и о домашних богах подумать. Пожалуй, Вы совсем испразднуетесь и бога-то позабудете.

У нас здесь все тихо и благополучно, только шпионы одолели. Говорят, и в Финском заливе водятся. Я сам не купаюсь, но купальщики рассказывают: купаешься — и вдруг начнет вокруг шпион нырять и политические разговоры разговаривать. И все знают этих шпионов, да и нельзя не знать, потому что народ совсем отпетый. Здесь, в Ораниенбауме, целый отряд добровольцев стоит, и, представьте себе, даже паспорта ревизуют[2].

От Елисеева я получил письмо с приказаниями насчет денег[3]. Сегодня же ему послано три векселя на 5280 фр. в Берн, как он сам назначил. На 3 месяца на Париж 253 за сто рублей. Вот это, что называется, курс.

Я все еще в Ораниенбауме, и не знаю сколько времени Елизавете Аполл<оновне> заблагорассудится выдержать меня здесь. Петербургская квартира наша (в которой мы еще на два

года остаемся) захламощена, а прислуги мне не дают. До сих пор погода была отличная и сухая; но вчера и сегодня — дождь и, кажется, зарядит надолго. Это отчасти меня радует, потому что понудит переехать в город, где все-таки поживее, нежели здесь. И многие уж трогаются с дач, потому что с 17-го начинаются в гимназиях классы. Вероятно, и Унковский скоро появится.

Ераков купался в грязях в Аренсбурге и заметно поглупел. Влияние лет очень заметно. Наблюдая за ним последние два года, я воочию вижу, как он глупеет. А он, может быть, видит, как я глупею. Это круговая порука. Но по мере того, как он глупеет, желудок его делается все исправнее да исправнее, так что съедает он массу.

Здоровье мое все в том же виде. В горле и в груди — пение; ночью — кашель, продолжающийся около 2-х часов. Мне и в итальянскую оперу абонироваться не нужно: в горле свой итальянец сидит. Надоело.

Завтра идет в цензуру августовская книжка. В ней одна крошечная моя статейка в самом конце[4]. В пользу жидов. После ужина горчица, но надобно же что-нибудь сказать. Трудно было отделить еврейский вопрос от вопроса о Поляковых, Заках и Варшавских, но, кажется, успел. Вы уведомляете ли контору о Ваших переездах?

Жду Вашего дальнейшего маршрута. Лихачев на днях писал[5]. Кланяйтесь им обоим.

Передайте, пожалуйста, мой поклон, а также и от жены, многоуважаемой Софье Петровне. До свидания, будьте здоровы. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Русские ведомости», 1894, № 330, 29 ноября; Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 270; полностью: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 46.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового неизвестно.

[2] Это обстоятельство нашло отражение в «Современной идиллии» (в наст. изд. т. 15, кн. I, стр. 140, 355).

[3] Имеется в виду письмо Г. З. Елисеева к Салтыкову от 4/16 августа 1882 г. (*Письма Елисеева*, стр. 83—87).

[4] Салтыков имеет в виду статью «Июльское веяние» (вошла в цикл «Недоконченные беседы» в качестве шестой главы), поводом для написания которой послужили еврейские погромы на юге России весной и летом 1881—1882 гг. (см. в наст. изд. т. 15, кн. II, стр. 229—240, 355—361).

[5] Письмо В. С. Лихачева неизвестно.

850. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

11 августа 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 11 августа.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сейчас был у меня Гаспер и сказал, что вчера послал Вам три векселя каждый в 1760 фр. 28 сант. на Париж на 3 мес<яца> по 253 за <сто> рубл. Послал он заказным письмом, как Вы писали, в Берн. Всего Ваших денег, по июль включительно, оказалось 2080 р. с чем-то.

Пыпина нет в Петербурге, он в Силламягах, а я даже не знаю, где эти Силламяги. Поэтому я не мог передать ему деньги[1]. Вероятно, это не придется сделать раньше сентября, потому что только тогда совершится переход с дачной жизни на городскую и все придет в порядок.

Я не знаю, откуда Вы почерпали уверенность в прочности «Отеч<ественных> записок». Я, с своей стороны, отнюдь этой уверенности не разделяю. И потому думаю, что если что-нибудь случится, то Вы, пожалуй, *совсем очутитесь без денег.* Поэтому, не лучше ли будет обождать передачей Пыпину денег до нового года. Если «Отеч<ественные> зап<иски>» благополучно перейдут в 1883 год, то у Вас будет в перспективе остальной дивиденд, около 5 т. р., который все-таки поможет Вам. Тогда и можно будет передать деньги. Право, сделайте так и напишите мне о Вашем согласии. А до нового приказа я буду Ваши деньги хранить у себя.

Августовская книжка только завтра отправляется в цензуру и выйдет, стало быть, в понедельник, если ничто не попрепятствует.

Нового у нас ничего. Все тихо и благополучно; одно неприятно: шпионов много. Говорят, даже в Финском заливе купаются. Вы купаетесь, а около Вас шпион плавает. И все его знают. И что всего важнее, шпионы — добровольцы.

Когда переезду в Петербург — наверное сказать не могу. Погода до сих пор была хорошая, сухая, но нынче целый день дождь. Даст бог, зарядит надолго, и тогда Елиз<авета> Аполл<оновна> решится уехать. А из Ораниенбаума редактировать журнал совсем невозможно. Таких две книжки выпустили, что просто срам. Надеюсь, что с сентября пойдет дело лучше.

Прошу Вас передать мой и жены привет уважаемой Екатерине Павловне.

До свидания, будьте здоровы. Жду Вашего письма. Пишите уже в Петербург.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 34; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 288—289.

---

[1] В письме к Салтыкову от 4/16 августа 1882 г. Елисеев просил передать через Пыпина находившемуся в ссылке Чернышевскому (в письме фамилия его не названа) облигации Петербургского кредитного общества на три тысячи рублей, якобы в счет давнего долга (*Письма Елисеева*, стр. 83—87). В действительности история о стародавнем долге была выдумана Елисеевым в целях конспирации. Разъяснение этого эпизода впервые дано Н. К. Михайловским во вступительной статье к сочинениям Елисеева (Г. З. Елисеев. Сочинения, т. 1. М., 1894, стр. 21, 39).

851. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

11 августа 1882. Ораниенбаум

Ораниенбаум. 11 августа.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Письмо Ваше без означения числа, месяца и года получил только сегодня через Гаспера, который привез мне его[1]. Согласно этому письму я распорядился о высылке Вам 1000 р., из них 250 р. июльского жалованья и 750 р. в счет дивиденда. Жалованье за августовскую книжку Вы получите по приезде, так как книжка еще не вышла и только завтра будет послана в цензуру.

По письму Вашему вижу, что раньше чем через месяц Вас нельзя ждать в Петербург. А я было думал, что через неделю Вас увижу. Признаться сказать, довольно-таки скучновато на старости лет в одиночестве воевать. Две книжки вышли поганые, с такими подлыми опечатками, что совестно. Августовская книжка тоже, вероятно, будет курьезная. Я, вероятно, перееду в Петербург не раньше 1-го сентября, потому что и здесь, как на смех, погода до сих пор отличная. А у меня такие милые распорядки, что мне на квартиру попасть нельзя.

Странно, что Кривенко Вам ни разу не писал. Он собирался тем более, что тут искали какую-то статью (не помню уж что), которая записана на Ваше имя и о которой Вы ничего Кривен-

ко не сказали. А Плещеев тоже уехал и довел свои немногосложные дела до того, что каждый понедельник я прочитываю чуть не матерные письма за то, что редакция, несмотря на присылку марок, ничего не отвечает[2]. И главное, обиженные ругают меня лично.

Был Янжул и принес 1-ую статью. Сдана в типографию для сентябрьской книжки[3]. Циммерман присылает — горы[4].

С Хвощинской — слабо. Два года должна в «Отеч<ественные> зап<иски>» 1250 р. и, кажется, положила не зарабатывать. Напечатала драму переводную и требует, чтоб ей деньги заплатили[5]. Я отказал и вычел. Полагаю, что больше не даст ничего. Да и нéчего ей писать.

Здесь — тихо, только шпионов много. Говорят, даже в купальнях и в заливе есть. Вы купаетесь, а около Вас плавает шпион. Прощайте, будьте здоровы.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Получил письмо от Елисеева; и не помышляет о возвращении[6].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 227—228.

---

[1] Упоминаемое письмо Михайловского неизвестно.

[2] А. Н. Плещеев был секретарем редакции *Отеч. записок.*

[3] И. И. Янжул. Возрождение мальтузианства в современной Европе (*ОЗ*, 1882, №№ 9—10).

[4] Э. Р. Циммерман. Путешествие по Австралии и Океании (*ОЗ*, 1882, №№ 8—9, 12; 1883, №№ 7, 8—9).

[5] Н. Д. Хвощинская перевела трагедию В. Монти «Кай Гракх» (*ОЗ*, 1882, № 7).

[6] Имеется в виду письмо Елисеева от 4/16 августа 1882 г. (*Письма Елисеева,* стр. 83—87).

852. И. И. ЯСИНСКОМУ

8 сентября 1882. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Я прочитал Вашу повесть. Вы бы весьма меня обязали, если б зашли ко мне завтра утром между 11 и 1 ч., чтоб пере-

говорить. Я предполагал бы пустить ее в октябрьской книжке, и так как последняя должна уже набираться дня через три-четыре, то желательно было бы окончить это дело.

Весь Ваш
М. Салтыков.

8 сентября.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 581, оп. 2, № 137, л. 2.

Впервые опубликовано: *Бограd. Указатель,* стр. 525. Датируется 1882 г., так как из всех повестей Ясинского в *Отеч. записках* в октябре помещена только повесть «Искра божия».

853. И. И. ЯСИНСКОМУ

10 сентября 1882. Петербург

Я сделал некоторые выкидки (впрочем, неважные), а также некоторые главы соединил, как и предупреждал Вас. За всем тем, повесть Ваша будет заключать не менее 9 листов. Поэтому необходимо ее разделить на две части (октябрь и ноябрь). Потрудитесь, пожалуйста, указать, где делить. В конце надо будет поставить: *Окончание в след. №.* Пожалуйста, не задерживайте корректур: нужно начать в понедельник печатать.

Ваш
М. Салтыков.

10 сентября.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 581, оп. 2, № 137, л. 3.

Впервые опубликовано: *Боград. Указатель,* стр. 525. Датируется по связи с предыдущим письмом к Ясинскому.

854. Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКОМУ

29 сентября 1882. Петербург

«Будни» идут плохо и даже почти совсем не идут. В этом много виноват г. Жук. Я и через Гаспера, и через Кривенко просил его, чтобы он дал на комиссию экземпляров 50 Ландцерту на железную дорогу, и никак не мог добиться. В «Новое время» дано было 25 экземпляров. Я случайно узнал, что давно все вышли, и тоже тщетно напоминал о присылке еще экземпляров, и, наконец, распорядился, чтобы Гаспер из своих

отправил туда 40 экземпляров. А между тем типография пристает. Пожалуйста, напишите г. Жуку, чтобы он похлопотал.

Извлечение из письма Салтыкова, приведенное в письме Н. Н. Златовратского к его шурину К. А. Жуку от первой половины октября 1882 г.

Печатается по автографу Н. Н. Златовратского: *ИРЛИ*, ф. 111, ед. хр. 216.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 67, стр. 506.

Дата неизвестного полностью письма Салтыкова с достаточной определенностью устанавливается письмом Златовратского к Салтыкову из Владимира от 2 октября 1882 г. (*ЛН*, т. 13—14, стр. 370—371). В письме этом Златовратский сообщал Салтыкову: «Начало рукописи для 10-й кн. как Вы, может быть, уже знаете,— было послано мною 26-го и должно было получиться Вами в то время, когда Вы писали ко мне письмо». Письмо Салтыкова не могло быть написано позже 29 сентября, так как 2 октября Златовратский на него уже отвечал из Владимира. Почта в этот город доходила из Петербурга на четвертые сутки. И оно не могло быть написано раньше того же 29 сентября, потому что момент его отправки, по расчету Златовратского, совпадал со временем получения рукописи в Петербурге, посланной из Владимира 26 сентября.

855. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

30 сентября 1882. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

В статье Успенского я выбросил многое, в особенности в последних двух формах (реминиссансы по поводу Тэна и т. п.). Не весьма уместно, а главное, совсем не цензурно. Я боюсь, что Г<леб> И<ванович> совсем одичал, живучи в Сябринцах[1]. Для большинства читателей он будет скучен и неинтересен.

Заявляю Вам об этом на случай могущих быть претензий. Я знаю, что Гл<еб> Ив<анович> согласился бы сам со мной, но ведь каким же образом переписываться с Сябринцами?

Я нагулял себе грипп; где — не могу понять.

Ваш

М. Салтыков.

30 сентября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 28, л. 33.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 192 с неверной датой: 1880 г.

[1] Дом в Сябринцах был куплен в октябре — ноябре 1881 г., а 30 сентября 1883 г. Успенский находился в Петербурге. Следовательно, письмо могло быть написано только в 1882 г.

856. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

5 октября 1882. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Считаю приятнейшею обязанностью уведомить Вас, что «Отеч<ественные> записки» еще существуют, и следовательно, не невозможно, что и 1-й № 1883 года выйдет. А так как мы с древнейших времен начинаем год Вашим произведением, то весьма естественно, что я своевременно озабочиваюсь вопросом: можно ли рассчитывать на Вас для январской книжки, по примеру прошлых лет. И если Вы имеете что-нибудь, то что именно, одни или в сотрудничестве и в скольких актах[1].

Вы весьма обязали бы меня, уведомивши поскорее. Я имею известия и от Тургенева лично и об Тургеневе. И из того и из другого источника явствует, что он очень плох[2]. Почти не ходит, хотя пишет твердой рукой. Ежели Вы вздумаете почтить старичка, то вот его адрес: France, Seine et Oise, Bougival. Villa Les Frênes. M-r Ivan (сохрани бог, Jean) Tourguéneff.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Феоктистов недоволен Толстым: слаб, говорит, не оправдывает надежд! Завтра или послезавтра ожидаем назначения Георгиевского на место Вяземского. А вдруг и этот окажется слаб![3]

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2304. На письме помета А. Н. Островского: «6 октября 1882 г.»

Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 529.

---

[1] А. Н. Островский. Красавец-мужчина. Комедия (*ОЗ*, 1883, № 1).

[2] О состоянии своего здоровья Тургенев сообщал Салтыкову в ряде писем, в том числе и в письме от 23 августа/4 сентября 1882 г. (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 2, стр. 14). Кроме того, о болезни Тургенева Салтыков знал из писем к нему Н. А. Белоголового.

[3] В это время Д. А. Толстой был министром внутренних дел (30 мая 1882—25 апреля 1889), а подчинявшийся ему П. П. Вяземский — начальником Главного управления по делам печати (5 апреля 1881—1 января 1883). Е. М. Феоктистов сменил Вяземского с 1 января 1883 г.

857. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

18 октября 1882. Петербург

18 октября. Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Львович.

Вам, как толкователю русского гражданского кодекса, вероятно, известен процесс <———>

А мы между тем ежеминутно здесь об Вас вспоминаем, читая Вашу книгу и соображая, в скольких смыслах Вы могли бы каждого из нас лишить имущества![1] Но прежде всего — в карты!!!

Вчера мы решили: послать Вам несколько рецептов дешевых кушаний. Вот на первый случай:

Взять травы клеверу, а ежели нет, то осоки; полить уксусом, а ежели нет, то водой; нарубить трюфлей, а ежели нет, то пробок, все взболтать и, помолясь, кушать.

О говядине в этом рецепте не упоминается, потому что ныне и в Петербурге уже возбужден В. И. Лихачевым вопрос о выпуске особой ассигнационной говядины, которая заменяла бы настоящую в такой же мере, как ассигнационный рубль заменяет настоящий рубль.

Адрес Ваш я получил вчера от Абазы, который только что воротился в Петербург.

Стихов!! Ибо ежели мы будем продолжать печатать ассигнационные стихи Вейнберга, то у читателей произойдет понос[2].

За тем жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Прошу Вас передать от меня и от жены искреннейший привет многоуважаемой Елизавете Юльевне.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 10—11. Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 98—100.

---

[1] Имеется в виду только что вышедшая тогда книга А. Л. Боровиковского «Законы гражданские (Свод законов, т. X, часть I), с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената». СПб., 1882.

[2] Отзыв этот, видимо, относится к стихотворениям П. И. Вейнберга «В лесу и на горах». «Боже мой! Как славно мне!..», «О, сладостный призыв! О, звуки обольщенья...» (*ОЗ*, 1882, № 10).

858. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

23 октября 1882. Петербург

23 октября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Ежели я давно не писал Вам, то этому есть причина. Я очень болен, до такой степени, что от кашля лишился голоса и вот уж две недели как не был в редакции, а я на этот счет аккуратен, и надо сильную причину, чтоб я манкировал. Даже Боткин ко мне наведался — стало быть, дело серьезное. Эта болезнь привела меня в такое невыносимо-хмурое состояние, что я ничем заняться не мог, так что не знаю, будет ли в ноябрьской книжке что-нибудь мое. Чувствую, что пора кончить, и что если добровольно не сделаю этого, то сама природа покончит. Но будущее так не обеспечено и притом так полно всевозможных прихотей, что, право, не знаю, как придется перевертываться. В конце будущего года, как Вам известно, кончается контракт, заключенный с Краевским, и вряд ли *мне* придется его возобновить [1]. Если производительная сила моя будет истощаться, как я это замечаю за последнее время, то просто даже нечестно будет браться за дело, которое не можешь продолжать. Вот и хорошо бы было, если б, к окончанию законного срока контракту, природа несколько посодействовала, убрав со сцены человека, который, с прекращением трудовой деятельности, представляет только лишний рот.

Вот Боткину, поистине, можно позавидовать. Крепок, свеж, бодр и в прекраснейшем расположении духа. И продолжает и в теории и на практике исповедывать, что лучшее и благороднейшее занятие человека есть любовный акт. Самый вид его должен производить на больных ободряющее действие, и только тогда, когда машина совсем уж расстроена, эти ободрения отражаются несколько иначе.

О статье Эльбе что-то мне говорил Михайловский (кажется, в утвердительном смысле) [2], но так как я совершенно потерял память и давно никого из редакции не видал (вот Вам, между прочим, мера участия ко мне ближайших сотрудников), то ничего сказать определительно не могу. Что же касается до высланных Вам 200 рублей, то за «Лонгфелло» приходится нечто вроде 5 р.— тоже определительно сказать не могу [3]. Октябрьская книжка выслана Вам в Париж, потому что письмо Ваше получено мною уже после выхода книжки. Следующие №№ будут высылаемы по новому адресу.

Разумеется, будут высылаться, ежели существование «Отеч<ественных> зап<исок>» не прекратится. А это вопрос, на который я не могу определительно ответить. Слухи ходят разные: и успокоительные, и огорчительные, но дело в том, что

слухи не прекращаются. И волнуют меня несказанно, потому что я в таком положении физическом и нравственном, что если б даже хотел *хлопотать*, то не могу.

Вообще положение мое самое несносное. Вокруг меня скачут, чему-то радуются, и что-то все покупают, а я ни на что бы не смотрел, ни о чем бы не думал. Не понимаю, как можно в таком положении не понимать, что жизнь есть бремя и больше ничего. Даже любопытства нет.

Однако Вы даже не пишете, когда воротитесь в Россию? А вот мне уж и теперь начинают намекать, что будущим летом надо в Каркассон ехать, сестрицу Анюту[4] повидать, которая наняла себе 60-летнего француза и испытывает какое-то неслыханное супружеское счастье. А с марта начнут и вплотную надоедать. А между тем мальчику 11 лет и надо его в гимназию отдавать. Но отчего же на год не отложить? а покуда он пусть повесничает. Во время четырехмесячного странствования перезабудет все, чему учили, и воротится болван болваном. И все это — «разве я для себя? все — для детей и для тебя! тебе и детям свежий воздух нужен!» Разве это не проклятие? И не проклятая ли вся моя жизнь, что я угла своего не имею?

Прощайте, старайтесь быть здоровым. Передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 25.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 292—293.

[1] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[2] Речь идет о статье П. Л. Лаврова «Хлопоты науки с низшими организмами». См. письмо 831, прим. 1.

[3] О статье «Лонгфелло» см. письмо 835, прим. 3.

[4] А. А. Болтина (в замуж. Турнье), свояченица Салтыкова.

859. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

26 октября 1882. Петербург

П.бург. 26 октября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Простите, что так давно не писал. Очень уж болезнь меня одолела. Две недели сряду даже в редакции не был, а Вы зна-

те, какой я на этот счет аккуратный человек. Все время страшнейший был грипп, голоса совсем лишился, так что Боткин два раза приезжал. Совсем плохое мое дело. Почти до отвращения к работе дошел и даже к самой жизни. Везде больно, *ни одной минуты* нет, когда бы чувствовалось хоть сколько-нибудь сносно.

С внешним миром я почти совсем разобщен; редко кого-нибудь вижу и почти совсем ничего не слышу. Да и слышать нечего, кроме сплетен и анекдотов. Представьте себе, на днях сказывали мне, что Минаева из Петербурга за какой-то экспромт дурацкий выслали — и что ж оказывается? — что он преспокойно себе ходит по трактирам, и что на днях даже сбираются праздновать 25-летний юбилей его литературной деятельности. Вот как у нас, все чему-то радуются и что-то празднуют. И адрес, говорят, ему сочинили и по домам подписывать носят; но у меня не были.

Я от Белоголового получил письмо уже из Ментоны [1], а Вы скоро ли туда поедете? Мне кажется, что теперь самое время, и, в видах восстановления, я советовал бы Вам поспешить. В Ментоне лучше, нежели в Ницце; скромнее, уединеннее, да и климат мягче. А у нас здесь просто мерзость запустения. Холод, а снегу нет. Отовсюду пишут, что зима уж стала, в Москве на санях ездят, а у нас только мрак и мороз. В городе страшная смертность: дифтерит, скарлатина, оспа. В особенности дифтерит косит, так что с детьми — беда. Доктора говорят, что вследствие летних засух почвенная вода слишком низко стоит, а оттого-де миазмы.

Из общих знакомых, Боровиковские совсем оставили Петербург, и А<лександр> Л<ьвович>, по обыкновению своему, никому ничего не пишет, так что только от швейцара его квартиры известно, что мебель велено отдать какому-то Юдину, которого никто не знает. Можно бы, вероятно, от Герарда узнать, да его тоже никто не видит. Из этого Вы можете вывести заключение, как крепка связь, соединяющая здесь всех. Никому ни до кого дела нет, никому ни об чем не думается. На днях получили письмо от каких-то ссыльных из Сибири: просят книжек прислать для чтения. «Хотели бы, говорят, сочинения Салт<ыкова> попросить прислать, но это роскошь, а от роскоши следует отказываться». Вот какое анафемское рассуждение.

Подписка на «Отеч<ественные> зап<иски>» еще не начиналась. Признаться, я ничего особенного и не жду, то есть ни в каком случае не жду увеличения [2]. Но ежели дело на убыль пойдет, тогда плохо, так уж оно и покатится вниз, как у «Вестника Европы», который и 6 т. подписчиков уж не имеет.

Прощайте. Больше не в силах писать: тяжко. Не знаю, будет ли что-нибудь мое в ноябрьской книжке. До сих пор, по крайней мере, написал не больше полулиста, и встал в тупик[3].

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Весь Ваш
М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23. На письме рукою Елисеева: «1882. Окт. 26».

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 34, с ошибочным отнесением к 11 октября; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 293—294.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового неизвестно.

[2] В 1883 г. *Отеч. записки* выходили тиражом 10 000—8650 экз.

[3] Очередные главы «Современной идиллии» появились не в одиннадцатом, а в двенадцатом номере *Отеч. записок.* На стр. 2 обложки № 11 объявление: «NB. По болезни автора продолжение «Современной идиллии» отлагается до след. №».

860. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

30 октября 1882. Петербург

30 октября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Никакой скарлатины у Матвеевых нет. Это был слух, оказавшийся совсем ложным и возникший по поводу болезни у ребенка Матвеевых. А так как ныне всякая болезнь у ребенка непременно обращается в скарлатину, то так было и тут. Редакция, по-прежнему, собирается у Вас в квартире, и я уже там был. Не писал я Вам об этом случае потому, что руководствуюсь пословицей: семь раз отмерь и потом отрежь, а не наоборот. Воображаю, какую нотацию получили Матвеевы и как негодуют на меня, воображая, что я причиной всего этого переполоха. Боюсь, что они, пожалуй, выедут из квартиры и только по скромности В<ера> Гр<игорьевна> не будет звонить о моей опрометчивости.

Вообще, я просил бы Вас в подобных случаях ожидать известий *от меня.*

Просьбу и конспект Мечникова я в понедельник передам в редакцию и переговорю[1].

Вам напишу без замедления.

Вы мне точного адреса не написали. Поэтому, желая, чтоб письмо это дошло до Вас немедленно, адресую его через Н. А. Белоголового. Я просил бы Вас успокоить В<еру> Григор<ьевну>.

Более писать покуда нечего.

Искренно преданный

М. Салтыков

Прошу Вас передать мое почтение уважаемой Екатерине Павловне. Я писал Вам недавно в Париж poste restante.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 23.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 294—295.

---

[1] Ответ на письмо Елисеева от 26 октября/6 ноября, в котором он сообщал о желании Л. И. Мечникова «примкнуть к «Отечественным запискам», где он просил бы работы всего на десять листов в год...» (*Письма Елисеева*, стр. 97). Приложенный к письму «конспект» Мечникова ошибочно опубликован в *ЛН* (т. 13—14, стр. 361—362) как его письмо к Салтыкову. Предложение Мечникова о сотрудничестве было встречено в редакции с «осторожностью», а в его «конспекте» Салтыков нашел «желательными <...> только статьи об Японии» (см. письмо 865). Узнав об этом, Мечников 2 декабря 1882 г. писал Елисееву: «Душевно благодарю Вас за сообщение ответа Салтыкова, как он ни мало для меня утешителен» (*ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 18). В 1882—1884 гг. в *«Отеч. записках»* Мечников ничего не напечатал.

861. П. В. АННЕНКОВУ

1 ноября 1882. Петербург

Петербург. 1 ноября.

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Получил я Ваше письмо и много Вам благодарен. И за общий отзыв о моей книге и за высказанное Вами, по ее поводу, замечание[1]. И рад буду, если книга моя даст Вам хоть несколько минут развлечения в немецком захолустьи, которое зимою должно быть порядочно инсипидно[1a].

Замечание Ваше вполне верно: несмотря на мою плодовитую литературную деятельность, она оказывается не особенно плодотворною. Вещи остаются на прежних местах, и дела идут

по-старому. Но чему приписать этот печальный результат (ноль)? тому ли, что моя деятельность чересчур мелка и не задевает сущности вещей, или же особенному патологическому состоянию, в котором находится русское общество?

Если деятельность моя органически недостаточна, то мне остается только покориться этому приговору и сказать только, что я даю что могу. Да ведь, в сущности, я, право, и не тщеславен. Иногда желал бы даже все бросить и удалиться куда-нибудь в захолустье, потонуть в волнах забвения, пропасть. Особенного удовольствия я в жизни не имею — это верно. Я не стану также ссылаться на величавый образ цензуры, который всегда предстоит пред очима моима, потому что ни читателю, ни критику до этого дела нет. Но могу сослаться на Гоголя, которого считают даже *великим* писателем, и которого деятельность была, в общественном смысле, тоже не особенно благотворною. Он тоже ничего с места не сдвинул и тоже ничего не изменил. А он все-таки пользовался благосклонностью, я же пользуюсь — ненавистью.

Вернее, мне кажется, сказать, что современное русское общество так настроилось, что совсем не задерживает впечатлений. Легкость, с которою в продолжение 25 лет давалось и опять отнималось многое очень существенное, породила в обществе очень много постыдных привычек, и между прочим привычку относиться ко всему происходящему спустя рукава. Понятно, что обладателя подобной привычки трудно чем-нибудь пронять. Я еще до получения Вашего письма неоднократно задумывался над этим вопросом и даже проектировал несколько дополнительных «писем к тетеньке», но не знаю, выполню ли эту задачу[2]. Болен я как-то необыкновенно, не до писания мне. Везде больно, только о том думаю: да скоро ли же смерть? А тут еще, на беду, связался с «Соврем<енной> идил<лией>». Требуется письмо веселое, живое, а у меня все болит. К ноябрьской книжке так-таки ничего и не успел приготовить, да не знаю, исправлюсь ли и к декабрьской[3].

До какой степени разврат проникает в русское общество — Вы можете судить из след<ующего> факта. Между молодежью здешнею обоего пола ходит циркулярное приглашение некоего «Центрального общества борьбы против террористических учений»[4]. Циркуляром этим не показывается вреда терр<ористических> учений, а гораздо проще ставится дело: обещается известное обеспечение, прекращение преследований, возможность жить за границей и проч. И можно думать, что эта штука породит известный разлад и многих увлечет. Но как Вам кажется эта попытка воспитать молодежь на шпионстве? Кстати, еврей Поляков устроил, так сказать, целый рас-

садник молодых шпионов. Уверенность прожить на поляковских хлебах пала на благодарную почву. Кроме известного Вам адреса[5] благодетелю состоялось еще частное соглашение, в силу которого пенсионеры общежития будут приглашаться поочередно к столу Самуила Соломоновича. И будут обучаться там хорошим манерам. Вот и судите сами, легко ли работать ввиду подобных фактов. Ведь они уже настолько поразительны и ясны, что даже задумываться над ними, анализировать их нет надобности.

С большим удовольствием увидел из Вашего письма, что Вы подумываете о возвращении в Россию. Буду крайне обрадован за себя.

В последнее время получил несколько писем от И. С. Тургенева[6]. Пишет об нем мне также доктор Белоголовый, который не раз его посетил[7]. Последний отзывается о здоровьи старца весьма удовлетворительно, что меня крайне радует. Это жизнь, за которую можно держаться.

До свидания. Крепко жму Вашу руку и прошу засвидетельствовать о моем и жены моей уважении Глафире Александровне и поцеловать детей.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На конверте: Германия. Allemagne. Baden-Baden. Ludwig-Wilhelmsplatz, 8. M-r Paul Annenkoff.

Почтовые штемпеля: С.-Петербург. Город. почта. 2 ноября 1882, Baden. 18.11.82.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 3, лл. 43—44.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 229—231.

---

[1] Письмо П. В. Анненкова неизвестно. Содержащийся в нем «отзыв» относился к вышедшим в 1882 г. отдельным изданием «Письмам к тетеньке». За присылку этой книги, как писал Анненков в письме к Тургеневу от 29 октября/10 ноября 1882 г., он поблагодарил автора архиерейским трезвоном во все колокола» (см. в наст. изд. т. 14, стр. 614).

[1а] Бесцветно — от *франц.* insipide.

[2] После завершения «Писем к тетеньке» у Салтыкова возник замысел нового цикла — «Дополнительные письма к тетеньке». Однако, написав половину первого письма, он отказался от его продолжения (см. в наст. изд. т. 14, стр. 679—680 и письмо 882).

[3] Об этом см. письмо 859, прим. 3.

[4] Очевидно, имеется в виду обращенная к студенчеству гектографированная «Программа общества народной организации борьбы с политическим террором», в которой «демагогически заявлялось, что террористические акты «систематически препятствовали правительству проводить в ис-

полнение задуманные им желательные реформы... Вследствие этого борьба с террором, как причиной такого ненормального положения, становится обязанностью всех, желающих блага своей родине». Выпущенная в октябре 1882 г. центральным университетским кружком гектографированная прокламация вскрыла фальшивый характер этой «Программы», приглашающей студентов на должность шпионов. Указывая, что правительство хочет купить совесть молодежи, ответная листовка клеймила позором тех, кто принял это предложение» (С. С. Волк. Народная воля. 1879—1882. М.—Л., 1966, стр. 349—350).

[5] 7 и 8 октября 1882 г. состоялись сходки студентов Петербургского университета, которые «собрались, чтобы заявить протест против поднесения адреса Полякову» (Очерки по истории Ленинградского университета, т. II. Л., 1968, стр. 61—62).

[6] Имеются в виду письма Тургенева к Салтыкову от 23 августа/4 сентября и 24 сентября/6 октября 1882 г. (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 2, стр. 14—15, 49—50).

[7] Письма Н. А. Белоголового неизвестны.

862. А. А. ВИНИЦКОЙ

1 ноября 1882. Петербург

Многоуважаемая Александра Александровна.

Рассказ Ваш «Ни дна, ни покрышки» уже напечатан и выйдет в ноябрьской книжке, если ей суждено увидеть свет[1]. Занимает она $1^5/_8$ л., и деньги за нее, по 100 р. за лист, всего 162 р. 50 к. при сем препровождаются. Но <более?> 100 р. назначать не могу. Новой рукописи Вашей еще не получал и потому ничего сказать об ней не могу. Замедление в напечатании «Ни дна, ни покрышки» произошло вследствие крайней ее нецензурности. Я сделал в ней очень значительные урезки, но и затем опасаюсь. Я хотел изменить заглавие на «Между небом и землей», но ввиду могущих последовать за это негодований, поопасился. Вообще, мне очень больно, что печатание всякого нового Вашего произведения сопровождается укоризнами.

Извините за краткость и беспорядочность настоящего письма: я очень болен.

Весь Ваш

М. Салтыков.

1 ноября.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 146, № 26, л. 13.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 100—101.

---

[1] О рассказе «Ни дна, ни покрышки» см. письмо 820, прим. 3.

863. М. О. ВОЛЬФУ

2 ноября 1882. Петербург

Милостивый государь Маврикий Осипович.

Вам, вероятно, небезызвестно, что я очень недавно издал 4 книги[1]. Сверх того, в настоящее время я печатаю еще: «Монрепо» и «Историю одного города»[2]. На быстрый расход этих изданий я не могу рассчитывать, тем более, что некоторые из них появляются уже в третий и в четвертый раз. Затем, как в книжных магазинах, так и у меня лично имеется много книг разных именований, и между прочим 1000 экз. «За рубежом»[3]. Судите сами, возможно ли теперь полное собрание сочинений? Мне кажется, прежде всего нужно установить известный срок, в продолжение которого старые издания понемногу истощатся, а от новых я воздержусь. Я не прочь вступить с Вами в переговоры, но не вижу возможности для иных оснований. Я в настоящее время очень болен и не выезжаю, но при первом же облегчении побываю у Вас в магазине.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

2 ноября.
Литейная, 62.

Печатается по факсимиле: «Известия книжных магазинных товариществ М. О. Вольфов», 1898, № 5, стр. 116. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: «Новь», 1889, № 13, стр. 50, с отнесением к 1880 г. В *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 297—298, передатировано на 1882 г. 23 октября 1882 г. книгоиздатель М. О. Вольф предложил Салтыкову «возобновить вопрос об издании произведений, так неожиданно оборвавшийся в прошлом году» (см. письма 799 и 802).

---

[1] В 1881—1882 гг. вышли в свет следующие издания: между 24 и 30 июля 1881 г.— «Сборник. Рассказы, очерки, сказки» (СПб., 1881); между 15 и 23 октября 1881 г.— «Губернские очерки» (изд. 4-е. СПб., 1882); между 16 и 23 марта 1882 г.— «Помпадуры и помпадурши» (изд. 3-е. СПб., 1882); между 9 и 15 мая — «Признаки времени и Письма о провинции» (изд. 2-е. СПб., 1882).

[2] «Убежище Монрепо» (СПб., 1882) вышло в свет между 16 и 23 ноября 1882 г., а 3-е издание «Истории одного города» — в начале 1883 г.

[3] Речь идет о первом издании «За рубежом», вышедшем между 9 и 15 сентября 1881 г. тиражом в 5020 экз.

864. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

6 ноября 1882. Петербург

6 ноября.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Сейчас контора уведомила меня, что сегодня же Вам заказным письмом послан денежный перевод на 1500 р.

Болезнь Ваша очень трогает меня. Все нынче болеют: может быть, года такие. Я вот уже лет шесть сряду ни одной минуты не чувствую себя здоровым. От Тургенева сегодня письмо получил;[1] он чувствует себя удовлетворительно, *только* двигаться не может. Анненков нынче летом, будучи совершенно трезв, с горы скатился и разбил себе все лицо. Приходят, значит, такие лета, когда море за сушу принимается, про́пасть за ровное место. Я на днях сижу у себя в кабинете и вдруг сам себя спрашиваю: где я? На печку смотришь: что такое? И вот, когда в этом положении приходится не только за себя, да и за других работать — становится тяжело. Я весь прошлый месяц до того был болен, что ничего не писал, несмотря на крайнюю мою заботливость и аккуратность. Да и возможно ли писать, когда из 24 часов буквально 18 употребляешь на кашель. Через ночь совсем не спал. Теперь несколько легче, но именно только *несколько*.

Я ужасно боюсь, как бы Вы не опоздали с Вашей комедией [2]. Дело в том, что январская книжка начнется набором 8-го декабря. В это время декабрьская уже будет доканчиваться и готовиться к отсылке в цензуру. А мы начинаем год с Вашей вещи, и следовательно она должна набираться *первою*. В уверенности, что пьеса Ваша будет готова к сроку, я так уже и устроился. Поэтому, будьте так добры: обнадежьте меня уведомлением, можно ли рассчитывать на получение Вашей пьесы между 6—8 декабря. Пожалуйста. Ужасно было бы неприятно, почти неловко начинать год не с Вас.

До свидания. Выздоравливайте. И верьте искренней преданности глубоко уважающего Вас

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 2303.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 530—531.

---

[1] Имеется в виду письмо Тургенева к Салтыкову от 31 октября/12 ноября 1882 г., в котором он, в частности, сообщал: «О себе приходится повторить прежнее: всем здоров, только двигаться не могу. И представьте: на-

чинаю находить, что в этом положении нет ничего неудобного. Было бы зачем двигаться... а то: не все ли равно» (*Тургенев. Письма,* т. XIII, кн. 2, стр. 90).

[2] О комедии А. Н. Островского см. письмо 856, прим. 1.

865. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

13 ноября 1882. Петербург

П.бург. 13 ноября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Извините, что совсем забыл ответить Вам насчет Мечникова. Причина этого заключается в болезни, которая ни на минуту не покидает меня и не дает мне ни работать, ни думать.

Мечников Вам известен не меньше, как и мне. Вы, конечно, помните время, когда шкаф в квартире Некрасова ломился под его произведениями, и редакция не знала, куда деваться с ними, ибо произведения эти были однообразны и весьма ординарного качества. Поэтому я полагал бы на будущее время соблюдать относительно его некоторую осторожность, так как он, подобно Боборыкину (которого я, с божьею помощью, совсем устранил), может совсем заполонить журнал. В программе его я усмотрел желательными для «Отеч<ественных> зап<исок>» только статьи об Японии [1]. Если бы он прислал их, то можно поместить, не рискуя надоесть читателям. Что касается до статей о Гарибальди, то соглашаться на помещение их, значит, заранее обречь журнал скуке и легкомыслию. Отказаться от них тем более удобно, что он сам сомневается в их цензурности (связь с польским восстанием). Сверх того, мы положительно завалены статьями, которые не знаем, как и куда разместить. Но статьи об Японии могли бы быть любопытны; поэтому ежели Вы можете, то дайте знать Мечникову, чтоб он прислал что у него есть по этому собственно предмету.

У нас все неурядицы. С тех пор как жид Поляков основал свое шпионское общежитие, в университете беспорядки не прекращаются, и дело грозит разрешиться (а отчасти и разрешилось) самым плачевным образом. Имея детей, невозможно без страха взирать на будущее. В обществе появляется столько гнусных элементов, что молодежь положительно опутывается. Ходит циркулярное письмо, приглашающее молодых людей к борьбе [2]. Обещается беспечальное житие, помощь и защита. Одним словом, задумана целая система воспитания общества в шпионстве. Можете себе представить, какое выйдет из этого поколение.

На днях был такой случай. Адвокат Остряков живет на Выборгской и занимает отдельный дом с мезонином. Вдруг приходит к нему некто и объявляет, что, по надобности особой важности, он поселяется у Острякова в мезонине на время. Остряков протестует, но некто стоит на своем, а полиция, в свою очередь, удостоверяет, что неизвестный его не обеспокоит и будет только иметь временный наблюдательный пункт. И действительно, незнакомец прожил недели две и исчез.

Такой же случай был и в другом месте. Выходит, значит, что в Вашу квартиру всегда может войти неизвестный и жить там сколько ему угодно.

Это совершенно новый прием.

«Отеч<ественные> зап<иски>» № 11 сегодня пошел в цензуру без моей статьи.

До свидания. Передайте наш общий привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Помета рукою Елисеева: 1882. Ноября 13.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 34—35; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 299—300.

---

[1] О «программе» Л. И. Мечникова и его сотрудничестве в *Отеч. записках* см. письмо 860, прим. 1.

[2] О «циркулярном письме» см. письмо 861, прим. 4.

866. А. А. ВИНИЦКОЙ

16 ноября 1882. Петербург

Многоуважаемая Александра Александровна.

Я перестаю понимать Ваши письма. Вы пишете мне о «Мутной воде», как будто она находится у меня; между тем, через час по получении мною рукописи с почты, г. Ольшанский, по Вашей записке, взял ее у меня обратно и я ее потом не видал [1].

«Отеч<ественные> зап<иски>» более 100 р. за печатный лист Вам не заплатят. Поэтому ежели Вы находите, что эта плата неудовлетворительна, то благоволите обратиться в другой журнал. Так, например, в «Русскую мысль», издающуюся в Москве, где Вы лично можете вести переговоры.

Искренно Вам преданный

16 ноября. *М. Салтыков.*

На конверте: Москва, против Манежа, гостиница «Петергоф», дом Скворцова. Александре Александровне Виницкой.

Почтовые штемпеля: СПб. 16 ноября 1882. Москва 17 ноя<бря> 1882.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 146, № 26, л. 14.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 101.

---

[1] В *Отеч. записках* это произведение А. А. Виницкой не появилось.

867. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

18 ноября 1882. Петербург

П.бург. 18 ноября.

Многоуважаемый Александр Львович.

Вы отсутствуете из Петербурга в самое горячее время. В музее Лента появилась девица Виолетта, без рук, которая рисует ногами. Ноги без перчаток; выше колен надето трико, так что видны только ягодицы, но больше — ни-ни. Сверх того в том же музее показывают мужчину *Антона,* без рук и без ног, который делает детей... угадайте чем? И когда нужно демонстрировать, то с дозволения об<ер->полицииймейстера приводят к нему девицу Виолетту, и через три-четыре минуты ребенок сделан!

Что касается до того, каким образом Эвель Утин сделался христианином, то настоящая правда всей этой истории представляется в след<ующем> виде. Старый Исаак, побуждаемый обер-полицииймейстером Галаховым к выезду из Петербурга, не решился, однако ж, лично познать свет истинной веры, а пожертвовал сыном Эвелем, при котором и полагал навсегда поселиться в Петербурге, в качестве родственника (это дозволяется). Пригласили протодиакона из Исакиевского собора для наставления Эвеля в правилах веры, но протодиакон, вместо «Начатков», принес колбасу, сказав: довольно с тебя и этого. И когда Эвель съел колбасу, то сейчас же сам от себя прочитал «Богородицу». После второй колбасы — прочитал «Отче наш». Тогда протодиакон принес третью колбасу, полагая, что, съевши ее, Эвель прочтет «Верую», но как ни старался Эвель произнести «И во единого господа нашего Иисуса Христа» — не мог. И когда пришел протодиакон, то, вместо исповедания веры, прочитал ему «Боже, царя храни». Протодиакон был приятно этим изумлен и, сказав «это, пожалуй, еще лучше», свел его в кухню и посадил в кадку с водой:

ныряй! Причем оказалось, что Эвель не только обрезан, но златообрезан. А восприемниками были: Пассовер и Куперник.

Вот после этого-то и состоялся знаменитый закон, дозволяющий при обращении евреев допускать сокращенный чин, т. е. не требовать от них молитв, а только знания «Боже, царя <храни>».

Несколько слов о наших общих знакомых.

Унковский — сделал ребеночка, но какого пола — неизвестно, потому что дитё родится месяца через четыре. Эта неожиданная радость, по-видимому, остепенила Ал<ексея> Мих<айловича>, так что он уж не знает и сам, смеяться ему или нет. Иногда вдруг выпалит — и сейчас же вспомнит: шестой! Видимся мы очень редко, потому что я почти совсем не выхожу из дома.

Владимир Ив. Лихачев деятельно готовится к посту министра каких бы то ни было дел. Утром ездит в съезд, вечером — заседает. Газеты полны его именем. Воскресенья еще в ходу, и я аккуратно их посещаю. Елена Осиповна конфект больше не покупает, а потчует винными ягодами (фигами) и Абазою с Коробкою. Лихачевы совсем разошлись с *Елисеевыми;* но почему — неизвестно. До того разошлись, что Гр<игорий> Зах<арович> сказал, что ежели они приедут в тот город, где он имеет местопребывание, то он немедленно провалится сквозь землю. Вообще Г<ригорий> З<ахарович>, по-видимому, совсем одурел. Лишил Кат<ерину> Павл<овну> наследства и живет в свое удовольствие, полагая, что «Отечественным запискам» конца не будет.

Ераков, Александр — имеет приезд ко двору благоверной государыни Екатерины Михайловны. В бытность мою в Ораниенбауме (где я целое лето на даче провел) скрывался от меня, не ожидая ничего хорошего для своей репутации от моего знакомства. По возвращении в Петербург у меня не был, но 8-го ноября [1], услышав, что за обедом будет стерляжья уха, приехал, однако ж приглашен не был. Говорят, будто дела его плохи, так как В<ера> Ал<ександровна> [2] дает уроки музыки, и он сам определился на службу в каком-то правлении жел<езной> дороги. Но за квартиру — платит. Адрес: 1-ая рота Измайл<овского> полка, дом Тарасова.

Победоносцев Константин и *Катков* Михаил — заняты деланием вреда.

О *Герарде* ничего не знаю. Но, кажется, ест гороховый суп и ходит в Михайл<овский>театр учиться светским манерам.

Утин — не Эвель, а Евгений — тоже сделал ребеночка и ждет его появления. *Утин,* Лейба, сошел с ума и содержится у Балинского в заведении.

Что касается до меня, то я могу сказать одно: болен. До такой степени болен, что ноябрьская книжка вышла без меня.

Отчего вы не шлете стихов? Право, нужно, в особенности для 1-ой книжки. Пришлите непременно [3]. Сюжетов у Вас пропасть: «Ода на приезд жида с говядиной», «Поездка в Саксагань за газетами» или «Чувство председателя земской подкомиссии по вопросу о квартирных деньгах урядникам». Удивляюсь, как Вы не найдете.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечнейший привет добрейшей Елизавете Юльевне.

А затем, покуда прощайте. Жму Вашу руку, прошу стихов и рекомендую в Ваше расположение

искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 12—13.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 102—105.

---

[1] День именин Салтыкова.

[2] Дочь А. Н. Еракова.

[3] А. Л. Боровиковский. В бессонницу (*ОЗ*, 1883, № 1).

868—869. Е. П. ЕЛИСЕЕВОЙ

18 ноября 1882. Петербург

И я от души поздравляю Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, с наступающим днем ангела, а Григория Захаровича — с дорогою именинницей. Благодарю Вас за память обо мне по случаю 8 ноября. Вчера вышли «Отеч<ественные> записки», но без меня, что доказывает, что я действительно нездоров. Вероятно, Вы получите этот № вместе с настоящим моим письмом. Передайте, пожалуйста, мой поклон Белоголовым.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 28. Приписка на письме Е. А. Салтыковой к Е. П. Елисеевой, датированном: «18 ноября. Четверг».

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 302.

870. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

29 ноября 1882. Петербург

29 ноября.

Многоуважаемый Александр Львович.

Написавши к Вам 2-е письмо, я во всяком случае ожидал, что Вы хоть кратко уведомите: письмо такое-то получено [1]. Ибо письма могут не доходить до адресата по двум причинам: или по первой причине, или же потому, что адресат находится в бегах. Первая причина очень неприятна, и ежели ее, в действительности, не существует, то корреспонденту не лишнее об этом знать. Что же касается до 2-й причины, то ежели адресат постоянно перебегает с места на место, «вышнего града взыскуя»,— он обязывается дать о сем знать корреспонденту в след<ующих> выражениях: ко мне не пишите, ибо все равно письма Ваши не догонят меня. А то выдумали какую-то Саксагань, а сами между тем то в Бахчисарае, то в Ананьеве.

Прощайте. Больше писать не могу, покуда не удостоверюсь, что Вы действительно живете в известном месте и что письма до Вас доходят.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет уважаемой Елизавете Юльевне и поцеловать детей.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по копии: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, л. 14. Копия рукою А. Л. Боровиковского. Его же рукою сделаны следующие пометы: «Копия. На конверте адрес: Е<катеринославской> г<убернии> В<ерхнеднепровского> у<езда>, на с<танцию> С<аксага>нь е<го> в<ысокородию> А<лександру> Л<ьвовичу> Б<оровиковскому>. Штемпель на конверте: Саксагань. 7 дек<абря> 1882 г.» «(Подлинник этого письма подарен Николаю Владимировичу Эрдели для его коллекции автографов)». Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 105—106.

---

[1] Имеется в виду письмо Салтыкова к Боровиковскому от 18 ноября 1882 г. (867).

871. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

2 декабря 1882. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

В газетах повествуют, будто бы Вашу новую комедию прислали уже Бурдину, в бенефис которого якобы она и пойдет [1].

Ежели это так, то, вероятно, Вы, по бывшим примерам, поручили ему копию с комедии доставить в «Отеч<ественные> записки», т. е. мне. Но русский Гаррик никогда не обращал внимания на нашего брата мелкоту, и прежде передавал Ваши пьесы не торопясь; нет, стало быть, резона, чтоб он и на этот раз изменил своему высокоумию. Поэтому не будете ли Вы так добры написать ему, чтоб он поторопился, ибо, во всяком случае, в типографии наберут скорее, нежели перепишут. И ему же корректуру можно дать.

Извините, что тревожу Вас. 10-е число на дворе, и мы положительно не имеем что печатать для январской книжки. Жду Вашего уведомления.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

2 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 2305.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 531.

---

[1] Комедия А. Н. Островского «Красавец-мужчина» (*ОЗ*, 1883, № 1) была впервые представлена на сцене Александринского театра 6 января 1883 г. в прощальный бенефис Ф. А. Бурдина.

872. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Между 2—8 декабря 1882. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вы совершенно напрасно заподозрили меня в меркантилизме. В моих глазах, денежный вопрос представляет далеко не существенную важность, и я ни минуты не сомневался никогда в совершенной обеспеченности редакции в данном случае. Для меня важно следующее: в субботу 11-го числа пойдет в цензуру 12-ый № журнала, а в пятницу типография будет требовать материала для 1-й книжки будущего года. Материал, конечно, у нас найдется, но все такой, который можно поместить в средине книжки, я же преимущественно рассчитывал на Вашу пьесу и непременно желал и желаю начать с

нее год [1]. Собственно печатание можно начать между 22—25-м числами. И следовательно, Ваша пьеса необходима не позднее 17-го числа, чтобы к 22-му успеть набрать и продержать корректуру хотя первых двух актов, а остальные два акта могут быть присланы и 20-го.

Вот собственно что меня тревожит. Но само собою разумеется, что ежели Вы найдете невозможным выполнить эти условия, то желание мое нимало не должно Вас стеснять, а тем менее денежный вопрос. Повторяю только: нехорошо будет *для нас,* ежели мы без Вашей пьесы выпустим 1-й №.

Ежели Вы найдете возможным окончить пьесу в тех условиях, какие изложены выше, то я попросил бы присылать ее (в целом или по частям) не ко мне, а прямо в Главную контору журнала (Бассейная, 2) с надписью: для передачи в типографию. Ее наберут скоро, и ежели Вам нужны копии, то я, вместо них, могу распорядиться высылкою Вам или исправленных корректур, или чистых листов, сколько потребуется.

Во всяком случае, я попросил бы Вас к *15*-му уведомить меня о положении дела.

Извините за назойливость. Отчасти тут виноваты газетные утки. Искренно Вам преданный и уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2306.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 527—528.

---

[1] Об этой пьесе см. письмо 871, прим. 1.

873. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

8 декабря 1882. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Тимирязев ничего не присылает и даже не дает знать о себе. Поэтому, для 1-го № нет в виду обычного «Приложения». А так как и от Островского нельзя ждать рукописи [1] раньше 20-го, то предвидится затруднение в печатании 1-го №. Необходимо было бы знать от Сементковского, нет ли у него чего-нибудь для «Приложения» листа на 3, хотя я боюсь, что теперь уже поздно [2]. Нельзя ли убедить его зайти ко мне завтра? (Вы говорили, что он завтра будет у Вас.) Сергей Николаевич [3] до сих пор ничего не дал; очевидно, мои убеждения не

имеют никакого значения в его глазах. Это очень печально и делает мое положение почти несносным. Я совсем болен. Хотел бы сказать нечто по поводу «Гамлетизированного поросенка»[4] — не могу выйти по этому морозу. Приходится без разговоров подписывать корректуры. Преоригинальное редакторство.

Весь Ваш

М. Салтыков.

8 декабря.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, л. 3.
Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 232.

---

[1] О комедии А. Н. Островского см. письмо 871, прим. 1.

[2] Приложением к №№ 1—3 *Отеч. записок* за 1883 г. печатался только роман О. Блакбурна «Сердце Эрвина». Возможно его переводчиком был В. А. Тимирязев.

[3] С. Н. Кривенко.

[4] Имеется в виду статья Михайловского «Очерки нынешней беллетристики» (*ОЗ*, 1882, № 12), в которой кличка «гамлетизированные поросята» относится к героям рассказов Ю. Н. Говорухи-Отрока, прикрывавшим свое ренегатство гамлетовской позой.

874. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

15 декабря 1882. Петербург

15 декабря.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Посылаю Вам при сем Ваш счет, сделанный Гаспером. Оказывается, что Ваших денег состоит налицо 1075 р. Не желаете ли, чтоб они были Вам высланы, и каким способом. Сегодня посылали деньги Шассену через Учетный банк по курсу 246 á vue[1]. Не весьма выгодно, но в будущем предсказывают еще хуже. Я с своей стороны ничего посоветовать не могу, совсем ничего не понимаю, но думаю: будет хуже, потому что не с чего быть лучше. Во всяком случае, полагаю, что Вам нужны будут деньги, и следовательно volens-nolens[2] придется Вам брать. Я до сих пор не знаю, сколько за Вами состоит недоимки в Лит<ературный> фонд, хотя и поручал Михайловскому узнать, но всякий раз забываю спросить. Впрочем, кажется, я в прошлом году платил, и придется уплатить только за 1883 год. По получении сведения от Михайловского, что следует, внесу из 1075 р.

Дела Лит<ературного> фонда совсем плохи. Равнодушие к нему — общее. Делали чтение — собрали 200 р.[3]. Кажется, идет вопрос о временном прекращении пособий и ограничится выдачею пенсий. В январе, если разрешат, я буду читать и, может быть, получится рублей 300[4]. Я хотел писать об этом в «Отеч<ественных> зап<исках>», да все забываю[5].

Сегодня вышел последний № «Отеч<ественных> зап<исок>» за 1882 г., и, вероятно, Вы получите его вместе с настоящим письмом. Подписка на 1883 год началась, но идет *плохо*. Сравнительно с нынешним годом отстает процентов на 25. В книжных магазинах тоже тише идет, по наведенным справкам. Ежели ветер не переменится, то нужно ожидать падения до 8 т. подписчиков[6], и тогда уж не знаю как быть. Мы так широко повели дело, что сузить его будет очень трудно. И долги все больше и больше растут. Впрочем, не у нас одних подписка уменьшается. То же и у «Голоса», где процентное уменьшение еще сильнее. Как у «Вестника Европы» — не знаю. На днях, как я слышал, будет принята какая-то решительная мера относительно «Голоса», за статью Кошелева[7]. И охота была Бильбасову печатать эту сугубую ерунду.

Расчет по «Отеч<ественным> зап<искам>» за 1882 год будет сделан в начале января, и я Вас немедленно уведомлю.

На днях распущена известная Вам Дружина. Поводом послужила статья «Нового времени» по поводу разосланного циркулярного письма с приглашением к пожертвованиям[8]. По слухам, «Новое время» окончательно сделалось официозным органом.

Газеты и журналы будут Вам высылаться те же, что и в нынешнем году.

В 1-м № будут помещены: новая комедия Островского[9], продолжение «Совр<еменной> идиллии»[10], рассказ Гаршина[11], может быть, Успенского[12] и проч. Для 2-го № имеется в виду новый рассказ Гирса[13], опять «Совр<еменная> идиллия» и проблематические Успенский и Златовратский. Говорю Вам о беллетристическом материале, ибо в остальное не вмешиваюсь. Впрочем, и тут, как мне известно, играют роль: Южаков, Воронцов, Скабичевский и проч. Недавно некто Мамин прислал прекраснейшие очерки золотопромышленности на Урале, вроде Брет-Гарта. Вероятно, в феврале найду место для них[14]. Листов 5 будет.

Поздравляю Вас с праздниками. Счастливцы! два рождества и два новых года отпразднуете, а мы только по одному, да и то как-нибудь. Желаю Вам на новый год всего лучшего.

До свидания. Передайте от меня и от жены привет и поздравление многоуважаемой Екатерине Павловне.

Жду Вашего письма насчет денег. А также как поступить с дивидендом?

Преданный Вам

М. Салтыков.

Имейте в виду, что у меня есть еще Ваш капитал в облигациях Пет<ербургского> кред<итного> общ<ества>. Проценты в марте. Облигации эти очень упали, как и все вообще бумаги. Я покупал облигации Харьк<овского> зем<ельного> банка по 96½, а теперь они 91½.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 23.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 35; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 305—306.

---

[1] На предъявителя.

[2] Волей-неволей.

[3] 26 ноября 1882 г. в зале Благородного собрания состоялось литературное чтение в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В нем приняли участие П. И. Вейнберг, Д. В. Григорович, А. И. Пальм, А. Н. Плещеев и А. А. Потехин («Голос», 1882, № 317, 21 ноября; № 322, 26 ноября).

[4] Свое намерение Салтыков не осуществил.

[5] См. прим. к письму 1006.

[6] В 1883 г. *Отеч. записки* издавались тиражом 10 000—8650 экз.

[7] За напечатанную в «Голосе» (1882, № 337, 11 декабря) статью А. И. Кошелева «Великая наша беда», в которой «настоящее положение государства представляется в самом безотрадном виде и в таком его положении обвиняется высшее правительство с очевидною целью возбудить к нему недоверие и неуважение, что ранее в фельетоне № 258 этой же газеты были высказаны крайне неблагонамеренные и резкие суждения об отношении помещиков к крестьянам, и в передовой статье № 261 по поводу деятельности комиссии о преобразовании местного управления, редакция этой газеты дозволила себе также выразить недоверие к действиям правительства», 16 декабря 1882 г. газете было объявлено второе предостережение (*ЦГИА,* ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 101, л. 299).

[8] Имеется в виду статья «Нового времени» (1882, № 2422, 24 ноября) «Политическое шутовство, или Не мытьем, так катаньем», в которой с комментариями перепечатан воспроизведенный на гектографе одним из молодежных кружков циркуляр «Священной дружины» (о ней см. письмо 758, прим. 2). Несмотря на попытки правительства изъять этот номер из продажи, статья привлекла всеобщее внимание (В. Я. Богучарский.

Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. М., 1912, стр. 271—284).

[9] А. Н. Островский. Красавец-мужчина (*ОЗ*, 1883, № 1).

[10] М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (*ОЗ*, 1883, № 1).

[11] В. М. Гаршин. Из воспоминаний рядового Иванова (*ОЗ*, 1883, № 1).

[12] Г. И. Успенский. Из разговоров с приятелями. Очерки (*ОЗ*, 1883, № 2).

[13] Д. К. Гирс. Дневник нотариального писца. Очерки, заметки, воспоминания (*ОЗ*, 1883, №№ 3—5).

[14] Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золотуха. Очерки приисковой жизни (*ОЗ*, 1883, № 2).

875. И. И. ЯСИНСКОМУ

15 декабря 1882. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Согласно Вашему желанию, посылаю при сем записку на получение 150 рублей. Повесть Вашу я не успел еще прочитать, но, во всяком случае, не думаю, чтобы Ваши сомнения были основательны. Народ — особая статья, а мужик, подмосковный или иной,— особая статья. Притом «народ» — настолько сильная личность, что может вынести всякую правду.

Я должен предупредить Вас, что раньше мартовской книжки едва ли повесть Ваша будет напечатана, потому что материалу очень много, впрочем, употреблю все меры, чтобы напечатать в феврале.

Весь Ваш

М. Салтыков.

15 декабря.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 581, оп. 2, № 137, л. 4.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 307.

Настоящее письмо Салтыкова — ответ на письмо к нему И. И. Ясинского от 14 декабря 1882 г. (*ЛН*, т. 13—14, стр. 372—373), в котором он подробно излагает историю написания и идею посылаемой Салтыкову рукописи рассказа «Старый сад» (*ОЗ*, 1883, № 3).

876. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18 декабря 1882. Петербург

18 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Лихачев сказал мне, что Вы пишете ему о каких-то недоразумениях, вследствие которых я будто бы не отвечаю на Ваши письма. Положительно не знаю никаких недоразумений, да и не признаю таковых. Мы оба с Вами находимся в совершенных летах, когда люди охотнее живут без недоразумений, нежели с недоразумениями. И я питаю к Вам все те же чувства, какие всегда питал. А редко писал в последнее время, во-первых, по болезненному состоянию и, во-вторых, потому что вообще жить тошно. Никакая переписка в голову не идет.

Вот, например, сегодня случай: высылают из Петербурга Михайловского и Шелгунова. Срок для выезда 1-го января, место жительства, где хотят вне границ Петербургской губернии. Причина высылки та, что были на балу у студентов Технологического института и там Михайловского качали и он что-то говорил. Михайловский уверяет, что он убеждал студентов в непригодности беспорядков; но может быть, слова его были истолкованы иначе[1]. Теперь выходит такое положение: «Дело» теряет официального редактора, ибо высланный Шелгунов едва ли может быть ответственным редактором. Будут представлять, конечно, других редакторов, но в утверждении будут отказывать. Таким образом, «Дело» помрет. Что касается до «Отеч<ественных> зап<исок>», то, за болезнью Елисеева и высылкой Михайловского, остаюсь я один. Приходится и болеть за троих и работать тоже. Думаю приспособить Кривенко, но какова это будет помощь — не знаю. Не знаю также и того, не вышлют ли и меня или не попросят ли отказаться от редакторства. 1883-ий год начинается плохо. Это последний год моего контракта с Краевским и уж, конечно, я его не возобновлю[2]. Иногда думается, что самое лучшее пуля в лоб, а Вы о каких-то недоразумениях говорите. Вот Вам недоразумение — налицо.

Я об этом Елисееву не пишу — боюсь, чтоб его новый удар не хватил; но если Вы найдете возможным передать ему, то сделайте как-нибудь. На днях я ему писал и спрашивал об деньгах, которых скопилось здесь больше 1 т. р. да на днях поступит еще около 5 т. р.[3]. Но лучше, чтоб он не возвращался раньше лета, ибо ежели он начнет вмешиваться и мутить меня с Кривенкой, т. е. вообще возмущать спокойствие, то я, не говоря ни слова, уйду. Надоело. Работай да еще выслуши-

вай предики. Он порядком-таки перепортил мне крови. Но, повторяю, я контракта не продолжу.

Поздравляю Вас и многоуважаемую Софью Петровну с новым годом. У Вас там два новых года (один сегодня), а у нас всего один, да и то вон какой. Кстати: и подписка идет на 25% тише против прошлого года; вот она, милая тетенька-то, какова.

Прощайте, будьте здоровы и не поминайте о недоразумениях: их нет и не может быть.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Умер Глазенап. Максимович приезжал к Унковскому и говорит: дал я Глазенапу 50 тысяч — и теперь ничего не получишь. Говорят, и Широбоков влетел.

На языке игроков «пустить глазенапа» — значит, в чужие карты подсмотреть. А Глазенап подсматривал в чужие карманы. И не безуспешно.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 26.

Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 49—50.

---

[1] 6 декабря 1882 г. состоялся студенческий вечер в Технологическом институте, на котором присутствовали Шелгунов и Михайловский. Последний произнес на нем речь, за которую оба были высланы в Выборг. В действительности Михайловский и Шелгунов были высланы за то, что правительству стала известна их связь с революционным подпольем. «В «Отечественных записках»,— сообщал 31 декабря 1882 г. А. Н. Плещеев И. Л. Леонтьеву (Щеглову),— отсутствие Михайловского для меня будет очень чувствительно. Чаще придется иметь дело непосредственно с Салтыковым, а это очень тяжело. В последнее время он был ужасно болен; да еще эта история с Михайловским на него повлияла. Он чуть не умер» («Литературный архив», вып. 6. М.— Л., 1961, стр. 361).

[2] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[3] Имеется в виду письмо Салтыкова к Елисееву от 15 декабря 1882 г. (874).

877. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

19 декабря 1882. Петербург

Милостивый государь Дмитрий Наркисович.

Редакция «Отеч<ественных> зап<исок>» охотно поместит «Золотуху» в одном из ближайших №№ и предлагает Вам гонорар по 100 руб. за печатный лист.

Благоволите дать ответ, по возможности, скорый.

М. Салтыков.

19 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 157, карт. 3, № 70.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 308.

Об очерках «Золотуха» см. письмо 874, прим. 14.

878. Л. Н. ТОЛСТОМУ

21 декабря 1882. Петербург

21 декабря.
Литейная, 62.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич.

Извините, что несколько замедлил ответом. Вы не написали Вашего адреса; поэтому я решаюсь писать Вам через С. А. Юрьева [1]. К сожалению, ответ мой не удовлетворит Вас. Начну с того, что в каждой твердо установившейся редакции всегда имеется обязательный переводчик, на которого возлагается не только обязанность переводить, но и выбирать (разумеется, по соглашению с редакцией). Такой переводчик имеется и у «Отеч<ественных> записок», и я решительно не считаю себя вправе даже временно нарушить его интересы в ущерб [2] постороннему лицу. Во-вторых, ввиду общедоступности французского языка, я лишь в самых редких случаях допускаю переводы французских беллетристов. Тем более Золя, которым все офицеры и кокотки высшего света упиваются и последние романы которого напоминают мне горшок с регулами. Вот почему я прошу Вас извинить меня за отказ в просьбе и надеюсь, что Вы на меня не посетуете за это [3].

А у нас случилось происшествие: Михайловского выслали из Петербурга (т. е. назначили ему срок 1 января для выезда). И в то же время выслали ответственного редактора «Дела», Шелгунова. Оба были 27 ноября на танцовальном вечере у

студентов Технологического института (разрешенном), и Михайловский держал слово. Он удостоверяет, что смысл его речи был таков, что нынешние беспорядки между учащеюся молодежью не могут иметь практического результата и их нужно оставить. Но «мерзавцы» прибавляют, что он выразил при этом сочувствие студентам, а глупые люди ахают и разевают рты. Никак у нас не могут понять, что людей можно убеждать только говоря свойственным им языком. И что, следовательно, ежели Мих<айловский> и заявил, в общих чертах, сочувствие молодежи, то это было даже необходимо. Нельзя говорить: сукины дети! сидите смирно! ибо в результате такого разговора может явиться не убеждение, а только плюха для говорящего. А Шелгунов даже ничего не сказал, кроме двух-трех слов согласия с Михайловским. Происшествие это до того меня сразило, что я жестоко заболел, и теперь пишу к Вам весь в огне[4].

Михайловский уезжает отсюда 27-го числа в Выборг. Но я боюсь, что его и там потревожат, потому что это — Финляндия. Вообще, мое положение весьма грустное: я остаюсь совсем один. И притом постепенно умирающий.

Благодарю Вас сердечно за сочувственные слова. Могу об одном жалеть: что сочувствие Ваше не выразилось более деятельным образом.

До сих пор и публика выражала сочувствие нашему журналу, но нынче, кажется, собралась отдохнуть. Подписка на 1883 год идет значительное вялее[5].

Крепко жму Вашу руку и еще раз прошу извинить.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Тургенев пишет, что он совсем двигаться не может[6]. Похрабрился, съездил в клуб и с тех пор засел. Ужасно жаль старца. Но он, по крайней мере, собственной смертью умирает, а каково умирать на основании такой-то статьи положения об усиленной охране? А ведь, пожалуй, и этого дождаться можно.

Печатается по подлиннику: Музей Толстого (Москва).

Впервые опубликовано: «Письма Толстого и к Толстому». М.— Л., 1928, стр. 252—253.

---

[1] Письмо Толстого, на которое отвечает Салтыков, неизвестно.

[2] Описка Салтыкова. Надо: пользу.

[3] Какого переводчика «французских беллетристов» предлагал Толстой — неизвестно.

[4] О высылке Михайловского и Шелгунова см. письмо 876, прим. 1.
[5] В 1883 г. *Отеч. записки* издавались тиражом 10 000—8650 экз.
[6] Это письмо Тургенева неизвестно.

879. М. А. ЯЗЫКОВУ

22 декабря 1882. Петербург

Многоуважаемый Михаил Александрович.

Окрестивши суворинское чадо, отобедавши у Панаева, поцеловавши Стасюлевича и переговоривши с Краевским насчет направления внешней политики, Вы, вероятно, уделите несколько свободных минут и Новгороду. В этой надежде я и адресую туда сие письмо, тем более что наступает обряд истребления буженины, строго соблюдаемый всеми христианами «от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая»[1].

Дело вот в чем: дал я Вам экземпляр «Монрепо» с надписью В. В. Григорьеву. Так Вы этот листок вырвите и пришлите мне (Литейная, 62). Пожалуйста. Книга так напечатана, что листочек этот и не нужен совсем.

Говорят, будто выжившая из ума Пассекша рассказывает об крестинах следующее: уж мы вокруг купели-то плясали, плясали... затормошили меня, старуху, совсем. А потом, сударь, обедать подали. И чудо только! провизия, кажется, отменнейшая, и стерлядь живая и ростбиф — а точно кто в нее насмердил!

Говорят, даже бога на крестины приглашали, да он отговорился: хлопочу, говорит, о Стасюлевиче в Комитете м<инис>тров, так некогда. И прислал будто бы Иуду Искариотского, который розничную продажу газет выдумал.

Вот какое дело!

Ваш
М. Салтыков.

22 декабря.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 64, л. 1.
Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 233—234.

---

[1] Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России».

880. А. Н. ПЫПИНУ

29 декабря 1882. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Письмо Ваше с статьей Ровинского застало меня в таком положении, что я не только читать, но и думать ни о чем не мог. Я и теперь страшно болен, а так как Елисеева нет, а Михайловский выслан, то помочь мне некому. Статью Ровинского я причисляю к тем, которые посевают в читателях ежели не ненависть, то полное равнодушие к Черногории, и потому не вижу надобности печатать ее. Чтоб действительно примирить русских читателей с Черногорией и другими славянскими землями, надо совсем других исследователей, вроде, напр<имер>, Гл. Успенского, который не настаивал бы на том, что Дульциньо называется Ульцын, а описал бы *действительную* жизнь Черногории. Во всяком случае, ежели Вы непременно желаете поместить статью г. Ровинского, то для сего есть журнал «Русская мысль», издающийся в Москве. Там примут с удовольствием.

Статья при сем возвращается.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

29 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 621, № 750, л. 8.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 106—107.

Ответ на письмо Пыпина от 20 декабря 1882 г., в котором он предлагал напечатать в *Отеч. записках* статью П. А. Ровинского о Черногории, представляющую интерес «как первое описание неведомого до сих пор края» (*ЛН,* т. 13—14, стр. 373—374).

1883

881. И. А. ГОНЧАРОВУ

1 января 1883. Петербург

1 января.

Многоуважаемый Иван Александрович.

Позвольте и мне присоединить себя к числу лиц, чествующих пятидесятилетнее служение Ваше русскому обществу и литературе. К сожалению, я узнал об этом чествовании совсем неожиданно из сегодняшнего «Голоса». Несмотря на мою, можно сказать, неустанную деятельность, я и до сих пор не успел завоевать себе в литературе настолько почтенного места, чтобы в подобных вопросах быть сравненным с литераторами Кони, Цертелевым и Утиным. Я в русской литературе — изгой, о котором даже Краевский вспоминает лишь по случаю получения дивиденда по «Отеч<ественным> зап<искам>». Тем не менее прошу Вас считать меня в числе Ваших искренних почитателей и верить, что только жестокая болезнь не позволяет мне приехать к Вам, чтобы лично засвидетельствовать Вам о моем уважении. Желаю Вам много лет.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 14, л. 1.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 107—108.

Чествование Гончарова по случаю 50-летнего юбилея его литературной деятельности состоялось 31 декабря 1882 г. Из-за болезни юбиляра оно было отмечено в узком кругу, в составе А. Ф. Кони, А. А. Краевского, Я. П. Полонского, А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, Е. И. Утина, кн. Д. Н. Цертелева и А. Ф. Кларка, которые преподнесли Гончарову столовые часы на мраморном пьедестале с бюстом Марфеньки (*Стасюлевич,* т. IV, стр. 154). Этому событию, с перечислением имен участвовавших в нем лиц, и посвящена обратившая внимание Салтыкова заметка в «Голосе» (1883, № 1, 1 января, раздел «Внутренние известия. Хроника»).

882. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

1 января 1883. Петербург

1 января.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Пишу к Вам в самый день нового года, с которым Вас и поздравляю, как равно и многоуважаемую Екатерину Павловну[1]. Жена тоже поздравляет Вас обоих. Желаем Вам благополучия, а всего больше здоровья.

Расчет по «Отеч<ественным> зап<искам>» сделан. На долю каждого из нас пришлось по 9114 р. 16 к. Из того числа Вами летом взято вперед 3 т. р. да выдано, по бывшим примерам, Чижову и Гасперу 200 р. Осталось 5914 р. 16 к. К этому присоединено 1075 р., оставшихся от последнего полугодия, а за уплатой из них Литературному фонду 30 р. (за 3 года по 1883 *включительно*) 1045 р. Всего ваших денег оказалось 6959 р. 16 к. Вчера Гаспер выслал их Вам через Crédit Lyonnais[2] в 7 векселях на 3 месяца. 6 из них по 2477 фр. 50 сант. и 1 на 2376 фр. 30 сант. Курс на 3 мес. $247^{3}/_{4}$— очень обидный, но делать нечего. Напоминаю Вам еще о существовании у меня 3500 р. облигациями Петерб<ургского> гор<одского> кред<итного> общ<ества>. Не хотите ли и их реализовать и Вам выслать? На днях еще придется на Вашу долю по текущему счету рублей около 400. Не выслать ли и их вместе с расчетом за январскую книжку?

Январская книжка выйдет не раньше 17-го числа[3]. На место кн<язя> Вяземского начальником печати назначается г. Феоктистов — это может дать Вам меру, что ожидает нас в будущем[4]. Я, впрочем, хлопочу только о том, как бы этот год спустить с рук, ибо я так болен, что, право, мне не до журналистики. А тут, как нарочно, с высылкой Михайловского, на мне легло все бремя[5]. К счастию, Кривенко помогает, хотя и доселе он не развязался с «Устоями»[6]. До какой степени я болен, Вы можете судить по тому, что я уже три понедельника сряду не был в редакции, а я на этот счет был всегда аккуратен.

Подписка идет тише против прошлого года. Сравнительно подписчиков на 350 назади. Но может быть и сравняется. Все будет зависеть от того, как будут сдавать книгопродавцы, которые, покуда, в большинстве еще не начали сдавать[7]. Я уже три недели, как за перо не берусь, и очень благодарен судьбе, что успел до болезни сдать *свой* вклад для январской книжки[8]. Хотел было написать фельетон, т. е. начать целый ряд коротеньких дополнительных «Писем к тетеньке», и написал уже половину 1-го письма, как вдруг словно обрезало. Не могу — и все тут[9]. Даже настоящее письмо пишу с трудом.

Боюсь, что для февральской книжки не успею и что это опять оттянет «Современную идиллию», которая порядком-таки мне надоела [10]. Вообще, надо кончать. Мой идеал теперь — удалиться в деревню и там начать непостыдно умирать.

Боровиковский удалился в деревню и оттуда от времени до времени пишет, а на днях прислал целую кучу стихов [11]. Он и об Вас постоянно спрашивает. Адрес его: Екатеринославской губ., Верхнеднепровского уезда, на станцию Саксагань.

Что касается до Матвеевой, то я ее лично не видал, а жена была у ней. Она действительно что-то проглотила, но что именно, кость или хлебный мякиш — сама не знает. Кашляет, никуда не выходит, но ничего особенного не чувствует.

Я попросил бы Вас, по получении высланных Гаспером Вам векселей, уведомить меня об этом телеграммой. Иначе я буду в беспокойстве. Около 5/17 января Вы должны получить.

Затем, желая вам и Екатерине Павловне всего лучшего в предстоящем году, остаюсь

искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24. Помета рукою Елисеева: «1883 г. 1 янв.».

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 35—36; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 312—313.

---

[1] Жена Г. З. Елисеева.

[2] Лионский кредит.

[3] Первый номер *Отеч. записок* вышел в свет 18 января.

[4] Предчувствие не обмануло Салтыкова: издание *Отеч. записок* было прекращено во время пребывания Е. М. Феоктистова на посту начальника Главного управления по делам печати (1 января 1883 г.— 23 мая 1896 г.).

[5] О высылке Михайловского см. письмо 876, прим. 1.

[6] О журнале «Устои» см. письмо 847, прим. 2.

[7] В 1883 г. *Отеч. записки* издавались тиражом 10 000—8650 экз.

[8] Для № 1 за 1883 г. Салтыков предоставил очередные главы «Современной идиллии» (XXII—XXIV).

[9] О цикле «Дополнительные письма к тетеньке» см. письмо 861, прим. 2.

[10] Последние главы «Современной идиллии» появились только в № 5 *Отеч. записок* за 1883 г. В №№ 2—4 Салтыков ничего не напечатал.

[11] В *Отеч. записках* за 1883 г. напечатаны следующие стихотворения А. Л. Боровиковского: «В бессонницу» (№ 1); из «Черных дней»: «Житейская мудрость» и «На лоне природы» (№ 2); «Романсы», «Поэт» (№ 3). Это последняя публикация произведений Боровиковского в журнале.

883. В. А. ТИМИРЯЗЕВУ

1 января 1883 (?). Петербург

Многоуважаемый Василий Аркадьевич.

Вы ставите редакцию в чрезвычайно неприятное положение. Вот уже и январь, а от Вас ничего нет. Будьте так добры уведомить, когда Вы пришлете, что нужно. Ведь после 9-го числа и набор должен быть уже заключен, а тут пойдут статьи с современным характером, которые, конечно, не могут быть задержаны за переводом. Я многократно молил Вас о большей аккуратности, а теперь молю, пожалуйста, хоть ответом удостойте

преданного Вам

М. Салтыкова.

1 января.

Печатается по подлиннику: Музей-квартира К. А. Тимирязева (Москва). Публикуется впервые.

Датируется предположительно, по сопоставлению с письмом 873.

В Приложениях к *Отеч. запискам,* 1883, №№ 1—3, печатался роман О. Блакбурна «Сердце Эрвина». Современный ирландский роман», переводчиком которого, видимо, был В. А. Тимирязев.

884. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

4 января 1883. Петербург

4 января. Петербург.
Литейная, 62.

Милостивый государь Дмитрий Наркисович.

Недели три тому назад я просил Вас уведомить меня, согласны ли Вы будете напечатать в «Отечественных записках» Ваш рассказ «Золотуха» с платой по 100 руб. за лист.

Не будете ли Вы так любезны ускорить ответом на мой вопрос.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 157, карт. 3, № 70.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 313.

Салтыков имеет в виду свое письмо от 19 декабря 1882 г. (877).

885. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

6 января 1883. Петербург

6 января.

Многоуважаемый Александр Львович.

Неделю тому назад я послал Вам письмо, в котором подробно изложил подвиги каждого из компании мушкетеров, одним из членов которой (вроде отсутствующего сенатора) считаетесь и Вы[1]. С тех пор в положении воюющих сторон ничего нового не произошло. Новый год встречали у меня и, надо сказать правду, встречали довольно уныло, потому что я был ужасно болен. Вспоминали об Вас, причем присутствовали Унковские и Лихачевы. Даже партии в винт нынче составить нельзя — вот до чего мы дошли. Впрочем, Унковский, кажется, кой-где еще поигрывает, а я — совсем никогда, кроме как у Лихачевых, у которых от времени до времени бывают желающие винтить.

Стихи Ваши получил, и оказались отличные. Буду помещать начиная с 1-го №, под Вашим собственным именем. Все желания и законные Ваши требования будут удовлетворены[2].

Елисеев очень интересуется знать, где Вы и как живете? Я отвечал, что Вы живете в мифологической местности, именуемой Саксагань, в большой дружбе с Аполлоном, который играет на лире, а Вы — трисвятую песнь припеваете. И камни пляшут. Ежели бы Вы вздумали написать к старцу, то вот его адрес: France, Alpes Maritimes, Nice, Petite rue S-t Etienne, villa des Essarts, M-r Grégoire Elisséieff. Мне кажется, он будет отменно рад получить от Вас весточку.

По-видимому, он собирается в Петербург в мае, и я боюсь, что он совсем нас спутает, а поможет — очень мало. Теперь Кривенко уже почти два года пишет «Внутр<еннее> обозрение», и дело у него наладилось[3]. И жалованье он получает, следовательно, сообразно с ним располагает жизнь. Теперь представьте себе, приезжает самолюбивый протоиерей и опять забирает «Внутр<еннее> обозр<ение>». Кривенко, как человек тоже самолюбивый, уходит из редакции, а протоиерей, через месяц, получает второй удар и оказывается несостоятельным. А тут еще Михайловский выслан — каково будет мое положение?[4] Поэтому, как это ни прискорбно, но я решился сказать Гр<игорию> Захарычу: довольно! Может пользоваться доходами, но мешаться в дело, два года тому назад оставленное, нет резона.

Вообще, дело «Отеч<ественных> зап<исок>» идет так, что последний год контракта с Краевским, по-видимому, будет действительно последним годом[5]. Набирать другую компанию соредакторов — было бы с моей стороны не совсем хорошо, а

издавать журнал с отсутствующими редакторами — право, ни на что не похоже. Да и сам я, вероятно, разрешу это недоразумение к наилучшему концу: помру — только и всего. И в газетах напишут: вот это какой был человек! исполнил все обязанности относительно Краевского — и помер! А дух мой будет этим утешаться в горних.

Не знаю, заметили ли Вы, что нынче существует такое правило: после третьего предостережения газета или журнал вновь обращаются под цензуру? Вот если это случится с «Отеч<ественными> зап<исками>» — тогда конец. Да и вообще, с назначением г. Феоктистова, дело этим пахнет[6]. Поживем — увидим.

Представьте себе: на днях смотрю в железнодорожную мою карту и не верю глазам своим: *река* Саксагань! Бежит себе и даже впадает в Ингулец, т. е. некоторым образом в Борисфен! И даже неизвестно, кто тут Ингулец: может быть, Саксагань эта самая и есть Ингулец? Ведь не Станлей определяет, кому быть Ингульцом, а кому Саксаганью, а простая русская баба. Во всяком случае, Саксагань есть — и слава богу.

Мне несколько получше, но до сих пор еще голоса нет и потому никуда не выезжаю. Сегодня встал рано, по причине кашля, и сел за письмо к Вам. Вот уже 9 часов, и Мина выходит на жизненный подвиг: берет мои сапоги и штаны и отправляется чистить. Господи! каких только подвигов нет на свете! А Аксаков сидит теперь в Москве, пришел от ранней обедни, пьет чай с просвирой и тоже думает, что совершает жизненный подвиг.

Вот уж три недели, как ничего не пишу. Боюсь, что к февральской книжке опоздаю. Тогда меня будут ругать[7].

Прощайте, желаю Вам и многоуважаемой Елизавете Юльевне хорошего нового года. Жена тоже шлет Вам обоим сердечный привет. Детей целуем.

Искренно Вас любящий и преданный

М. Салтыков.

Вот мое лечение: через два часа по столовой ложке микстуры; три раза в день по порошку; утром и вечером по стакану зельтерской воды с молоком. Вечером втирать в грудь и в спину терпентин. Два раза в день пульверизация. На ночь — компресс на горло. Когда же на двор-то ходить? — А вот в промежутках.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 16—17.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 108—111.

---

[1] Это письмо Салтыкова неизвестно.

[2] О стихотворениях А. Л. Боровиковского см. письмо 882, прим. 11.

[3] Имеется в виду хроника «По поводу внутренних вопросов» (см. письмо 750, прим. 2).

[4] Относительно высылки Михайловского см. письмо 876, прим. 1.

[5] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[6] О Е. М. Феоктистове см. письмо 882, прим. 4.

[7] О работах Салтыкова см. письмо 882, прим. 10.

886. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

8 января 1883 (?). Петербург

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Поручение Ваше так сложно, что я решительно не могу принять на себя исполнение по нему. Сверх того, признаюсь Вам, я даже сомневаюсь, необходимо ли выполнять его, потому что и я и Михайловский все требуемое получаем.

Ваш

8 января. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 21.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 138, с отнесением к 1880 г., мотивируемым тем, что летом 1879 г. Елисеев «возбуждал вопрос об обеспечении А. М. Скабичевского». Между тем в словах Салтыкова «я и Михайловский все требуемое получаем», скорее, подразумевается отказ Елисеева из-за долгого проживания за границей от участия в прибылях по изданию *Отеч. записок* в 1883 г. Так, например, 15 января 1883 г. Елисеев заявлял Салтыкову: «...в текущем 1883 году я отказываюсь не только от гонорара, который будет получен «Отечест<венными> записками» за этот год, но и от жалованья, и от пенсии» (*Письма Елисеева,* стр. 105).

887. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

10—11 января 1883. Петербург

Милостивый государь Дмитрий Наркисович.

Я начинаю думать, что Екатеринбург не существует, потому что уже почти четыре недели тому назад послал к Вам первое ответное письмо, а 5-го января — второе [1].

Так как из письма Вашего от 27 декабря вижу [2], что предложенные мною условия (100 р. за лист) даже несколько превышают Ваши, то считаю себя вправе счесть это дело кон-

ченным (т. е. по 100 руб. за печ. лист) и при первой возможности напечатаю «Золотуху». Думаю, что это будет в марте, а может быть и в феврале[3].

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 157, карт. 3, № 70.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 315—316.

---

[1] Имеются в виду письма Салтыкова к Д. Н. Мамину-Сибиряку от 19 декабря 1882 г. и 4 января 1883 г. (877 и 884).

[2] Упоминаемое письмо Д. Н. Мамина-Сибиряка неизвестно.

[3] Об очерках «Золотуха» см. письмо 874, прим. 14.

888. И. И. ЯСИНСКОМУ

11 января 1883. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Сегодня был у меня г. Протопопов и от имени Вашего заявил просьбу о выдаче Вам вперед 150 р.[1]. Разумеется, я дал ему записку, которую Вы, вероятно, уже и получили. Но позвольте мне посетовать на Вас за то, что Вы прибегаете к посредничеству третьих лиц. Достаточно было прислать мне по почте самую коротенькую записку, чтоб я выполнил Вашу просьбу с величайшей готовностью.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

11 января.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 67, л. 1.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 111.

---

[1] Из-за продолжительной болезни И. И. Ясинский был вынужден прибегнуть к посредничеству М. А. Протопопова. См. также письмо 896.

889. И. Н. КОШУРНИКОВУ

17 января 1883. Петербург

Милостивый государь Иван Николаевич.

Имею честь препроводить на обороте список моим изданиям, с обозначением цен. К сожалению, сумма выходит изрядная. Самое лучшее выписать через контору «Отечественных записок» (Бассейная, 2).

Искренно благодарен Вам за память.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

17 января.

Губернские очерки 1 т.— 2 р. 50 к.; В среде умеренности 1 т.— 1 р. 50 к.; Невинные рассказы 1 т.— 1 р. 50 к.; Сатиры в прозе 1 т.— 1 р. 50 к.; Убежище Монрепо 1 т.— 1 р.; История <одного> города 1 т.— 1 р.; Благонамеренные речи 2 т.— 3 р.; За рубежом 1 т.— 2 р.; Сборник 1 т.— 1 р. 50 к.; Господа Головлевы 1 т.— 2 р.; Круглый год 1 т.— 1 р. 25 к.; Дневник провинциала 1 т.— 1 р. 60 к.; Господа ташкентцы 1 т.— 1 р. 60 к.; Признаки времени 1 т.— 2 р.; Письма к тетеньке 1 т.— 2 р.; Помпадуры и помпадурши 1 т.— 1 р. 50 к.; Всего 27 р. 20 к.; за пересылку — 2 р. 80 к. <Итого> 30 р.

Печатается по факсимиле: Е. Д. Петряев. Люди. Рукописи. Книги. Киров, 1970, стр. 254—255.

Подлинник неизвестен.

И. Н. Кошурников в 50-х годах был чиновником Вятского губернского правления. Книги Салтыкова понадобились ему для открытой в Котельниче на имя жены библиотеки.

890. Е. С. ГОРДЕЕНКО

Телеграмма

Между 18 и 19 января 1883. Петербург

Душевно благодарю Вас и почтенных товарищей Ваших за сочувственную телеграмму[1]. Да процветает Харьковский университет, а еще более того — да процветает дорогая Россия!

Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Харьковские губернские ведомости», 1883, № 18, 20 января; перепечатано: «Новости и Биржевая газета», 1883, № 22, 24 января; «Голос», 1883, № 27, 27 января. В *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 316 датировано между 18 и 23 января по напечатанию в газете «Новости». Датируется между 18 и 19 января на основании ранее неизвестной первой публикации — в «Харьковских губернских ведомостях».

Подлинник неизвестен.

---

[1] 17 января 1883 г., в день празднования 79-летия Харьковского университета, Е. С. Гордеенко от имени кружка бывших студентов послал приветственную телеграмму Салтыкову как почетному члену университета.

891. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

20 января 1883. Петербург

20 января.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

По текущему счету за 1882 г. пришлось в дивиденд еще по 363 р. на брата. Причислив к ним, за уплатой за квартиру, следующие Вам по январской книжке 175 р., составится 538 р. Из них я отдал Вере Григорьевне[1] по Вашей телеграмме 100 р. 38 р. оставил покуда здесь, а 400 р. при сем прилагаю.

Вера Григ<орьевна> не хотела брать 100 р., но я ее убедил, сказав, чтоб она дальнейшие объяснения вела уже с Вами лично.

Вы уже знаете, что Михайловский и Шелгунов высланы и поселились оба в Выборге[2]. Высланы они за то, что были на вечере у технологов, и там Михайловский произнес несколько слов, смысл которых заключался в том, что он не одобряет современного студенческого движения, но, в смысле протеста, находит его все-таки знаменательным. За эту речь многие студенты ему шикали, а начальство выслало, на основании положения об охране, так что с снятием этого положения сама собой прекратится и высылка[3]. А снятия положения можно надеяться при коронации, которая, как говорят, будет в мае. Вообще, я до сих пор не хорошо понимал силу положения об охране, а теперь понимаю. Выходит, что начальство всякого, кого находит нужным выслать, может. После этого Антонович возбудил вопрос о ходатайстве за Михайловского подачею коллективного письма на имя об<ер>-полицеймейстера. Письмо написано скромно и между прочим сказано, что высылка эта уменьшает силы «Отеч<ественных> зап<исок>» и «Дела», что уже совсем ненужно говорить. Письмо подписало человек двадцать пять, но все разные. Был Антонович с этим письмом и у меня, но я отказался.

Во-первых, потому, что оно может повредить Михайловскому, а во-вторых, я лично вовсе не желаю выпускать перо из рук до тех пор, покуда могу его держать. Впрочем, кажется, это дело последствий дальнейших иметь не будет. В городе поговаривают также, будто и еще кой-кто намечен к вы-

сылке и между прочим якобы Кривенко[4]. Вот тогда уж совсем мат будет.

А вслед за тем пришла и еще новость: закрыли Общество тверских врачей, за то, что оно предположило ходатайствовать, чтобы состоящим под надзором врачам не было воспрещаемо практиковать. При этом врача Петрункевича и еще одного уволили от службы по земству. Из Твери от земства приезжала по этому случаю депутация и частным образом объяснялась с Плеве, нельзя ли земству хоть частно пользоваться услугами Петрункевича; на что Плеве ответил, что в таком случае Петрункевич будет немедленно выслан из губернии[5].

Времена наступили злые. Катков делает что хочет и пользуется этим, чтоб отомщать. Уж не об динамите и цареубийстве идет речь, а о простом человеческом образе мыслей. Даже защитники Кавказского транзита рискуют подпасть под действие Положения об охране.

Понятно, что при таком положении вещей издавать журнал, по малой мере, небезопасно. И ежели это продлится, то я уйду.

Подписка идет гораздо против прошлогоднего хуже. До сих пор нет еще 6 т<ысяч> подписчиков. На 1000 человек меньше. Что скажет дальше, но полагаю, что хорошего будет немного[6].

Прошу Вас передать мой и жены сердечный привет уважаемой Екатерине Павловне.

А покуда, до свидания. Жму Вашу руку и желаю Вам всего лучшего.

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 36—37; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 316—318.

---

[1] В. Г. Матвеева.

[2] О высылке Михайловского и Шелгунова см. письмо 876, прим. 1.

[3] Имеется в виду «Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, т. I. СПб., 1885, стр. 261—266).

[4] О высылке С. Н. Кривенко см. письмо 981, прим. 2.

[5] 11 января 1883 г. начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов передал в С.-Петербургский цензурный комитет приказ министра внутренних дел предупредить «редакторов периодических изданий

не допускать печатания никаких известий и статей о закрытии Общества тверских врачей и об удалении двух врачей по Тверскому земству» (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 3, 1883 г., № 3, л. 5).

[6] В 1883 г. *Отеч. записки* издавались тиражом 10 000—8650 экз.

892. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

20 января 1883. Петербург

20 января.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Спешу ответить на Ваше письмо[1]. Когда Вы уезжали, то, кажется, было условлено так, что корректуры будет читать Кривенко — так оно и делается. Да, по мнению моему, и неудобно пересылать корректуры Вам для чтения: это замедлит печатание. Хотя поезд до Выборга идет всего четыре часа, но, в сущности, каждая корректура будет ходить не менее трех-четырех суток. Вот рукописи Вам посылать следует, и я скажу об этом С. Н. Кривенко, которому, впрочем, Вы и сами могли бы сказать, и это было бы для него яснее. По моему мнению, Вам теперь надлежит как возможно больше писать, и этим Вы принесете для журнала громадную пользу.

Я подтвержу Гасперу, чтоб цензурный номер доставлялся Вам своевременно на петербургскую квартиру.

Что касается до меня, то со мной делается нечто странное. Кашель меньше, а слабость ужасная. Шатает. Вообще, доживаю свой век. Вчера был Боткин: молоко приказал пить, а я терпеть его не могу. И еще говорит: меньше курите, а я люблю курить. Как умный человек, он, однако ж, не прибавил: меньше волнуйтесь. Впрочем, я уж и не волнуюсь, а просто до крайности все опостылело. Работать охоты нет. Боюсь, что к февральской книжке не поспею. Плохое мое дело[2].

Подписка идет туго. Полагаю, что тысячи человек недосчитаемся.

До свидания. Будьте здоровы; крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, л. 4.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 234—235.

---

[1] Упоминаемое письмо Михайловского к Салтыкову неизвестно.

[2] О статьях Салтыкова см. письмо 882, прим. 10.

893. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

21 января 1883. Петербург

21 января.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сейчас получил Ваше письмо [1].

Я просил бы Вас оставить существующее положение вещей по «Отеч<ественным> запискам» в том же виде. Во-первых, потому что это последний год контракта с Краевским, и, следовательно, ломать дело из каких-нибудь 11 месяцев положительно не стоит; [2] во-вторых, существование журнала может быть сокращено, по распоряжению, и прежде срока, так что это сделает ломку еще менее нужною. В-третьих, узнав о Вашем отказе, откажется, пожалуй, и Михайловский [3]. В-четвертых, выгоды Вашего теперешнего положения вовсе не так велики, как Вы себе представляете. За исключением квартиры, Вам остается всего 175 р. в месяц, что следует Вам (и даже с лишком) и по контракту. Что касается до прибылей, то они в настоящем году будут не велики, как по случаю ослабления подписки, так и потому, что с истечением контрактного срока журнал должен будет ликвидировать долги, которые доселе из года в год переносились и которых (сотрудники, долговые подписчики и проч.) ныне перенесено до 11 тысяч. В-пятых, все теперь по журналу устроено весьма сносно и никаких ломок не требуется.

Вообще я желал бы одно: в мире и спокойствии окончить контракт. Продолжать долее я едва ли буду в состоянии, по собственной болезни, но боюсь, до мая месяца, еще окончательно высказаться по этому предмету. В мае Вы предполагали приехать в Петербург, и я ожидаю этого, чтоб переговорить с Вами. Раньше приезжать не советую, потому что зима у нас суровая, да и незачем спешить. Но если бы Вы или Михайловский продолжали настаивать на отказе, то и я немедленно пошлю к Краевскому предварение, которым дам ему два месяца срока на приисканье новой редакции.

Письмо это посылаю Вам с Верой Григорьевной [4], у которой уже есть мое письмо [5].

С нею же посылаю Вам календарь [6].

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет уважаемой Екатерине Павловне.

Напишите, пожалуйста, приедете ли Вы в Петербург в мае и когда именно, т. е. в начале или в конце.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 38; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 319.

---

[1] В письме от 15/27 января 1883 г., доказывая, что не имеет права на «привилегированное положение, предложенное... товарищами по редакции», тем более что и материально он сравнительно обеспечен, Елисеев категорически заявлял: «Из всего этого Вы видите, что я нисколько не нуждаюсь в деньгах» (*Письма Елисеева,* стр. 103—106). См. письмо 886.

[2] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[3] 27 декабря 1882 г. Михайловский был выслан в Выборг (см. письмо 876, прим. 1), а поэтому, как и находившийся в это время за границей Елисеев, в делах редакции фактически участия не принимал.

[4] В. Г. Матвеевой.

[5] Имеется в виду письмо Салтыкова к Елисееву от 20 января 1883 г.

[6] Елисеев просил Салтыкова прислать издаваемый Сувориным «Русский календарь» на 1883 г.

894. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

21 января 1883. Петербург

21 января.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Едва я успел послать к В<ере> Г<ригорьевне> второе письмо для доставления Вам[1], как пришел Ратынский и объявил, что в Совете решено: объявить «Отеч<ественным> зап<искам>», по поводу 1-го №, *второе* предостережение[2]. При этом рассуждали, что давно надо было это «гнездо» разорить. Таким образом, вероятно, дело, столько Вас тревожащее, и само собой уничтожится. Ибо после *третьего* предостережения, которого я ожидаю по выходе февральской книжки, журнал будет приостановлен (и вероятно, на самый большой срок) и затем, по новым правилам, отдан под цензуру. А с цензурой я, конечно, уж не пойду.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Подписка, вероятно, вследствие слухов и ожиданий, не достигла еще *шести* тысяч[3].

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24. Помета рукою Елисеева: «NB».

Впервые опубликована большая часть письма: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 37; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 320.

---

[1] Имеется в виду переданное с В. Г. Матвеевой письмо Салтыкова к Елисееву от того же числа.

[2] Официально *Отеч. запискам* второе предостережение было объявлено 22 января за помещенную в № 1 журнала за 1883 г. статью Н. Я. Николадзе «Луи Блан и Гамбетта», «содержащую восхваления одного из коммунаров». Но, как сообщал Салтыков А. Л. Боровиковскому 31 января 1883 г., имея в виду напечатанную в этом же номере журнала свою «Современную идиллию»: «Николадзе, на которого ссылаются,— только для прилику; главная же цель — я» (см. в наст. изд. т. 15, кн. 1, стр. 368; М. В. Теплинский. «Отечественные записки», 1868—1884. История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966, стр. 114—118). «Предостережение» было вызвано гл. XXII—XXIV «Современной идиллии» Салтыкова, содержавшими отклик на расправу самодержавия с революционерами и общим направлением руководимого им журнала. В мотивировочной части «предостережения» это направление квалифицировалось как «вредное». Редакция обвинялась в том, что она предает осмеянию и старается «выставить в ненавистном свете существующий общественный строй, как у нас, так и в других европейских государствах» и что «не скрывает своих симпатий к крайним социалистическим доктринам» («Распоряжение министра внутренних дел» — *ОЗ,* 1883, № 2, стр. 1 отд. пагинации).

[3] О подписке на *Отеч. записки* см. письмо 891, прим. 6.

895. Ш. ШАССЕНУ

24 января/5 февраля 1883. Петербург

Saint-Pétersbourg, le 24 janvier/5 février 1883.

Monsieur et cher collaborateur,

Notre revue vient de recevoir un second avertissement. Je ne me croirais pas dans la nécessité de Vous en informer si l'avertissement n'était pas fortement motivé. Mais la teneur de l'acte administratif prouve qu'on est décidé d'en finir avec la Revue. C'est pourquoi il est de mon devoir de Vous prévenir qu'il se peut que dans un ou deux mois la Revue aura cessé d'exister. Dans tous les cas, nous attendons Vos «lettres» du 1 février et du 1 mars. J'aurai l'honneur de vous tenir au courant de cette triste affaire.

Je vous prie d'agréer l'assurance de ma haute considération.

Michel Soltikoff.

Je vous prie de m'accuser réception de la présente.

С.-Петербург. 24 января/5 февраля 1883 г.

Перевод: Милостивый государь и дорогой сотрудник,

Наш журнал только что получил второе предостережение. Я не счел бы необходимым ставить Вас об этом в известность, если бы не грозная мотивировка предостережения. Но содержание административного постановления доказывает, что решено покончить с журналом. Вот почему считаю своим долгом предупредить Вас, что, возможно, через месяц или два журнал перестанет существовать. В любом случае, мы ждем Ваших «писем» от 1 февраля и 1 марта. Буду иметь честь держать Вас в курсе этого печального дела.

Прошу Вас принять уверение в моем глубоком уважении.

Михаил Салтыков.

Прошу Вас уведомить меня о получении настоящего письма.

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Впервые опубликовано: Kyra Sanine. «Les Annales de la patrie» et la diffusion de la pensée française en Russie (1868—1884)». Paris, 1955, p. 118; вторично в *ЛН,* т. 67, стр. 490.

О втором предостережении *Отеч. записок* см. письмо 894, прим. 2.

Сохранился черновик ответного письма, датированного 29 января/ 10 февраля 1883 г., в котором Шассен писал Салтыкову (в переводе с франц.): «Дорогой редактор и друг. Только что с глубокой грустью прочел Ваше письмо от 24 января (5 февраля). Надеюсь, однако, что столь замечательное дело, начатое бессмертным Некрасовым и с таким талантом продолженное Вами и Вашими выдающимися сотрудниками, среди которых я самый скромный, но не наименее преданный, переживет эту новую бурю...» (Kyra Sanine, op. cit., pp. 118—119).

896. В. П. ГАЕВСКОМУ

25 января 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Будь так любезен обратить внимание фонда на положение Иеронима Иеронимовича Ясинского, пишущего под псевдонимом Максим Белинский (Пески, Конногвардейская улица, дом № 55, квартира 11). Он уж 3 месяца так болен, что решительно не может работать. К довершению, у него заболел ребенок и жена его должна была уйти с этим ребенком в больницу. Ясинский просит 150 р. безвозвратно. «Отеч<ест-

венным> зап<искам>» он должен больше 500 рублей. На фонд — одна надежда. Будь так добр, попроси, чтоб Ясинского посетили. Сами убедитесь. Он даже пера в руке держать не может.

Весь твой

М. Салтыков.

25 января.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1883 г.,* т. I, л. 75.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 235.

На состоявшемся 2 февраля 1883 г. заседании Н. С. Таганцев сообщил, что по получении письма Салтыкова «о бедственном положении И. И. Ясинского» он посетил его и «нашел просителя больным и действительно нуждающимся, почему и выдал ему 50 р.». Заслушав это сообщение, Комитет постановил: «Ввиду несомненных литературных прав г. Ясинского утвердить выдачу 50 р. и выдать еще 100 р.» (т а м ж е, л. 69).

897. И. И. ЯСИНСКОМУ

25 января 1883. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Посылаю Вам записку в контору на 100 рублей. Более не могу, потому что, вероятно, «Отеч<ественным> зап<искам>» скоро конец. Вряд ли и в марте месяце появятся, то есть имянно тогда, когда предполагалось печатать Ваш рассказ[1]. В этом рассказе, по словам Чижова, будет 2 листа — не больше. На прибавку гонорара, в случае напечатания, до 125 р. согласен. Вместе с тем пишу письмо к Виктору Павловичу Гаевскому (Литейная, против Семионовского пр<оспекта>, дом Пеля), чтобы выхлопотал Вам из Литературного фонда 150 р.[2]. Вероятно, Вас посетит кто-нибудь из членов.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Когда у Вас будет работа, то пришлите.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 581, оп. 2, № 137, л. 5.

П у б л и к у е т с я в п е р в ы е.

Датируется 25 января 1883 г. по сопоставлению с письмом 896.

---

[1] Имеется в виду рассказ Ясинского «Старый сад» (*ОЗ,* 1883, № 3).

[2] Об этом см. письмо 896, прим. 1.

898. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

31 января 1883. Петербург

31 января.

Многоуважаемый Александр Львович.

Вы, как ревностный читатель «Нового времени», конечно, уже знаете о постигшем «Отеч<ественные> зап<иски>» *втором* предостережении[1]. Судя по сильной мотивировке, вероятно, вслед за сим последует и третье предостережение, хотя бы мы и белую бумагу выдали. Очевидно, что тут есть уже предвзятое намерение. А может быть, и совсем закроют журнал. Как бы то ни было, но я пишу к Вам, так сказать, накануне умертвия. Притом пишу больной, потому что посыпавшиеся в последнее время невзгоды, очевидно, доконают меня. Николадзе, на которого ссылаются,— только для прилику; главная же цель — я. Вот бог привел наконец: после тридцатипятилетней деятельности удостоиться непостыдной смерти. «Соврем<енная> идиллия», вероятно, не будет кончена, по крайней мере, в «Отеч<ественных> зап<исках>»[2]. Написал для февральской книжки четыре сказочки — как-то зазорно совсем не являться[3]. Да, и февральская книжка печатается. Странное дело: знают люди, что их ждет умертвие, а хлопочут, спешат.

В февральской книжке будут два Ваших стихотворения «Из черных дней». Их откатали еще до предостережения. Из прочих Ваших стихов я буду печатать постепенно, ежели «Отеч<ественным> зап<искам>» будет суждено еще просуществовать[4]. Но «Весна» Вам совсем не удалась. Неясно, сбито, не вытанцовалось. Передумайте его вновь. Непременно, потому что по пошибу стихотворение может выйти хорошее. Только необходимо с грамматикой согласовать, потому что Вы знаете: тупа философия и косноязычна реторика без грамматики. Стихотворение «О постройках» я показывал Унковскому — ему очень понравилось. Но анекдот случился не с Мишей, а с Володей, а потому и посвященье адресовано последнему. Вместо «Миша» употреблено уменьшительное «Воля». Но когда это стихотворение будет распубликовано — не знаю[5]. Вы не можете себе представить, какую скромность вливают в редакторские сердца предостережения, особливо когда многим людям есть будет нечего (и мне не масленица будет).

Я нигде не бываю, ничего не знаю и ничем не интересуюсь, хотя и оказывается, будто я потрясаю не только Россию, но и иностранные государства. Десница Каткова явно простерлась надо мною и вдохновляет Феоктистова. Вы не можете себе представить, что тут происходит. Островский министр

брата своего (Александра) походя поносит. Филиппов Тертий, который всегда с удовольствием со мной в карты играл, только о том твердит, что меня истребить надо. Орест Миллер... ах, что̀ такое этот человек сделался! Представьте себе, хуже чем прежде был, гаже, подлее. А мы-то думали, что гаже и быть не может.

Толстого я тут выделяю. Неинтересно ему — вот и все. Да и когда ему читать, чтобы убедиться лично?

Лихачевы на днях племянницу выдали замуж — помните Шурочку? Выдали за лекаря Раздольского, который нарочно с нею сюда приехал, чтоб в Петербурге вкусить. Наняли комнату в chambres garnies[6], где и произошло все. То-то, я думаю, крику было. И соседям радование. Вчера я был у них: у нее совсем глаза свиные от употребления сделались. Голову понурила, рот разинула, глаза мутные. И родители Скерлетовы тут же; приедут обратно в Винницу и будут говорить: как мы в Петербурге веселились. У Раздольского средства хорошие: 60 р. в месяц жалованья, да ей родители обещали на первый год дать 300 рублей. А у ней, судя по лицу, и теперь уж десять человек в брюхе сидит. Право, никогда я не видел девицы, которую бы замужество до того угнело и обнаружило. Истинно вам говорю: как потерянная ходит. И все молчит и в темноту смотрит. Смотрите, однако ж, Вы не насплетничайте.

Забываю я Вам адрес Елисеева написать. Вот он: France, Nice, Alpes maritimes. Petite rue St. Etienne. Villa des Essarts. Напишите ему, утешьте старца.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Елизавете Юльевне.

Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

На конверте: Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда на станции Саксагань. Его высокородию Александру Львовичу Боровиковскому.

Почтовые штемпеля: СПб. 2 февраля 1883 г.; Саксаганская П. С. 8 февраля 1883 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 18—19.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 112—115, с зашифровкой некоторых фамилий. В *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 321—322, также с пропусками имен и фамилий.

---

[1] О втором предостережении *Отеч. запискам* см. письмо 894, прим. 2.

[2] Очередная и последняя публикация заключительных глав «Современной идиллии» — в № 5 *Отеч. записок* за 1883 г.

[3] Набранные для февральского номера *Отеч. записок* за 1883 г. три сказки («Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Премудрый пискарь») были изъяты Салтыковым по цензурным соображениям. При содействии брата А. Н. Островского, члена Государственного совета и министра государственных имуществ М. Н. Островского они появились в № 1 *Отеч. записок* за 1884 г. Что же касается четвертой сказки, то она неизвестна. Вероятно, это описка Салтыкова (ср. письма 902 и 973).

[4] О стихотворениях А. Л. Боровиковского см. письмо 882, прим. 11.

[5] Стихотворения «Весна» и «О постройках» в *Отеч. записках* не появились.

[6] Меблированные комнаты.

899. Г. И. НЕДЕТОВСКОМУ

4 февраля 1883. Петербург

4 февраля.

Многоуважаемый Григорий Иванович.

Ежели у Вас есть что-нибудь готовое для «Отеч<ественных> зап<исок>», то весьма обязали бы присылкою. Во всяком случае будьте так любезны ответить на мой вопрос.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 130, л. 12.
Впервые опубликовано: *Известия ОРЯС,* стр. 280.

Ближайшее произведение Г. И. Недетовского в *Отеч. записках* — рассказ «Не угодил» (1883, № 5).

900. С. А. ЮРЬЕВУ

12 февраля 1883. Петербург

Любезный друг Сергей Андреевич.

Не успел я вчера известить тебя о предполагаемом помещении в февральской книжке моих «Сказок», как уже сегодня *отважное отчаяние* заставило меня их вырезать из книжки. То же отважное отчаяние заставило меня принять следующую *смелую* меру: прекратить писание.

Остаюсь твой

М. Салтыков,

бывший литератор.

12 февраля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 501, карт. 1, № 8, л. 1.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 327.

Предыдущее письмо к Юрьеву неизвестно. Из *Отеч. записок*, 1883, № 2, Салтыков «вырезал» в предвидении цензурных репрессий свои сказки «Самоотверженный заяц», «Бедный волк» и «Премудрый пискарь». «Отважное отчаяние» — выражение из анонимной рецензии Е. С. Некрасовой на «Письма к тетеньке» в «Русской мысли», 1883, № 2.

901. С. А. ЮРЬЕВУ

После 12 февраля 1883. Петербург

Любезный друг Сергей Андреевич.

Слухи о моей высылке — бабьи сплетни. Ходят бабы по улицам и воскликают. Может быть, и накличут [1].

Что касается до того, что я подписал «бывший литератор», то есть такой слух, что это так уж решено и записано в книге судеб, издаваемой сыном Москвы Катковым. А подобные решения сопровождаются арестом книг и их сожжением [2].

Вот и все.

Весь твой
М. Салтыков.

Разумеется, все это слухи. А посему: не уподобься оным бабам, и не воскликай.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 501, карт. 1, № 8, л. 2.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 327—328.

---

[1] Слухи о высылке Салтыкова из Петербурга, не прекращавшиеся с начала 80-х годов, получили особенно широкое распространение в первой половине 1883 г.; к ним он не раз возвращался в своих письмах этого периода. См., например, письма 913, 914, 918 и 919.

[2] Воздействие воинствующей реакционной идеологии Каткова на внутреннюю политику Александра III особенно остро ощущалось Салтыковым, естественно, в области правительственных мероприятий, направленных на борьбу с печатью демократического лагеря. Личной инициативе и непосредственному участию Каткова Салтыков был склонен приписывать главнейшие удары начала 80-х годов, нанесенные властями лично ему как писателю и руководимым им *Отеч. запискам.*

902. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

15 февраля 1883. Петербург

15 февраля.

Многоуважаемый Александр Львович.

Поздравляю Вас: сегодня в три часа ночи у А. М. Унковского родился сын. Как его назвали — не знаю. Настасья Михайловна[1] перед этим целые сутки мучилась, а Ал<ексей> Мих<айлович> в воскресенье вечером играл у Лихачевых в карты и выиграл 4 р. 65 коп. Таковы отцы, как справедливо заметила Елена Иосифовна[2], которая ныне морщится, когда ее называют Осиповной, равно как Настасья Михайловна видимо желает, чтоб ее называли Анастасией Михайловной, а я — чтоб меня называли не *Михал* Графычем, а *Михаилом Евграфовичем.* И мы друг за другом теперь наблюдаем и чуть что — пикируемся.

Другое явление: Суворин с жиру сочинил трагедию «Медея». Я не видал, но говорят, что на сцене происходит скотоложство. Во всяком случае, верно то, что Стрепетова, в порыве вдохновения, подняла подол и сказала Язону: жри! В «Нов<ом> времени» эту трагедию очень хвалят[3].

Вероятно, Вы 1-ый № «Отеч<ественных> зап<исок>» уже получили. Гаспер сказывал мне, что он и деньги за стихи Вам отослал в Саксагань[4]. Вчера пошел в цензуру 2-ой № и выйдет в пятницу. Т. е., вероятно, выйдет, потому что в нем уже ровно ничего нет.

Ввиду 2-го предостережения и так мотивированного[5], я отложил продолжение «Совр<еменной> идиллии»[6]. Поместил было три сказки, но потом вырвал[7]. В «Русской мысли» появилась рецензия на «Письма к тетеньке», где меня в особенности хвалят за «отважное отчаяние»[8]. Вот я и выказываю теперь отважное отчаяние: вырезываю свои статьи да и все тут. По-видимому, мне писать или печатать т. е. совсем не придется. Конца этому положению не предвидится, а зачем же печататься, ежели будут книжки арестовывать да и журнал закроют. Заставили меня замолчать — вот это я называю «внутренняя политика». Без шума, как будто я сам в своем вреде убедился. Это Катков придумал.

Об вас тут ходят плохие слухи: что Вы на земских собраниях бушуете против школ и женщин-врачей. Это напомнило мне, как Вы вдруг, бывало, начнете доказывать, что лучше газеты, нежели «Нов<ое> время», нет, и что Суворин, в сущности, честнейший малый, только прикидывающийся подлецом. Разумеется, Вы этим хотите только выказать блеск своих

ораторских способностей, но ведь простые люди могут подумать, что Вы и в самом деле школы и проч. признаете ненужными. Зачем Вы вводите в соблазн?

Говорят, и начальство об этом Вашем рвении узнало и порадовалось за Вас. Разумеется, впрочем, что это я сейчас только сам выдумал.

У Вас, я полагаю, уж весна началась, и Вы опять щи из крапивы кушаете. Только ведь говядины-то нет — из чего же Вы щи варите?

Прошу Вас передать мой сердечный привет, а равно и от жены, многоуважаемой Елизавете Юльевне. Кажется, я правильно написал: *Е*лизавете?

До свидания; жму Вашу руку и желаю Вам более справедливых отношений к школе, хотя бы в ущерб ораторскому таланту.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда, на станцию Саксагань. Его высокородию Александру Львовичу Боровиковскому.

Почтовые штемпеля: СПб. 15 февраля 1883; Москва. 16 февраля 1883; Саксаганская П. С. 22 февраля 1883.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 20—22.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 115—117.

---

[1] Жена А. М. Унковского.

[2] Е. И. Лихачева.

[3] В издаваемой А. С. Сувориным газете «Новое время» появился ряд хвалебных статей на написанную им совместно с В. П. Бурениным драму «Медея» до и после ее постановки на сцене Александринского театра. См., например, статью Д. В. Аверкиева «Русский театр» («Новое время», 1883, № 2503, 15 февраля) и др.

[4] О стихотворениях А. Л. Боровиковского см. письмо 882, прим. 11.

[5] О втором предостережении *Отеч. запискам* см. письмо 894, прим. 2.

[6] О «Современной идиллии» см. письмо 882, прим. 10.

[7] О сказках см. письмо 898, прим. 3.

[8] Салтыков имеет в виду принадлежащую Е. С. Некрасовой анонимную рецензию на «Письма к тетеньке» («Русская мысль», 1883, № 2, стр. 61—65 второй пагинации), в которой это выражение употреблено.

903—904. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

19 февраля 1883. Петербург

19 февраля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

В Моисеевом законе значилось: око за око, зуб за зуб. С тех пор уж Новый завет вышел, а Вы все помните Моисея, только переделали его изречение и говорите: письмо за письмо.

А я между тем весь поглощен новыми заботами, налагаемыми на меня вторым предостережением[1]. И совсем мне не весело. Дело в том, что я прекращаю писание и уже с февральской книжки Вы ничего моего не увидите[2]. Желал бы дотянуть «Отеч<ественные> записки» до конца года, но успею ли в том — не знаю. Во всяком случае, убежден, что если *я* буду продолжать писать, то не дотяну. Поэтому и прекращаю. Такое мнение установилось, что надо мне зажать рот — очевидно, что не мне ему противоречить. Хорошо, что это случилось уже тогда, когда катит под шестьдесят, а не раньше. И за то спасибо, что дали тридцать лет говорить... заикаясь.

А болен я по-прежнему — это своим чередом. Боткин пить молоко заставляет и притом говорит не «пить», а вводить молоко в желудок. А Соколов приедет, посмотрит на окурки в пепельнице и спрашивает: это вы сегодня выкурили? — Да, сегодня, а что? — Нет, ничего, курите!!

Я же молоко терпеть не могу, а курить — люблю.

Вот все, что в настоящее время могу о себе сказать.

До свидания; передайте наш дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне и будьте здоровы.

Преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 27.
Впервые опубликовано: «Дело». М., 1899, стр. 121.

---

[1] Относительно второго предостережения *Отеч. запискам* см. письмо 894, прим. 2.

[2] О работах Салтыкова см. письмо 882, прим. 10 и письмо 898, прим. 3.

905. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

13 марта 1883. Петербург

13 марта.

Многоуважаемый Александр Львович.

Настасья Михайловна, как Вам уже известно, родила. Ребенок при рождении весил 14 фунтов, так что Ал<ексей> Мих<айлович> [1] выразился, что и поросят таких тяжелых не бывает <———>.

Стары мы стали ужасно. Ал<ексей> Мих<айлович> так постарел, что даже часто его видящих поражает <———>.

Что касается до Еракова, которого я продолжаю не видеть, то он даже скромного А<лексея> М<ихайловича> конфузит <———>.

Из дому его за это гоняют, так он к А<лексею> М<ихайловичу> обедать ходит и «в особенности детей» утруждает. И при этом лжет, как Павлуха Танеев. На днях уверял, что он хранит в Ораниенбауме 400 бутылок Понте-Кане с 1848 года, но что ему еще обещали сто бутылок столетней мадеры и *кажется* он это дело обделает. «Вот тогда приезжайте обедать!» Даже лакей, подавая кушанье, насилу удержаться может, а Ал<ексей> Мих<айлович> глядит на него во все глаза и бессознательно отвечает: «а? так вы думаете, что скоро получите?» <———>

Но со мной другой анекдот. Представьте себе, я *осужден на непечатание.* Штука очень простая. Феоктистов самым наивным образом заявляет: как только в «Отеч<ественных> зап<исках>» что-нибудь появится Салтыкова, то сейчас же арестовать книжку. Согласитесь, что ни в каком государстве до такой простоты не додумались бы. А так как я не желаю похоронить журнал, и так как это последний год моего контракта с Краевским, то я и решился молчать [2]. А в будущем году посмотрим: может быть, и опять придется молчать. Совсем. А мне-то наивные люди говорили, что со мной не так-то легко *поступить!* Выходит, что и легко и сердито. Да еще меня же публика будет обвинять — знаете ли Вы, например, что подписка на «Отеч<ественные> зап<иски>» уже с месяц почти совсем прекратилась, так что мы недосчитаемся по малой мере полуторы тысяч подписчиков?

Унковский сегодня едет в Одессу ходатайствовать перед Судебной палатой. Не завидую я ему. Каждый день вставать с мыслью о пропитании — ужасно не лестно. Старик ведь он — и вот едет за пропитанием в Одессу! шесть дней туда и назад, там дня четыре. А потом приедет в Петербург, и опять за пропитанием в Коммерческий суд да в Окружной. И дел мало:

наискосок Утин перехватывает, дальше — Герард. Поясницы у них чугунные, языки — суконные, лбы — медные.

В мартовской книжке, которая вчера отправлена в цензуру, помещены все остальные Ваши стихи[3]. Остаются: «На постройке», которые ныне печатать нельзя, и еще «Весна», о которой я Вам написал, но, к сожалению, Вы молчите[4]. Ежели есть у Вас еще стихи, то присылайте. Теперь весна, и не писать стихов невозможно. Есть у нас стихи Надсона, да он вообразил себя Натаном Мудрым и пущает такую философию, что надо читать натощак[5].

Вот все, чем могу Вас утешить на сей раз. Главное дело: жив курилка, а остальное приложится. Представьте себе: глупые девы ходят и у швейцара спрашивают, не сослан ли я. Когда же разрешится этот проклятый женский вопрос?

Последнее не мешает мне, однако ж, свидетельствовать глубочайшее почтение Елизавете Юльевне, а равно и от жены. Детей целую. Константина своего собираюсь определить в гимназию, во 2-ой класс (экзамены на Фоминой); сущую девицу Елизавету — в пансион Оболенской тоже во второй класс. Есть ли у вас задачники: Малинина и Буренина и Евтушевского? Загляните и скажите: не следует ли этих мудрецов повесить?

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 24—25. Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 121—123.

---

[1] А. М. Унковский.

[2] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[3] О стихотворениях А. Л. Боровиковского см. письмо 882, прим. 10.

[4] Относительно этих двух стихотворений см. письмо 898, прим. 5.

[5] Возможно, это стихотворение имел в виду Надсон, когда в письме к Плещееву (апрель 1883 г.) заявлял: «Не взял же Щедрин «философского» стихотворения» (С. Я. Надсон. Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912, стр. 523). Здесь, видимо, имеется в виду стихотворение «Верь,— говорят они,— мучительны сомненья!..», об отношении к которому Салтыкова П. Ф. Якубович вспоминал: «К чему?.. Зачем?.. Кем?..— передразнивал он <Салтыков> своим сердитым басистым голосом,— что за чепушистые вопросы!» (П. Ф. Гриневич. Надсон и его неизданные стихотворения.— «Русское богатство», 1900, № 10, стр. 27).

906. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

15 марта 1883. Петербург

15 марта.
С.П.б.

Милостивый государь Дмитрий Наркисович.

Ежели у Вас есть что-нибудь готовое, то Вы весьма обяжете, прислав Ваше новое произведение в редакцию «Отеч<ественных> записок».

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 157, карт. 3, № 70.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 328.

Ближайшее произведение Д. Н. Мамина-Сибиряка в *Отеч. записках* — «Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой» (1883, №№ 7—8).

907. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

29 марта 1883. Петербург

29 марта П.бург.

Давно не писал к Вам, многоуважаемый Григорий Захарович, и очень чувствую свою вину. Но уверяю Вас, никогда я не испытывал такой тоски, как в настоящее время. Что-то тяжелое висит надо мною...

Журнал идет кой-как, да, признаюсь Вам, я и интерес к нему как будто утратил. Скучно жить под угрозой, и, право, было бы лучше, если б положение выяснилось окончательно. Только вот что страшно: много народа хлеб насущный потеряет. А дело, по-видимому, неизбежно к тому идет. Откуда такое озлобление и в особенности лично против меня — это даже понять мудрено; но озлобление несомненно существует, и надо подчиниться ему.

Вот почему я и пишу так редко. Не то, чтобы я был чересчур занят (есть и это), а просто тоска гложет.

А между тем дети подрастают. Лиза на будущей неделе держит экзамен в гимназию кн<ягини> Оболенской; Косте то же самое предстоит в мае. За Лизу я не боюсь, а за Костю побаиваюсь. Мальчик он способный и умный, но нервный и рассеянный. Пожалуй, и провалится.

После экзаменов жена собирается за границу. Начнет с сестры в Каркассоне. Я же лично не знаю, что предприму. Может быть, на тот свет соберусь. Это единственный просвет.

Думаю, что и Вы к лету вернетесь в Россию: по крайней мере, хоть посмотрите на нас. Теперь уж Вам придется платить по 11 р. в месяц с каждой персоны, а это расход немаловажный.

Я получил с Ваших облигаций проценты в марте в количестве 87 р. 50 к. и вместе с оставшимися у меня 37 р. передал на хранение Гасперу, который присовокупил их к февральским и мартовским деньгам. Ваши 3500 р. облигациями у меня целы. В начале года облигации повысились было до 87%, а теперь опять падают.

У Унковского родился сын. Вот человек. Слезы лить надо, а он детей делает. В первую минуту это как будто бы его озадачило, а теперь опять веселый ходит. Получил дело, ездил в Одессу защищать. Около трех недель проездит — в результате 2000 рублей получит, да израсходует из них, пожалуй, не меньше 500 рублей. А потом три недели будет в постели валяться да и еще, пожалуй, ребенка состроит. Я, слава богу, хоть на этот счет спокоен: с некоторого времени способность потерял.

Прощайте, будьте здоровы. Ежели можете принять во внимание гнет тоски, то примите, и простите.

Передайте от нас сердечный поклон многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На письме помета рукою Елисеева: 1883. Марта 29.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 39; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 328—329.

908. А. А. КРАЕВСКОМУ

2 апреля 1883. Петербург

Многоуважаемый Андрей Александрович.

Прошу Вас прочитать в корректуре окончание «Соврем<енной> идиллии». Хотя мне хотелось бы не оставлять этой вещи без конца, однако, ежели Вы почему-либо усомнитесь, то можно будет статью отложить и заменить другою [1].

Будьте так добры уведомить меня поскорее, потому что, ввиду праздников, необходимо с апрельской книжкой поспешить.

Пользуюсь этим случаем, чтобы выразить глубокое соболезнование по случаю постигшей Вас горестной утраты [2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

2 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 391, № 690, л. 4.
Впервые опубликовано: «День», 1914, № 114, 28 апреля.

---

[1] О «Современной идиллии» см. письмо 898, прим. 2.

[2] 16/28 марта 1883 г. в Каире умер сын А. А. Краевского, Е. А. Краевский («Новое время», 1883, № 2534, 19 марта).

909. Г. И. НЕДЕТОВСКОМУ

15 апреля 1883. Петербург

Многоуважаемый Григорий Иванович.

Повесть Вашу получил на другой день по выходе апрельской книжки журнала [1]. Но прочитав, отдал в типографию, где уже начата набором майская книжка. Повесть эта — странная. Конец началу не соответствует, как будто средина пропущена. А впрочем, говорить об этом излишне.

Просьбу Вашу о немедленной высылке 200 р. я исполнить не могу, по след<ующей> причине. Положение «Отеч<ественных> зап<исок>» настолько шатко, что никак нельзя поручиться, что майская книжка выйдет. Я уже и не пытаюсь печататься, хотя конец «Совр<еменной> идиллии» давно готов [2]. Поэтому я и Вас покорнейше прошу обождать с деньгами до выхода майской книжки. Извините, пожалуйста, но Вы знаете, что я всегда исполнял Ваши просьбы с готовностью.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

15 апреля.

Я даже не могу хорошенько уяснить для себя, в какой степени ужасен, в цензурном смысле, эпизод перехода идеального попа в раскол. По нынешнему времени лучше писать об идеальных попадьях.

Помета рукою Г. И. Недетовского: 1883 г.? («Не угодил»).
Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 450, оп. 1, № 130, л. 13.
Впервые опубликовано: *Известия Оряс*, стр. 280.

---

[1] Об этом произведении Г. И. Недетовского см. письмо 899 и прим. к нему.
[2] О «Современной идиллии» см. письмо 898, прим. 2.

910. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

25 апреля 1883. Петербург

25 апреля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Приказание Ваше будет выполнено мною в точности. В четверг, в назначенный час, явлюсь к Донону. Сердечно благодарю Вас за внимание и хлопоты. Мне очень совестно, что я так мало их заслужил [1].

Унковскому письмо Ваше мною передано: он обещал быть.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение уважаемой Любови Исаковне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 25.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, стр. 11.

---

[1] 28 апреля 1883 г. в ресторане Донона собрались Стасюлевич, Гаевский, Кавелин, Пыпин, Спасович, Утин и Салтыков, чтобы отметить 35-летие со дня ссылки Салтыкова в Вятку (28 апреля 1848 г.). Об этом см. запись А. Н. Пыпина на меню обеда (*ГПБ,* ф. 621, № 5, л. 2) и письмо Стасюлевича к Гаевскому (*ГПБ,* ф. 171, № 270, л. 76). Эта же дата была отмечена 28 апреля 1884 г., в более узком кругу. На состоявшемся у Гаевского обеде присутствовали Салтыков, Стасюлевич и Пыпин (*ИРЛИ,* 20 408, л. 23; *ГПБ,* ф. 621, № 181, л. 15).

911. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

28 апреля 1883. Петербург

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Боткина поймать положительно невозможно, да он, сверх того, сбирается уже на лето в Финляндию, на след<ующей> неделе во вторник уедет, и прекратил субботы. Поэтому я вопросы Ваши формулировал ему через Соколова и получил такой ответ, что, конечно, здоровье Ваше найдет для себя более гарантий в теплом климате, но от дальнейших разъяснений Боткин уклонился, что не видя Вас лично, он ничего

больше сказать не может, хотя я и передавал Соколову письменно признаки, которые Вы мне сообщили.

Относительно «Отеч<ественных> зап<исок>» могу Вам сообщить, что их существование не весьма надежное, и хотя не решился еще окончательно, но полагаю, что редактировать в будущем году не буду. Я уже три месяца сряду ничего не печатаю и не печатаю потому именно, что, как редактор, не желаю компрометировать существование журнала. Я ныне признан *вредным* писателем, так что даже сочувственные мне статьи в других журналах (например, статья Арсеньева в «Вестн<ике> Евр<опы>») считаются вредными и возбуждают дебаты[1]. Хотя же в майской книжке я и решаюсь напечатать конец «Совр<еменной> идиллии»[2], но что из этого выйдет — не знаю. Во всяком случае, это для меня и невыгодно и неприлично. Я более литератор, нежели редактор, и не печататься для меня — большая потеря. Читатель вправе подумать, что я струсил или иссяк. Тогда как, не будучи редактором, я уже не буду стесняться мыслью повредить «своему» журналу, а предоставлю[3] эту заботу другому. Если же *другой* не напечатает моих статей, то напечатаю их отдельным изданием, а ежели и отдельное издание сожгут, то замолчу и напишу краткое извещение о сем происшествии, которое когда-нибудь да дойдет же до сведения публики хоть через «Русскую старину». Во всяком случае, к концу мая, положение мое и «Отеч<ественных> записок» определится яснее, а в сентябре и того яснее.

Если Вы намерены еще год прожить за границей, то, разумеется, Вам незачем оставлять за собой квартиру. С августа по декабрь как-нибудь пробьемся. Во всяком случае, решите этот вопрос, как сами пожелаете, и ежели надумаете оставить квартиру, то поручите Матвееву устроить дело с Вашей мебелью. Повторяю: я не надеюсь быть редактором в предстоящем году. Я болен, устал, и, наконец, противно. В городе уже ходят слухи, что я в «Вестн<ик> Европы» перехожу — так это вздор.

7-го мая я отправляю за границу всю семью. Я бы несколько раньше отправил, но заболел Костя, пять дней вылежал, в горле нарывы показались, и я думал уже, что дифтерит. Однако вчера встал и, по-видимому, поправился настолько, что в субботу, 30-го, или в понедельник, 2-го мая, будет держать экзамен во 2-й класс 6-ой гимназии. Лиза уже выдержала тоже во 2-й класс к Оболенской, а за Костю побаиваюсь, хотя думаю, что он больше знает, нежели показывает. Здоровье его меня сокрушает. Поедет жена с детьми и гувернанткой прямо в Париж, куда прибудет 10-го/22 мая утром или много-

много 11-го. Остановится она у Белланже, если та примет на три дня, а в противном случае в hôtel du Tibre, rue Helder. Из Парижа отправится в Каркассон, а оттуда — куда сама захочет. Я же уеду отсюда, выдавши июньскую книжку, а всего скорее 2-го июля. Куда поеду — не знаю; но всего скорее поселюсь с семьей около Парижа, где будут жить и Лихачевы. В конце августа, по новому стилю, недели на две перееду в самый Париж, а к 25 августа старого стиля должен быть в Петербурге с Костей, которому надо начать ходить в гимназию с 1-го сентября. Вы бы тоже сообщили мне Ваши планы насчет лета, где бы можно было нам свидеться. Очень жалею, что Вы с Лихачевыми разошлись, я же от них ничего, кроме хорошего, для себя никогда не видал [4]. Но ведь у меня Вы можете и не видеться с ними, потому что во всяком случае у нас будет особая квартира.

Передайте от меня и от жены сердечный привет Екатерине Павловне.

До свиданья. Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Не нужно ли Вам, по выходе майской книжки, т. е. дней через 17, выслать деньги. Их с февраля накопилось изрядно. Что делать мне с Вашими петербургскими облигациями 3500 р. Привезти ли их Вам или продать?

28 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 39; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 331—332.

---

[1] Имеется в виду статья К. К. Арсеньева «Русская общественная жизнь в сатире Салтыкова» («Вестник Европы», 1883, №№ 1—5). О ней 9 апреля 1883 г. М. М. Стасюлевич сообщал А. Н. Пыпину: «Когда я Вам утром писал, я узнал уже некоторые слухи, а теперь — они превратились в факт. Салтыков, по-видимому, и приезжал ко мне сегодня, чтобы предупредить. Дело в том, что написана большая «рецензия» по поводу последней книжки «Вестника Европы» и некоторых предыдущих. Удостоены разбора главным образом статьи Арсеньева о Салтыкове (это обстоятельство сердит в особенности Салтыкова), где автор аплодирует его вредному направлению; затем — смех и горе! — находят рассуждение по поводу смерти Макова и полемику с Лесковым — замаскированною насмешкой над нынешнею политикою правительства» (*ГПБ,* ф. 621, № 833, л. 10). Об отношении самого Салтыкова к статье Арсеньева можно судить по записи

в «Дневнике» К. К. Арсеньева от 19 марта 1883 г.: «С 6 до $8^1/_4$ у Донона на обеде в честь Салтыкова по случаю 35-летия его литературной деятельности; были еще Стасюлевич, Кавелин, Пыпин, Е. Утин, Гаевский и Лихачев. Салтыков очень радушно благодарил меня за мои статьи о нем, говоря, что это первая настоящая критическая его оценка» (*ЦГАЛИ,* ф. 40, оп. 1, № 28, л. 63).

[2] О «Современной идиллии» см. письмо 898, прим. 2.

[3] В подлиннике ошибочно: не предоставлю.

[4] Сообщение о ссоре с Лихачевыми содержится в письме Елисеева к Салтыкову от 10/22 апреля 1883 г. (*ИРЛИ,* 21 707).

912. М. В. ПУСТОНСКОМУ

29 апреля 1883. Петербург

Его превосходительству господину директору С.-Петербургской шестой гимназии действительного статского советника Михаила Евграфовича Салтыкова

Прошение

Желая определить моего сына Константина, родившегося 1-го февраля 1872 года, во второй класс вверенной Вам гимназии, имею честь покорнейше просить о допущении его к экзаменам.

При сем прилагаю метрическое свидетельство, в засвидетельствованной нотариусом копии.

Действительный статский советник

Михаил Евграфов Салтыков.

29 апреля 1883 года.

Печатается по подлиннику: *ГИАЛО,* ф. 458, оп. 1, № 517, л. 56. (Текст сообщен И. Е. Бабановым и И. А. Славянским.)

Публикуется впервые.

913. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

4 мая 1883. Петербург

4 мая.

Многоуважаемый Александр Львович.

Изумительнейший Вы человек — ни одной строки не шлете на письма. И ни одного стиха. А я между тем в таком положе-

нии, что не приведи бог. В конце апреля Костя целую неделю пролежал, думали, что дифтерит, а с 1-го мая лежит жена уже настоящим образом в дифтерите. Хотела 7-го числа за границу с Лихачевой ехать, а вышло так, что нужно на неопределенное время отложить, да и то ежели все будет благополучно. Я хожу точно во сне и каждоминутно опасаюсь за детей. Да и об себе подумываю, потому что так у меня погано жизнь устроилась, что умри я и жена — детей хоть на улицу выгоняй. Родные или воры (мои) или полоумные (женины), а знакомые только умеют себя по голым ляжкам ладонями хлопать.

Костя уже гимназист — выдержал во 2-й класс; Лиза тоже выдержала во 2-й класс, в гимназию Оболенской. Вероятно, в случае нашей смерти, участок возьмет их на свое попечение, или раздадут на воспитание генералам, благо останется при них капитал.

С тех пор как жена заболела, я — один. Какое это жестокое свойство человеческой природы подчиняться панике! Оно способно родить ненависть к человечеству, ненависть тем более горькую, что, в сущности, сам сознаешь несправедливость ее. Следовательно, и ненависть к самому себе. Я этот сюжет когда-нибудь разработаю. Я нынче все сказки пишу. Три хотел было в февральской книжке поместить, и даже напечатал, но вырезал. Так вот одну из сказок этому предмету посвящу [1]. В майской книжке будет окончание «Соврем<енной> идиллии», которую я кой-как скомкал, лишь бы кончить. А затем, кажется, забастую. Нельзя мне писать: подло. И сколько ругательств на меня из охранительного лагеря сыплется! Страхов, у которого в голове, кроме урины, ничего не осталось, всю ее готовится вылить на меня! [2]

А провинция окончательно думает, что я выслан из Петербурга. В Одессе видели, как я проезжал в Тифлис на жительство [3]. В Самаре адрес мне готовили, но только не знали, в *какой город Пермской губернии* я выслан [4]. Из Москвы телеграммы шлют: что со мной? Это уже почти vox populi — vox Dei [5].

Поздравляю Вас: я слышал, что какие-то книжки Ваши водой подмочило в кладовых «Нового времени» и таким образом какое-то издание *совсем разошлось*. Готовьте новое.

Суворин квартиру себе в 12 т. р. нанял около Милютиных лавок у Казанского моста. Для книжного магазина тоже новую квартиру в 8 т. р. в доме Волжско-Камского банка, на углу Михайловской. Там уж не будет книги подтапливать, и выгод Вам не предстоит.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет добрейшей Елизавете Юльевне и поцелуйте детей.

Пишите, что Вы с собой в предстоящий сезон думаете де-

лать? *Я лично* во всяком случае остаюсь до 20—25 июня в Петербурге.

Унковский здоров, по 5—6 верст пешком делает, а возвратившись, надевает халат, туфли и на цыпочках подкрадывается к Анастасии Михайловне.

Лихачевы — здоровы. Михайловскому разрешено переехать в Кострому[6]. Он теперь здесь и утверждает, что действительно в Выборге в банях женщины мужчин моют. После коронации будет ходатайствовать о разрешении жить в Царском Селе, ежели нельзя в Петербурге. Шелгунову уже разрешили Царское Село.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Писали ли вы Елисееву? Адрес его: France, Paris. Poste restante. M-r Grégoire Elisséieff.

На конверте: Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда, на станцию Саксагань. Его высокородию Александру Львовичу Боровиковскому.

Почтовые штемпеля: СПб. 5 мая. 1883 г.; Москва 6 мая 1883 г.; Екатеринослав 8 мая 1883 г.; Саксаганская п. с. Екатеринославская г. 10 мая 1883 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 26—27.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 123—126.

---

[1] О сказках см. письмо 898, прим. 3.

[2] Единственно известным выступлением Н. Н. Страхова в 1883 г., в котором содержатся выпады против Салтыкова, является его статья «Взгляд на текущую литературу» («Русь», 1883, № 2, 17 января, стр. 34—35).

[3] Салтыков имеет в виду перепечатанную в «Хронике» «Нового времени» (1883, № 2578, 4 мая) заметку из «Одесского листка», в которой сообщалось, что «М. Е. Салтыков проехал через Одессу на Кавказ, где он намерен поселиться (?) в Тифлисе». В несколько иной редакции это сообщение было перепечатано 17 мая в газете «Новости и Биржевая газета». См. письмо 919.

[4] Об этом сообщил Салтыкову 23 апреля 1883 г. И. А. Бухалов: «В Самаре упорно держались с самых святок слухи, что Вас выслали в Пермь (хотели даже посылать туда адрес); теперь держатся еще слухи, что Вам запретили писать. Если Вы ответите, верно это или нет, то много обяжете всех своих читателей» (*ЛН,* т. 13—14, стр. 379).

[5] Глас народа — глас божий.

[6] Н. К. Михайловский был выслан вместе с Н. В. Шелгуновым в Выборг (см. письмо 876, прим. 1), затем получил разрешение на переезд в Любань, где прожил до середины марта 1885 г.

914. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

4 мая 1883. Петербург

4 мая.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Хотя я и писал Вам о предстоящем проезде через Париж моей семьи [1], но предположение это не оправдалось, потому что жена третьего дня заболела дифтеритом, и настолько опасно, что Соколов ездит по два раза в день и на вопросы мои помалчивает. Я положительно точно во сне. Живу в карантине и никого не вижу. Свойственная человеку способность подчиняться панике сказалась вполне, и хотя я ни в каком смысле не претендую на нее, но все-таки должен сказать: ужасная это способность. И дети тут же в квартире, того гляди, заразятся. Так что в настоящее время я не только не могу определить дня проезда семьи через Париж, но и сказать, поедут ли они в Каркассон. Дорого уж очень; один проезд вчетвером будет стоить больше 600 р. в один конец. Может быть, ограничимся Германией или Швейцарией.

Что касается до меня, то слухов обо мне и не оберешься. В провинции вообще думают, что меня выслали, и я нередко получаю об этом письма. В Самаре уже собирались отправить ко мне адрес, но только не знали, *в какой город Пермской губернии* посылать [2]. А вчера в «Нов<ом> врем<ени>» (без оговорки) перепечатано было из «Одесского вестн<ика>» известие, что я уже проехал через Одессу в Тифлис на жительство [3]. Как приятно жить среди этого сумбура!

Петербург помаленьку пустеет, по случаю коронации [4]. Но жителей все-таки остается слишком достаточно. Майскую книжку журнала думаю послать в цензуру около 12-го числа. Там будет конец «Соврем<енной> идиллии», которую я кой-как скомкал [5]. Вероятно, на этом я и закончу свою литературную деятельность. Подло до невероятности, а то, что я испытываю, представить трудно.

До свидания; будьте здоровы; напишите подробнее, как намерены провести лето. Что̀ сталось с Матвеевой?

Передайте мой привет уважаемой Екатерине Павловне.

Ваш

М. Салтыков.

Помета рукою Елисеева: 1883. Мая 4.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 40; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 334—335.

[1] Имеется в виду письмо Салтыкова к Елисееву от 28 апреля 1883 г. (911).

[2] Об этом сообщил Салтыкову И. А. Бухалов (см. письмо 913, прим. 4).

[3] О заметке в «Новом времени» см. письмо 913, прим. 3.

[4] Коронация Александра III состоялась 15 мая 1883 г. в Москве.

[5] О «Современной идиллии» см. письмо 898, прим. 2.

915. В. П. ГАЕВСКОМУ

5 мая 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Видел сегодня твою карточку и вспомнил след<ующее> обстоятельство. Дней 9 тому назад член Лит<ературного> фонда К. А. Бух отдал мне 10 р. взноса за 1883 год. Видевшись с тобой в четверг, я забыл их отдать тебе — так они у меня и лежат в пакете.

Так как у меня дома не совсем благополучно (впрочем, значительно лучше), то будь так добр, отдай в Лит<ературный> фонд свои 10 руб., а от меня получишь их немедленно по миновании опасности. Буху следует отправить квитанцию по след<ующему> адресу: Офицерская, 29, кварт. 7. *Он просил меня об этом.*

Весь твой

М. Салтыков.

5 мая.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 28.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 126.

916. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5 мая 1883. Петербург

5 мая.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Узнав сегодня из газет о постигшем Вас общественном доверии, считаю долгом искреннейше поздравить Вас и пожелать всевозможных успехов на новой чреде общественного служения [1]. Я лично приехал бы к Вам, но у меня в доме неблагополучно. Жена заболела, четыре дня тому назад, горловою болезнью, что задержало и отъезд ее за границу. Впрочем, теперь ей уж значительно лучше, так что на будущей неделе, вероятно, поездка состоится.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 27.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, стр. 11.

---

[1] Имеется в виду избрание М. М. Стасюлевича товарищем городского головы 4 мая 1883 г. (см., например, «Новое время», 1883, № 2579, 5 мая). Однако результаты выборов не были утверждены министром внутренних дел Д. А. Толстым.

917. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 мая 1883. Петербург

М<илостивый> г<осударь>. Позвольте мне обратиться к посредничеству Вашей уважаемой газеты, чтобы выразить искреннейшую мою признательность г. Пашковскому и другим лицам, приславшим мне из Москвы сочувственную телеграмму от 7 мая.

Примите уверение и проч.

М. Салтыков.

8 мая.

Печатается по тексту первой публикации: «Русские ведомости», 1883, № 130, 13 мая; перепечатано: *Неизданные письма,* стр. 127.
Подлинник неизвестен.

Ответ на следующую телеграмму: «Петербург. Редакция «Отечественных записок». Щедрину. Москва. 7 мая 1883 г. Окончившие курс медики Московского университета выпуска 1883 г. пьют за здоровье Щедрина. Курс просит ответа. Передайте Ваш ответ в газетах всем, если можно в лице представителя курса Пашковского» (*ЛН,* т. 13—14, стр. 400).

918. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

11 мая 1883. Петербург

11 мая.

Не сейчас ответил на Ваше письмо, добрейший Николай Андреевич, потому что не мог определить день выезда семьи из Петербурга[1]. Теперь это выяснилось; поедут они 13/25 мая в пятницу и приедут в Париж или 16-го утром, или 17-го, ежели остановятся в Берлине. Предполагал отправить их днем

раньше, но так много едут, что нельзя было достать спальный вагон даже при протекции Лихачева. Для меня нынешний год вполне черный. Сначала пошли литературные невзгоды [2], а теперь болезни в семье. Костя, в конце святой, заболел горлом и с неделю пролежал, имея до 40°. После него заболела жена уже дифтеритом и тоже теперь только поправляется, да и то боюсь за нее, хотя Соколов и говорит, что ехать безопасно. Ужасная здесь погода до сих пор, ужасная. Я у себя о сю пору камин топлю.

Я жене дал Ваш адрес, даже конверт ей приготовил, чтоб она дала Вам знать. Но боюсь, что она слегкомысленничает и потеряет. Она едет через Париж в Каркассону к сестре [3], и пробудет, вероятно, не больше 3-х дней. Она попробует остановиться у Белланже (у Мадлен), но там, кажется, принимают не меньше как дней на 10. В таком случае, она остановится в rue du Helder, hôtel du Tibre. Но думаю, что ради знакомства ее пустят и у Мадлены. Хорошо, кабы Вы, гуляючи, зашли туда и предупредили. В каком этаже — все равно.

Что касается до меня, то я пробуду в Петербурге до июля и надеюсь, что Вы проездом заглянете ко мне. Мне довольно-таки тяжело. И болезнь, да и слухи всякие. Беспрестанно заходят, и к швейцару и в контору, спрашивают, не выслан ли я. В газетах уже известие было, что я проехал через Одессу в Тифлис [4], а из Самары я письмо получил, в котором пишут, что мне готовили там адрес, да не знают, *в какой уезд Пермской губернии* я сослан [5]. Вот она, Русь православная. Не знают даже, куда адрес послать.

Деньги за 1-ю ст<атью> «Хлопот» зачтены в долг, и немного еще осталось [6]. Майская книжка завтра посылается в цензуру, и ежели суждено, то выйдет в понедельник. По выходе непременно вышлю сколько причтется и даже добавлю вперед. Извините, что сейчас не делаю этого: просто ни за одну книжку поручиться нельзя.

Петербург несколько опустел, по случаю коронации [7]. Но курс наш — просто ужасный. Сегодня я менял для семьи 150 р.— дали ровно 300 марок. Думаю, будет лучше разменять деньги в Берлине.

Жаль Тургенева. На Вашем месте, я бы съездил к нему, без предварительных справок. Может быть, письмо Ваше и не было доведено до него; но ведь если бы даже поездка Ваша в Буживаль и была без результата, то ведь особенной беды нет. Буживаль место веселое и красивое — туда и погулять съездить можно. Ресторан там есть и хороший — Тургенев нам однажды там обед давал. Но, вероятно, при нем есть кто-нибудь из русских, и Вас допустят.

Боткин уже с неделю как уехал в Финляндию, на дачу к себе. Звал и меня. В прошлое воскресенье туда ездил Соколов. На днях, впрочем, ожидаются роды Кат<ерины> Алекс<еевны>[8], и я не знаю, как туда ехать. Надо с Унковским сговориться.

Е. О. Лихачева уехала 7-го числа в Мюнхен к сыну. Ужасно, как она струсила, узнав, что у жены дифтерит. Целых десять дней я в карантине живу — никто ни ногой. Таково свойство людей подчиняться панике. Сегодня в первый раз зашли Унковский и Лихачев. Но у Елены Ос<иповны> как-то уж совсем необыкновенно вышло.

До свидания; будьте здоровы и передайте мой привет многоуважаемой Софье Петровне. Если можно, разыщите жену.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 28.

Впервые опубликован отрывок: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 50; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 336—337.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового к Салтыкову неизвестно.

[2] Журнал *Отеч. записки* получил второе предостережение (см. письмо 894, прим. 2).

[3] А. А. Болтина (в замуж. Турнье).

[4] По поводу этой заметки см. следующее письмо.

[5] Имеется в виду письмо И. А. Бухалова к Салтыкову (см. письмо 913, прим. 4).

[6] Об этой статье и ее авторе см. письмо 831, прим. 1.

[7] Коронация Александра III состоялась 15 мая 1883 г в Москве.

[8] Жена С. П. Боткина.

919. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ И БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА»

15 мая 1883. Петербург

М<илостивый> г<осударь>,

Прочитав в сегодняшнем № «Новостей», что я проехал через Одессу в Тифлис, считаю не лишним уведомить почтеннейшую редакцию, что я из Петербурга не выезжал и в Тифлис ехать не намеревался.

М. Салтыков.

15 мая 1883 г.

Печатается по тексту газеты «Новости и Биржевая газета», 1883, изд. 1, № 45, от 17 мая, где впервые опубликовано. Подлинник неизвестен.

В начале 1883 г. в редакции *Отеч. записок* создалось тревожное положение. 1 января из Петербурга был выслан один из редакторов журнала, Н. К. Михайловский, а 22 января изданию было объявлено второе «предостережение», с «грозной» политической мотивировкой (см. письмо 894, прим. 2). В этой обстановке стали один за другим возникать слухи то об аресте Салтыкова, то об административной высылке его из Петербурга. Слухи эти проникли в печать (см. письмо 913, прим. 3 и 4). Салтыков счел необходимым выступить с публичным опровержением возникших слухов.

920. И. А. САЛОВУ

20 мая 1883. Петербург

Многоуважаемый Илья Александрович.

Хотя газеты и напоминают деликатно, что не мешало бы меня выслать — хоть бы в Тифлис, где климат благоприятный,— но я еще в Петербурге и видов на выезд не имею[1]. Впрочем, около 1-го июля располагаю поехать за границу, где и пробуду по 1-е сентября. Поэтому, ежели Вы предполагаете что-нибудь прислать в «Отеч<ественные> зап<иски>», то имейте в виду это двухмесячное отсутствие[2].

Прощайте, благодарю за снисходительное беспокойство.

Искренно преданный

М. Салтыков.

20 мая.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 132, л. 2.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 332.

---

[1] Об этом см. письмо 919 и прим. к нему.

[2] И. А. Салов прислал повесть «Мелкие сошки» (*ОЗ,* 1883, № 8), которую Салтыков отредактировал (см. письмо 930). Это последнее произведение Салова в *Отеч. записках.*

921. В. П. ГАЕВСКОМУ

24 мая 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Не знаю, получил ли ты письмо мое, которым я просил тебя внести 10 р. в Лит<ературный> фонд, за Буха[1]. Деньги его лежат у меня уже с месяц, и я не мог их доставить потому, что дома у меня было не благополучно. Теперь же все устроилось и семья моя уже с неделю за границей. Вчера я заходил к тебе около 12 часов, думая лично передать депозит, но не застал, и швейцар мне сказал, что ты часов с 11 уже уходишь.

Прилагая при сем в пакете 10 р., поясняю, что в двух местах его поковырял, чтобы посмотреть адрес Буха, но 10 р. должны быть там. Квитанцию надо послать.

Весь твой

24 мая. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 29.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 127.

---

[1] Имеется в виду письмо Салтыкова к В. П. Гаевскому от 5 мая 1883 г. (915).

922. В. М. ЛАВРОВУ

24 мая 1883. Петербург

Милостивый государь Вукол Семенович[1].

Извините, ради бога, что до сих пор не ответил на Ваше письмо[2]. В доме у меня не совсем благополучно было; насилу устроилось так, что отправил семью за границу.

Искренно благодарен Вам за хлопоты по напечатанию моего письма в «Русских ведомостях»[3]. Боюсь только, что, помимо желания, обременил Вас этим делом.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть готовый к услугам

М. Салтыков.

24 мая 1883 г.

Печатается по тексту первой публикации: *Неизданные письма,* стр. 128. Подлинник неизвестен.

---

[1] Описка Салтыкова, нужно: Михайлович.

[2] Это письмо В. М. Лаврова к Салтыкову неизвестно.

[3] Имеется в виду письмо Салтыкова к В. М. Соболевскому от 8 мая 1883 г. (917).

923. И. И. ЯСИНСКОМУ

Около 26 мая 1883. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Просимую Вами записку на 100 руб. при сем прилагаю. Обещаемую Вами повесть буду ожидать, но не торопитесь, ибо раньше июльской книжки едва ли возможно будет ее печатать [1].

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 65, л. 1.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 339.

---

[1] Речь идет о повести И. И. Ясинского «Болотный цветок» (*ОЗ,* 1883, №№ 11—12).

924. И. И. ЯСИНСКОМУ

26 мая 1883. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Забыл сказать следующее. Ежели пришлете работу Вашу почтой, то адресуйте не на мое имя, а на контору [1]. Ибо, хотя я и предполагаю остаться в П<етер>б<урге> до июля, но всяко может случиться.

Весь Ваш

М. Салтыков.

26 мая.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 66, л. 1.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 128.

---

[1] Об этом произведении И. И. Ясинского см. письмо 923, прим. 1.

925. В. А. ТИМИРЯЗЕВУ

30 мая 1883. Петербург

Многоуважаемый Василий Аркадьевич.

Послезавтра уже июнь, а от Вас получено оригиналу только $2^{1}/_{2}$ листа, вместо ожидаемых 5-ти. Будьте так любезны ответить: сколько можно ожидать еще в течение этой недели? [1] Вместе с тем желательно было бы, чтобы Вы и на июльскую книжку определили, по возможности, верно, на что редакция

может рассчитывать. Ибо обещанную Вами статью о норвежском писателе надо печатать не иначе как третьей или 4-ой статьей в 1-м отделе[2]. Извините, что я Вам надоедаю, но, право, мне приходится хуже, нежели Вам.

Преданный Вам
М. Салтыков.

На обороте второго листа: Его высокоблагородию Василию Аркадьевичу Тимирязеву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 59, лл. 1—2.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 129.

---

[1] В это время В. А. Тимирязев работал над переводом романа Г. Люси «Гедеон Флис», печатавшегося в приложении к ряду номеров *Отеч. записок* (1883, №№ 4—8).

[2] Имеется в виду напечатанная анонимно статья В. А. Тимирязева «Бьернсон и его романы» (*ОЗ,* 1883, №№ 7—8).

926. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

1 июня 1883. Петербург

Многоуважаемый Александр Львович.

Простите, ради бога, что давно не писал к Вам. Живется неудачно — вот и руки опустились. Благодарю за участие в положении жены и в особенности горячо благодарю добрейшую Елизавету Юлиевну[1]. Все кончилось, и жена уже более двух недель как за границей. Мотает деньги и, по-видимому, совершенно счастлива. Теперь, впрочем, жарится на юге Франции, в Каркассоне, у сестры[2], которая кормит ее печатными пряниками. У жены моей идеалы не весьма требовательные. Часть дня (большую) в магазине просидеть, потом домой с гостями прийти, и чтоб дома в одной комнате много-много изюма, в другой много-много винных ягод, в третьей — много-много конфект, а в четвертой — чай и кофе. И она ходит по комнатам и всех потчует, а по временам заходит в будуар и переодевается. Вот. Я боюсь, что и детей она таких же сделает, и одна надежда моя, что гимназия несколько этому воспрепятствует. В особенности я рад, что маленькая Лиза сама настояла, чтоб ходить в гимназию. Теперь они в Каркассоне, а там спириты поганые завладели ими. Вот сколько усилий употребляется, чтоб оглупить детей; но я все-таки не отчаиваюсь и думаю, что добрая природа свое возьмет.

Я говорил и с Унковским и с Лихачевым о Вашем письме к Маркову, но оба отозвались, что Маркова слишком мало знают. И оба же утверждают, что Ваше намерение получить председательское место едва ли осуществимо. Я в этих делах не знаток, но мне и самому кажется, что в суде председатель один, и что попасть в эту единственную точку довольно трудно. Мне кажется, что так как Вашу главную цель составляет воспитание детей, то, ввиду этого, можно бы примириться и с местом товарища предс<едателя> или даже и члена суда. С места удобнее хлопотать о дальнейших служебных прохождениях, нежели со стороны, как бы ни существенны были Ваши права. Но, впрочем, я в этом деле не компетентен и рассуждаю, как профан. Когда в 1865 году у меня было недостаточно еды, то я не говорил себе, что я был столько-то лет вице-губернатором, стало быть меньше губернаторского места мне взять нельзя, а просто-напросто взял место председателя Казенной палаты. Я давно уже о честолюбии забыл и к окладам хотя и неравнодушен, но мирюсь. У меня тоже есть товарищи-министры — им и книги в руки [3].

Стихи Ваши Вы, конечно, сами не предполагаете печатать. Строго насчет этого ныне. Вот какое с поэтом Минским происшествие случилось. Издал он книжку стихов, так ее не только арестовали, но и препроводили, для исследования, в Д<епартамен>т гос<ударственной> пол<иции> [4]. А там допрос: что̀ вот это значит? и что вот это? И в результате — высылка. Он было объясняться вздумал: по закону, дескать, арест книги достаточен. А ему в ответ: Вы все еще думаете, что мы дураки — разуверьтесь. Вот Вам и стихи. Говорил я Вам: напишите оду на приезд жида с говядиной — вот это как раз впору. Ибо книгопечатное дело в умалении находится. Любовные темы берите, а для легкости рифмы через строчку.

А мы здесь пережили эпоху коронационных праздников, но так как весь интерес сосредоточивался в Москве, то мы знаем больше из газет, что все произошло не только благополучно, но и великолепно. В прошлое воскресенье государь возвратился в Петербург и был восторженно приветствован.

Я собираюсь за границу 2-го или 3-го июля. Пробуду там недель семь и к 20—25 августа привезу сына в Петербург. От Елисеева получаю письма [5]. Он, по-видимому, так думает: я себе буду помаленьку поправляться за границей, а Салтыков пускай работает. Представьте себе, я должен теперь весь журнал от доски до доски прочитывать. И цензуровать. Впрочем, я уже решил, что в будущем году вся эта история кончится. Я отлично понимаю, что ни Елисеев, ни Михайл<овский> не

виноваты, да ведь и я не трехжильный. У меня глаза погибают.

До свидания. Передайте дружеский привет уважаемой Елизавете Юлиевне и поцелуйте детей. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

1 июня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 29—30.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 129—132.

---

[1] Жена А. Л. Боровиковского.

[2] А. А. Болтина (в замуж. Турнье).

[3] Салтыков имеет в виду находившегося в то время на посту министра внутренних дел Д. А. Толстого, с которым учился в Царскосельском лицее.

[4] Обратившая внимание властей книга Н. М. Минского «Стихотворения (1877—1882)». СПб., 1883. 246 стр. постановлением Комитета министров от 29 марта 1883 г. была запрещена и уничтожена в количестве 1175 экземпляров (Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, стр. 145—147).

[5] Елисеев писал Салтыкову 17 и 23 мая (*Письма Елисеева,* стр. 110—114).

927. В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

15 июня 1883. Петербург

Редактора «Отечественных записок»,
действительного статского советника
Салтыкова

Заявление

По совету врачей отправляясь на короткое время за границу и не слагая с себя ответственности по редакции «Отечественных записок», я поручил временное заведывание редакцией секретарю оной, г. Плещееву, о чем и имею честь довести до сведения Главного управления.

Редактор
М. Салтыков.

15 июня 1883 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА,* ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 139, л. 361.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 169.

Получив заявление Салтыкова, Главное управление по делам печати сразу же поставило об этом в известность С.-Петербургский цензурный комитет (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 2, 1865 г., № 60, л. 419).

928. В. П. ГАЕВСКОМУ

20 июня 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Писательница Александра Никандровна Казина (писала довольно много в «Отеч<ественных> зап<исках>», «Деле», «Устоях» и проч.) обратилась ко мне с письмом, которое при сем и прилагаю. Сколько мне известно, г-жа Казина находится действительно в трудных обстоятельствах, так как работы ее, в последнее время, в журналах не появляются. Как бы Комитет ни взглянул на ее просьбу, я просил бы, чтоб он ее уведомил по адресу, имеющемуся в конце письма.

Искренно тебя уважающий

М. Салтыков.

20 июня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1883 г.,* т. 1, л. 573.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 236.

В письме к Салтыкову (12 июня 1883 г.) А. Н. Казина писала: «Могу ли я Вас просить оказать мне большую услугу? Выхлопочите мне ссуду в количестве 300 руб. из Литературного фонда сроком на год. Я в чрезвычайно серьезном положении и не знаю, что будет, если мне не посчастливится получить эти деньги в непродолжительном времени. Простите меня, что я Вас беспокою, но положительно мне так нехорошо, что я решилась просить Вас» (там же, т. 1, л. 575). Заслушав 21 июня «письмо М. Е. Салтыкова о выдаче ссуды А. Н. Казиной», Комитет постановил «уведомить М. Е. Салтыкова, что для выдачи срочной ссуды необходимы 2 поручителя» (там же, т. 1, л. 544 об.).

929. В. А. ТИМИРЯЗЕВУ

23 июня 1883. Петербург

Многоуважаемый Василий Аркадьевич.

Из-за Вас вся работа в типографии стала. Весь первый отдел давно готов, но так как статья о Бьернсоне должна быть перед двумя последними, то нельзя ничего верстать[1]. А потом

еще перевод[2]. Будьте же хоть сколько-нибудь любезны, не до конца измучивайте. Мне тоже и уехать хочется.

Ваш
М. Салтыков.

23 июня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 59, л. 3.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 132.

---

[1] Относительно этой статьи см. письмо 925, прим. 2.
[2] В. А. Тимирязев переводил роман Г. Люси (см. письмо 925, прим. 1).

930. И. А. САЛОВУ

24 июня 1883. Петербург

24 июня.

Милостивый государь Илья Александрович.

Новая повесть Ваша слабее прежних Ваших произведений. Главное, что ей вредит — это обилие совершенно лишних разговоров. Поэтому я позволил себе сделать некоторые сокращения и именно в разговорах, но так как Вы можете на это претендовать, то считаю долгом просить у Вас разрешения печатать повесть с сделанными мною сокращениями. Ежели Вы разрешите, то повесть будет напечатана в августовской книжке; если же нет, то благоволите уведомить, как с нею распорядиться.

Августовская книжка начнется печатанием с 10-го июля, а потому благоволите уведомить о Ваших решениях как можно скорее. Но так как я через несколько дней уезжаю за границу на два месяца, то будьте так добры адресовать Ваш ответ на имя Сергея Николаевича Кривенко, Невский проспект, 131, или же в контору «Отеч<ественных> зап<исок>» для передачи в редакцию г. Кривенко.

Что касается до просимых Вами денег, то прежде <появления> повести в печати я распоряжения сделать не могу. Не вследствие каприза, а просто потому, что положение «Отеч<ественных> зап<исок>» весьма не верное, так что нельзя ручаться ни за один месяц.

Извините за откровенность, быть может, и неуместную со стороны собрата по ремеслу. К сожалению, я, сверх того, и редактор, а это ставит меня нередко в фальшивое положение. Впрочем, скоро я и от редакторства освобожусь.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по копии: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 43, лл. 16—17. Подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 332—333.

О повести И. А. Салова см. письмо 920, прим. 2.

931. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

30 июня 1883. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Пришел Кривенко и говорит, что сегодня к Вам едет. Поэтому и спешу ответить на Ваше письмо[1]. Мне кажется, что Вы слишком неспокойно смотрите на Ваше положение; это мешает Вам устроиться и работать. Что Вы отсутствуете из Петербурга — с этим журнал еще может кой-как устроить<ся>[2], а вот что Вы не работаете для журнала — это отзывается чувствительно[3]. Впрочем, прошу Вас, не принимайте моих слов за упрек, а просто за желание, чтоб журнал был сколько-нибудь интереснее.

Я был на днях у Краевского и говорил с ним о журнале: окончательное решение отложили до возвращения моего из-за границы. Но вероятнее всего, что я с будущего года откажусь от редакторства[4]. Во-первых, с двумя предостережениями журнал издавать совсем немыслимо, а во-вторых, я совсем измучен и физически и нравственно. В первом смысле, я почти потерял зрение, во втором — вижу себя до того одиноким, что страшно делается. Помышляю о том, не переехать ли в Москву — там не будет ли полюднее. Не имеете ли Вы какую-нибудь комбинацию в виду насчет «Отеч<ественных> зап<исок>», которую мог бы Краевский принять? Я же тогда только могу остаться, если совершится какое-нибудь чудо, т. е., по крайней мере, сместят Феоктистова или Каткова ошельмуют[5]. Собственно говоря, мне почти запрещено писать, ибо ежели я в сентябре и намереваюсь попробовать опять, то это будет такая проба, которая будет только выражать, что я жив[6]. А мне писать необходимо, да и для журнала не без пользы. Ежели все трое редакторов будут отсутствовать, то журнал несомненно упадет, а быть редактором падающего журнала тоже не особенно лестно. Я попросил бы Вас во всяком случае писать; но ведь Вы на мои просьбы не обращаете внимания.

Дивиденд, я полагаю, за этот год будет; хоть и не весьма большой, но тысячи по три, пожалуй, придется, так что, за взятыми Вами тысячью, Вы можете рассчитывать тысячи на

две, а быть может и больше. Все зависит от погашения сотруднических долгов, которое идет довольно туго.

Что касается до Ваших книг, то я говорил об этом с Хомиховским, Зандроком и Карбасниковым — все согласны. Кривенко взялся распределить, сколько кому отдать на комиссию, а я уведомлю, по принадлежности, чтобы брали[7].

До свиданья — не отчаиваюсь, что еще свидимся — жму Вашу руку. Еду во вторник *непременно*. Измучился. Но не беспокойтесь тем, что Вы меня задержали: я во всяком случае остался бы до вторника.

Весь Ваш

М. Салтыков.

30 июня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 5—6.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 236—238.

---

[1] Это письмо Михайловского неизвестно.

[2] Михайловский был выслан из Петербурга (см. письмо 876, прим. 1).

[3] Очевидно, Салтыков был недоволен тем, что Михайловский ничего не прислал для июньского номера *Отеч. записок.*

[4] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[5] В это время Е. М. Феоктистов занимал пост начальника Главного управления по делам печати.

[6] Возможно, Салтыков имеет в виду начавшие печататься с восьмого номера *Отеч. записок* «Пошехонские рассказы».

[7] Речь идет о распределении между книгопродавцами вышедших в это время в свет 4 и 5 томов шеститомника «Сочинений» (СПб., 1879—1885) Михайловского.

932. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

1 июля 1883. Петербург

Милостивый государь Дмитрий Наркисович.

Считаю нелишним уведомить Вас, что я 4-го числа уезжаю за границу и пробуду там до 25-го августа.

«Бойцы» будут напечатаны в двух книжках: июльской и августовской. Первая выйдет на днях.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

1 июля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 157, карт. 3, № 70.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 344.

Об этих очерках см. прим. к письму 906.

933. Г. И. НЕДЕТОВСКОМУ

1 июля 1883. Петербург

Многоуважаемый Григорий Иванович.

Считаю нелишним уведомить Вас, что 4-го числа я уезжаю за границу и пробуду до 25-го числа <августа>. Ежели Вы, в течение этого времени, что-нибудь приготовите, то благоволите прислать уже не на мое имя, а в контору журнала.

Искренно Вас уважающий

1-го июля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 445, оп. 1, № 130, л. 14.
Впервые опубликовано: *Известия ОРЯС,* стр. 281.

Г. И. Недетовский прислал рассказ «Перемена» (*ОЗ,* 1883, № 10). Это последнее его произведение в *Отеч. записках.*

934. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

5 июля 1883. Петербург

5 июля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Целый месяц Вы молчали и наконец пристигли меня письмом вечером накануне отъезда, т. е. именно тогда, когда почти совсем нельзя сделать нужные распоряжения[1]. Впрочем, я распорядился и насчет «Отеч<ественных> зап<исок>» и насчет «Моск<овских> вед<омостей>», хотя Гаспер и уверяет, что все это высылается Вам. Распорядился также насчет высылки Вам биографии Щапова[2]. Все в Париж. Будьте так добры, обращайтесь насчет журналов, газет и книг прямо к Гасперу, потому что я легко могу позабыть, так как вижу его раз в неделю. Я сейчас еду прямо в Баден-Баден, где уже живет жена. А Вы почти подле жили. Буду я в Бадене или 8 или 9-го числа, смотря по тому, остановлюсь ли в Берлине или нет. Предполагаю пробыть там около четырех недель, а потом на короткое время съездить в Париж. В Петербурге я буду 25 августа, так как начнется в гимназии ученье, и я привезу Костю. Может быть, впрочем, и в Швейцарию заеду, *но во всяком случае* не меньше 10 дней пробуду в Бадене. Вот я как Вам

аккуратно пишу, не то что Вы — поеду, но не знаю куда. Если б Вы заехали в Баден-Баден — весьма обязали бы, потому что у меня есть Вам деньги (*1000* р. с февраля по июнь включительно) и 3500 р. облигаций, которые я тоже жажду вручить Вам и получить обратно сохранную расписку. Курс наш до того упал, что я вчера менял немного денег по 244 фр. за 100 р. и 198 марок. Попробую в Берлине, не дадут ли лучше. Но после десяти дней, около 17-го, в Баден-Баден приедет семейство Лихачевых, о чем и считаю долгом Вас предупредить.

Квартира Ваша стоит с налепленными билетами об отдаче. Сейчас была у меня Вера Григ<орьевна> [3] и говорила, что она совсем не знает, как быть с Вашей мебелью. Матреша [4] тоже жалуется. Я уже сделал распоряжение о переводе редакции и кладовой с 1-го августа. Ни Вы, ни Екатерина Павловна [5] ничего об этом не пишете, и это очень тяжело.

Что касается до «Отеч<ественных> зап<исок>», то я положительно отказываюсь от их редактирования с 1884 года. Во-первых, нельзя издавать журнал, имея назади два предостережения, во-вторых, я донельзя устал, и в-третьих, мне лично, очевидно, писать уже не будет допущено. А сверх того, упадок подписки, а в будущем году ожидание еще большего упадка. Я уже беседовал об этом на прошлой неделе с Краевским, и хотя мы отложили решение этого вопроса до моего приезда из-за границы, но ведь обстоятельства, наверное, останутся те же [6]. Кстати: «Голос» с 12-го августа будет издаваться на основании новых правил, под надзором цензуры. Краевский сначала не хотел, а теперь — захотел [7].

Михайловского в Петербург не пускают. Но он живет не в Выборге, а в Любани, где нанял дачу [8].

Холеры я не боюсь, да и вообще о смертном часе не думаю. Жаль детей, а впрочем... Может быть, и лучше будет, ежели меня не будет. Не будет двоегласия. А ежели из них суждено выйти людям, то пробьются и без меня. Многие меня ненавидят, но есть такие, которые и любят, хотя лично не знают меня. Вот эти последние и детям моим помогут, если понадобится.

Прошу Вас передать мой привет уважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Помета рукою Елисеева: 1883. Июня 5. 1000 р. доставлены лично Салтыковым.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 40; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 345—346.

[1] Письмо Елисеева к Салтыкову не датировано (*Письма Елисеева*, стр. 115—118).

[2] Речь идет о книге Н. Я. Аристова «Афанасий Прокофьевич Щапов. Жизнь и сочинения» (СПб., 1883).

[3] В. Г. Матвеева.

[4] Прислуга Елисеевых.

[5] Жена Г. З. Елисеева.

[6] 20 октября 1883 г. контракт с Краевским был продлен еще на два года. См. в наст. томе Приложения, стр. 326.

[7] На основании временных правил о печати 27 августа 1882 г. «редакции выходящих в свет не менее одного раза в неделю повременных изданий, вызвавших третье предостережение, обязываются по истечении срока приостановки и по возобновлении предоставлять номера их для просмотра в цензурные комитеты, не позже 11 часов вечера накануне дня выпуска в свет» (К. К. Арсеньев. Законодательство о печати. СПб., 1903, стр. 127). Это лишало газету возможности снабжать читателей свежей информацией, и Краевский вынужден был отказаться от ее издания (Б. П. Балуев. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971, стр. 44; *ЦГИА*, ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 101, лл. 326—335).

[8] О высылке Михайловского см. письмо 876, прим. 1.

935. Н. П. ОРЛОВУ

5 июля 1883. Петербург

5 июля 1883 г.

Многоуважаемый Николай Павлович.

Крайне Вам обязан за присылку картины, которая так сходственно и с обстоятельством дела согласно изображает существо веществ. Такого сходного портрета я, во всяком случае, не имел и не видел. Что касается до обстановки, то, не имея ничего сказать против гадов, преследующих сзади, ни даже против просвета, который всегда как-то по штату полагается, я бы, на месте художника, и по ту сторону просвета устроил встречу гадов. Ибо и это тоже по штату полагается. Вообще, это было бы полное изображение отечественного прогресса с непрерывно идущими гадами и с прогрессом, в форме генерала от инфантерии или действительного тайного советника.

Во всяком случае, повторяю Вам и художнику искреннюю и живую признательность за дорогой подарок. Насилу я мог узнать на железной дороге, откуда мне сие.

Сейчас уезжаю за границу, где прокочую до конца августа.

Искренно Вам преданный и уважающий

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Красное знамя» (Париж), 1906, № 2, стр. 85—86; перепечатано (неточно): «Русские ведомости», 1906, № 274, 9 ноября; «Всемирный вестник», 1908, № 9, стр. 32; «Красное знамя» (Петроград), 1917, №№ 3—4, стр. 76; *Салтыков в воспоминаниях*, стр. 376—378 (по тексту парижской публикации).

Подлинник неизвестен.

Как сообщает в своих воспоминаниях Н. П. Орлов (*Салтыков в воспоминаниях*, стр. 373—379), приводя текст этого и другого (958) письма к нему Салтыкова, он «при участии малоизвестного, но способного художника Д. А. Брызгалова, скомпоновал в Москве и издал «подпольно», в фотографических снимках, ходивших потом по рукам, соответствующую картину». На ней, держа в руках январскую книжку *Отеч. записок* 1883 г., Салтыков пробирается через темный лес к просвету от преследующих его фантастических чудовищ. Его преследует «торжествующая свинья», опоясанная полицейской шашкой, в кустах блестят глаза шпиона, а вдали между деревьями наблюдает жандарм, с дерева свешивается «удав», а выше — вороньи гнезда с листками «Московских ведомостей».

Под картиной четверостишие Н. П. Орлова:

Тяжелый путь... Но близок час рассвета,
И солнца блеск зарделся в небесах;
Его лучом живительным согрета,
Проснется жизнь и тьму рассеет в прах.

Сколь Салтыков дорожил имевшимися у него двумя экземплярами фотографий с этой карıины, видно из его писем конца октября — начала ноября 1887 г.

936. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

12/25 июля 1883. Баден-Баден

Баден-Баден. 12/25 июля 1883.

Многоуважаемый Александр Львович.

Письмо Ваше хотя получил еще в Петербурге, но почти в самую минуту отъезда. Теперь пишу к Вам из Баден-Бадена, где бедствую на биваках и благодаря отвратительнейшей погоде всем нутром болен. Мои — благоденствуют, а я, должно быть, уж совсем помер, так что постоянно тоскую о сухой и просторной петербургской квартире. Там можно и прилечь и расположиться у письменного стола, а здесь просто ни дна ни покрышки нет. Предполагается, что человек с утра до вечера должен гулять. В день мы здесь платим пансиону 22 р. да столько же на разные предметы выйдет. За эту сумму мои

получают возможность гулять и кувыркаться, а я — возможность чувствовать себя отвратительно.

Вчера сюда приехал Елисеев с супругой. Сидят оба и ждут, что я скажу, что они необходимы в Петербурге. А я молчу. Наконец, Катерина Павловна не вытерпливает и начинает полемизировать: «Были и мы когда-то полезны, а теперь...»

Надо Вам сказать, что контракт «Отеч<ественных> зап<исок>» должен в нынешнем году кончиться. Третий год Елисеев живет за границей, пользуясь всеми привилегиями, и вот теперь, за пять месяцев до конца, готов воротиться для содействия. А я положительно знаю, что он работать не может, а может только разогнать тех, которые за него работают. Мое положение совсем трагическое. У «Отеч<ественных> зап<исок>» два предостережения, и я — совсем измучился. Кажется, достаточный резон, чтоб уйти, хотя средства у меня далеко не достаточные и будет очень трудно восполнить то, что дают «Отеч<ественные> зап<иски>». Я и решился уйти, тем больше, что все, что̀ бы я лично ни напечатал в «Отеч<ественных> зап<исках>», подвергнется непременному преследованию. Поэтому, даже в видах продолжения моей литературной деятельности мне лучше и выгоднее уйти из журнала. Однако ж с уходом моим упразднится место редактора, и нового, пожалуй, не утвердят. Поэтому многие из сотрудников могут остаться без пищи. Это обстоятельство настолько серьезно, что заставляет меня задумываться, не идти ли дальше до тех пор, пока судьба сама не устроит мою погибель[1]. Но тут увязывается Елисеев. Все надеется, что помолодеет и сделается прежним Елисеевым, а между тем двух строк написать не может, чтобы голова не заболела. Михайловский — выслан; Елисеев — безнадежно болен, я — чуть дышу; какая же это редакция?

На днях я жду сюда В. И. Лихачева. Ел<ена> Ос<иповна> где-то в Мюнхене с сыном, который дослушивает курс и к 20-му июля воспользуется вакантом. Все хотели приехать сюда, но состоится ли это — не знаю. Может быть, Елисеев их испугается. Представьте себе, я до сих пор не могу разгадать причину их ссоры. Елисеев — молчит, а Лихачевы, по-видимому, не знают. Вообще, пренеприятный человек Елисеев. Все свое дерьмо внутри хранит и оттого болен. Да и на других нагоняет досаду.

Таким образом, и в Баден-Бадене обретаю Петербург.

Ежели вздумаете писать мне, то адресуйте так: Allemagne. Baden-Baden. Poste restante. Ежели мы и уедем куда-нибудь,

то письмо перешлют. Я предполагаю уехать в Петербург 18—20 августа. Везу сына в гимназию.

Очень рад, что Ваша целина дает Вам много хлеба, а баштан — много дынь. Здесь нет баштанов, но дыни есть; и хлеб есть в булочных.

До свидания; будьте здоровы и передайте от меня и от жены сердечный привет — добрейшей Елизавете Юльевне. Детей поцелуйте.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Здесь во всех ретирадных местах вывешено правило: по исполнении надобности, тяните ручку клозета *прямо* вверх. Но русским разрешается тянуть и не *прямо,* лишь бы не оставляли экскрементов в чашке. А Бисмарк, говорят, выразился так: русские <———> любят и могут, но <———> спустить не умеют.

На конверте: Russland. Via Wien — Krakoff — Kieff, Екатеринославской губернии, станция Саксагань. Его высокородию Александру Львовичу Боровиковскому.

Почтовые штемпеля: Baden-Baden. 26.7.1883; Екатеринославская г. Саксаганская П. С. 22 июля 1883.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 31—32.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 133—135.

---

[1] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. на стр. 321—327 наст. тома.

[2] О высылке Михайловского см. письмо 876, прим. 1.

937. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

2/14 августа 1883. Баден-Баден

Баден-Баден. 2/14 августа.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Думали мы разнообразно; хотели и на Комское озеро съездить и в Бадене остаться, а кончили на том, что завтра в среду едем в Кларан на Женевское озеро, проживем там дней 6—7 и отправимся в Париж. Я во всяком случае полагаю быть там не позднее 11-го числа ст. ст и остановлюсь, по

обыкновению, place Madeleine, куда жена на днях напишет. В Кларане мы, по-видимому, будем с Лихачевыми, а в Париже — одни. Мне кажется, что и Вы туда собирались. Ежели будете, то я буду несомненно рад, потому что я пробуду в Париже не позже как до 17 августа, а в это число непременно выеду с Костей[1] в Петербург. Я одно время совсем было раздумал ехать в Париж, но рассудил, что там все-таки лучше, нежели где-либо. Правда, что погода, по-видимому, исправляется, и в Париже, может быть, жарко будет, но и это небольшая беда. Мне хотелось бы проститься с Тургеневым, кстати же я вычитал сегодня в «Новостях», что ему опять хуже[2]. Все-таки хороший писатель был и немало людей утешил.

Скучаю я здесь самым безобразным образом, и, чего никогда со мной не случалось, к работе не приступался. Это положительно говорит об истощении. Вообще, на меня современные российские порядки подействовали удручающим образом. Так что вряд ли даже перемена порядков оживит меня. В другое время, даже неблагоприятное, я был бы готов переждать и приняться за что-нибудь бытовое (вроде Головлевых), а теперь не могу. Не то чтобы у меня матерьялов не было (давно уж я задумал)[3], но досадно. Вот, скажут, заставили-таки мы его. Поэтому я решился писать вещи явно глупые. Не писать мне нельзя: еды недостаточно, так, по крайней мере, хоть не буду украшать столбцы. Но можно ли это делать продолжительное время — не знаю.

До свидания. Будьте здоровы. Передайте от меня и от жены привет Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Помета рукою Елисеева: 1883. Августа 14.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые напечатан отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 41; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 349.

---

[1] К. М. Салтыков.

[2] В «Новостях и Биржевой газете» (1883, № 200, 29 июля, отдел «Телеграммы») напечатано: «Париж, 27 июля (8 августа), среда, вечером. Состояние здоровья И. С. Тургенева ухудшилось».

[3] Имеется в виду «Пошехонская старина».

938. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

9/21 августа 1883. Кларан

Кларан. 9 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам, имея перед собой Dent du Midi[1], и в то же время весь скрюченный пострелом. Боль невыносимая, ни согнуться, ни разогнуться. Таковы последствия слишком деятельной жизни. Целых четыре дня каждодневно проводили в увеселительных поездках, а сегодня я уже пошевелиться с трудом могу. Я всегда, впрочем, думал, что мне больше всего необходимо спокойствие, которое я могу получить только дома, хотя там не климат, а какая-то каша. Шататься по отелям, где негде приткнуться, вовсе не в моей натуре, а здесь еще вдобавок кормят какими-то экскрементами.

Все остальное здесь превосходно. Озеро — изумительное, горы — волшебные; отели — похожи на дворцы. Лихачев сегодня в Лозанну уехал по делам, а мы тут сидим, как овцы без пастыря. Мы собственно покидаем Кларан послезавтра, в четверг, и в пятницу утром будем уже в Париже. Затем, представьте мою радость, 19-го августа я выезжаю из Парижа в места не столь отдаленные, то есть под крыло к Оржевскому и к гр<афу> Толстому.

Но как я все это проделаю, имея в пояснице драхеншус, который только сегодня разыгрался?

До свидания. Боль такая, что даже писать трудно. Ничего я в течение целого месяца не делал, да и впредь делать, вероятно, ничего не буду. Литературная моя карьера, очевидно, кончилась.

Прошу Вас передать от меня и от жены привет уважаемой Софии Андреевне[2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 29.

Впервые опубликован отрывок: «Русские ведомости», 1894, № 330, 29 ноября; полностью «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 51.

---

[1] Горный хребет в Савойских Альпах, простирающийся с юго-запада Франции через границу на северо-восток Швейцарии к Женевскому озеру, где заканчивается пиком под тем же названием. Этот пик Салтыков видел из деревни Кларан, знаменитой тем, что в ней в свое время жил Ж.-Ж. Руссо.

[2] Описка Салтыкова. Надо: Софье Петровне — жене Н. А. Белоголового.

939. Ш. ШАССЕНУ

13/25 августа 1883. Париж

Monsieur et cher collaborateur,

Arrivé depuis hier à Paris, je suis tombé très gravement malade. Vous me feriez un véritable plaisir en venant me voir le plus tôt possible.

Par habitude, je me suis casé Place de la Madeleine, 31, quoique l'endroit soit positivement mauvais.

Au revoir. Tout à Vous *M. Soltikoff.*

Paris, le 25 août.

Перевод: Милостивый государь и дорогой сотрудник,

Я приехал вчера в Париж и очень серьезно заболел. Вы доставили бы мне истинное удовольствие, если бы навестили меня возможно скорее.

По привычке я остановился на площади Мадлены № 31, хотя место это положительно никуда не годится.

До свидания

Весь Ваш

М. Салтыков.

Париж, 25 августа.

Печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Впервые опубликовано: Kyra Sanine. «Les Annales de la patrie et la diffusion de la pensée française en Russie (1868—1884)». Paris, 1955, p. 119.

---

[1] О своем болезненном состоянии по прибытии в Париж Салтыков подробно писал 15/27 августа Н. А. Белоголовому (письмо 940).

940. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

15/27 августа 1883. Париж

Париж. Pl. Madel. 31. 15 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Приехал в Париж в пятницу совсем больной. Два дня сидел не выходя из комнаты, глотая протухлый воздух Магдалины. В воскресенье почувствовал себя достаточно хорошо, чтоб выйти и пообедать, тем больше, что в оба предыдущие дня почти совсем не ел. Прошел пешком от дома до rue Hel-

der, где пообедал самым умеренным образом, и воротился назад в половине седьмого, т. е. еще когда было светло. Вечером опять повторение драхеншуса, хотя и не в прежней силе, но, быть может, начало нового, потому что сегодня боль еще усилилась. Намазался иодом и принял хинину. Четыре часа тому назад выпил стакан Гунияда и до сих пор не действует. Главное, чувствую громадную слабость, отсутствие аппетита и сухость во рту и в горле. Уходу — никакого. Жена не только лично меня ненавидит, но и тех, которые во мне принимают участие. Ненависть эта чисто физическая, идиотская. Я даже обратиться к ней за помощью боюсь, потому что все это сопровождается прибаутками самого несносного свойства. Вы видите, как я пишу — и то насилу могу. Вот так съездил в Париж! К счастью, здесь Самарские — они сколько-нибудь помогают.

Тем не менее, в пятницу 19-го, я решаюсь выехать обратно, с Костей. Супруга тоже предлагает свои услуги по части препровождения, но я знаю, что это будет одно надругательство, и отказываюсь. Лучше пусть я больной до Петербурга доеду, но недели две отдохну от гнусного пустословия, в основании которого лежит негодование на мою болезнь и на отсутствие гвардейской правоспособности (она не стесняясь укоряет меня этим). С нами есть гувернантка (от Оболенской), которую я совсем не знал и которою она нахвалиться не могла. Теперь она эту гувернантку возненавидела за то, что она с некоторым участием отнеслась к моей болезни.

Самое лучшее для меня теперь — это умереть. Сожительство невозможно и скандально. Дети могут совсем испортиться. Характер у меня с каждым днем портится.

А вот Вы еще проповедуете теорию письма за письмо. Как тут теории соблюдать, когда только о том молишь судьбу, чтоб поскорее пришибла.

И жар, и вонь, и всевозможные неудобства — скажите, не лучше ли было бы для моего здоровья, если б я попросту просидел на Литейной. Ведь мне покой нужен. Я вот к Боткину в царство небесное съездил, да и то два дня отдышаться не мог. Всякая деятельная жизнь для меня гибель. И ежели я так болен теперь, то потому только, что в Кларане четыре дня сряду экскурсии делал. Я положительно понимаю, что я никому не товарищ и потому неприятен, да что же мне делать?

Прощайте. Может быть, и не увидимся. Прошу Вас передать мой привет Софье Петровне и верить моей дружбе.

М. Салтыков.

Вчера приехали Елисеевы, остановились в hôtel Miromenil, улица Miromenil. Жалко на них смотреть.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 30.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 350—351.

941. Ш. ШАССЕНУ

17/29 августа 1883. Париж

N'aurez Vous pas la bonté de passer chez moi demain Jeudi soir vers 8 heure.

Перевод: Не будете ли вы так добры зайти ко мне завтра, в четверг, около 8 часов вечера.

Печатается по фотокопии подлинника — записка Салтыкова на его визитной карточке, хранящейся в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Впервые опубликовано, с датой «Август 1883 г.», в *ЛН,* т. 67, стр. 492; там же, на стр. 491, факсимиле.

Записка написана в первую, по прибытии Салтыкова в Париж, среду, которая приходилась в 1883 г. на 17/29 августа.

942. Ш. ШАССЕНУ

18/30 августа 1883. Париж

Rue Cretet 5
Monsieur Chassin
C'est pour demain Vendredi soir, pas pour Jeudi.

Soltikoff.

Перевод: Улица Крете 5.

Господину Шассену
Завтра вечером, в пятницу, а не в четверг.

Салтыков.

Печатается по фотокопии подлинника, хранящегося в Bibliothèque historique de la Ville de Paris.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 67, стр. 493, с датой «Август 1883 г.». Дата уточняется в сопоставлении настоящей записки с предыдущей, написанной накануне.

943. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

19/31 августа 1883. Париж

Париж. 19/31 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю за письмо, которое весьма меня утешило [1]. Боли мои утихли, хотя все еще дают о себе знать; но зато общая слабость во всем организме и сонливость. Боюсь, нет ли лихорадки. Мерял температуру, оказывается $36^4/_{10}$ — стало быть, ничего, а все-таки неможется. Сухость во рту, отвратительный вкус, вялость, апатия.

Вместо сегодня, еду завтра, и билеты уже на столе, а спальные до Эйдкунена, так что в Берлине не остаюсь. Нынче дают спальные от Парижа прямо в Берлин; следоват<ельно>, пересаживаться придется только в Берлине и Эйдкунене. Завтра утром Самарские хотели прислать ко мне доктора Кадьяна, который, быть может, даст на дорогу какое-нибудь наставление.

Елисеевы здесь, и отыскали себе убежище в rue Trouchet, а какой № — не знаю. Намерены пробыть в Париже до октября, а на зиму в Висбаден. Квартира их в rue Trouchet в первом доме от угла Мадлены, рядом с домом, где останавливаются Самарские. Хорошо бы было, если б Вы примирили их с Лихачевыми, которые приедут в Париж 2-го или 3-го числа. Елисеев отыскал мне доктора Шонина, чистейшей воды еврея, который состоит при русском консульстве и о котором ему сказал священник Васильев. Шонин прописал мне вератрину, от коего я света невзвидел, и еще пилюли с хинином, которые я и принимаю.

Тургенева я так и не увижу. Приехавши, я написал к нему письмо [2], а вчера, т. е. через 6 дней, приезжает ко мне Арапетов и говорит, что утром был у него зять Виардо с целым пуком писем, адресованных к Тургеневу (для перевода) и между прочим там было и мое письмо. Арапетов был у Тургенева двукратно. В первый раз он неистовым голосом на него закричал: уведите! уведите! Во второй раз принял и узнал, но был так слаб, что Арапетов через четверть часа уехал. Какая странная участь русских писателей. Неужто всем так

придется умирать. Отец мой лег в постель, месяц не вставал и умер. А тут — какие сложные мучения!

Жена после моего отъезда останется в Париже не больше 5 дней, а потом хочет ехать неделю провести на Рейне — кажется, в Бибрихе.

Ежели она не изменит своего намерения, то, конечно, побывает в Висбадене и свидится с Вами. Это будет около 27-го августа, а Вы, кажется, хотели пробыть там до 2-го сентября.

До свидания. Передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Елисеев все добивается от меня, какое его будет положение относительно «Отеч<ественных> зап<исок>» в будущем году, т. е. по окончании контракта[3]. А я решительно не знаю, что̀ ему ответить. Неужто и опять все пойдет по-старому: Елисеев болен, Михайловский в отпуску, а я отдувайся. Я не знаю материального положения Елисеевых, но мне кажется, что он достаточно обеспечен, чтобы существовать.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 31.

Впервые опубликован отрывок: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 51—52; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 352—353.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового неизвестно.

[2] Это письмо Салтыкова к Тургеневу неизвестно.

[3] О контракте Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. на стр. 321—327 наст. тома.

944. И. И. ЯСИНСКОМУ

27 августа 1883. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Возвратившись из-за границы, я застал Ваше письмо от 18 августа[1], которым Вы обещаете прислать повесть «Болотный цветок»[2]. Однако вот уже конец сентября[3], а повести нет, и я не знаю, в какой мере можно на нее рассчитывать. Будьте так добры уведомить меня, в каком положении это дело. Вы меня весьма обяжете также, уведомив о положении Вашего здоровья. Что касается до меня, то я нестерпимо болен.

Пишу наудачу на Киев. Не знаю, дойдет ли до Вас это письмо.

Ваш

М. Салтыков

27 августа.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 668, № 14.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 136.

---

[1] Это письмо И. И. Ясинского неизвестно.
[2] И. И. Ясинский. Болотный цветок. Повесть (*ОЗ,* 1883, № 11).
[3] Описка Салтыкова, нужно: августа.

945. В. П. ГАЕВСКОМУ

30 августа 1883. Петербург

30 августа.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Анненков, с которым я почти каждый день виделся (вместе обедали в Hôtel d'Angleterre за рупь), согласен завтра обедать, где ты пожелаешь (но скромно). Только у меня сегодня и даже со вчерашнего дня так спина болит, что я насилу хожу. Не будешь ли ты так добр зайти ко мне утром пораньше. Мне кажется, что мы тебе мешаем, а отчасти и надоедаем, поэтому, если ты хочешь — можно и не обедать. Завтра же в 6 часов приезжает в П<етер>б<ург> Стасюлевич. Анненков его-то собственно и дожидается, а какой подарок публике из этого свидания выйдет — не знаю.

Весь твой

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 30.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 136—137.

---

[1] По предположению Н. В. Яковлева, П. В. Анненков «в это время, очевидно, ожидал Стасюлевича, чтобы предложить ему статью «Молодость Тургенева», появилась в февральской книжке «Вестника Европы» за 1884 г.» (*Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 507).

946. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

16 сентября 1883. Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за письмо, которое искренно меня обрадовало как доказательство, что Вы обо мне не забываете [1]. Сочувствие Ваше мне особенно дорого в эти тяжелые дни, когда вокруг меня, умирающего, но еще живого, образовалась целая свистопляска самых паскудных ругательств, не предвещающих ничего доброго, ибо сигнал идет из «Моск<овских> ведомостей», которые, по-видимому, намерены заняться мною вплотную [2]. Я хотел перепечатать эти ругательства в сентябрь-

ской книжке, но, по лености, не сделал этого. В октябрьской книжке — если ей суждено видеть свет — непременно сделаю[3].

Болезнь моя, которая эти дни сильно обострилась, положительно застилает передо мной внешний мир. Возвратившись из-за границы, я привез новые фасоны болезней, которых прежде не знал, как, напр<имер>, боль седалищного нерва, безмерно меня мучающая, хотя теперь мне несколько лучше. Зато меня одолевает грипп — признак начавшейся топки печей. Так что мне едва ли придется участвовать и в похоронах Тургенева, и в коммеморативном[4] чтении по поводу его смерти.

Распоряжение о высылке сентябрьской книжки (должна выйти в воскресенье) Вам в Париж я не премину сделать, но, для большей верности, я просил бы Вас о переменах адреса уведомлять прямо контору. Не потому чтобы я тяготился Вашими порученьями, а потому, что, не видя по неделям конторщика, я могу забыть. «Пошехонские рассказы» я перевожу помаленьку на более серьезную почву — посмотрим, что̀ из этого выйдет: может быть, третье предостережение. «Отеч<ественные> зап<иски>» я условился продолжать редактировать и в будущем году[5], но не могу ручаться, чтобы бездельный старый кобель Краевский не продал их какому-нибудь прохвосту, подобно тому, как это сделал с «Голосом», продав его за 250 т. р. компании Циона и Каткова[6]. Тогда положение мое будет очень комическое. Конечно, я сейчас же прекращу всякое участие, но ведь внезапные эти прекращения деятельности, дающей хлеб многим людям, а в том числе и мне, производят большой переполох.

Здесь идут приготовления к похоронам Тургенева, которые, однако ж, будут менее шумны, нежели предполагалось. Приняты меры. Во-первых, тело его повезут со станции по Обводному каналу; во-вторых, военным строго воспрещено всякое участие; в-третьих, такое же воспрещение простирается на университет и вообще учебные заведения. Шум идет большой; ругательства раздаются в изобилии — это против Тургенева, которого на Пушкинском празднике сам епископ Амвросий называл чистым голубем. Письмо Лаврова, перепечатанное без комментариев «Моск<овскими> вед<омостями>», дало этим ругательствам почву. Теперь уж прямо называют Тургенева изменником[7]. Таков результат — только и всего. И по результату, и по существу это письмо — глупое.

На меня весь этот шум и приготовления производят странное действие. Сдается: зачем? наплевать! Тургенев и при

жизни устраивал сам для себя овации, пожелал то же и своему бездыханному телу. Впрочем, я слышал, что он лично желал быть похороненным в Буживале, но Виардо не захотела[8]. И странное дело! среди этих приготовлений (должно быть, они уж чересчур продолжительны) беспрестанно прорываются не совсем красивые рассказы из жизни покойного. И это в среде, которая, с литературно-политической точки зрения, вполне ему сочувственна. Дело в том, что в приготовлениях этих участвуют взрослые и зрелые люди, которые никак не могут отказать себе и в суждении о вещах... Эти вещи всегда следует устраивать по горячим следам.

Я человек маленький и, конечно, не рассчитываю, по смерти, иметь похороны, сколько-нибудь подобные тургеневским. Но *средние* похороны, вероятно, будут. Однако, и это мне претит. Непременно куплю себе где-нибудь к будущему лету угол, и когда почувствую потребность умирать, то удалюсь туда. Там умру и велю себя похоронить. Тихо, смирно, благородно. Никого, по поводу моей смерти, не заушат, никого не сошлют в места не столь отдаленные. А что касается до теории размножения недовольных элементов, то это теория пустая и безнадежная.

Вот сколько я Вам пустяков нагородил.

До свидания; передайте сердечный привет от меня и от жены добрейшей Софье Петровне и поклонитесь Елисеевым. Напрасно они в Висбаден не едут. На днях была у нас графиня Лор<ис>-Мел<икова>. Оказывается, что граф уже недели две поселился в Ницце и останется там до февраля.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

16 сентября.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 32.

Впервые опубликовано: «Дело». М., 1899, стр. 122—123.

---

[1] Упоминаемое письмо Н. А. Белоголового неизвестно.

[2] Салтыков имеет в виду опубликованную за подписью «Ф.» статью «Сатира Щедрина» («Московские ведомости», 1883, № 255, 14 сентября), в которой дан отрицательный отзыв о первом из «Пошехонских рассказов».

[3] Это намерение осталось невыполненным.

[4] Памятном — от *франц.* commemoratif.

[5] 20 октября 1883 г. срок договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* был продлен «еще на два года, т. е. по первое января ты-

сяча восемьсот восемьдесят шестого года» (см. наст. том, раздел Приложения, IV, стр. 326).

[6] Инициатива покупки «Голоса» исходила от Циона. В «конфиденциальном» письме к Каткову из Парижа он заявлял: «Я уверен, что при искусной редакции «Голос» может сделать еще больше добра, чем он до сих пор наделал зла. Ежели Вы того же мнения и готовы мне содействовать, разумеется, *в строжайшем секрете,* необходимом для успеха дела, то я готов был бы *вернуться в Россию и перенять руководство этим органом.* При моих отношениях к Краевскому и Бильбасову я мог бы приобрести «Голос» на весьма выгодных условиях. Разумеется, граф Толстой должен будет мне помочь, главным образом, разрешив вновь выход «Голоса» при другой редакции, а затем содействуя отчасти его покупке» (*ГБЛ,* ф. 120, карт. 13, № 2). В свою очередь, 3 апреля 1883 г. Катков обратился к Феоктистову с письмом, в котором, подчеркивая, что «Голос» «стал большою силой и было бы, конечно, хорошо владеть этой силой и направить ее иначе», спрашивал: «Если бы я решился принять это предложение, то мне пришлось бы лично тогда организовать состав редакции «Московских ведомостей» и разделиться между Москвой и Петербургом, а может быть и совсем переселиться в Петербург, что могло бы иметь свое значение. Дайте мне немедленно знать, как Вы на это смотрите и как может взглянуть на это граф Толстой; но во всяком случае требуется *строжайший об этом секрет*» (*ИРЛИ,* 9097). По-видимому, Феоктистов благожелательно отнесся к идее перехода «Голоса» в руки Каткова, так как в письме к нему Каткова от 23 мая 1883 г. читаем: «Обращаю к Вам г. Циона, который приехал в Петербург по известному Вам делу. Он сам передаст Вам все подробности задуманного предприятия <...> За образ мыслей политический его можно вполне ручаться, как я уже говорил Вам» (там же). Переговоры Каткова с Краевским, несомненно, велись. Так, 28 сентября 1883 г. Бильбасов уведомлял Юрьева: «В. А. Гольцева я просил передать Вам подробности, интересные особенно для Москвы, по вопросу о *продаже* «Голоса» (*ГЦТМ,* ф. 320, № 22). Эти переговоры закончились неудачно. 15 августа 1884 г., воспользовавшись существующими правилами, согласно которым периодические издания, не выходившие в течение года, считаются прекратившимися, издание «Голоса» было запрещено. Жалоба Краевского в Сенат не имела успеха (*ЦГИА,* ф. 776, оп. 3, 1865 г., № 101, лл. 323—348).

[7] В конце статьи «Москва, 9 сентября» «Московские ведомости» (1883, № 251, 10 сентября) перепечатали из газеты «Justice» от 27 августа/7 сентября 1883 г. письмо П. Л. Лаврова. В нем он уведомлял, что когда в 1874 г. «перенес редакцию социалистического и революционного русского органа «Вперед» из Цюриха в Лондон», то Тургенев «в течение следующих трех лет» «ежегодно вносил в кассу издания по 500 франков».

[8] Незадолго до смерти Тургенев пожелал, чтобы могила его была рядом с могилой Белинского или же в ногах «моего учителя Пушкина».

947. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

26 сентября 1883. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я прочитал статью Вашего сына, и не только я один, но еще Михайловский и Кривенко. По моему мнению, статья указывает на способность к разработке вопросов, а это уже весьма существенно. Затем, главный недостаток ее заключается в том, что в ней слишком много общих мест, достаточно всем известных, и очень слаба фактическая сторона. Недостаток этот происходит отчасти и от того, что статья написана по поводу чересчур ничтожной статьи «Русского богатства». Вопрос о национальной самобытности имеет надлежащее убежище в «Руси» и отчасти в «Неделе». Вот где его надлежит проштудировать. Поэтому, если б М<ихаил> А<лександрович> достал «Русь» года за два и «Неделю» хоть за нынешний год, он открыл бы для себя гораздо более богатый источник положений, которые можно было бы проследить шаг за шагом. Таково мое мнение, с которым вполне согласились и названные мною лица. Вопрос этот хороший, жизненный и по поводу его можно бы написать хорошую полемическую статью [1].

Я запоздал с ответом, во-первых, потому, что сношения с Михайловским, по жительству его в Любани, довольно затруднительны, а во-вторых, и потому, что я лично как-то необыкновенно болен. Беспрестанно задыхаюсь, а может быть, и совсем задохнусь.

Вы спрашиваете, отчего я мало пишу? — но, по моему мнению, гораздо правильнее было бы поставить вопрос так: зачем я продолжаю писать? На это я могу отвечать: пишу потому, во-первых, чтобы не разучиться, а во-вторых, и потому, что иначе я не в состоянии был бы удовлетворять безграничным требованьям семьи. Вот они четыре месяца за границей пробыли (и я, грешный, 1½ месяца), и это стоило мне с лишним 8 т. рублей, кроме петербургского расхода — надо же где-нибудь их взять. Вся моя беда в том, что у меня нет убежища, чтобы голову преклонить. Мне не следовало бы писать уже по тому одному, что я не могу писать как писал прежде, ибо мне без церемоний угрожают. Не следовало бы и журнал редактировать, но ведь если я брошу — сколько людей без хлеба останется?

Вот Вы так положительно дурно делаете, что не пишете, и я в глубокой на Вас претензии. Теперь вот и страда к концу приходит — неужели Вы так-таки и не приметесь за перо. Побойтесь бога.

Статью М<ихаила> А<лександровича> я сдам в контору. Я охотно передам ее Анне Николаевне[2], ежели Вы сообщите мне ее адрес, так как уже более года я ее совсем не вижу и не знаю, что̀ с нею сталось и где она живет. У нас произошла одна из тех необыкновенных историй, которые нельзя постигнуть простым умом, а надо иметь ум боговдохновенный. Тут и 5-я гимназия фигурировала, и двести тысяч, и Миша. Я насилу ноги унес. Всю жизнь Анна Ник<олаевна> мне хвалы слагала, и вдруг тонким образом намекает, что я еще не бог знает какая птица и т. д. А я никогда и не думал, что я птица.

Ужасно эти сюрпризы неприятны, когда внезапно выворачиваются тайные душевные сокровища. Ей-богу, я всегда к ней дружелюбно относился.

Прощайте, больше нет мочи писать. Кашель, одышка — так мучительно, что и сказать нельзя.

Весь Ваш

М. Салтыков.

26 сентября.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 572, оп. 1, № 174, лл. 37—38.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 356—357.

---

[1] Статья М. А. Энгельгардта в *Отеч. записках* не опубликована.

[2] Жена А. Н. Энгельгардта.

948. В. П. ГАЕВСКОМУ

До 27 сентября 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

По уговору, посылаю при сем список сотрудников «Отеч<ественных> зап<исок>», желающих иметь билеты на похороны Тургенева[1]. Все эти лица суть несомненные литераторы и имеют полное право присутствовать. Сомнение представляет только Н. И. Соколов, но и он — редактор «Клинической газеты». Билеты я прошу тебя доставить или ко мне, или в контору «Отеч<ественных> зап<исок>».

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 31.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 137.

[1] К письму приложен написанный неизвестной рукой список следующих лиц: М. Е. Салтыков, С. Н. Кривенко, А. М. Скабичевский, А. Н. Плещеев, В. С. Кротков, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин, В. А. Тимирязев, Н. И. Соколов, Д. К. Гирс, С. Н. Южаков, А. И. Красносельский.

949. П. А. ГАЙДЕБУРОВУ

Между 25 и 28 сентября 1883. Петербург

Считая для себя не только обязанностью, но и высокой честью участвовать в литературном вечере, посвященном памяти Тургенева, я с величайшей готовностью обещал Вам как распорядителю мое посильное содействие в этом деле. Но болезнь, преследующая меня почти десять лет сряду, до такой степени обострилась в последние дни, что невольно вынуждает отказаться от данного слова. Я буквально не имею физической возможности выполнить мое обещание. Прошу Вас верить, что для меня это большое лишение, которое умеряется только уверенностью, что память о Тургеневе и чтение его произведений сами по себе дадут вполне достаточное содержание предположенному печальному чествованию, и что следовательно вопрос о чтецах, в настоящем случае, есть вопрос более нежели второстепенный.

Печатается по тексту первой публикации: «Неделя», 1883, № 40, 2 октября, стлб. 1325—1326. Перепечатано в *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 357, с отнесением до 28 сентября 1883 г. В помещенном в № 39 «Недели» (вышел 25 сентября) объявлении о чтении в память Тургенева среди принимающих участие назван и Салтыков. Самое же чтение состоялось 28 сентября. Следовательно, письмо Салтыкова написано между 25 и 28 сентября 1883 г.

Подлинник неизвестен.

---

28 сентября 1883 г. Комитетом Литературного фонда был устроен вечер, посвященный памяти Тургенева. Несмотря на значительную цену билетов, требование на них было очень велико. В вечере приняли участие: М. М. Стасюлевич, П. В. Анненков, Д. В. Григорович, К. Д. Кавелин, М. Г. Савина, А. А. Потехин, В. Н. Давыдов, А. Н. Плещеев и Я. П. Полонский. На вечере Гайдебуров прочел письма А. Н. Островского, И. А. Гончарова и М. Е. Салтыкова «о причинах, лишивших их возможности принять участие в тургеневском вечере» («Новости и Биржевая газета», 1883, № 180, 30 сентября).

949-bis. В. П. ГАЕВСКОМУ

Конец сентября — начало октября 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Я вчера начал, да не докончил — это со мною нынче бывает. А посему продолжаю. Будь так добр, передай Краевскому при свидании, что я не могу не интересоваться вопросами о типографии и о конторе, и так как отовсюду слышу, что он все на свете распродает, да пожалуй, по настоянию Елизаветы Яковлевны[1] и «Отеч<ественные> зап<иски>» продаст, то желал бы, чтоб он сказал положительно, не нужно ли сделать какое-нибудь распоряжение относительно типографии, тем более что он и фактора уволил, а без фактора типография, по закону, не может быть. Я бы и сам пошел к Краевскому, но положительно болен и для переговоров не способен. Я думал бы печатать «Отеч<ественные> зап<иски>» в типографии более дешевой, и, во всяком случае, мне было бы весьма неприятно, ежели он продаст свою типографию с привилегией печатать «Отеч<ественные> зап<иски>». Он, может быть, забыл, что в контракте есть пункт, разрешающий мне перевести «Отеч<ественные> зап<иски>» в другую типографию[2]. Вообще, что-то такое происходит, что доказывает, что Краевский совсем растерялся и бильбасовщина[3] творит все, что хочет. Я же с бильбасовщиной и с «добрейшею» (по-твоему) Елизаветой Яковлевной, которую, впрочем, *все* служащие называют не иначе как подлячкою, не желаю никакого дела иметь.

Пожалуйста, посодействуй разъяснению, ибо это, наконец, видеть возмутительно, как все рушится.

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 27.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 117—121, с отнесением к весне 1883 г. Эта же дата принята и в *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 326. Датируется концом сентября — началом октября на основании следующих строк из письма Салтыкова к Елисееву от 9 октября 1883 г. (951): «<...> до меня доходят слухи, что Краевский все распродает и может продать «Отечественные записки». А так как дело это необходимо совсем выяснить, то я веду переговоры через Гаевского».

[1] Жена А. А. Краевского.

[2] По-видимому, это пункт 4-й контракта Салтыкова с А. А. Краевским на издание *Отеч. записок.* См. в наст. томе раздел Приложения, стр. 322.

[3] Производное от фамилии зятя А. А. Краевского историка В. А. Бильбасова, принимавшего ближайшее участие в издании газеты «Голос».

950. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 октября 1883. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Не пустили тебя, потому что у нас в доме неописанный кавардак. Переделывают в кабинете печь; гостиная вся загромождена, и я скрываюсь в комнате у Кости. Во вторник, в 6 часов, приду обедать к Донону с удовольствием, ежели не помру, на что имею очень большие шансы, потому что кавардак нимало не способствует восстановлению. Если положение мое ухудшится, то в понедельник дам знать.

Весь твой

4 октября. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 33.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 137—138, с отнесением к 1883 г. Если это так, то в прямой связи с этим письмом находится записка В. П. Гаевского к К. Д. Кавелину от 2 октября 1883 г., в которой он писал: «Любезнейший Константин Дмитриевич, 4 октября во вторник к 6 часам у Донона собирается кружок лиц, сходившихся по случаю приездов Тургенева: Анненков, Стасюлевич, Пыпин, Утин, Салтыков и я. Рассчитываем на Ваше присутствие и ждем Вас. Молчание приму за согласие» (*ИРЛИ,* 20408/CXXXIX б. 12, л. 21). О том, что предполагаемый обед состоялся, явствует из записи в дневнике Гаевского от 4 октября 1883 г.: «Обедал у Донона с Анненковым, Кавелиным, Салтыковым и Стасюлевичем» («Красный архив», 1940, № 3, стр. 234). Следовательно, в дате письма — описка Салтыкова. Надо: 2 октября.

951. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

9 октября 1883. Петербург

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Начну с того, что пишу Вам совсем больной. Сначала, по приезде из-за границы, у меня открылась болезнь седалищного нерва, теперь, вот уж целую неделю — мучают зубы. А прочие болезни остаются в прежней силе.

В объявлении об издании журнала в <18>84 году я поместил Ваше имя, не спросив Вас заранее, в чем и прошу меня извинить. Но я полагал, что Вы и сами не будете этому препятствовать. Очень рад, видя из Вашего письма, что Ваш взгляд в этом случае сходится с моим[1]. Впрочем, я должен Вам сказать, что все мечты насчет «Отеч<ественных> зап<исок>» весьма ненадежны. Во-первых, я не заключаю нового контракта, а только на старом делаю надпись, что действие его продолжается еще на *два* года[2]. Во-вторых, я и этого еще не сделал, потому что до меня доходят слухи, что Краевский все распродает и может продать и «Отеч<ественные> зап<иски>». А так как дело это необходимо совсем выяснить, то я веду переговоры через Гаевского. В-третьих, наконец, «Отеч<ественные> зап<иски>», вероятно, не в долгом будущем получат 3-е предостережение, и затем из недолгого двухлетнего срока убавится еще полгода.

Ввиду всех этих соображений, Ваше решение приехать в Россию и поселиться на Сиверской станции весьма меня изумило. При этом Вы прибавляете, что работать все-таки не в состоянии, а можете только читать рукописи, ежели они написаны четко, и корректуры. Я думаю, однако, что рассылать рукописи и корректуры будет неудобно, да сверх того Кривенко и Скабичевский, которые в настоящее время этим делом заведуют, могут найтись в фальшивом положении. Вообще, истечение контрактного срока, ненадежность «Отеч<ественных> зап<исок>» и уменьшение подписки, которое, вероятно, благодаря принятым мерам, продолжится и в будущем году[3], создает совершенно новое положение. Поэтому я предлагаю Вам, не найдете ли Вы возможным остановиться на том пункте старого контракта, который предоставляет Вам право получать 200 р. в месяц. Разумеется, ежели Вы почувствуете себя вполне способным к труду, то речь будет иная. Никакого другого решения я в виду не имею, и хотя Вы отказываетесь на будущее время от вознаграждения, но надеюсь, что на этот размер Вы согласитесь.

Что касается до переезда Вашего в Россию, то на Вашем месте я поселился бы в Твери, где Вы имеете хороших друзей. Впрочем, я знаю, что Вы советов не любите[4].

Извините меня за беспорядочность настоящего письма. Я положительно нестерпимо болен.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

9 октября.

Помета рукою Елисеева: 1883, октября 9. Пол<учено> 26/14 окт. 1883 в Висбадене.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликовано в отрывках: «Заветы», 1914, № 14, отд. II, стр. 42—43, с ошибочной датой «14 октября»; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 358—359.

---

[1] В письме к Салтыкову от 1/13 октября 1883 г., сообщая, что «порешил недельки через две <...> отправиться в Россию», Елисеев прибавлял: «Я не знаю, могу ли я чем-нибудь быть полезным редакции «Отечественных записок» с перемещением в окрестности Петербурга, хотя очень этого желал бы. Работать заправски, как бы следовало, я все-таки не чувствую себя способным, да и буду ли способен скоро, право, не знаю. Одно, что кажется мне, могу пока делать, это читать присылаемые редакцией рукописи, если они написаны четко, и корректуры.

Из приложенного к последней книге «Отечественных записок» объявления я с удовольствием узнал, что Вы решились продолжать «Отечественные записки» и в будущем году. Очень благодарен Вам за то, что Вы включили меня в число участников «Отечественных записок» на прежнем основании... На сие право мое я до тех пор буду смотреть как на факультативное относительно материального вознаграждения, пока не буду в состоянии действительно работать, как следует. Даром получать такие уймы денег, какие я до сих пор получаю, мне поистине совестно» (*Письма Елисеева,* стр. 119—120).

[2] О продолжении контракта Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[3] В 1884 г. *Отеч. записки* выходили тиражом 8650 экз.

[4] Свое отношение к этим пожеланиям Салтыкова Елисеев высказал в письме к нему от 4/16 ноября 1883 г. (см. письмо 961, прим. 2).

952. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

15 октября 1883. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я до сих пор не обращался к Вам с обычной просьбой относительно новой пьесы для январской книжки «Отеч<ественных> зап<исок>», прежде всего, потому, что сам еще не выяснил для себя вопрос, останусь ли я в будущем году редактором журнала[1]. В настоящее время, однако ж, обстоятельства мои так сложились, что я вынужден дело это предоставить естественному течению вещей, т. е. решился продолжать редактирование до тех пор, пока сама судьба не наложит на меня всевластную руку свою. Очень уж много рабочего люда лишится средств с прекращением дела, так пусть уж я ни при чем останусь в этом разрушении. Да и самому мне туго в

материальном смысле. А если бы Вы знали, как писать тяжко!

Теперь же, по примеру прежних лет, взываю к Вам: ежели у Вас есть что-нибудь готовое, то не оставьте, пришлите. По обыкновению, срок для начала набора 1-й книжки — 10-е декабря[2].

Но если бы у Вас ничего готового к этому сроку не оказалось или же если б Вы связаны были другими условиями, то, пожалуйста, ответьте, по возможности, немедленно.

Я крайне болен; обычные болезни осложняются еще случайными: прострелом, флюсом и т. п. С каждым годом чувствую, как угасают силы.

До свидания, крепко жму Вашу руку, и вновь прошу: не замедлите ответом на это письмо.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

15 октября.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 2307.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 532.

---

[1] Салтыков имеет в виду продление контракта с Краевским на издание *Отеч. записок* (см. письмо 843, прим. 4).

[2] А. Н. Островский. Без вины виноватые. Комедия в четырех действиях (*ОЗ*, 1884, № 1).

953. С. А. ЮРЬЕВУ

15 октября 1883. Петербург

15 октября. Литейная, 62.

Многоуважаемый Сергей Андреевич.

Должно быть, воздух Москвы имеет усыпляющее свойство. В апреле я послал в редакцию «Русской мысли» повесть «Дело» (в корректурных листах)[1], доставленную мне, более года тому назад, Тургеневым и мною переделанную. Я хотел ее печатать в «Отеч<ественных> зап<исках>», но она слишком смахивает на «Совр<еменную> ид<иллию>» и потому могла бы показаться назойливостью. Да и строгости цензурные остановили. Разумеется, я ответа никакого не получил. Это само собой. Но недавно здесь были г-жа Н<екрасова> и г. Г<ольцев>, и я лично просил их справиться, но вот прошло больше двух недель — и молчок. Ужели и это само собою разумеется?

Проснись, о сибарит! ты спишь!

Ведь меня Тургенев почти до последних дней пилил этою повестью. Печатать ее или не печатать — это другое дело, но надо же резон какой-нибудь иметь.

Я совсем болен. К прежним болезням, составляющим, так сказать, неприкосновенный фонд, присоединяются случайные: пострел, флюс, болезнь седалищного нерва. А главная болезнь — «Отеч<ественные> зап<иски>».

Весь твой

М. С.

Я даже нотариусу Орлову говорил, чтоб он разузнал о «Деле». Остается только буйному ветру на вашу компанию жаловаться.

Пиши, ради Христа, адрес на письме твоем.

Печатается по тексту первой публикации: «В память С. А. Юрьева». М., 1890, стр. 289—290.

Подлинник неизвестен.

---

[1] О повести И. Я. Павловского «Политическое дело» см. письмо 820, прим. 1 и письмо 955.

954. М. В. ПУСТОНСКОМУ

21 октября 1883. Петербург

Господину директору 6-ой
С.-Петербургской гимназии
действительного статского советника
Михаила Евграфова Салтыкова

Прошение

По домашним обстоятельствам, не находя удобным, чтобы сын мой, ученик 2-го класса Константин Салтыков, продолжал воспитание в 6-ой С.-Петербургской гимназии, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о выдаче мне обратно документов моего сына, а равно и свидетельства об учении и поведении его со времени поступления в гимназию по настоящий день. 21 октября 1883 г.

Действительный статский советник

Михаил Салтыков.

На прошении помета: Метрическое свидетельство получила обратно 21 октября Е. Салтыкова. (Текст сообщен И. Е. Бабановым и И. Е. Славянским.)

Печатается по подлиннику впервые: *ГИАЛО,* ф. 458, № 517, л. 212.

27 октября 1883 г. К. М. Салтыков был принят в частную гимназию, директором и владельцем которой был известный педагог, автор ряда книг и статей Я. Г. Гуревич.

955. С. А. ЮРЬЕВУ

23 октября 1883. Петербург

23 октября.

Любезный друг Сергей Андреевич.

Я посылал в «Русскую мысль» не рукопись, а корректурные листы «Дела», так как повесть уже была набрана, но я не решился ее печатать. Рукопись и теперь сохранилась у меня, а в понедельник я вышлю тебе вновь другую корректуру. Прислал мне эту повесть еще в прошлом году Тургенев; автор ее — Волоцкой или Полоцкий, хорошо не знаю. Гонорар условлен по 75 р. за лист, и в счет гонорара мною было послано Тургеневу из сумм «Отеч<ественных> зап<исок>» 100 р. Автора я совсем не знаю, и все дело велось через Тургенева. Но, вероятно, ежели повесть появится, то он откликнется ради гонорара. Однажды, уже в этом году, когда я писал Тургеневу, что не могу печатать повесть, и не согласится ли автор передать ее в «Русскую мысль», то автор написал мне письмо, где изъявлял согласие на передачу.

Заплаченные вперед 100 р. должны быть возвращены конторе «Отеч<ественных> зап<исок>». Но тут есть некоторое недоразумение. В газетах недавно я читал анекдоты из жизни Тургенева, что он до того уже был благодетелен, что однажды автору одной повести дал свои 100 р., *сказав, что эти деньги он получил от одной редакции.* Может быть, это относится именно к автору «Дела», и, может быть, автор действительно убежден, что деньги были собственные Тургенева. Тогда весь гонорар нужно отдать ему полностью (т. е. ежели он заявит, что *ничего* от «Отеч<ественных> зап<исок>» не получал), а мы уже скостим у себя эти 100 р. со счетов.

У меня глаза болят, совсем пропадают. Поэтому и пишу так кратко и небрежно.

Весь твой

М. Салтыков.

Литейная, 62.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 636, оп. 1, № 446.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 138—139.

О повести «Политическое дело» и ее авторе И. Я. Павловском см. письмо 820, прим. 1.

956. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

28 октября 1883. Петербург

28 октября. П.бург.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Едва ли кто так чувствует Ваше отсутствие из Петербурга, как я. С Вами, кроме болезней, и о многом другом можно было посоветоваться, между тем как с некоторых пор я положительно живу в каком-то странном одиночестве. Что касается до моего здоровья, то мне кажется, что я постепенно кончаю свою карьеру. Независимо от того, что прежние мои недуги увеличились до того, что мне уж нужно принуждать себя, чтоб встать с кресла, и что я употребляю не меньше четверти часа, чтобы взойти к себе на лестницу, я чувствую еще почти отвращение к работе. Очевидно, это предвещает скорое творческое оскудение. Не нахожу нужных выражений, обнаруживаю полное бессилие в создании образов. А в последнее время ко всему этому привязалась еще упорная глазная болезнь. Советовался с Скребицким и получил от него ответ, что это остенопиа. Прописал примочку, в основание которой преимущественно входит spirit<us> lavenduli [1]. Советует еще нос спринцовать, да я наконец сказал, что ежели придется целый день принимать seneg'y [2] да хинин, да глаза мочить да нос спринцовать, то лучше уж умереть. Я вообще нахожу, что напрасно не дозволяется докторам или целому консилиуму докторов, с согласия пациента, прописывать легкую и быструю смерть. Это облегчило бы многим переход от бытия к небытию и освободило бы мир от множества бессильных, больных и капризных личностей.

А кроме того, и с Костей дело плохо идет. Мальчик слабый, развинченный, учится плохо. Набалован до крайности. Я уже взял его из 6-ой гимназии и поместил в гимназию Гуревича (бывшая Бычкова) полупансионером. Там он и обедает, и уроки приготовляет, а домой возвращается только вечером. Многие медики видели его (а в том числе Боткин) и все говорят: надо этим мальчиком заняться. Руссов велел его вином по утрам натирать, но выполнить это довольно трудно, потому что в 9 часов надо быть уже в гимназии. Вообще, он какой-то измученный.

Вот мои дела каковы.

Приехал сюда на днях Боровиковский, который получил место члена судебной палаты в Одессе и очень рад. Он теперь пользуется репутацией знаменитого юриста, и ему предлагали места в Петербурге, но он предпочел Одессу. По-моему, он поступил правильно. Вообще, человек, желающий себе

душевного спокойствия, должен бежать из Петербурга. У Боров<иковского> есть теперь источник дохода особый: он издал гражданские законы, и книга идет уже 3-м изданием [3]. Но так как у него денег для издания нет, то его держит в руках Суворин.

От Елисеева, две недели тому назад, получил письмо, в котором он уведомлял, что в Висбадене для него холодно и печи в квартирах дурно устроены [4]. Поэтому он предполагал возвратиться в Петербург и поселиться на Сиверской станции или в Царском Селе и оттуда содействовать изданию «Отеч<ественных> зап<исок>», покуда совсем не выздоровеет. Приискание квартиры возложил на Лихачева, но в то же время просил его спросить Боткина, полезно ли ему будет это переселение. Боткин, к счастию, ответил, что неполезно, и посоветовал ехать на зиму в Монтрё. Сверх того, писал мне Григ<орий> Зах<арович>, что он окончательно не желает получать от «Отеч<ественных> зап<исок>» *такую уйму денег, какую получал до сих пор.* На это я ему ответил, что так как я частным образом продолжил условие с Краевским еще на два года [5], то, по моему мнению, он, Григ<орий> Зах<арович>, имеет полное основание сохранить за собою на это время пенсию в 2400 р. в год, которая была определена прежним контрактом для редакторов, не имеющих возможности участвовать своими трудами по болезни. На это письмо мое — молчок. Вероятно, рассердился. Но, право же, я не мог иначе поступить. Надо и другим жить дать, да притом же и подписка на журнал сильно падает. Теперь я совсем не знаю, уехал ли он из Висбадена и куда следует высылать ему деньги. По моему мнению, это умение молчать показывает очень злого человека.

Прошу Вас передать мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне. Жена Вам обоим кланяется.

Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Внутренняя политика все в том же виде.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 33.

Впервые опубликован отрывок: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 52; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 362—363.

---

[1] Спиритус лавандули *(мед.)* — раствор лавандового масла в спирте.

[2] Сенега *(мед.)* — «корень сенеги» — рвотное, отхаркивающее средство.

[3] А. Л. Боровиковский. Законы гражданские (Свод законов, т. X, часть I) с объяснениями по решениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. Изд. 3-е, доп. и испр. СПб., Издание

кн. маг. «Нового времени», тип. А. С. Суворина, 1884, 968, XII стр. Письма А. Л. Боровиковского к Суворину об издании его книг хранятся в *ЦГАЛИ* (ф. 459, оп. 1, № 452).

[4] Имеется в виду письмо Елисеева к Салтыкову от 1/13 октября 1883 г. (*Письма Елисеева,* стр. 118—120). См. также письмо 951, прим. 1.

[5] О продлении контракта Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

957. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

30 октября 1883. Петербург

П.бург. 30 октября.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

В письме Вашем Вы не сообщаете адреса Вашей новой квартиры[1]. А так как при высылке денег по Вашему старому адресу может произойти путаница, то, пожалуйста, пришлите поскорее новый адрес, или телеграфируйте.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Пьесы Вашей еще не получил[2].

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2311.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 534.

---

[1] Упоминаемое письмо Островского неизвестно.

[2] Об этой пьесе см. письмо 952, прим. 2.

958. Н. П. ОРЛОВУ

Ноябрь 1883. Петербург

Начинаю свое письмо извинением. Я так долго не отвечал Вам потому, что не только я сам, но и вся моя семья переболела[1]. Выходит, что я самый здоровый из всех.

Власьево едва ли придется купить. На днях здесь были тверитяне, которые знают это имение и весьма его не рекомендуют. Живя там, дачники в особенности жалуются на близость колокольни, которая делает из деревни уголок Москвы. А сверх того и следующее обстоятельство: имение совсем разорено. Купив его, т. е. заплатив деньги, придется года три сряду все покупать да покупать, что кроме расхода, тысяч до

6-ти, повлечет за собою еще крайне неприятные хлопоты. Для того чтобы купить, например, 5—6 коров, придется пересмотреть, по малой мере, 100 штук и кончить все-таки тем, что попадутся коровы к молоку равнодушные и целомудренные. Во Власьеве даже курицы нет — все надо покупать, т. е. целые дни собачиться. А у меня и людей, которым я мог бы довериться, нет; сам же я и болен, да и ничего в курицах не смыслю. Вообще, я полагаю, что в ноябре неудобно искать и покупать имения, кроме заведомо известных. Впереди целая зима, которая потребует расходов по имению и во время которой невозможно ни к чему приступить, так что весной все-таки придется ехать на пустое место. Нынче помещики хитры стали: прежде все поштучно выпродадут из имения — даже собственный навоз,— а потом уже и предлагают охотникам, не угодно ли сие пустое место приобрести.

Я искренно прошу Вас извинить мою бестолковость, с которою я обращался к Вам по этому делу. Условия, среди которых я живу, так сложны, что я и сам хорошенько не знаю, что мне нужно. Знаю только одно: что надо когда-нибудь удалиться в свой угол и что собственно для меня достаточно было бы самого неприхотливого угла. Но весьма может быть, что я так и умру, не осуществив моего желания.

Затем, благодаря Вас за участие, прошу Вас верить моей искренней преданности и уважению.

М. Салтыков.

Печатается по тексту первой публикации: «Красное знамя» (Париж), 1906, № 2, стр. 86—87; перепечатано: «Русские ведомости», 1906, № 274, 9 ноября; «Всемирный вестник», 1908, № 9, стр. 33—34; «Лит. газета», 1933, № 23, 17 мая; *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 377—378.

---

[1] Письмо Орлова, на которое отвечает Салтыков, неизвестно.

959. А. Н. ПЫПИНУ

1 ноября 1883. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Сейчас прочитал я в «Вестнике Европы» статью по поводу «Современной идиллии»[1]. Судя по подписи, предполагаю, что статья эта принадлежит Вам, и потому спешу благодарить Вас за сочувственный отзыв, который в особенности мне дорог в настоящее время, когда русская журналистика предпочитает умалчивать о моих книгах. Тем не менее, считаю нелишним дать некоторые разъяснения по след<ующим> двум пунктам.

Во-первых, «Сов<ременная> ид<иллия>» названа «Сборником», но почему — совершенно не понимаю [2]. Это вещь совершенно связная, проникнутая с начала до конца одною мыслию, которую проводят одни и те же «герои». Герои эти, под влиянием шкурного сохранения, пришли к убеждению, что только уголовная неблагонадежность может прикрыть и защитить человека от неблагонадежности политической, и согласно с этим поступают, т. е. заводят подлые связи и совершают пошлые дела. Вещь эта имеет и начало и конец, и ежели заканчивается не совсем обычно вступлением на арену Стыда, то, по моему мнению, право, это отнюдь не менее естественно, нежели разрешение посредством вступления в брак или монастырь. Ежели стать на точку зрения «Вестника Европы», то и «Записки Пикв<икකского>клуба», и «Дон Кихота», и «Мертвые души» придется назвать «сборниками». Пожалуйста, не обвиняйте меня в наглости по поводу этих сравнений. Во-первых, я делаю их не по существу, а по форме, а во-вторых, право, мне кажется, что пора уж прийти к убеждению, что от сравнений «небо с треском не развалится», как бы далеко они ни шли. Ужасно неприятно существовать, сознавая, что с представлением о человеке связывается воспоминание о сверчке, знающем свой шесток.

Во-вторых, ужасно обидны упреки в фельетонности и водевильности. Не по существу обидны — ибо водевиль может быть умнее боборыкинской драмы — а по сопряженному с этими выражениями представлению о ничтожестве и легкомыслии. Буренин, когда хочет уязвить, всегда пользуется этими выражениями. Тут, очевидно, смешивается фантастичность с водевильностью. Вспомните, что Редедя Сербию освобождать ходил, всю Россию взбаламутил,— ужели это не трагедия, а водевиль? [3] Возьмите XIV т<ом> Св<ода> зак<онов> и сравните с «Уставом о благопристойности» — ужели и это водевиль? [4] Не могу я к таким явлениям относиться с «надлежащей серьезностью», ибо ничего, кроме презрения, к ним чувствовать нельзя, да и не должно. Для меня еще большое счастье, что у меня большой запас юмору. Да и путешествие в Проплеванную совсем не водевиль, а самая сущая истина.

Затем, вновь благодаря Вас за сочувственный отзыв, прошу извинить меня за бессвязность и непорядочность настоящего письма. Дело в том, что у меня положительно пропадают глаза и мне до крайности трудно писать. Надеюсь, что это временно; по крайней мере, так подтвердил доктор Тихомиров.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

1 ноября.

На конверте: В городе. Галерная 20. В редакцию «Вестника Европы» для передачи Александру Николаевичу Пыпину.

Почтовый штемпель: СПб. 2 ноября 1883.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 621, № 750, лл. 9—10.

Впервые опубликовано: «Петроград», 1923, № 8, стр. 13; повторная публикация: *Неизданные письма,* стр. 139—141.

---

[1] Речь идет о напечатанной под псевдонимом «А — н» рецензии «Новый щедринский сборник. «Современная идиллия». С.-Петербург. 1883» («Вестник Европы», 1883, № 11). Автором ее был не Пыпин, а К. К. Арсеньев.

[2] Утверждение о том, что «Современная идиллия» является не сборником, а цельным произведением, «настоящим романом», Салтыков высказал в беседе с Л. Ф. Пантелеевым (*Салтыков в воспоминаниях,* стр. 184).

[3] Образ странствующего полководца Редеди наделен чертами нескольких реакционных генералов (Р. А. Фадеев, И. В. Гурко, в том числе и генерала М. Г. Черняева, неудачно командовавшего сербской армией в войне Сербии с Турцией).

[4] Салтыков имеет в виду «Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении», составляющий основное содержание восьмой главы «Современной идиллии». Главным объектом пародирования явился заключенный в XIV томе «Свода законов Российской империи» «Устав о пресечении и предупреждении преступлений» (см. в наст. изд. т. 15, кн. 1, стр. 92—97, 337).

960. С. А. ЮРЬЕВУ

Телеграмма

7 ноября 1883. Петербург

Искренно благодарен тебе и всем ежемесячно обедающим за сочувствие[1].

Салтыков.

Печатается по *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 366.
Подлинник неизвестен.

---

[1] Ответ на поздравительную телеграмму по случаю именин Салтыкова (8 ноября), посланную участниками ежемесячных «академических» или «эрмитажных» обедов, организованных В. И. Танеевым (см. *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 554, 571).

961. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

11 ноября 1883. Петербург

11 ноября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сердечно благодарю Вас и Екатерину Павловну за поздравление с именинами. С своей стороны поздравляю и Вас и ее

по случаю приближения 24-го ноября. Будьте так добры передать также Вендтам мою искреннюю благодарность за память.

Затем отвечаю Вам на письмо, которое я получил вслед за телеграммой[1]. Никакой идиллии я для Вас не предполагал, предлагая Вам проект переселения в Тверь, если же и вышла у меня идиллия, то она навеяна Вашим собственным планом водворения на Сиверской станции. Ввиду этого я полагал и теперь полагаю, что в Твери поселиться лучше: и жилых помещений больше, и людей, с которыми можно обменяться словом[2]. Я сам непрестанно думаю обрести где-нибудь угол, чтобы успокоиться <?> остаток дней моих, да только не удается мне. Условия моей жизни несколько более сложны, нежели нужно, да и во вкусах разнокалиберщина. Вероятно, так и придется задохнуться под ярмом. А я бы, поверьте, и сам охотно поселился в Твери, именно потому, что там порядочных и сочувственных людей встретить можно. А впрочем, довольно об этом; пожалуй, Вы и в самом деле подумаете, что я затеял заточить Вас в Желтиков монастырь[3].

Из письма Вашего я вижу, до какой степени Вам надоели заграничные скитания, и вполне разделяю Ваши неудовольствия по этому поводу. Но в то же время положительно ничего не могу сказать Вам, кроме того, что в настоящее время, действительно, довольно мудрено думать о переселении в Россию. Погода у нас гнилая, совсем адская. У меня весь дом переболел, так что из всех я оказываюсь самый здоровый. К сожалению, Вы не пишете мне своего римского адреса, так что я настоящее письмо пишу немного наудачу. Не пишете также, долго ли Вы останетесь в Риме и куда направите путь. Мне когда-то советовали ехать в Пизу, где отличный климат и кроме того скука, которая будто бы в болезнях очень помогает. Впрочем, я привожу Вам это не как совет, а как анекдот; но во всяком случае, не прошу, а просто умоляю Вас не скрывать Ваш адрес хотя бы для того, чтобы я мог переслать Вам Ваши деньги. Скоро наступит и годовой расчет, и денег Вам принадлежащих найдется довольно. Зачем Вы хотите, чтоб я отвечал за Гаспера, у которого деньги находятся на руках? т. е. отвечал нравственно и, во всяком случае, непрестанно тревожился?

«Отеч<ественные> зап<иски>» № 11 на днях отправится в цензуру. Следовало бы завтра, но ни за что ручаться не могу, так как Михайл<овский> и Кривенко всегда доводят дело до последней минуты, и я даже сейчас имею только три гранки статьи Кривенко[4]. Что мы будем печатать в будущем году — решительно недоумеваю. Я лично положительно начинаю чувствовать себя иссякшим.

Затем, до свидания. Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне, а жена сама собралась к ней писать.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 43—44; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 366—367.

---

[1] Текст этой телеграммы неизвестен.

[2] Имеются в виду следующие строки из письма Елисеева к Салтыкову от 4/16 ноября 1883 г.: «Могу сказать только, что в общем я совершенно согласен с Вашими предрешениями относительно меня. Не нахожу ничего трагического, ни комического даже в изображаемой Вами идиллии жизни в Твери среди друзей и готов бы был охотно поселиться там, следуя Вашему совету, если бы не боялся преждевременно умереть от скуки или погибнуть от холода, к которому я стал очень чувствителен» (*Письма Елисеева,* стр. 121).

[3] Желтиков монастырь находился в Тверском уезде Тверской губернии.

[4] Имеется в виду статья С. Н. Кривенко «По поводу внутренних вопросов» (*ОЗ,* 1883, № 11).

962. К. Д. КАВЕЛИНУ

22 ноября 1883. Петербург

Многоуважаемый Константин Дмитриевич.

Не будете ли Вы так добры уведомить меня, в каком положении находятся переговоры об определении А. Н. Энгельгардта секретарем В<ольно>-эк<ономического> общества и имеется ли надежда увидеть А<лександра> Н<иколаевича> в Петербурге[1].

Вместе с тем я слышал, что в числе кандидатов на место секретаря предлагался и доктор Воронцов, живущий в Весьегонском уезде на станции Нефедьево. Так как это также человек, близкий «Отеч<ественным> запискам», то будьте столь благосклонны и об нем сообщить мне те же сведения. Или лучше сказать, кратко: имеет ли который-нибудь из этих двух кандидатов шансы на успех?[2]

Извините, что беспокою Вас просьбою, и верьте чувствам глубокого уважения

искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

22 ноября.
Литейная, 62.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 21, л. 1.
Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 238.

---

[1] Получив письмо Кавелина (19 сентября 1883 г.) с предложением баллотироваться на должность секретаря имп. Вольного экономического общества, Энгельгардт 26 сентября ответил: «Я охотно бы принял это звание, если бы только дозволяли то мои материяльные средства. Мое небольшое имение не дает столько дохода, чтобы я мог уделять что-либо из доходов имения для себя на прожитие в Петербурге. Поэтому я должен был бы жить в Петербурге на то вознаграждение, которое буду получать от общества, но жить в Петербурге на 1900 рублей было бы слишком тяжело в мои годы. Хотя дело секретаря имп. Вольного экономического общества и полезное дело, но мне кажется, что это, может быть, не такое еще общественное дело, для которого следовало бы жертвовать и здоровьем, и покоем, и настоящею моею деятельностью. А впрочем, может быть я и ошибаюсь, так как мне неизвестно положение общественных дел...» (*ИРЛИ*, № 20 782).

[2] 24 ноября 1883 г. на должность секретаря имп. Вольного экономического общества был избран А. Н. Бекетов (Отчет о действиях имп. Вольного экономического общества. СПб., 1884, стр. 38).

963. Г. Л. КРАВЦОВУ

29 ноября 1883. Петербург

Милостивый государь Григорий Львович.

Искренно благодаря Вас за сочувственное отношение к моей литературной деятельности, считаю своим долгом препроводить при сем, в качестве автографа, несколько строк из одной моей неизданной сказки.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

29 ноября.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере, бесполезные пискари. Никому от них ни тепло,

ни холодно, никому ни чести, ни бесчестья, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

М. Салтыков.

(Из неизданной сказки «Премудрый пискарь»).

29 ноября 1883 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 24, лл. 1—2.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 328.

Ветеринарный врач и писатель Г. Л. Кравцов был собирателем автографов. Письмо Г. Л. Кравцова от 22 ноября 1883 г., в котором он просил у Салтыкова автограф для своей коллекции, опубликовано в *ЛН,* т. 13—14, стр. 400.

964. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

5 декабря 1883. Петербург

5 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вы, я полагаю, браните меня за молчание, а дело, между тем, объясняется очень просто: я не выхожу из болезни. Целую неделю страдал холероподобным (как выражается Н. И. Соколов) поносом, а полторы недели назад посетила меня совсем неожиданно болезнь, которую Соколов назвал цингою, а Боткин — purpura. Но дело не в названии, а в том, что я целых три дня был без ног, а отчасти и без рук, потому что кровоизлияние сделалось и в правой руке, около кисти. И до сих пор и рука и ноги обвязаны, и даже снять повязку боюсь, чтобы какой-нибудь от этой перемены новой болезни не приключилось. Боткин был очень добр и пять дней сряду меня навещал. Я, признаться сказать, думал, что совсем у меня ноги отнялись. Очевидно, наступает разложение, выражающееся в самых непредвиденных формах.

Вы удивитесь, конечно, когда и за всем тем прочтете в декабрьской книжке мою статью[1]. Но это дело совсем особое. Нельзя мне не писать, покуда публика этого требует. Иначе, и мне мат, и журналу мат. Пишу почти насильно и с явным для себя ущербом, и все-таки пишу. Очень горькое мое положение.

Сюда приехал Лорис-Мел<иков>, но я его еще не видал — не выезжаю — а жена видела. Говорил ей, что виделся с Вами в Ницце. Привез мне оттуда конфект.

У нас здесь все по-прежнему. Серо и голо и никаких в будущем перспектив. Буквально. А погода какая — ужас! Я вот уже с неделю зажигаю с утра свечи и не знаю денного света. Вчера, впрочем, был вечером у Лихачева. У Елены Осиповны умер брат[2], который служил в таможне и оставил 8 человек детей и ни гроша денег. Вот новая обуза для Лихачевых.

От Елисеева я ни строки не получаю, и в контору он ничего о себе не дает знать. А между тем на руках его деньги, а скоро будет даже очень много. Положительно, этот человек измучил меня своею упорною и бессмысленною таинственностью.

С декабрьским № заканчиваю 15 л<ет> своего редакторства в «Отеч<ественных> зап<исках>». Из трех первоначальных редакторов остался только я. Я всегда считался самым слабым и самым больным, а живу. Может быть, потому и живу, что не очень-то дорожу жизнью. Елисеев, впрочем, тоже живет, но какое же значение имеет его жизнь? Только с смертью борется — и больше ничего. Но и моя жизнь — видимо, к концу, и хотя я заключил с Краевским условие еще на 2 года, но вряд ли дотяну[3]. По крайней мере, умру на месте битвы. Ужасно будет обидно, если ударит какая-нибудь немочь, которая разобьет организм и позволит, без согласия, убрать неспособное тело за границу.

И без того досадно, что мало делаешь, а тут уж кровно больно будет.

До свидания, будьте здоровы и передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Ежели завтра Ваши именины, то от души поздравляю.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 34.

Впервые опубликовано в извлечении: «Русские ведомости», 1894, № 330, 29 ноября; Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, стр. 271—272; полностью: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 52—53.

---

1 М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы. Вечер пятый. Пошехонское «дело» (*ОЗ*, 1883, № 12).

2 Брат Е. О. Лихачевой, Михаил Осипович Косинский, служил в Ревельской таможне.

3 О продлении контракта Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

965. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

10 декабря 1883. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю искренно за присылку пьесы, которую сейчас же пошлю в набор[1]. Я сам очень болен, и буду очень рад Вас видеть, ежели Вы в состоянии выехать.

Плохо живется, плохо.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

10 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2308.
Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 533.

---

[1] Об этой пьесе см. письмо 952, прим. 2.

966. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

13 декабря 1883. Петербург

13 декабря.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Я давно не писал к Вам, потому что не выхожу из болезней. И болезни все посторонние, в отличие от коренных. И глаза болели, и уши, и флюс был. Глаза чуть-чуть совсем не потерял: косят да и конец. А недели две тому назад сподобился отнятия ног, что меня крайне удивило, потому что боли не чувствовал, а как будто икры ушиб, да еще на голенях сильная краснота. Приехал Соколов и объявил, что это цинга; за ним приехал Боткин и решил, что это не цинга, а purpura. Намазали ноги маслом, окутали онучами; три дня я не мог ходить, а потом начал помаленьку приучаться, а теперь — хоть куда! только онуч еще не снимаю, и, вероятно, до лета буду в них щеголять. Обидно будет, если придется умереть от *посторонней* болезни, а не от коренной, на которую все надежды возлагал. А умереть теперь самая пора. Пожил, покуролесил — довольно!

И весь дом у меня больной. Жена постоянно кашляет и на бок жалуется, а выезжать продолжает в тоненьких чулках или почти без оных. Лиза маленькая тоже кашляет, а Костя вот уж вторую неделю не ходит в гимназию и предсказывают еще недель на пять. До такой степени разболелись уши, что целые ночи не спит. Лечат его два доктора: Пру́ссак и Руссов. При такой обстановке о чем можно помышлять?

Посылаю Вам составленный Гаспером счет Ваш по январь будущего года. А так как Вы писали мне, что Вам нужно 1000 р., то я просил Гаспера завтра Вам их выслать. Я распорядился, чтоб Вам выслали эти деньги русскими сторублевыми бумажками, так как из письма Вашего не видно, каких денег Вы сами желаете, т. е. французских или немецких. А коль скоро Вы не знаете сами, то мы и того менее знаем. Поэтому самое лучшее — это русские кредитные сторублевки, которые Вы и превратите в какие Вам будет угодно деньги.

Что касается до окончательного расчета за 1883 год, то хотя я и не могу утвердительно определить цифру, но думаю, что около $4^1/_2$ тыс. на Вашу долю придется. Пожалуйста, напишите, как с ними поступить, ибо расчет, вероятно, к Новому году будет сделан.

Подписка на «Отеч<ественные> зап<иски>» началась и по сравнению с прошлым годом идет хуже. Этого, впрочем, и следовало ожидать, при существовании двух предостережений.

Поздравляю Вас с праздником и с Новым годом, а равно и многоуважаемую Екатерину Павловну. И я и жена желаем Вам обоим всего лучшего.

А еще скажу Вам: в эту самую минуту я почти изнемогаю от усталости и сна. По ночам сплю не больше 3-х часов и вообще посреди общего недомогательства, жалоб, криков и стонов очень безобразно живу.

До свидания. Дружески жму Вашу руку.

М. Салтыков.

На письме помета рукою Елисеева: Получено 19/31 декабря 1883.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 44; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 370—371.

967. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18 декабря 1883. Петербург

18 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за письмо[1] и удивляюсь, что Вы о моей болезни узнали из писем Лихачева и Боткина. Я сам недели две тому назад Вам подробно об этом писал[2]. И теперь повторяю: болезни идут своим чередом и все посторонние. В настоящую

минуту на левой ягодице садится нечто злокачественное, что мешает сидеть. Не пошлет ли всеблагое провидение карбункула? — со мною все может случиться. Да и весь дом у меня болеет. У Кости уши так болят, что вынуждены были обратиться к Пруссаку. Вот уж целую неделю мальчик терпит невыразимые мучения, похудел, побледнел, плачет, не спит по ночам. Лечение идет туго, да ведь с детьми и ладить нелегко. Ему говорят: не плачь, хуже будет, а он пуще заливается. Пруссак хороший человек, но тут ничего не поделаешь. Вероятно, эта штука еще с месяц продлится, и тогда надо будет отказаться от перехода в след<ующий> класс гимназии. Маленькая Лиза тоже не ходит в гимназию: кашляет, простудилась. Жена тоже кашляет во всю мочь и все меня пилит: вот если б мы в Ницце жили! Словом сказать, из всех я самый здоровый, а потому со мною обращаются самым изнурительным образом. А между тем я пишу это письмо к Вам в 7 часов утра. Встал с постели, потому что поднял меня сильнейший припадок кашля.

Дела журнальные идут плохо. Подписка слабее прошлогодней, а уже в прошлом году мы потеряли 1500 подписчиков. А господа сотрудники, между тем, стремятся всю подписную сумму заранее разобрать. И все эти дела и дрязги я должен решать единолично.

В общественном мире тоже просветов не предвидится. В самом обществе замечается наклонность уничтожить всякие порывы. Никто ничем не интересуется, никто ничего не читает. Одно стремление всюду: уставиться лбом в стену и в этом положении замереть. Просто страшно делается. Не за себя,— за мертвое тело и страшиться нечего,— а за детей. Ведь им жить придется, а ка́к? Одна надежда — на трусость, но какая надежда!

Вот и Вам приходится возиться с ментонскими докторами — тоже своего рода сюрприз. От души желаю Вам выйти победителем из этой передряги.

Вчера был у меня Островский, который с братцем посетил Кавказ. Ужасно хвалит Батум: вот, говорит, куда ступайте! Климат — чудесный; губернатор — добрейший, а вице-губернатор — еще добрее. Вот истинное определение русской жизни. Климат хорош; но все-таки только тогда вполне хорош, ежели и губернатор и вице-губернатор соответствуют. Я это чувство давно испытываю. Хочется мне оседлость какую-нибудь купить, да вдруг вспомнишь: а каков-то губернатор? каков исправник? становой? мировой судья? Затаскают, засудят; из убежища отдохновения устроят каторгу. Вообще, мне в этом отношении не везет. Не могу найти себе убежища, да и конец.

Пожалуй, и нынче придется за границей шататься. Жена уж поговаривает, но я лично — ни за что не поеду. Лучше в Петербурге все лето промаячусь.

Что всего замечательнее: очень часто я получаю изъявления сочувствия, но ни одна душа не окажет ни малейшего содействия в существенном для меня деле подыскания имения.

Впрочем, вероятно, все это скоро для меня кончится. Иногда мне даже сдается, что все мое семейство разом вымрет — такая везде хворь.

Погода у нас была анафемская и снегу совсем почти нет. Но, кажется, начинаются морозы и предсказывают даже жестокие. Ежели не прибавится снегу, то будет ужасно. Дифтерит свирепствует страшный. Совсем здоровые люди валятся в несколько дней. Отчего прежде этой болезни не было? Я прожил все детство в деревне и никогда ни о чем подобном не слыхивал, а теперь целые деревни — косит.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. И Вас и ее поздравляем с Новым годом (русским).

До свидания. Дружески жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 35.

Впервые опубликован отрывок: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 53—54; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 371—373.

---

[1] Это письмо Белоголового неизвестно.

[2] Салтыков имеет в виду свое письмо к Белоголовому от 5 декабря 1883 г. (964).

968. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

18 декабря 1883. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Начну мое письмо с пресловутого Гирса. Вы знаете, что он взял из «Отеч<ественных> зап<исок>» под повесть 800 р. и затем эту повесть, половина которой находилась уже у меня для отдачи в набор, выпросил у меня для некоторых *неважных* исправлений и не возвратил. Вчера он вдруг вновь является ко мне с повестью, но уже *новою,* из крестьянского быта [1]. Говорит, что повесть эту он писал собственно для «Русской мысли», но так как он с «Отеч<ественными> зап<исками>» связан уза-

ми, то считает долгом предложить ее сперва мне, но уже не по 125 р. за лист, как прежде, а по 175 р. И что в повести будет листа два и она прекрасна. На замечание мое, что это не совсем ладно, он продолжал, что долг «Отеч<ественным> зап<искам>» он имеет в виду, но что *этою повестью* он не предполагал его заквитать, а «Современными илотами», романом, который у него к 10-му января будет непременно готов, потому что он пишет так: если уж сел, так сел, а ежели прервал работу, так кончено. После этого мне ничего другого не осталось, как отпустить его с миром, предоставив полную свободу зарабатывать или не зарабатывать деньги. А так как я при этом выразил, что деньги все-таки не худо бы отдать, то он возразил, что отдавать деньги он не считает нужным, ибо брал их не для того, чтоб отдать, а чтоб заработать. И назначил для этой цели не что другое, а именно «Совр<еменные> илоты» [2].

Вот какие определенные малые являются ныне в числе сотрудников! Ввиду таких пассажей, не лучше ли бы я сделал, если б отказался совсем от «Отеч<ественных> зап<исок>». Отовсюду требуют денег. Привез Островский комедию, я не успел ее прочитать, а он уже требует 1500 руб.[3]. Между тем декабрьская книжка вчера только вышла, и какие по ней будут последствия, окажется еще на будущей неделе. Приехала также г-жа Зайончковская, привезла повесть листа в три и совершенно наивно говорит: кстати, мне нужно бы тысячу руб. Кто будет отвечать за эти выдачи в случае краха? [4]

Подписка идет плохо и даже против прошлогодней весьма отстала. В прошлом году 19-го числа включительно было уже около 1200 подписчиков, а нынче по 16-ое включительно не было и 700 — меньше на 500. Ежели предположить, что в три дня поступит 300 новых подписчиков, то будет 19-го только 1000. А что делается в книжных магазинах — не знаю. Гаспер слишком занят, чтоб разузнать, а я — болен. Надо бы сократить расходы, а у нас они все больше и больше ширятся. Вчера Успенский прислал письмо, запрещающее вычитать у него деньги, и в доказательство, что он заработает, приложил пять листочков: вот де, как я работаю [5]. А нам и помещать его работ некуда, так как места заняты Островским и Зайончковской. Придется мне самому на время стушеваться, но выйдет ли из этого прок? Вообще отношения мои к пишущей братии ненормальные и почти безнравственные. Один Гирс чего стоит! И заметьте: то же самое он уж однажды проделал с Некрасовым. Тоже взял вперед деньги, и рублей около 1000 вынуждены были сложить со счетов [6]. Я думал, что два года как-нибудь пробьюсь, а выходит, что и года таким манером прожить нельзя.

Имею к Вам большую просьбу: не задерживайте выхода 1-ой книжки. Я надеюсь выпустить ее совсем невинную и сам затеял рассказ, в котором идет речь об обстановке дворянского дома и воспитании дворянского сына в былые годы («Пошехонская старина»).

Болен я самым неприятным образом. Со всех сторон атакуют совершенно посторонние болезни. Только что разделался с цингою, как уже нечто готовится на левой ягодице. Нечто вроде чирья, а может быть и карбункул. Сидеть неудобно. Иногда как будто отпустит, а потом вдруг опять нельзя сидеть. Это письмо пишу в 7 часов утра, потому что разбудил страшный припадок кашля. Вот так работник.

До свидания, будьте здоровы. А мне — мат.

М. Салтыков.

18 декабря.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 7—8.

Впервые опубликован отрывок: «Русская мысль», 1890, № 4, отд. II, стр. 164; полностью: *Письма*, стр. 239—241.

---

[1] Д. К. Гирс. Авдотья-двумужница. Рассказ из народного быта («Русская мысль», 1884, № 2).

[2] Этот роман в печати неизвестен.

[3] А. Н. Островский. Без вины виноватые (*ОЗ*, 1884, № 1).

[4] Имеется в виду повесть Н. Д. Зайончковской «Прощание» (*ОЗ*, 1884, № 2).

[5] Это письмо Успенского неизвестно.

[6] Салтыков имеет в виду гонорар, полученный Гирсом за роман «Старая и юная Россия» (*ОЗ*, 1868, №№ 3—4). Роман остался неоконченным в связи с последовавшим в начале ноября арестом, а затем и высылкой Гирса за произнесенную 30 июля 1868 г. речь на похоронах Писарева. Письма Гирса к Некрасову см. в *ЛН*, т. 51—52, стр. 200—214.

969. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

19 декабря 1883. Петербург

Не будете ли Вы так добры, многоуважаемый Федор Логгинович[1], выслушать подателя сего от имени нашего постоянного сотрудника г. Фирсова.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

19 декабря.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 1. Год устанавливается по тем соображениям, что «настоящее знакомство» Салтыкова с Л. Ф. Пантелеевым началось лишь с 1884 г., когда последний окончательно поселился, после возвращения из ссылки, в Петербурге. С другой стороны, Н. Н. Фирсов мог быть в докладе назван Салтыковым постоянным сотрудником *Отеч. записок* не позднее предпоследнего года существования журнала, т. е. 1883 г.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 241.

---

[1] Описка Салтыкова. Надо: Лонгин Федорович.

970. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

20 декабря 1883. Петербург

20 декабря.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Согласно желанию Вашему, я сегодня же сделал распоряжение о высылке в Тверь г. Гофштеттеру 300 р., что́ завтра и будет выполнено. Но Вы меня несколько сбили с толку: в предыдущем письме адрес написали Via Torino, 36, а в нынешнем № дома обозначили 37. Между тем по первому адресу высланы Вам на прошлой неделе деньги 1000 р. и я письмо написал. Если Вы не получили, то справьтесь на почте и во всяком случае напишите.

Я все болен, и в особенности мучусь одышкой. Даже лежа на постели вдруг начинаю задыхаться. Крайне на себя сетую, что опять ввязался на два года в редакторство[1]. Это чистейшее мучение при настоящем положении вещей и при полном равнодушии публики. Положительно никто ничего не читает и читать не хочет. А после убийства Судейкина, вероятно, дела пойдут еще хуже[2]. У нас всегда так: кто ни напакости — первым делом на литературу валят. И в особенности на «Отеч<ественные> записки». Никакая осторожность тут не поможет.

О газетах не беспокойтесь: я распорядился высылать их Вам по-прежнему, т. е. «Нов<ое> время», «Моск<овские> вед<омости>» и «Дело».

У меня дома сущая больница. У Кости уши болят; на одно ухо совсем оглох, другое производит такие страдания, что

целые ночи бедняга не спит. Ездит Пруссак, но толку что-то мало. Лиза сильно кашляет и перестала ходить в гимназию; жена — совсем измучилась, тоже, того гляди, сляжет. Нехорошую старость послало мне всеблагое провидение! Мучений по горло, а смерти нет.

Очень рад, что в Риме Вам понравилось и что Вы намерены там пожить. В наши года не так-то легко передвигаться с места на место. Я, по крайней мере, и из дому совсем не выхожу, кроме как к Лихачевым и в редакцию. Но предвижу, что скоро и эти экскурсии сделаются для меня невозможными, потому что после каждого выезда обостряется катарр легких, усиливается одышка. Что-то принесет лето.

До свидания. Еще раз поздравляю Вас с новым годом, и прошу передать от меня и от жены привет и поздравление многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М.Салтыков.

Сегодня хоронили прямо против моего дома Судейкина (он в Мариинскую больницу был перевезен) с военными почестями.

Я передавал жене и детям о видах Рима, которые Вы намерены им прислать. Они заранее Вас благодарят.

На письме помета Елисеева: 1883. Дек. 25/1884. Янв. 6.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 44; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 375—376.

---

[1] О продлении договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[2] Главный инспектор петербургской секретной полиции подполковник Судейкин был убит 16 декабря 1883 г. на квартире Дегаева народовольцами Стародворским и Конашевичем.

971. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

20 декабря 1883. Петербург

20 декабря.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю за заступничество и посылаю сказки[1]. Но так как у меня *всего один экземпляр,* то, ради бога, устройте так,

чтобы он был мне возвращен, потому что иначе мне очень трудно будет восстановить. Насчет доставки Вам корректуры распоряжусь[2].

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ*, ф. 200, № 2312.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского*, стр. 533.

---

[1] 17 декабря 1883 г. Салтыков обратился к посетившему его А. Н. Островскому с просьбой похлопотать через своего брата, члена Государственного совета и министра государственных имуществ М. Н. Островского, о содействии в напечатании изъятых в феврале 1883 г. трех сказок. Прочитав сказки, М. Н. Островский передал Салтыкову, чтобы он «смело печатал их в январской книжке, и что он ручается, что никаких неприятностей для «Отечественных записок» не будет» (см. письмо 973).

[2] Речь идет о корректурных листах комедии Островского «Без вины виноватые» (*ОЗ*, 1884, № 1).

972. Л. Н. ТОЛСТОМУ

20 декабря 1883. Петербург

20 декабря 1883 г.
Литейная, 62.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич.

Давно я собираюсь писать Вам, но, переходя из болезни в болезнь, находился в таком раздраженном состоянии, которое делало невозможною всякую переписку. Кроме коренных болезней, которые гложут меня десять лет сряду, я в последнее время сподобился нескольких новых фасонов, которых не ожидал. Недели три тому назад вдруг отнялись у меня ноги, и я три дня не мог ходить, хотя никакой боли не чувствовал. Оказалось, что это было нечто вроде цинги; не совсем цинга, а purpura, как определил Боткин. Прибавьте к этому, что у меня на руках журнал, и Вы получите приблизительное понятие о том, что я испытывал.

Из слов Михайловского я уразумел, что и в нынешнем году «Отеч<ественные> записки» не могут рассчитывать на Ваше сотрудничество[1]. Искренно жаль, потому что хоть «Отеч<ественные> зап<иски>» и не бог знает как талантливо ведутся, но все-таки это честный журнал. И притом, это хорошая кафедра для писателя, потому что журнал распространен значи-

тельно больше других. А я, признаюсь, даже надеялся, потому что, видевшись, с месяц тому назад, с А. М. Кузьминским, слышал от него, что у Вас есть совершенно конченная повесть[2]. Простите за назойливость, быть может, неуместную, но если б Вам когда-нибудь вздумалось что-нибудь прислать в «Отеч<ественные> зап<иски>», то редакция была бы крайне Вам благодарна.

Мы начинаем будущий год новой комедией Островского[3], о которой, однако ж, ничего не могу сказать. Я долгое время колебался, оставаться ли редактором в будущем году, и только по особенным соображениям решился остаться[4]. И болен и утомлен я до крайности, а, с другой стороны, деваться некуда. Не только мне, но и другим, для кого «Отеч<ественные> зап<иски>» представляют единственное убежище. Пускай уж сама судьба прикончит меня.

Еще передал мне Михайловский, что Вы были так любезны, предложили Ваше посредничество по приисканию для меня деревенского угла. Я буду, разумеется, очень Вам обязан, хотя не скрою, что это задача очень мудреная. Во-первых, я могу употребить на покупку имения не больше 20—25 тыс. р.; во-вторых, я, по болезни, ничем распоряжаться не в состоянии, а жена моя большая охотница путать; в-третьих, наконец, мне необходимо иметь хороший сад, дом и реку — что тоже по щучьему велению не является. Но если бы возможно было подыскать что-нибудь подходящее, что не требовало бы слишком больших расходов на содержание, то я был бы Вам бесконечно обязан. Идеал таков, чтобы за 20—25 тысяч было место для отдохновения, где бы, в случае надобности, и помереть было можно. Ужасно мне хочется, чтоб этот акт произошел на вольном воздухе. Капитал в 25 т. р. представляет ежегодный доход в 1500 р. Вот это-то и есть та самая сумма, которую я мог бы, хотя и с стеснением, но все-таки мог бы назначить на наем дачи. И в то же время это спасло бы меня от заграничных скитаний.

Сегодня прочитал я в «Моск<овских> вед<омостях>» (№ 351) описание обеда, данного некоему Истомину[5]. Председательствовал Ваш родственник и мой бывший товарищ Перфильев. Чествуемый назвал его «поседевшим в добре и чести», а Перфильев очень любезно ответил: «спасибо, мой безукоризненный подчиненный! спасибо, мой бывший и нынешний друг!» И все это предается тиснению. Читаешь и не веришь глазам. До сих пор я не мог еще определить себе, спасет или погубит нас глупость, но, во всяком случае, как-то жутко становится жить. Целый безбрежный океан, в котором приходится плыть, не зная на что наткнешься.

Поздравляю Вас с предстоящим Новым годом. Затем, искренно жму Вашу руку и остаюсь

преданный и искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: Музей Л. Н. Толстого (Москва).

Впервые опубликовано: «Письма Толстого и к Толстому». М., 1928, стр. 254—255.

---

[1] Позднее, вспоминая об этой встрече, Михайловский писал, что для него и до сих пор «остаются невыясненными <...> мотивы его <Толстого> уклонения от исполнения собственного обещания» дать что-нибудь для «Отеч. записок» (Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, т. 1. СПб., 1900, стр. 214).

[2] Имеется, по-видимому, в виду еще не законченная к тому времени повесть «Смерть Ивана Ильича».

[3] О комедии Островского см. письмо 971, прим. 2.

[4] О продлении договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[5] Обед бывшему правителю канцелярии московского губернатора В. К. Истомину был дан в связи с назначением его на должность директора Николаевского института. С выступившим на обеде московским генерал-губернатором В. С. Перфильевым Салтыков учился в лицее (Обед В. К. Истомину.— «Московские ведомости», 1883, № 351, 19 декабря).

973. А. А. КРАЕВСКОМУ

22 декабря 1883. Петербург

Многоуважаемый Андрей Александрович.

Вы, конечно, помните, что в прошлом году я написал 3 сказки, которые были напечатаны в февральской книжке и потом оттуда вынуты. Признаюсь, мне было очень жаль этих сказок, и поэтому я воспользовался приездом А. Н. Островского, чтобы возбудить вопрос об них. Островский взял у меня сказки и дал прочесть брату. Сегодня он был у меня и сообщил, что брат поручил ему передать мне, чтоб я смело печатал их в январской книжке, и что он ручается, что никаких неприятностей за это для «Отеч<ественных> зап<исок>» не будет. На мой вопрос, что Феоктистов может сделать неприятность и помимо Островского, А<лександр> Н<иколаевич> сказал мне, что брат его находится с Феоктистовым в постоянных сношениях и что ежели он ручается, то, стало быть, знает, что так и будет.

Поэтому, я решаюсь поместить сказки в 1-м №; [1] но ежели бы Вы имели что возразить, то, пожалуйста, сделайте это теперь же. Жду Вашего ответа.

Весь Ваш

М. Салтыков.

22 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 391, № 690, л. 5.
Впервые опубликовано: «День», 1914, № 114, 28 апреля.

---

[1] Опубликованные в № 1 *Отеч. записок* за 1884 г. сказки «Самоотверженный заяц», «Бедный волк» и «Премудрый пискарь» не вызвали никаких замечаний со стороны цензуры.

974. И. И. ЯСИНСКОМУ

22 декабря 1883. Петербург

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

«Болотный цветок» [1] окончен печатанием в декабрьской книжке, и вместе с тем счет Ваш окончательно уплачен, и остальные деньги, как мне сказал конторщик, отосланы уже к Вам. Ежели Вы еще имеете нужду в деньгах, то благоволите уведомить, но не раньше первых чисел января. Вы писали мне, что кончили другую повесть — уведомите, когда ее можно ожидать [2]. Должен, впрочем, предупредить Вас, что в феврале и январе все уже занято.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

22 декабря.

Я не писал к Вам потому, что не выхожу из болезней. В последнее время у меня была цинга и я не мог ходить. Теперь — громадная одышка и раздражение легких.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 66, л. 3.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 141—142.

---

[1] О повести «Болотный цветок» см. письмо 923, прим. 1.

[2] Имеется в виду рассказ «Спящая красавица» (*ОЗ,* 1884, № 3).

975. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

30 декабря 1883. Петербург

30 декабря.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сегодня сделан расчет по изданию «Отеч<ественных> зап<исок>» за 1883 год. Пришлось прибыли на каждого 5557 р. 10 к. Деньги эти мною взяты и за Вас, за исключением 300 р., высланных раньше Гофштеттеру. Сверх того, мною выдано от Вас, наравне с нами всеми, по прежним примерам 200 р. Гасперу и Чижову и уплачено за Вас в Литературный фонд за 1884 год вперед 10 р. За всеми этими тратами остается Ваших денег 5047 р. 10 к., которые и хранятся у меня. Сделайте одолжение, уведомьте как можно скорее, ка̀к с ними поступить. Право, мне не безопасно держать их, тем больше что ведь я и умереть могу.

А что я совершенно к сему последнему готов, тому я имел на днях наглядное доказательство. Неделю тому назад я имел неосторожность поехать вечером к Унковскому, по случаю приезда из Одессы Косаговского, и уже у него сделался со мною припадок. Но когда я приехал домой, то припадок до такой степени обострился, что швейцар, испугавшись, бросился за Соколовым, хотя был третий час ночи, а меня насилу довели до квартиры. Соколов — хорошо, что добрый человек — приехал и два часа пробыл у меня, покуда не принесли из аптеки лекарство. Утром мне стало полегче; но я положительно убежден, что если б Соколов не захватил меня своевременно, то к утру я бы не существовал. На другой день приехал ко мне, вместе с Соколовым, Боткин, и вот теперь кой-как плетусь до нового случая, который, конечно, не замедлит. Но Вы представьте только мое положение: вечно сидеть дома, никого не видеть, не испытывать ни малейших удовольствий и даже делом не иметь возможности заняться как следует. Вот я до известной степени заручился возможностью напечатать в 1 книжке «Сказки» свои [1], а то так и пришлось бы выпустить номер без себя. Невозможность быть деятельным редактором просто гнетет меня. Ни писать много не могу, ни хлопотать по журналу.

Послезавтра начинается Новый год русский — что-то он нам принесет, каких новых скорпионов? Во всяком случае, поздравляю и Вас и добрейшую Екатерину Павловну с переходом через Рубикон. Хоть бы что-нибудь путное, наконец, сбылось, а только сколько уж лет живем среди какой-то смуты, которой конца не видать.

До свидания, желаю Вам всего лучшего и искренно жму Вашу руку. Боровиковский уже устроился в Одессе. Михайловский все еще в Любани.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 24.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 44—45; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 379.

---

[1] О «Сказках» см. письмо 971, прим. 1, и письмо 973, прим. 1.

976. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

31 декабря 1876—1883. Петербург

Извините, что не прислал сейчас же: спал, а меня не разбудили. Ассигнации все рваные: такими наградила меня контора «Отеч<ественных> зап<исок>». Должно быть, мужицкие.

М. Салтыков.

Поздравляю с Новым годом. Встречаю его в конвульсиях поноса.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 501, карт. 1, № 7.

Впервые опубликовано: «Петербургский дневник театрала», 1905, № 15—16, 10 апреля, стр. 3.

977. В. Р. ЗОТОВУ

Конец 1883 г. Петербург

Многоуважаемый Владимир Рафаилович!

Будьте так добры, не исправляйте корректур «Отеч<ественных> зап<исок>». У редакции свои правила, свое правописание, и очень жалко встречать переделки против корректур, просмотренных самою редакцией.

Искренне Вас уважающий
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 548, оп. 1, № 42, л. 65.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, стр. 502.

Датируется предположительно на основании времени работы В. Р. Зотова в редакции *Отеч. записок,* устанавливаемого следующим документом: «Многоуважаемый Владимир Рафаилович! Главная контора *Отеч. записок* честь имеет препроводить к Вам деньги — пятьдесят рублей серебром — жалованья за декабрьскую книжку журнала *Отеч. записок* и покорнейше просит в получении денег выдать расписку. Примите уверение в совершенном к Вам почтении. Упр. конторой А. Гаспер. 18 декабря 1883 г.» (*ИРЛИ,* ф. 548, оп. 1, № 42, л. 70).

978. В. Р. ЗОТОВУ

Конец 1883 г. Петербург

Будьте так любезны не задерживать иностранные издания, выписываемые для «Отеч<ественных> зап<исок>».

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 548, оп. 1, № 42, л. 65.

Датируется предположительно на основании времени работы В. Р. Зотова в редакции *Отеч. записок.* См. прим. к письму 977.

978-bis. А. А. КРАЕВСКОМУ

31 декабря 1878—1883 (?). Петербург

Многоуважаемый Андрей Александрович!

Я очень болен и скорее всего не буду. Поэтому не будете ли Вы так любезны ответить г. Горну условно, что если здоровье мое позволит, то я буду, но скорее всего не буду.

Весь ваш

М. Салтыков.

31 декабря.

Печатается впервые по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 271, оп. 1, № 15.

Публикуется впервые.

Датируется предположительно. Письмо не могло быть написано ранее 1878 года и позже 1883, так как после закрытия *Отеч. записок* всяческие отношения Салтыкова с Краевским практически прекратились.

---

[1] Антон Горн — редактор «Journal de St. Pétersbourg».

1884

979. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 января 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Очевидно, произошло между нами нечто, в чем больше недоразумения, нежели моей вины. Впрочем, если и есть моя вина, то можно мне ее отпустить, ввиду предстоящего моего успения. Ты скажешь, может быть, что вот уж восемь лет, как я угрожаю умереть и все не мру, но, право, уж тут я не виноват и совершенно искренно думаю, что конец недалеко. В течение двух месяцев у меня однажды отнимались ноги и однажды — совсем прекращалось дыхание. Кажется, признаки достаточные. Надеюсь, что ты будешь снисходителен. У меня Константин уже целый месяц в гимназию не ходит: уши болят.

Весь твой

2 января 1884 г. *М. Салтыков.*

Поздравляю тебя и Елизавету Николаевну с Новым годом.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 36.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 142—145.

980. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

2 января 1884. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Жена сказала мне, что Вы собираетесь посетить меня вечером. Лучше всего, если б Вы приехали в четверг вечером: будут и Лихачевы.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

2 января 1884 г.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, л. 2.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 242.

981. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

Между 3 и 13 января 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Посылаю Вам при сем статью г. Бильбасова «Сила течения». История появления этой статьи такова. Неделю тому назад пришел ко мне Бильбасов и объявил, что у него есть статья, которую он писал собственно для «Русской мысли». Затем начал мне хвалить «Петербургские письма», которые он печатал в этом журнале, и при этом выразился, что предостережение дано «Русской мысли» не за «Письма» по существу, а за то, что они написаны им, Бильбасовым. И что вследствие этого и статью «Сила течения» «Рус<ская> м<ысль>» не решается печатать. На мой вопрос, почему же он полагает возможным подвергать «Отеч<ественные> з<аписки>» той же случайности, от которой открещивается «Р<усская> м<ысль>», он ничего внятного не объяснил, как будто этот вопрос не был им предвиден. Но все-таки просил, чтоб статья была прочтена. Я объявил ему на это, что прием или не прием подобного рода статей зависит не от меня и что я передам ее Вам — он этому вполне подчинился. Поэтому я и посылаю ее Вам, а сам ее не читал. Подписать свою фамилию под статьей или не подписать — это для г. Бильбасова совершенно безразлично [1].

Л. Н. Кривенко ходит радостная. Не нахвалится жандармами и уверена в невинности «Сережи». И говорит, что ей обещали, что дело, вероятно, кончится *только* тем, что Кривенко вышлют из Петербурга, с предоставлением выбора места жительства [2]. Вот какие нынче бывают радости. И сверх того, жандармы удивляют ее своею прозорливостью. Представьте себе, знают, что тогда-то она получила в конторе 100 р., а тогда-то сто семьдесят пять... «У Вас деньги есть — мы знаем». Всего хуже в этом упоминовение об «Отеч<ественных> зап<исках>» в качестве источника благ. А еще вот что худо: рассказ об унынии Кривенко, о его слезах, о том, что он похудел и т. д. Можно бы об этом и помалчивать. Но жандармы предупредительны, ласковы и знают, что «Сережа» не виноват, но что же делать, ежели он имеет вредное влияние!

Как бы то ни было, но преспектива не особенно утешительная ни для Кривенко, ни для «Отеч<ественных> зап<исок>».

Я не знаю, писал ли я Вам, как я сделался с Елисеевым по случаю истечения контракта? [3] Дело в том, что в прошлом году он в каждом письме удостоверял меня, что больше не желает

получать от «Отеч<ественных> зап<исок>» «ту уйму денег», какую до тех пор получал. Вследствие этого я предложил ему получать тот пенсион (200 р. в месяц), на который он имел бы право по старому контракту. На это я получил уже полуиронический ответ, что он *вполне подчиняется моим предначертаниям.* Вследствие этого, с января я уже не считаю его пайщиком по журналу и назначаю 200 рублей в месяц.

По текущему счету за прошлый год на Вашу долю пришлось еще около 280 руб. Я сказал Гасперу, чтоб передал деньги Людмиле Николаевне.

Я желал бы начать второй отдел с Вашего «Письма», а не с Воронцова[4]. Последнего я, вместе с Южаковым, считаю унылыми элементами «Отеч<ественных> зап<исок>». Очень хотелось бы библиографию оживить и именно беллетристическими рецензиями, которые публикой читаются больше. Жалко будет, ежели интерес к «Отеч<ественным> зап<искам>» упадет, а признаки в этом смысле есть. Подписка идет достаточно туго[5]. Между прочим, я очень рад, что у нас не будет статьи о бюджете. Пора перестать во сне веревки вить.

До свиданья, будьте здоровы и не задерживайте книгопечатания.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 9—10.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 242—244.

---

[1] Судьба этой статьи неизвестна. В опубликованном в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова списке работ Бильбасова (т. 3, СПб., 1892, стр. 275) она не упоминается.

[2] С. Н. Кривенко был арестован в ночь на 3 января 1884 г. по доносу предателя Дегаева за связь с «Народной волей» и активное участие в ее изданиях. После девятнадцати месяцев заключения в Петропавловской крепости 3 июля 1885 г. по высочайшему повелению сослан в г. Глазов Вятской губернии. Через год, по его ходатайству, переведен в г. Тару Тобольской губернии. Дело Кривенко явилось одним из мотивов запрещения *Отеч. записок* (подробнее о нем см.: *Салтыков в воспоминаниях,* стр. 222—225).

[3] О продлении контракта между Салтыковым и Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[4] Второй отдел февральской книжки *Отеч. записок* открывается статьей Воронцова «Капитализм и рабочая интеллигенция» (стр. 133—163), а очередное «Письмо в редакцию» Михайловского является четвертой статьей этого раздела.

[5] В 1884 г. *Отеч. записки* издавались тиражом 8650 экземпляров.

982. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

10 января 1884. Петербург

10 января 1884 г.
Литейная, 62.

Многоуважаемый Дмитрий Наркисович.

В четверг, 12-го, отправится в цензуру 1-я книжка «Отеч<ественных> зап<исок>» на 1884 год, а в понедельник, 16-го, ежели ничто не воспрепятствует, она выйдет в свет. В этой книжке напечатаны первые девять глав «Горного гнезда»; затем, в февральской книжке я полагаю напечатать следующие девять или десять глав (понедельник, 15-го, уже будут набирать),— а в мартовской — окончание[1]. Но так как в редакции нет еще последних глав, то я просил бы Вас не замедлить их высылкою, так как сношения с Екатеринбургом весьма медленные, а около 6-го февраля непременно потребуется для типографии оригинал 3-й книжки. Надеюсь, что Вы исполните эту покорнейшую мою просьбу.

От души поздравляю Вас с Новым годом и желаю всевозможных благополучий. Для редакции «Отеч<ественных> зап<исок>» Новый год не совсем благополучен: арестовали г. Кривенко, который писал «Внутр<еннее> об<озрение>», так что последнее для январской книжки едва успели кой-как составить[2]. Вероятно, ничего особенного из этого ареста не выйдет, но все-таки Вы можете понять, как невесело мое положение как главного редактора, у которого из-под носа берут самых необходимых сотрудников.

Что касается до Немировича-Данченко, то о гонораре, им получаемом, не могу сказать ничего достоверного. В «Отеч<ественных> зап<исках>» он участвовал очень недолго и немного и получал 75 р. за лист[3]. Но очень возможно, что в газетах («Нов<ое> время») и в «Ниве», например, он получает и больше. «Новое время» имеет, благодаря закрытию других газет, до 30 т. подписчиков и розничных покупателей, да объявлениями зарабатывает более 100 т. р. «Нива» имеет 90 т. подписчиков. Ничего подобного наши большие журналы и во сне не видали. И вот второй год, как подписка, вместо увеличения, все идет книзу. Чувствуется какая-то усталость всюду; книга не интересует, всякий выписывает или газету, или иллюстрированный журнал.

Жму Вашу руку и остаюсь преданный...[4]

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 157, карт. 3, № 70.
Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 328—330.

[1] Печатание первого большого романа Д. Н. Мамина-Сибиряка растянулось не на три, а на четыре книжки журнала: *Отеч. записки,* 1884, №№ 1—4.

[2] См. прим. 2 к письму 981. Подлинные причины ареста Кривенко остались, по-видимому, неизвестны Салтыкову (см. письмо 984).

[3] Популярный в свое время поэт, очеркист и романист Вас. Ив. Немирович-Данченко был случайным сотрудником в *Отеч. записках.* Он поместил здесь несколько стихотворений и (в 1874 г.) серию очерков «За Северным полярным кругом». Его бойко написанные, но часто далекие от истины путевые впечатления и военные корреспонденции с фронта русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (в «Новом времени») Салтыков высмеял в очерке «Тряпичкины очевидцы» из книги «В среде умеренности и аккуратности» и в гл. V «Современной идиллии» (см. в наст. изд. т. 12 и 15 (I) по указателям имен).

[4] На этом текст письма обрывается.

983. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

13 января 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Насчет Кривенко для меня еще ничего не выяснилось [1]. Так как у него был собран весь материал для январского «Внутр<еннего> обозр<ения>», то я полагал, что он может написать для февральской книжки [2]. Я просил его жену передать ему об этом, и она обещала дать мне ответ во вторник, но вот и пятница, а ответа нет. Капустина я совсем не знаю, но жена Кривенко говорила мне, что декабрьское обозрение <он> писал вместе с ее мужем — вот почему я и указал Скабичевскому на него, как на средство поскорее выйти из затруднения [3]. Но статья его мне самому не нравится. Пора бы «Внутр<еннее> обозр<ение>» поставить на почву общечеловеческую, а не исключительно крестьянскую. На Южакова я мало надеюсь, ибо у него совсем крохотный талант; но в понедельник на чем-нибудь остановлюсь, ежели Кривенко откажется. Не забудьте, что К<ривен>ко, кроме полистной платы, получал 175 р. ежемесячно, и в настоящее время, до разъяснения его положения, было бы грешно урезывать его. Южакову я решительно не имею возможности положить жалованья, потому что подписка идет туго: сравнительно с прошлым годом отстает на 500 штук. Никому не желал бы я быть в моей шкуре.

Я сам полагаю, что не одна случайность соединила нас с Вами в одном журнале, но и общность воззрений. Гайдебурова я не вижу, «Недели» не читаю, о «грозном авторитете Щедрина» ничего не знаю[4]. Но лично от себя в полемику вступать с Гайдебуровым не согласен. Ежели Вы находите это нужным, то можете это сделать всячески сами, так как я совсем от полемики отвык и уже много лет не участвую в полемических турнирах. Стар уж я становлюсь, да и нить, признаться, потерял. По моему мнению, г. Гайдебуров не Вас, а меня ставит в дурацкое положение. Ибо как же согласить «грозный авторитет» с столь продолжительным подчинением «не грозным авторитетам»? Есть многие сукины дети, которые мне делают это приветствие: «Здравствуй, дурак!» Никогда у нас с Вами серьезных разногласий не было, и публика читающая это знает отлично, точно так же как знает, что я не наемный редактор, а кровный. Если же я, после десятилетней сдержанности, соберусь в поход на Гайдебурова, то, поверьте, будет смех великий.

Состав 1-го отдела февральской книжки обеспечен; но о втором отделе знаю мало, хотя теперь, так как я один в Петербурге заправляю «От<ечественными> зап<исками>», было бы крайне любопытно знать. К сожалению, Вы ничего не пишете, что предполагаете для 2-го отдела. Сегодня Чижов прислал мне Ваше «Научное письмо», но не конченное[5]. Кто ему сказал набрать — не знаю. Было, правда, предположение начать с него 2-ой отдел (еще Крив<енко> предполагал), но я Вам писал, помнится, что для этого нужен конец письма, и ответа от Вас нет. Еще какую статью во второй отдел: Воронцова, что ли?[6] Но ее надо разделить, а как — я не знаю. Обо всем этом я ждал от Вас сведений, но, к сожалению, Вы уехали в Москву в самое критическое время. Я сам к Вам хотел писать, да хотел ждать выхода книжки (в понед<ельник> срок), да окончания дополнительных счетов, по которым Вам придется (по текущему счету) еще некоторую сумму небольшую получить. Во всяком случае, я попросил бы о Ваших намерениях по этому предмету уведомить меня лично, а не Южакова, к которому мне необходимо присмотреться. Во второй книжке Скабичевскому места не будет, ибо материала и без того набралось в 1-м отделе $20^{1}/_{2}$ л. Успенский тоже не будет: едва ли он не оробел. Для второго отдела остается 8—$8^{1}/_{2}$ л.

До свиданья. Желаю Вам всего лучшего. Кланяйтесь Орлову и людям, ежемесячно обедающим[7].

Весь Ваш

М. Салтыков.

13 января.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 11—12. Впервые опубликован отрывок: «Русская мысль», 1890, № 4, отд. II, стр. 161; полностью: *Письма,* стр. 244—246.

---

[1] В это время С. Н. Кривенко находился под арестом (см. письмо 981, прим. 2).

[2] Речь идет о ежемесячно печатавшейся в *Отеч. записках* хронике «По поводу внутренних вопросов», последняя из которых появилась в № 1 за 1884 г. (см. письмо 987).

[3] С. Н. Кривенко и С. Я. Капустин. По поводу внутренних вопросов (*ОЗ,* 1883, № 12).

[4] О «грозном авторитете Щедрина» писал В. Л. Кигн в статье «На новый год. Вместо «Журнального обозрения» («Неделя», 1884, № 1, стлб. 25—30), подписанной цифрой «1».

[5] Н. К. Михайловский. Научные письма (*ОЗ,* 1884, № 2).

[6] Статья В. П. Воронцова «Капитализм и рабочая интеллигенция» полностью напечатана в № 2 *Отеч. записок* за 1884 г.

[7] См. прим. к письму 960.

984. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

23 января 1884. Петербург

23 января.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Простите, что давно не писал. Причиною было то, что хотел послать Вам окончательный расчет, да Гаспер задерживал, а сверх того и происшествия разные.

Расчет Ваш представляется в след<ующем> виде. В дивиденд получено (за исключением 300 р., посланных Гофштеттеру, и 200 р., выданных, по обычаю, в награду Гасперу и Чижову) 5057 р. 10 к.

Сверх того по текущему счету — 279 р. 70 к.

Итого 5336 р. 80 к.

На них куплено, как видно из прилагаемого счета Стефаница, 5900 р. облигаций Петербургского гор<одского> кред<итного> общества. В том числе одна облигация в 5000 р. с мартовским купоном и 9 облигаций по 100 руб. без мартовского купона. Все это высчитано и у Стефаница. Облигации хранятся у меня. Остальные 339 р. 75 к. сданы мною Гасперу, и из них он уплатил 10 р. Литер<атурному> фонду. Осталось 329 р. 75 к. Из них, сколько мне известно, уплочено за полгода за Ваши вещи (хранение и страховка), а также 125 р. вперед за полгода за содержание Вашей племянницы (Скабичевский

взял), всего около 170 р. Остальное присовокупляется к прочим Вашим деньгам. Мартовский купон дает 125 р., да Лихачев получит 125 р., так что к выходу мартовской книжки у Вас накопится еще не менее 1000 р.

А происшествие, взволновавшее меня, заключается в том, что 3-го января арестован Кривенко[1]. Хоть и есть надежда, что дело кончится благополучно, но до сих пор его не выпускают, и может быть вышлют из Петербурга. Я очень мало знаю, о чем, собственно, идет речь, ибо с Кривенко не был особенно близок. Знаю только, что он ночью от себя провожал какую-то девицу (по фамилии Усову); привез ее в ее квартиру, а там — обыск. На другой день — и его взяли. Но главное обвинение в том, что он, кроме общей квартиры, нанимал для себя еще номер в меблированных комнатах. Он объясняет это тем, что дома к нему беспрестанно приходили и мешали заниматься, а туда он уходил, чтоб никого не видать. Я от него лично, впрочем, ничего об этом не слыхал, а если и слышал, то не обратил внимания. Жена Кривенко говорит, что ей подали надежду, что много-много если Кривенко вышлют из Петербурга. И она этому радуется. Вот нынче какие радости.

Подписка на журнал ужасно упала — это тоже непоощрительный признак[2]. Я положительно каюсь, что согласился на два года остаться[3]. Думаю, что не выдержу и брошу. Совсем не с кем работать, а сам я и стар и хвор. Хворости мои идут crescendo, и я чувствую, как мало-помалу слабею. Теперь уж совсем из дома не выхожу, кроме Лихачевых и редакции. Вероятно, скоро и к Лихачевым буду не в силах ездить. Лето жена предполагает нанять дачу на Сиверской станции, а я махнул на все рукой.

Альбом Ваш получил и приношу Вам сердечную благодарность[4]. Только, мне кажется, это уж чересчур дорогой подарок.

Ежели что последует по делу Кривенко, немедля уведомлю Вас.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне и Вендтам.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 25.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 45; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 385—386.

---

[1] Об аресте С. Н. Кривенко см. письмо 981, прим. 2.

[2] В 1884 г. *Отеч. записки* выходили тиражом 8650 экземпляров.

[3] В связи с истечением 1 января 1884 г. срока договора Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* (см. письмо 816, прим. 3) он был продлен еще на два года (см. письмо 843, прим. 4).

[4] Подробное описание альбома содержится в письме Елисеева к Салтыкову от 6/18 января 1884 г. (*Письма Елисеева,* стр. 131—132).

985. В. П. ГАЕВСКОМУ

27 января 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Я с удовольствием буду участвовать в проектируемом 2 февраля обеде и прошу тебя иметь меня в виду. Разумеется, ежели меня пристигнет что-нибудь несносное, то я не приеду, но и тогда остаюсь ответственным за свой пай.

Итак, до свидания.

М. Салтыков.

27 января.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 34.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 112, с отнесением к 1883—1884 гг. Датируется 1884 г. на основании письма М. М. Стасюлевича к В. П. Гаевскому от 27 января 1884 г., в котором идет речь о том, что 2 февраля состоится «обед членов Комитета Литературного фонда, открывающий собою 25 год существования общества» (*ГПБ,* ф. 171, № 270, лл. 80—81). Согласно записи в «Дневнике» К. К. Арсеньева, на этом обеде, состоявшемся в ресторане Донона, присутствовал и Салтыков (*ЦГАЛИ,* ф. 40, оп. 1, № 28, л. 246 об.).

986. В. П. ГАЕВСКОМУ

До 4 февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Сотрудник наш, Валерий Семенович Кротков, находится в очень стесненном положении, в которое его поставила болезнь и неимение работы. Поэтому он просит от Общества для пособия литераторам и ученым единовременного пособия в 150 руб.

С своей стороны считаю обязанностью удостоверить стес-

ненное положение этого писателя и присоединить свой голос к его просьбе.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

В. П. Гаевскому.
Литейная, 48.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1884 г.,* т. 1, л. 119.

Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 251, с отнесением к середине февраля 1884 г. Однако на прошении В. С. Кроткова в Литературный фонд, в котором он упоминает о письме Салтыкова, помета: «Получено 4 февраля 1884». Значит, письмо Салтыкова написано до 4 февраля 1884 г.

В заседании от 20 февраля 1884 г., заслушав прочитанное В. П. Гаевским прошение Кроткова и то, что М. Е. Салтыков, «удостоверяя стесненное положение просителя, присоединяет и свой голос к его просьбе», Комитет постановил: «Ввиду того, что г. Кротков <...> в течение шести месяцев в четыре раза получил из Литературного фонда пособий в размере 275 р.,— решено: выдать г-ну Кроткову единственно на предмет возвращения его жены и детей в Гжатск 75 р., о чем и поставить его в известность в этом именно смысле» (там же, л. 109 об.).

987. Д. Н. МАМИНУ-СИБИРЯКУ

Телеграмма

5 февраля 1884. Петербург

Офицерская, дом Сушкина, Мамину. Ответ уплачен.

Не понимаю пишете [1], пришлете с 25 главы, а у нас есть 25 и 26; надо набирать марта сейчас, какою главою кончить? Февраль кончен 19, 25 глава кончается отъездом, ответьте [2].

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 157, карт. 3, № 70.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 386.

---

[1] Это письмо Мамина-Сибиряка неизвестно.

[2] Речь идет о печатавшемся в это время в *Отеч. записках* романе «Горное гнездо» (см. письмо 982, прим. 1).

988. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

6 февраля 1884. Петербург

6 февраля.

Многоуважаемый Николай Константинович.

По моему мнению, статья Южакова, по форме несуразная, по существу представляет среднего достоинства хныкание, сопряженное с бормотанием [1]. Прочитать ее корректуру и выделить все противоречия и глупости стоило для меня мученических усилий. Извините меня, но так как Южаков ездил к Вам, чтоб ее читать, то Вам бы и предлежало принять на себя этот труд, так как я даже не совсем в этом деле компетентен. Но, главное все-таки, «Внутр<еннего> обозр<ения>» нет, а будет только какое-то вступление к чему-то, чего собственно не будет. Вот Вы писали, что Капустин плох, а ведь куда против Южакова он полезнее. Не найдете ли полезным приспособить к этому делу Абрамова? [2] Он все-таки толковый человек. Ежели согласитесь, то вызовите его и перетолкуйте. Надо, по моему мнению, и о фактах говорить. Необходимо самую рубрику «Внутр<еннее> обозр<ение>» сохранить.

Вообще, дело как-то не ладится. Успенский совсем с пути сбился, такую философию заковыривает, что чертям тошно [3]. Хоть бы Вы его вразумили. На каждом шагу противоречия, одна мысль другую побивает, а я сижу и привожу эти противоречия в порядок.

О Кривенке слышу мало. Сначала жена его говорила: самое большее — в Тамбовскую губернию, а теперь говорит: самое меньшее — в Тамбовскую губернию. Что такое он напутал — и ума не приложу.

Подписка у нас, сравнительно с прошлым годом, идет на 700 персон меньше.

Пожалуйста, подумайте о «Внутр<еннем> обозрении». Я боюсь, что ежели мы постепенно будем обращаться в альманах, то и еще больше подписчиков растеряем. Надо этим делом поспешить, потому что февральская книжка уже готова и предстоит готовиться к мартовской.

До свидания. Сегодня я выезжал и страшно кашляю. А тут приходится Южакова читать [4] да Парижское письмо [5] — а это еще более кашель обостряет. За всем тем, я собрался с духом и начертал небольшой фельетон [6]. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 13—14.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 246—247.

---

[1] Речь идет о ежемесячной хронике «Записки публициста», которую С. Н. Южаков начал вести со второго номера *Отеч. записок* за 1884 г. До этого хронику вел С. Н. Кривенко под заглавием «По поводу внутренних вопросов». В составлении хроники в двух номерах *Отеч. записок* (1883, № 12; 1884, № 1) вместе с С. Н. Кривенко принял участие С. Я. Капустин.

[2] Начиная с мартовской книжки *Отеч. записок* «Внутреннее обозрение» (1884, №№ 3—4) вел Я. В. Абрамов.

[3] Имеется в виду очерк «Наконец, нашли виноватого!» из цикла «Волей-неволей» (*ОЗ*, 1884, № 2).

[4] Кроме «Записок публициста» Южакова, в февральском номере *Отеч. записок* напечатано еще окончание его статьи «Вопрос национализации земли в Англии».

[5] Имеется в виду «Хроника парижской жизни» Шассена (*ОЗ*, 1884, № 2).

[6] Очерк «Между делом».

989. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

8 февраля 1884. Петербург

8 февраля.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я забыл Вас об одной вещи, во вчерашнем письме, попросить: [1] напишите, пожалуйста, Скабичевскому, какою статьей Вы полагаете начать 2-й отдел (Абрамов пойдет в 1-ый отдел) [2]. Это необходимо, потому что Чижов на нынешней неделе уже почти половину 1-го отдела наваляет, а там уж дело станет за Успенским и за мною.

Ужасно обидно: задумал я сказку под названием: «Пестрые люди» написать (об этом есть уже намек в сказке «Вяленая вобла»), как вдруг вижу, что Успенский о том же предмете трактует! [3] Ну, да я свое возьму не нынче, так завтра.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, л. 15.

Впервые опубликован отрывок: «Русская мысль», 1890, № 4, отд. II, стр. 165; полностью: *Письма*, стр. 248.

---

[1] Салтыков, по-видимому, имеет в виду свое письмо к Михайловскому от 6 февраля 1884 г. (988).

[2] В февральском номере *Отеч. записок* помещена заметка Я. В. Абрамова о книге М. М. Ковалевского «О сословно-поземельных отношениях

у горцев Северного Кавказа». Трудно предположить, что именно ее Салтыков хотел поместить в первый отдел журнала. Вероятно, он имел в виду напечатанную в следующем, третьем номере журнала первую часть статьи Абрамова «Выговские пионеры (К вопросу о роли раскола в деле колонизации России)».

[3] Г. И. Успенский. Волей-неволей (Отрывки из записок Тяпушкина).— *ОЗ*, 1884, № 2.

990. В С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

13 февраля 1884. Петербург

Имея в виду сделать исправления в февральской книжке «Отечественных записок», представленной в Цензурный комитет 10 февраля, прошу комитет возвратить мне представленные экземпляры, взамен каковых будут доставлены новые, исправленные.

[Издатель] Редактор

Салтыков.

13 февраля 1884 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГИА*, ф. 777, оп. 2, 1865 г., № 60, л. 421. Написано рукой секретаря С.-Петербургского цензурного комитета Н. Пантелеева; автограф — только подпись Салтыкова.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, стр. 169.

Напечатанные в конце первого отдела (стр. 535—558) сказки Салтыкова «Добродетели и пороки», «Медведь на воеводстве», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель», «Вяленая вобла» были изъяты по требованию цензуры (см. в наст. изд. т. 16, кн. 1, стр. 41—72, 453—459).

991. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

13 февраля 1884. Петербург

13 февраля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Хотел сейчас же ответить на Ваше письмо, но «Отеч<ественные> зап<иски>» 2 № был в цензуре, думаю: дай выжду. И выждал. На этот раз похерили, то есть вынули из книжки мои 4 сказки. Ничего там, по совести, не было, как не было и в первых трех сказках, да в одной являлся действующим лицом (совсем, впрочем, второстепенным) — являлся лев — вот и сочли за аллегорию, да заодно уж и прочие 3 похерили[1]. Выходит, что если б теперь Крылов писал свои басни, то редкую из них не заподозрили бы.

А у нас в журнале и еще история: Кривенку арестовали[2].

Что такое он наделал — и придумать не могу. Не ко двору — вот и все. И слышно, что в результате все-таки должна быть высылка. Но представьте мое положение. Я теперь в журнале остался совсем один с Скабичевским. И это при неизлечимом моем недуге. Давеча меня потребовали в цензурный комитет для вырезок, так я насилу доехал. Верите ли, что я совершенно искренно говорю, что самое лучшее теперь было бы умереть. Замечательно, что и публика не поддерживает нынче. Целые массы людей, в которых прежде нечто брезжилось, вроде сочувствия лично ко мне, без всякой церемонии отвертываются. В прошлом году «Отеч<ественные> зап<иски>» потеряли около 1500 подписчиков; нынче подписка, сравнительно с прошлым годом, идет на 700 чел<овек> меньше. *Мои сочинения не покупают,* так что Карбасников, который купил у меня 5 книг, весьма горюет, а может быть и не заплатит по векселям [3]. А у меня и к мартовской книжке уже было 4 сказки в типографию сдано, и я должен был и их взять обратно. Вот увидите, что я очень скоро буду позабыт совсем, и ежели смерть не освободит меня, то буду влачить больную и полуголодную старость, окруженный ласками любящей жены, которая будет с утра до вечера твердить: денег! денег! денег! Представьте себе, она летом уже наняла дачу на Сиверской станции за 1000 р., не видавши ее, только на основании рекомендации владельца. И это в такое время делается, когда закрытие «Отеч<ественных> зап<исок>» на носу.

От Елисеева я не имею известий, но Ек<атерина> Пав<ловна> [4] пишет, что Гр<игорий> Зах<арович> *чуть было* не поехал в Петербург, вычитав где-то об аресте Кривенко, но убоялся будто бы, что Боткин его забранит. Хорошо, право, что Боткин под рукой и можно на него ссылаться. Да и я очень ему за это благодарен, потому что я положительно не понимаю, чем бы я мог занять Елисеева. Я, кажется, Вам писал, что, с истечением контракта [5], я предложил ему, в виде пенсии, 200 р. в месяц, покуда я буду редактором. Представьте теперь, что он прискачет в Петербург. Писать он не может, редакторствовать — тоже; стало быть, что̀ же ему остается делать? Держать салон и говорить умные речи? — так ведь это совсем не так необходимо, да и дорого за салон платить 9—10 тысяч. У него, я полагаю, до 50 т. р. капитала есть. Хоть это и немного, а все-таки вдвоем прожить можно (у меня на руках его проц<ентных> бумаг 11 т. р., приобретенных за время пребывания за границей). Особливо если принять в соображение его расчетливость и малые требования Екат<ерины> Павловны. Но довольно об этом. Вероятно, минуты «Отеч<ественных> зап<исок>» сочтены; стало быть, и ехать не к чему будет.

Я очень жалею, что Вы так долго были больны и от такой непростительной во враче неосторожности. Радуюсь, что все-таки болезнь Ваша приходит к концу. В начале марта отправляется Лорис-Меликов, кажется, прямо в Ментону. Он спрашивал меня, до каких пор Вы там пробудете. Он очень-очень был болен и теперь даже сидит в кресле.

На днях арестовали книгу Льва Толстого — я не читал и не знаю содержания, но что-то вроде «Моя вера» — но этого мало[6]. Валуев (бывший министр), соревнуя Толстому, тоже выпустил Исповедание веры и думал к великому посту расторговаться, как вдруг и на нее цензура наложила руку[7]. Теперь он, говорят, восклицает: вот до чего мы дожили!

Еще бы!

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

До свидания — хоть и не понимаю, где же мы увидимся, ежели Вы летом сюда не приедете? — Во всяком случае, крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, п. 7, № 36.

Впервые опубликовано: «Русское богатство», 1913, № 3, стр. 54—55.

---

[1] О сказках Салтыкова см. письмо 990, прим. 1.

[2] Об аресте Кривенко см. письмо 981, прим. 2.

[3] В издании Н. П. Карбасникова вышли следующие книги Салтыкова: «Сборник. Рассказы, очерки, сказки» (изд. 2-е. СПб., 1883); «Круглый год» (изд. 2-е. СПб., 1883); «Благонамеренные речи» (изд. 2-е. СПб., 1883); «Современная идиллия» (СПб., 1883); «Недоконченные беседы («Между делом»)» (СПб., 1885); «Пошехонские рассказы» (СПб., 1885).

[4] Жена Г. З. Елисеева.

[5] О продлении контракта Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[6] Речь идет о книге Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» (М., 1884). По мнению духовного цензора, эта книга вредна «по мыслям, явно противным учению и духу христианства, разрушающим начала нравственного учения его, устройства и тишину церкви и государства» (Л. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, стр. 150—151).

[7] Салтыков имеет в виду задержанную цензурой, но вскоре разрешенную к выпуску в свет книгу П. А. Валуева «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» (СПб., 1884). В конце 1886 г. Валуев вновь представил рукопись этой книги в С.-Петербургский комитет духовной цензуры для повторного издания. Ознакомившись с рукописью, цензор комитета вернул ее автору «без цензурного дозволения к печати» *(ЦГИА,* ф. 908, оп. 1, № 36).

992. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

14 февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Письмо сие передаст Вам А. М. Скабичевский. Увы! мои сказки похоронены, и что еще больше досадно, я на март передал в типографию еще 4 сказки и думал, что отработался, а выходит, что только всуе труждался зиждущий и должен был сегодня же взять сказки эти обратно[1]. Ибо там действующим лицом является Орел, а из слов Петрова я заключаю, что в февральских сказках главным образом обращено было внимание на Льва. А ныне и Крылову запретили бы писать на эти темы.

Скажу Вам откровенно, мне становится невыносимо скучно. И стар я и болен, а тут еще в цензурный комитет требуют и работу уничтожают. Крепко подумываю я об отставке, хотя полуголодная старость вовсе для меня не привлекательна, особливо при тех требованиях, которые установились в моей семье. Но ведь дело все-таки, очевидно, к тому идет. Представьте себе, что дано 3-е предостережение — ведь вырезка статьи есть благосклонность, на которую нельзя рассчитывать, ежели не представляются доказательства исправления — и закрытие журнала на 6 месяцев. Как тогда поступить? Что делать с редакцией в течение этого времени? Продолжать уплачивать содержание, но из чего? Уж и теперь подписка ниже прошлогодней на 700 подписчиков, а дальше, вероятно, пойдет хуже. Выше 7500 ожидать нельзя, потому что в настоящую минуту всего 6925. Я, по крайней мере, положительно намерен, в случае 3-го предостережения, окончательно отказаться. Повторяю Вам: я совсем не в таких блестящих обстоятельствах, чтобы не нуждаться в «Отеч<ественных> зап<исках>», но положительно недоумеваю, как тут быть. Добавьте к этому еще след<ующее>. Петров, требуя от меня сегодня вырезки статьи моей, между прочим выразился, что это делается по особенному вниманию Феоктистова, который не хочет покуда дать 3-го предостережения и, приостановив журнал, *отдать его под цензуру*. Когда же я возразил, что правило об отдаче под цензуру до больших журналов не касается, то он не без иронии воскликнул: «ах, да! я и забыл! точно! точно! не касается!» В сущности, очевидно, что у них уже все подстроено и готово.

На всякий случай, не хотите ли Вы такую комбинацию? Дождавшись выхода мартовской или, пожалуй, апрельской книжки, предложить редакцию Карновичу. Вы бы могли оставаться в том же положении — об этом можно бы с Карнов<ичем>

условиться — и прочие сотрудники тоже. Я же продолжал бы участвовать в журнале в качестве сотрудника.

Пишу Вам все сие откровенно и жду Вашего откровенного ответа. Войдите в мое положение не только как редактора, но и как участника в распоряжении матерьяльными средствами журнала. Нехорошо, ежели он будет доведен до банкротства, а это непременно будет, ежели продолжать те же траты, которые делались доныне и против которых я никогда не возражал, покуда шло процветание.

До свидания. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Письмо сие предайте смерти посредством сожжения.

С.

Полонский Яков пишет в «Ниве» воспоминания о Тургеневе;[2] я только в последнем № прочитал — нельзя себе представить, что это за глупость. А прежде, говорят, еще глупее было. Это мзда за якшание Тургенева со всяким смердом. Как только умер, так и поползли к его трупу черви неусыпающие.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 17—18.

Впервые опубликован отрывок: «Русская мысль», 1890, № 4, отд. II, стр. 165; полностью: *Письма,* стр. 248—250.

---

[1] О сказках см. письмо 990, прим. 1.

[2] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. Из воспоминаний («Нива», 1884, №№ 1—8).

993. Л. Н. ТОЛСТОМУ

14 февраля 1884. Петербург

14 февраля.
Литейная, 62.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич.

Благодарю Вас за доброе и благорасположенное письмо и прошу извинить, что не скоро ответил на него[1]. Очень уж жизнь преисполнена всякого рода треволнений. С сердечною скорбью узнал я об аресте Вашей книги, которая так была Вам дорога как плод Ваших искреннейших убеждений[2]. К величайшему сожалению, я не читал ее, но А. М. Кузьминский обещал мне ее <1 сл. нрзб.> прислать, и я жду этой присылки с большим нетерпением.

Несколько в иных размерах, но и со мной случилась сегодня в таком же роде проделка. В февральской книжке «Отеч<ественных> записок» я поместил продолжение «Сказок» и получил предложение исключить их из книжки, что, разумеется, и выполнил, ибо в противном случае всей книжке угрожал арест, а может быть и более[3]. Но всего досаднее то, что я и для мартовской книжки приготовил несколько сказок и теперь должен всю эту работу похерить. А для меня это вещь очень существенная и в материальном отношении.

Представьте себе, что теперь я в редакции — совершенно один. Редакция из трехчленной превратилась в одночленную, ибо Елисеев безнадежно болен и уже 3 года живет за границей, а Михайловский выслан из Петербурга[4]. Вдобавок, в январе арестовали Кривенко, который отчасти мог заменить Елисеева. В результате оказывается полнейшая анархия, потому что я стар и болен. Не могу даже представить себе, как я с этим справлюсь.

Замечательно, что и публика охладевает к журналу. Очевидно, в самом воздухе существует давление, в силу которого отступники и перебежчики являются массами. У нас в прошлом году убыло около 1500 подписчиков, да и в нынешнем, сравнительно, идет на убыль до 1000 человек. Стало быть, и оттуда поддержки нет, так что остается, по-видимому, только кануть в волны забвения. В сущности, это единственный завидный удел.

Ежели Вы приводите в исполнение Ваше намерение относительно помещения в «Отеч<ественных> зап<исках>» Вашего труда, то это будет для всех и в особенности для меня величайшею радостью[5]. Позвольте надеяться, что Вы не обойдете нас, ежели Вам хоть сколько-нибудь сочувствен наш журнал.

Извините, что настоящее мое письмо к Вам и коротко и даже бестолково. Поверьте, что я и нравственно и физически истерзан цензурными похождениями.

До свидания. Прошу Вас верить моей искреннейшей привязанности.

М. Салтыков.

Читали ли Вы воспоминания Якова Полонского о Тургеневе (в «Ниве»). Давно ли умер человек, а черви неусыпающие так и ползут со всех сторон. Там и об Вас упоминается[6].

Печатается по подлиннику: Музей Л. Н. Толстого (Москва).

Впервые опубликовано: «Письма Толстого и к Толстому». М.— Л., 1928, стр. 256—257.

[1] Упоминаемое письмо Толстого неизвестно.

[2] Об аресте книги Толстого см. письмо 991, прим. 6.

[3] О сказках для февральской кн. *ОЗ* за 1884 г. см. письмо 990, прим. 1. Для мартовской кн. Салтыков подготовил, но вынужден был изъять сказки: «Орел-меценат», «Карась-идеалист», «Топтыгин 2» и «Топтыгин 3» из триптиха «Медведь на воеводстве».

[4] О высылке Михайловского см. письмо 876, прим. 1.

[5] Намерение Толстого о сотрудничестве в *Отеч. записках* не осуществилось, так как на четвертом номере издание журнала было запрещено.

[6] Имеется в виду посещение Толстым 9—10 июля 1881 г. имения Тургенева Спасское-Лутовиново (Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. Из воспоминаний.— «Нива», 1884, № 5; см. также: Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 49. М., 1952, стр. 51).

994. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

18 февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

«Отверженный Лондон» я напечатал, не дождавшись Вашего согласия, потому что сношения с Вами несколько для меня затруднительны, да притом статья эта уже два месяца как набрана и я полагал, что она дойдет до Вас тем порядком, который Вы сами устроили. Эта статья очень интересная, полубеллетристическая [1]. В настоящее время вопрос об этом занимает парламент.

Опечатки, действительно, неприятны. Но так как «Сказки» вырезаны, то можно с этим помириться. В остальных статьях большинство ошибок зависит от лиц, читающих 3-ьи корректуры. В статьях, читаемых мною, ошибок очень мало. Иные авторы до такой степени уродуют корректуры (напр<имер> Успенский), что ничего разобрать невозможно. А он напортит, да и уедет.

Весь Ваш

М. Салтыков.

18 февраля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, л. 19.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 251—252.

---

[1] Автором статьи «Отверженный Лондон» (*ОЗ*, 1884, № 3), по-видимому, был Н. Н. Фирсов.

995. А. И. ЭРТЕЛЮ

25 февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Александр Иванович.

Хотя Вы и возвестили мне приезд Г. И. Успенского, но он не был. Рассказы я Ваши прочитал и охотно помещу их в апрельской книжке [1], ежели Гаршин не доставит к сроку обещанной им работы. В противном случае (так как места не будет) я отложу печатание до мая.

Я просил бы Вас уведомить меня о размере гонорара. Я заранее согласен на тот, который платит Вам «Вестник Европы».

Готовый к услугам
М. Салтыков.

25 февраля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 349, п. 11, № 60.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 393.

---

[1] Были опубликованы в *Отеч. записках* (1884, № 4).

996. А. И. ЭРТЕЛЮ

27 февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Александр Иванович.

Я никак не могу ручаться, что в «Отеч<ественных> зап<исках>» будет помещена вся серия «Миниатюров» [1]. Поэтому я прошу Вас не стесняться моим первым письмом, тем более, что и гонорар, 125 р. за лист, в сравнении с прочими, постоянными сотрудниками «Отеч<ественных> зап<исок>», представляется несколько высоким.

Рукопись Ваша находится у меня.

Уважающий Вас
М. Салтыков.

27 февраля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 349, п. 11, № 60.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 393—394.

---

[1] О «Миниатюрах» см. письмо 997 и прим. к нему.

997. А. И. ЭРТЕЛЮ

28 февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Александр Иванович.

Я уже писал Вам, что охотно напечатаю находящиеся у меня «Миниатюры» [1], но что никак не могу ручаться за последующие Ваши работы. Теперь от Вас зависит обсудить, не расстроит ли это случайное сотрудничество в «Отеч<ественных> зап<исках>» Вашего *постоянного* сотрудничества в «Вестнике Европы».

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

28 февраля.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 349, п. 11, № 60.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 394.

Ответ на письмо А. И. Эртеля, в котором он, в частности, писал: «Тут произошло недоразумение. «Миниатюры» мои вовсе не представляют и не представят из себя никакой непосредственной связи. Я уже ни в каком случае не рассчитывал заручиться Вашим согласием на помещение в «Отечественных записках» будущих моих рассказов — это было бы чересчур наивно. Я только на тот конец просил Вашего разрешения прислать Вам *лично* будущую мою работу, ибо знал, что в редакции «Отечественных записок» иногда читают «беллетристику» другие лица; мне же, как, вероятно, и всякому, приятнее и дороже иметь «судьею» Вас, раз это оказалось возможным на первый раз. И все-таки это не условие... Что же касается до гонорара — то я нигде и никогда не назначал его сам, это казалось мне противным и уж во всяком случае второстепенным. Тот или другой размер вполне зависит от Вас» («Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 6, 1940, стр. 69). Первую попытку сотрудничать в *Отеч. записках* Эртель предпринял в конце 1882 г. В письме к нему от 6 ноября 1882 г. Михайловский сообщил: «М. Е. Салтыков не находит Ваш рассказ удобным для напечатания в «Отечественных записках» (*ГБЛ,* ф. 349, карт. XV, № 19).

---

[1] А. И. Эртель. Миниатюры (*ОЗ,* 1884, № 4).

998. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

Конец февраля 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я узнал, что Южаков вновь является в мартовской книжке с «Записками» и сдал уже их в типографию. Признаюсь, я на это водворение не рассчитывал. Отныне, стало быть, вместо двух статей текущего интереса, будет являться четыре: Ваша,

Абрамова, Южакова и моя, ибо и меня лукавый подбил писать «Между делом». Мне кажется, что это много. Ваша и Абрамова статьи безусловно нужны (не знаю, как справится Абрамов); моя тоже, я полагаю, небесполезна, тем более что мне в первом отделе не везет[1]. Вы жалуетесь, что 2-му отделу дается мало места, но как же иначе быть. «Отеч<ественные> зап<иски>» уже 16 лет журнал, по преимуществу, литературный, и *большая* публика это знает. Вот худо, что материал не совсем удачный, но до сих пор, однако ж, недурно, и в марте беллетристика будет хороша: Ясинский очень хорошую повесть написал[2]. Вот г. Успенский каждую неделю обещает: в будущую среду непременно, и все-таки ничего не присылает[3]. До четверга подожду, а в четверг, ежели не пришлет, отдам набирать Буханова рассказ[4]. Сам я пишу Пошехонский рассказ[5], но так как я рассчитывал на новые сказки, которые были уже совсем готовы и сданы в типографию, то понятно, что, взяв их назад, я не могу поспеть скоро. К тому же, я до того болен (понос четыре дня кряду и необычайная слабость), что даже в редакции не мог сегодня быть. А туда, как нарочно, приплелась Зайончковская, которая в квартиру ко мне, как вдова, идти опасается: как бы чего не вышло. Я слышал, что эта дама в Москве у вдовы, купчихи Морозовой, заем в 4 т. р. сделала и что вообще весь состав «Русской мысли» около этой благодетельницы похаживает. Кто русскую литературу ей читает, кто — социологию. Чуть ли даже «Римских женщин» по Тациту. Златовратский в Москве роль играет и тоже нашел в Морозовой сочувственницу и покровительницу. Теперь он об «Отеч<ественных> зап<исках>» и слышать не хочет, а ополчается против Успенского и хочет последнего раздавить. Аника-воин. Я всегда подозревал, что он зол и упорен, но теперь и еще качество открывается: глупость. Должно быть, я его очень рассердил, написав ему, что его статья (она в 1-м № «Р<усской> мысли» напечатана, но прислана была в «Отеч<ественные> зап<иски>») напоминает трактирные беседы благомысленных бахвалов, переливающих из пустого в порожнее насчет мужицкой «правоты», которую он, Златовратский, никак найти не может[6].

Что бы Вам написать об Тургеневе и могильных червях: Полонском[7], Буренине[8] и проч.

Подписка стоит так: к 20 февр<аля> было 7075 подписчиков, а в прошлом году 7790, а в позапрошлом 8900. Вот и надейтесь на сочувствие. Можно надеяться, что 600 подписчиков еще прибавится, но не больше.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 21—22.
Впервые опубликовано: Письма, стр. 252—254.

---

[1] Салтыков имеет в виду следующие статьи в третьем номере *Отеч. записок:* С. Н. Южаков. Записки публициста; Я. В. Абрамов. Внутреннее обозрение; Н. К. Михайловский. Письмо в редакцию; М. Е. Салтыков-Щедрин. Между делом.

[2] И. И. Ясинский. Спящая красавица. Рассказ (*ОЗ*, 1884, № 3).

[3] Г. И. Успенский. Волей-неволей (Отрывки из записок Тяпушкина) — *ОЗ*, 1884, № 3.

[4] Описка Салтыкова. Надо: Бухалова. В № 3 его рассказ не напечатан.

[5] М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы. Вечер шестой. Фантастическое отрезвление (*ОЗ*, 1884, № 3).

[6] Н. Н. Златовратский. Очерки народного настроения, гл. I—II («Русская мысль», 1884, № 1).

[7] О воспоминаниях Я. П. Полонского см. письмо 992, прим. 1.

[8] Воспоминания В. П. Буренина в печати не появлялись (см.: Л. Г. Гринберг. Материалы для библиографии воспоминаний о Тургеневе.— *ЛН*, т. 73, кн. 2, стр. 418). Салтыков, очевидно, имеет в виду только что вышедшую книгу Буренина «Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд» (СПб., 1884).

999. А. А. КРАЕВСКОМУ

9 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Андрей Александрович.

Я вчера был у Феоктистова (в первый раз, хотя физиономия показалась мне несколько знакомой); он мне обещал, что не будет принято против «Отеч<ественных> зап<исок>» мер без предварительного соглашения со мной. Это очень мало, но все-таки, что-нибудь. Он же мне сказал, что и гр. Толстой не желает предпринимать что-либо лично против меня, по старому товариществу[1]. Неприятно одно: теперь будут надоедать с вырезками.

Весь Ваш

М. Салтыков.

9 марта.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 391, № 690, л. 6.
Впервые опубликовано: «День», 1914, № 114, 28 апреля.

---

[1] Е. М. Феоктистов занимал пост начальника Главного управления по делам печати (с 1 января 1883 г. по 23 мая 1896 г.), а Д. А. Толстой, с которым Салтыков учился в лицее,— министра внутренних дел (с 30 мая 1882 г. по 25 апреля 1889 г.).

1000. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

11—12 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Посылаю Вам статью Григ<ория> Захаровича[1], дьявольски переписанную Екат<ериною> Павл<овной>[2]. Я получил ее в субботу с запиской о напечатании в мартовской книжке; но так как мартовская книжка была уже закончена, то желание это не могло быть исполнено. Я, однако ж, ее прочитал и нахожу, во-первых, что она длинна, и, во-вторых, фактическая часть ее не вполне тверда и может повести к вопросу о диффамации. Но так как, вслед за тем, я от Гр<игория> Зах<аровича> получил и письмо, в котором он пишет, что статью его можно сократить или даже воспользоваться ею в качестве материала, то я и посылаю ее Вам[3]. Пожалуйста, прочитайте и посмотрите, нельзя ли тут что-нибудь сделать. Можно бы для «Внутр<еннего> обозр<ения>» переработать. Во всяком случае, мне надо дать ответ Елисееву, а Вы знаете, какой это самолюбивый старец. По прочтении, уведомьте.

Я был у Феоктистова, который принял меня крайне вежливо. Говорил я с ним много и изобильно, и он сам, наконец, вызвался, что ни к каким мерам относительно «Отеч<ественных> зап<исок>» не прибегнет, не войдя предварительно в соглашение со мной. Может быть, это на воде вилами написано, но, по крайней мере, таково было его обещание. Еще он мне сказал, что и гр. Толстой при докладе ему «Сказок» выразился, что он не желал бы принимать против меня меры и приказал войти в соглашение со мной, которое, конечно, и кончилось вырезкою «Сказок». Я теперь одного боюсь: что они ко мне со всякими пустяками будут ходить. Ужасно скверно.

Был у меня Александр Островский, который приехал благодарить за пенсию[4]. Спрашивал об Вас и даже сказал, что в день отъезда будет Вам телеграфировать, не желаете ли Вы его в Любани видеть. Дня отъезда он определительно не назначил, но сказал так: во вторник или в среду. Разумеется, с курьерским поездом.

Вот пока все новости. Будьте здоровы.

Ваш

М. Салтыков.

Воронцов целый лист опечаток прислал[5]. И когда я сказал Скабичевскому, что не мешает внимательнее смотреть, то он ответил мне: а Вы еще хуже читаете — мне Михайловский сказал. Я было начал доказывать, что никогда я таких явных

нелепостей не пропущу, какие приводит Воронцов; на что он возразил: а вы еще нелепее. Разумеется, я бросил.

Это называется: отстаивать самостоятельность.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 23—24.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 254—255. Датируется предположительно по сравнению с письмом к Г. З. Елисееву от 12 марта 1884 г.

---

[1] Статья Г. З. Елисеева «Заметки о деле волчанского исправника Зографа по печатным документам» (*ОЗ*, 1884, № 4) опубликована анонимно.

[2] Жена Г. З. Елисеева.

[3] Имеется в виду письмо Елисеева к Салтыкову от 3/15 февраля 1884 г., в котором он, в частности, писал: «Посылаю при сем конец моей статейки по делу Зографа. Это моя первая попытка после болезни на работу. Написана очень неважно, представляет почти сырой материал. Потому можете черкать и исправлять, как Вам угодно,— можете даже воспользоваться ей просто, как материалом для заметки о деле Зографа, если только найдете нужным написать такую заметку от редакции в виду раздутого «М<осковскими> в<едомостями>» дела Зографа» (*Письма Елисеева*, стр. 134).

[4] А. Н. Островскому была пожалована пожизненная пенсия — 3000 рублей в год.

[5] Присланные В. П. Воронцовым опечатки к статье «Капитализм и рабочая интеллигенция» (*ОЗ*, 1884, № 2) помещены в № 3, стр. 1—2 отдельной пагинации.

1001. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

12 марта 1884. Петербург

12 марта.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Письмо[1] и окончание Вашей статьи я получил в субботу 10-го числа[2], когда мартовская книжка была уже совсем закончена и, только по неряшеству Чижова, не могла быть в тот день отослана в цензуру, а отослана сегодня. Я, впрочем, прочитал ее и нашел, что она несколько длинна. Сверх того, при изложении фактической стороны дела многое говорится предположительно, так что из этого может возникнуть процесс о диффации[3]. При нынешнем положении все возможно, тем более что Катков не далее как в сегодня полученном № (от 11 числа) опять трактует о деле Зографа и по обыкновению с пеной у рта. Я вновь пересмотрю статью и ежели можно ее несколько сократить, а предположениям дать вопросительную форму (Вы в письме уполномачиваете меня на сокращения), то в апрельской книжке она пойдет.

У меня из февральской книжки опять вырезали 4 сказки[4], и я еще должен быть благодарен, что только вырезали, а не инако поступили. Плохо мне. Совсем из литературы вытесняют. Силы уже не прежние, производительность убавляется, а тут уничтожают и то, что могу писать. Я для мартовской книжки еще 4 сказки приготовил и уже сдал было в типографию, но должен был взять обратно. Думал отдохнуть хоть две недели, а пришлось другое писать для марта[5]. В апреле напишу только фельетон[6]. Вообще хоть застрелиться так впору.

Дела журнала не блестящи. Подписка падает больше и больше. Это служит Вам доказательством, как легко меняется у нас общественное мнение и как легко воздействовать на него. *Моих* книг почти совсем не покупают, и я полагаю, недалеко время, когда совсем обо мне позабудут.

В конторе постепенно накопляются Ваши деньги, к которым следует причислить и 250 р. процентов с облигаций П<етер>-бургского кредитн<ого> общ<ества>. С выходом мартовской книжки образуется около 1000 р.— как поступить с ними? Хотя я ставил Вам этот вопрос неоднократно, но Вы на него не отвечаете, а меня денежные дела тревожат. У меня же хранятся Ваши облигации 10 900 р. (Лихачев 5 т. р. тоже мне передал), а я никак не могу удосужиться съездить в банк, чтоб узнать, каким образом вносятся на хранение капиталы третьего лица, а жена едва ли что-нибудь узнает. Из последнего письма вижу также, что Вы собираетесь из Рима, но куда — опять-таки определительно не пишете. Уведомьте, пожалуйста, куда Вам высылать накопившиеся наличные деньги и в каком виде. Теперь курс несколько поправился.

Кривенко все еще сидит, и когда выйдет — никто не знает[7]. Он все просит, чтоб его на поруки взяли, да ныне никому это не лестно. И замечательно, что обращаются к Вл<адимиру> Ив<ановичу>[8], и я насилу могу убедить, что это совсем для него дело не подходящее.

В мартовской книжке «Внутр<еннее> обозр<ение>» писал Абрамов. Когда получите (если выйдет), то прочтите и скажите Ваше мнение. Кажется, что Абрамов будет дельнее Кривенко и в тысячу раз талантливее Южакова, который навязался с «Записками публициста» и теперь кончает каждую статью словами: об этом поговорим в след<ующий> раз. А мне эти слова вычеркнуть совестно. Между тем, исправлять эти статьи — сущее наказание, ибо в том виде, в каком он их доставляет, они являют собой образец невнятного бормотанья. Этого Южакова привлек Михайловский, а теперь и сам кается, но так как они соединены узами дружбы, то мне

предоставлена такая дилемма: или совсем устранить это сотрудничество, или же взять на себя переводить его на внятный язык.

Вообще мое положение чисто каторжное. Никогда не испытывал я ничего подобного. Вспомните, как жуировал Некрасов, покуда мы с Вами распинались.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне. Жена шлет Вам обоим поклон.

До свидания; жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Ел<ена> Осиповна[9] четыре недели сряду была опасно больна воспалением яичника. И теперь еще очень слаба и похудела так, что узнать нельзя. Боткин два раза в неделю ездит, а лечит Суслов.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 25.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, стр. 46—47; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 397—398.

---

[1] О письме Елисеева см. письмо 1000, прим. 3.

[2] Об этой статье см. письмо 1000, прим. 1.

[3] Описка Салтыкова. Надо: диффамации.

[4] О «Сказках» Салтыкова см. письмо 993, прим. 3.

[5] См. письмо 998, прим. 5.

[6] В № 4 *Отеч. записок* Салтыков поместил очередную главу «Между делом».

[7] Об аресте Кривенко см. письмо 981, прим. 2.

[8] В. И. Лихачев.

[9] Е. О. Лихачева.

1002. А. Н. ОСТРОВСКОМУ

12 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Был вчера утром у Вас и, к величайшему сожалению, не застал, хотя старался поспеть раньше, то есть до часу. Желаю Вам счастливого пути и всяческих благополучий.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

12 марта.

Печатается по подлиннику: *ГЦТМ,* ф. 200, № 2309.

Впервые опубликовано: *Из архива Островского,* стр. 533. Островский выехал из Петербурга в Москву 23 марта 1884 г. Судя по письму Салтыкова, он, видимо, собирался уехать раньше (Л. Р. Коган. Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М., 1953, стр. 327).

1003. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

14 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Вы ставите меня в весьма неприятное положение, присылая мне полемические статьи, не мною и не по моей инициативе возбужденные, и заставляя меня читать зиберовские точки. Конечно, о Зибере следовало отозваться с меньшей развязностью и, во всяком случае, не называть его безграмотным, так как он сотрудник «Отеч<ественных> зап<исок>». Но возражение Зибера, в последней его четверти, до того грубо, что едва ли ловко его печатать в «Отеч<ественных> зап<исках>»[1]. Но тут встречается след<ующее> обстоятельство. Возражение это, по-видимому, прислано давно, и ежели теперь написать ему, что лучше напечатать возражение в другом журнале, то он может сказать, что время прошло. По-моему, Вам надлежало сделать это сразу и лично, а не поручать г. Южакову. Теперь мы бы уже покончили с этим делом и, вероятно, уже увидели бы возражение Зибера где-нибудь напечатанным. А то, возьмите в соображение: Южаков будет возражать, а Зибер опять возражать и т. д. без конца. Я бы и теперь сделал что-нибудь решительное, но не знаю, кто такое Зибер, ни адреса его. Даже г. Южакову Вы не внушили объясниться со мной, а просто кинули мне возражение Зибера: читай и поступай как знаешь. Клянусь Вам, у меня так много дела, что я решительно не успеваю.

Что касается до ассистентов Ковалевского, то я совсем не понимаю, в чем дело. Если только в том, был ли Ковалевский в одном или во многих аулах, то отчего же и не напечатать? Я думаю, что Абрамову и отвечать нет надобности. Был так был. В будущий понедельник я об этом переговорю с Абрамовым[2].

Я послал Вам статью Г. З. Елисеева, но Вы не пишете, получили ли ее и приступили ли к ее чтению[3]. Вопрос этот для меня очень важен, ибо Елисеев человек самолюбивый и притом больной.

Не пишете Вы также, какая статья пойдет первою во 2-ом

отделе? А это тоже очень важно, потому что, по случаю Пасхи, надо с 4-м № поспешить. Правда, что с 3-м № еще не кончено в цензуре (срок в пятницу), но уже сегодня ко мне присылали подписать 3 листа 4-го № *для печатания*. Я и с своей стороны прошу Вас поспешить, во-первых, назначением 1-ой статьи для 2-го отдела[4], и во-вторых, присылкою Вашего «Письма» для 4 №[5].

Ввиду медленного хода подписки (до сих пор не дошло еще до 7400) я распорядился, чтобы начиная с 4-го № журнал печатался в количестве 8150 экз. вместо 8650 экз., как в прошлом году.

Желаю Вам всего лучшего и дружески жму Вашу руку.

Ваш
М. Салтыков.

14 марта.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 25—26.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 255—257.

---

[1] С. Н. Южаков написал рецензию на книгу Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» (*ОЗ,* 1883, № 12). В ответ на содержащуюся в этой рецензии критику Зибер прислал полемическую статью, которая, однако, не была напечатана в *Отеч. записках.*

[2] Речь идет о напечатанной в *Отеч. записках* (1884, № 2) заметке Я. В. Абрамова, посвященной статье М. М. Ковалевского «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа» («Русская мысль», 1883, № 12).

[3] О статье Г. З. Елисеева см. письмо 1000, прим. 1.

[4] Второй отдел четвертого номера *Отеч. записок* открывался статьей «Сельская школа и сельский учитель», подписанной буквой «А».

[5] Н. К. Михайловский. Научные письма (*ОЗ,* 1884, № 4).

1004. С. Н. ЮЖАКОВУ

14 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Не будете ли Вы так любезны зайти ко мне завтра в четверг, между 1—2 час<ами> для переговоров по поводу ответа г. Зибера, который Ник<олай> Конст<антинович> свалил с своих плеч на мои[1].

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

14 марта.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 138.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 400.

---

[1] О полемической статье Н. И. Зибера см. письмо 1003, прим. 1.

1005. С. М. БАРАЦУ

19 марта 1884. Петербург

Милостивый государь Семен Моисеевич.

Согласно с предложением Вашим, имею честь покорнейше просить Вас продать принадлежащие г. Елисееву облигации С. П<етер>б<ургского> гор<одского> кред<итного> общ<ества> на сумму 11 т. р. номинально (2 по 5 т. р. и 1 в 1 <т.> р.) и имеющие получиться через продажу деньги перевести на парижскую контору г. Гинцбурга векселем на 3 месяца по курсу, который имеет быть сегодня на бирже. Вексель этот прошу Вас переслать г. Елисееву по след<ующему> адресу: M-r Grégoire Elisséieff, Paris, boulevard Jourdan 2 bis; мне же будьте так любезны прислать расчет в 2-х экз., так чтоб я мог один из них послать г. Елисееву. Так как я весьма болен, то просил бы Вас прислать расчет и выполнить мою просьбу завтра утром; я же посланному Вашему передам и самые облигации.

Извиняясь за беспокойство, прошу Вас верить моей искренней преданности.

М. Салтыков.

19 марта.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 4.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, стр. 145—146.

1006. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Предвидеть, кто и каким образом «прималжется»,— решительно невозможно. И я пишу по-русски, и Суворин пишет по-русски, но из этого не следует, что мы солидарны. Вопрос о «чествовании» Шпильгагена есть один из тех, которые ни в каком случае не возбуждают вопроса о солидарности. Я не затрагивал личности Шпильгагена, не сравнивал его с Боборыкиным и вообще отнесся к нему лично сочувственно. Но я счел долгом указать на личность коллективную, которая гораздо

более заслуживает чествования и сочувствия и остается в забвении. Я не думаю, чтобы поступил худо. С другой стороны, я не могу отнестись сочувственно и к приглашению Литературного фонда, чтобы Шпильгаген читал в его пользу. Не потому, что Шпильгаген иностранный писатель, а потому, что нищенство вообще зазорно.

Сверх того, из газет я узнал, что литература чествовала Шпильгагена обедом. Это я узнал именно *только из газет*. Редакция «Отеч<ественных> зап<исок>» не была об этом предупреждена; но может быть г. Краевский обязательно принял на себя приятную обязанность быть представителем «Отеч<ественных> зап<исок>».

Во всяком случае, искренно благодарю Вас за дружеское предостережение, но ведь не думаете же Вы, в самом деле, что между мною и «Нов<ым> врем<енем>» существуют секретные симпатии?

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

19 марта.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 29.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, стр. 11—12.

Письма к Стасюлевичу и Елисееву от 1 апреля 1884 г. (1009) написаны в ответ на их возражения против гневного осуждения Салтыковым в очерке «Между делом» (*ОЗ*, 1884, № 3) помпезного чествования Шпильгагена, приехавшего в Петербург на премьеру своей драмы «Gerettet» (подробно об этом см. в наст. изд. т. 15, кн. II, стр. 262—263 и 368—369). По словам Салтыкова, Шпильгаген «очень талантливый писатель и в шестидесятых годах имел значительное влияние и на русскую литературу, и на русское общество». Однако, сравнивая чествование Шпильгагена либеральными литературными кругами с происходившим 2 февраля 1884 г. юбилейным заседанием Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, которое «втихомолку праздновало свое двадцатипятилетие», он с горечью замечает: «А, право, ведь это учреждение сотни Шпильгагенов стоит». И далее, говоря о тяжелом материальном положении этой организации, Салтыков обращается с призывом жертвовать деньги в пользу Литературного фонда.

Обращение Салтыкова о помощи Литературному фонду было дважды перепечатано в одном из номеров «Нового времени» (1884, № 2893, 18 марта) — в обзоре «Среди газет и журналов» и в статье «Письма к другу», а на следующий день вновь повторено под заглавием «Воззвание к думе». Во всех этих трех перепечатках, с различной степенью полноты воспроизводящих текст Салтыкова, Суворин совершил явный подлог, опустив при-

веденные выше слова сатирика о влиянии Шпильгагена на русскую литературу и русское общество. Да он и не мог поступить иначе, так как хотел доказать, что во взгляде на чествование Шпильгагена имеет столь авторитетного союзника, как Салтыков. Приведи он слова Салтыкова, многие из читателей могли легко сопоставить их с одним из первых выступлений Суворина против чествования Шпильгагена — «Не по разуму, а по...» («Новое время», 1884, № 2881, 6 марта), где он высмеивал речь гласного Михельсона в думе, «осмелившегося, в своем невежестве и смелости, сказать, что Шпильгаген обогатил и русскую литературу». И в дальнейших своих статьях и заметках, имевших шовинистическую окраску, Суворин неоднократно повторял, что Шпильгаген не имел никакого влияния на русскую литературу» (№ 2889, 14 марта).

1007. В. П. ГАЕВСКОМУ

26 марта 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Не можешь ли ты помочь П. Н. Веревкиной (моей племяннице) в деле возобновления контракта с Дирекцией театров [1]. Пожалуйста, сделай это и ради нее и ради меня. Ужасно гадко будет, если ей опять придется переезжать из Киева в Одессу и т. д.

Кстати: не поступило ли что-нибудь в фонд вследствие моего воззвания [2]. Вероятно, ничего не поступило, но мне все-таки необходимо это знать *наверное,* потому что я намерен вести это дело дальше.

Весь твой

М. Салтыков.

26 марта.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 37.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 146.

---

[1] Хлопоты В. П. Гаевского через Э. Ф. Направника о возобновлении контракта П. Н. Веревкиной окончились неудачно. В 1886 г. Веревкина вновь обращалась к Гаевскому с просьбой помочь «попасть на сцену в Петербурге» (*ГПБ,* ф. 171, № 57), но мечта ее так и не осуществилась. Как явствует из некролога Веревкиной (19 марта 1856—1892), «при ее музыкальности можно было ожидать, что она займет в истории русской оперы блестящее и прочное место. В сущности, вышло не так, потому что уже через три года она оставила мариинскую сцену по финансовым соображениям дирекции <...> К сожалению, нормальному развитию ее таланта был положен предел ее уходом с петербургской сцены» («Приложение к

газете «Новое время», 1892, № 65, 11 апреля. См. также: «Ежегодник имп. театров на 1891—92 гг.», стр. 476).

[2] Очередную статью «Между делом» (*ОЗ*, 1884, № 3) Салтыков закончил призывом жертвовать деньги на поддержание Литературного фонда (см. в наст. изд. т. 15, кн. 2, стр. 369). На состоявшемся 9 апреля заседании Комитета Литературного фонда В. П. Гаевский зачитал «письмо из Москвы неизвестного, который сообщает, что, узнав из статьи «Dixi» в мартовской книжке «Отеч. записок» адрес председателя общества, он посылает 100 рублей в пользу фонда» (*ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда за 1884 г.*, т. 1, л. 314). На состоявшемся 22 апреля 1884 г. заседании Комитета председатель доложил, что «небольшой кружок почитателей таланта даровитого писателя М. Е. Салтыкова, в ответ на его воззвание к пожертвованиям в пользу Литературного фонда, прислал свою лепту»,— 22 рубля из г. Гори (там же, л. 352 об.). Сообщение об этих пожертвованиях появилось в печати. Оно заканчивалось словами: «Будем надеяться, что эти два пожертвования только начало приношений на благое дело. Кстати сообщаем адрес председателя Общества: Виктор Павлович Гаевский, Литейная 48» («Новости и Биржевая газета», 1884, 18 апреля, раздел «Русская летопись»). Так как на следующей книжке *Отеч. записок* журнал был запрещен правительством, то обращение Салтыкова о пожертвованиях в пользу Литературного фонда не получило дальнейшего развития.

1008. И. И. ЯСИНСКОМУ

27 марта 1884. Петербург

27 марта.

Многоуважаемый Иероним Иеронимович.

Рассказ Ваш «Спящая красавица» — отличный и всем нравится[1]. Я давно хотел Вас благодарить за него, но не удосужился. Положение мое поистине драматическое. Все главные сотрудники рассеяны, и я с великим трудом устраиваюсь. Прибавьте при этом неизлечимую болезнь и старческий упадок сил, и Вы получите понятие о моем каторжном существовании. А вдобавок и цензура терзает: из февральской книжки вынула мои сказки[2].

Ежели Вы замыслили что-нибудь новое, то, пожалуйста, имейте в виду «Отеч<ественные> зап<иски>». Наступает лето, и мы на это время обеспечены. Но в августе будет уж похолоднее, и было бы очень приятно в этом месяце или в сентябре поместить что-нибудь Ваше.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 66, л. 5.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 257—258.

---

[1] Об этом рассказе см. письмо 998, прим. 2.
[2] О сказках Салтыкова см. письмо 990, прим. 1.

1009. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

1 апреля 1884. Петербург

1 апреля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Посылаю Вам счет Вашим деньгам, по март включительно, сделанный Гаспером, а также счет банкирской конторы, в которой куплена для Вас облигация П<етер>бургского кред<итного> общ<ества> в 1000 р. номинальных. У меня осталось Ваших денег 70 р., которые я сдал Гасперу для приобщения к имеющим поступить в апреле.

Пишу настоящее письмо в Париж poste restante, как Вы указали. Сам я, по обыкновению, болен, особливо последние 5—6 дней, после того, как взял ванну. У меня что-то с ногами неладно. Сейчас был Боткин и говорит, что это остатки ревматизма, но ничего особенно тревожного не нашел. Во всяком случае, принимать 9 раз в день лекарство, и этим только жить — невеселая вещь.

Насчет Шпильгагена я с Вами не согласен, хотя Вы согласны с Стасюлевичем [1]. Нас одолела глупость, и она теперь до того сгустилась в воздухе, что хоть топор повесь. Если хочется устроить контры, делай это обдумавши, а не скачи, как теленок. Впрочем, на это можно было бы и не обращать внимания, если б глупость не затрагивала, наконец, за живое.

У нас здесь целых две недели стоит солнечная погода — того гляди, Нева пройдет. Но представьте себе, и солнце надоело. По крайней мере, на меня оно удручающее впечатление делает.

Кривенко до сих пор под арестом [2]. Говорят, что дело его не совсем хорошо, а впрочем, достоверно я ничего не знаю. Еще арестован Протопопов [3]. За что — не знаю. Знаю одно: что заниматься литературным делом становится все больше и больше стеснительно. Вдобавок и подписка упала страшно, а расходы остались прежние.

До свиданья. Жму Вашу руку и прошу передать мой сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 25.

Впервые опубликован отрывок: «Заветы», 1914, № 4, отд. II, стр. 47; полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 402—403.

---

[1] Салтыков имеет в виду письмо к нему Елисеева от 24 марта / 5 апреля 1884 г., который писал: «Обе статьи Ваши, помещенные в мартовской книжке, я прочел с великим удовольствием. Даже воззвание о помощи Литературному фонду, сделанное Вами, именно Вами, а не кем-нибудь другим, мне очень понравилось. Давно бы Вам надобно было сделать такое воззвание.

Но никак не могу сказать, чтобы это воззвание было удачно пристегнуто к чествованию Шпильгагена Думой. Положим, Дума сделала бестактность, постановив чествовать Шпильгагена. Но разве эта бестактность очень велика и настолько действительно бессмысленна, что все равно, как если бы она сделала постановление чествовать взятие Бак-Нина (?!??). Нет, бестактность была только в излишнем усердии, а не в мысли. И не русскому литератору, неизбалованному чествованиями Дум, давать щелчки за такие бестактности, по мысли достойные скорее похвалы. Потом, за что напрасно оплеван несчастный Шпильгаген! Вот что называется: в чужом пиру похмелье! А что более всего щемит и хватает за сердце, это — то, что Салтыков,— слава и надежда России современной,— выходит с ваиями и песнями навстречу фельетонисту Тряпичкину и возлагает на него лавровый венок за то, что он победоносно побил Думу» (*Письма Елисеева,* стр. 138—139). О чествовании Шпильгагена см. прим. к письму 1006.

[2] Об аресте С. Н. Кривенко см. письмо 981, прим. 2.

[3] М. А. Протопопов был арестован в ночь на 17 марта. «Вчера,— сообщал Белоголовый Лаврову 14 апреля 1884 г.,— был Стасюлевич с самыми скверными новостями, арестов пропасть и в последнее время взят критик Протопопов; дело Кривенко принимает скверный оборот: выплыло на свет его участие в «Народной воле» и его будут судить» (*ЦГАОР,* ф. 1762, об. 4, № 33, л. 38).

1010. В. Е. ЯКУШКИНУ

1 апреля 1884. Петербург

1 апреля.

Многоуважаемый Вячеслав Евгеньевич.

Искренно благодарю Вас за присланную брошюру о рукописях Пушкина, продолжение которой я уже сегодня прочитал в апрельской книжке «Русская старина». Вместе с тем с величайшим удовольствием исполняю желание Ваше относительно моего портрета и автографа. Жалею, что последний

пришлось сделать на обороте портрета, так как на лакированном картоне чернила скатываются.

Искренно Вас уважающий
М. Салтыков.

На конверте: Заказное, Москва, Чистые Пруды, дом 211. Его высокородию Вячеславу Евгеньевичу Якушкину.

Почтовый штемпель: С.-Петербург. I экспедиция. 3 апр. 1884.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф. 279, оп. 1, № 1259.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, стр. 330—331.

По-видимому, Салтыков называет «брошюрой» посланный ему отдельный оттиск первых двух глав работы известного пушкиниста В. Е. Якушкина (сын Евгения Ивановича) «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве». Главы эти были напечатаны в «Русской старине», 1884, №№ 2 и 3.

1011. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

5 апреля 1884. Петербург

5 апреля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Не знаю, застанет ли Вас это письмо в Ментоне, но так как Вы никакого нового адреса мне не указали, то и пишу туда, в чаяньи, что письмо мое, во всяком случае, Вас пристигнет. Поздравляю Вас с Пасхой, которую Вы встретите in partibus infidelium [1] среди зелени и цветов. Я помню, как в 1876 году генералы Шаблыкин, Сенявин, Бутовский и Батюшков хоронили в Ницце своего бога, а русские кокотки усыпали цветами крестный путь. Помню, как André, homme de peine [2] в пансионе г-жи Daniel прибежал в субботу и объявил, что «ce matin les russes ont enterré leur dieu, mais ne craignez rien: pour nuit il ressuscitera!» [3]. Вероятно, это и теперь происходит тем же порядком, за исключением, быть может, André. А у нас здесь, после двух недель изрядного тепла, опять снег, а сегодня 5 гр<адусов> мороза. Какой, с божьей помощью, оборот!

От Елисеева я получил известие, что он уже направляется в Париж, а оттуда нагрянет в Россию в мае. На днях я ему послал уже в Париж письмо poste restante. И так как Вы тоже не минете Парижа, то, конечно, увидитесь там с ним, а в ожидании прочитайте в апрельской книжке (выйдет 7-го числа) статью по делу Зографа — это первое произведение порефор-

менного Гр<игория> Зах<аровича>, значительно, впрочем, мною сокращенное и приведенное в порядок[5].

Относительно Г<ригория> З<ахаровича> у меня есть к Вам двоякая просьба.

Во-первых, он возвещает свой приезд на родину, но при этом, по обыкновению всех лукавых людей, не говорит ничего о своих намерениях относительно «Отеч<ественных> зап<исок>». Но так как во время трехлетних скитаний его за границею, худо ли, хорошо ли, порядок в «Отеч<ественных> зап<исках>» установился, и вмешательство Елис<еева> могло бы только расстроить его и разогнать людей, получающих от журнала хлеб насущный, то я твердо решился ни к каким редакционным обязанностям Елисеева не допускать. Не можете ли Вы поставить его на эту точку зрения, так как в таком случае, он, быть может, и опять решится остаться за границей.

Второе обстоятельство след<ующее>. С начала нынешнего года никакого контракта на «Отеч<ественные> зап<иски>» не существует[6], и Елисеев уже не пайщик, а пенсионер, получающий по 200 р. в месяц. В то же время, подписка на журнал самым бессовестным образом падает (в два года убыло более 2 тыс. подписчиков). Причина этого упадка заключается отчасти в распоряжениях относительно невыписки таких-то и таких-то журналов, отчасти же и в поголовном трусе. Вообще дивиденд ежели и будет, то весьма малый. Между тем «Отеч<ественные> зап<иски>» одних жалований выплачивают ежемесячно 1225 р., и в том числе 450 р. лицам, подобно Елисееву, совершенно для журнала бесполезным. И в то же время ничего не платят, например, Абрамову, который ныне пишет «Внутреннее обозрение». При большом числе подписчиков дело шло, но с уменьшением средств характер его существенно изменяется. Из всех лиц, получающих синекуру, всего более обращает на себя внимание Г<ригорий> З<ахарович>. В последнее время я лично (меньше чем в два года) купил ему 12 т. р. облигаций Петерб<ургского> го<родского> общества, и имею все основания думать, что у него своего собственного дохода отнюдь не меньше 2500 р. При его умеренности это вполне было бы, по-видимому, достаточно, если б даже он решился отказаться от пенсии. Я не о том прошу Вас, чтоб Вы ему это предложили, но о том, чтоб подействовали на установление в нем этой точки зрения.

Само собой, однако ж, разумеется, что ежели это для Вас неудобно, то пусть так и остается. К январю я уже или сам сделаю что-нибудь решительное, или же — скорее всего —

откажусь совсем от «Отеч<ественных> зап<исок>». Ибо и я с своей стороны не намерен распинаться.

Общие наши знакомые живут по-прежнему. Унковский все больше и больше ветшает, Лихачев — все больше и больше цветет. Обедает у Екат<ерины> Михайловны[7] во дворце вместе с министрами. Это большое для нас утешение. Боткин — занимается благотворениями: от времени до времени посещает меня и прописывает. О Лорис-Меликове слышал, что 10 апреля едет — в Висбаден.

До свидания. Передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, п. 7, № 37.

Впервые опубликовано в извлечении: «Голос минувшего», 1913, № 1, стр. 181; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XIX, стр. 404—405.

---

[1] На чужбине.

[2] Андрей, чернорабочий.

[3] «Сегодня утром русские похоронили своего бога, но не бойтесь: ночью он воскреснет!»

[4] Имеется в виду письмо Елисеева к Салтыкову от 24 марта/5 апреля 1884 г. (*Письма Елисеева*, стр. 135—139).

[5] Об этой статье Елисеева см. письмо 1000, прим. 1.

[6] О продлении контракта Салтыкова с Краевским на издание *Отеч. записок* см. письмо 843, прим. 4.

[7] Великая княгиня.

1012. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

10 апреля 1884(?). Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Я должен предупредить Вас, что Лихачевы завтра у нас не будут. Поэтому, чтобы Вам не было скучно, не найдете ли Вы более удобным отложить Ваше посещение до другого дня.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

10 апреля.

На письме помета Л. Ф. Пантелеева карандашом: 84 г.?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 4.

Впервые опубликовано: *Письма*, стр. 258.

1013. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

11 апреля 1884. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Ежели Вы завтра вечером (четверг) свободны, то не будете ли так любезны провести его у нас. Будут Лихачевы, т. е. обещали.

Уважающий Вас

М. Салтыков.

11 апреля.

На письме помета Л. Ф. Пантелеева карандашом: 84 г.?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, л. 6.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 258.

1014. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

12 апреля 1884. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Лихачев пишет, что он сегодня вечером не может у меня быть, потому что Саша[1] опасно заболел. Поэтому я считаю нужным предупредить Вас, что сегодняшнее мое приглашение следует считать несостоявшимся: я и сам болен.

Весь Ваш

М. Салтыков.

12 апреля.

На письме помета Л. Ф. Пантелеева карандашом: 84 г.?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, л. 8.
Впервые опубликовано: *Письма,* стр. 259.

---

[1] А. И. Лихачев.

1015. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 апреля 1884. Петербург

14 апреля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Сегодня я получил не то извещение, не то приглашение к *второму* литературному обеду в понедельник 16 апреля. Записка адресована от имени *распорядителей;* на пакете зна-

чится редакция «Новостей». Так как я ничего не знаю о *первом* обеде, то обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою, не известно ли чего-нибудь Вам об этом деле, кто им распоряжается и по чьей инициативе оно возникло. Недоумеваю также, почему извещение адресовано лично ко мне, а не к редакции «Отеч<ественных> зап<исок>». Ежели Вы имеете какие-нибудь сведения, то весьма обяжете меня сообщением их.

В страстную субботу, имея сведение, что Вы не совсем здоровы, я был у Вас, но оказалось, что Вы гуляете; это с одной стороны меня порадовало как знак Вашего выздоровления, а с другой стороны, я желал Вас видеть и невольно подосадовал на свою неудачу. Между прочим, я хотел Вам сообщить один факт, который займет свое место в истории русского книгопечатания [1].

Мне было несколько лучше, но, должно быть, я не остерегся в последние дни, и сегодня чувствую себя даже очень нехорошо.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 31.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, стр. 12.

---

[1] О чем идет речь, установить не удалось.

1016. В. П. ГАЕВСКОМУ

До 16 апреля 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

«Иудушку» смотреть не поеду. Ты сам убедишься, что это совершенное идиотство [1]. Но в четверг буду у тебя с удовольствием, хотя ожидаю, что Лермонтов будет весьма недоволен, что я к нему обедать не езжу, а у тебя обедаю.

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 38.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 146—147.

---

[1] О постановке «Иудушки» см. прим. к письму 1017.

1017. В. П. ГАЕВСКОМУ

16 апреля 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Ради Литературного фонда я согласился дать опакостить себя представлением «Иудушки». Но теперь из афиш вижу, что «Иудушку» предполагается изображать и на предбудущее время. Я, конечно, нимало не желаю полагать какие-либо препятствия для сегодняшнего спектакля, но пишу тебе для того, чтоб ты убедился, что г. Бурлак-Андреев сделал в этом случае подвох, чтобы, так сказать, приобрести право гражданственности для этой пьесы в Петербурге. И, конечно, я протестовать уже не могу.

Весь твой

М. Салтыков.

16 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 39.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* стр. 147.

О постановке «Иудушки» рецензент «Нового времени» (1884, № 2922, 18 апреля) в разделе «Театр и музыка», в частности, писал: «Вчера в зале С.-Петербургского общества любителей сценического искусства дан был спектакль в пользу Литературного фонда при участии товарищества московских артистов. Представлена была в 1 раз комедия «Иудушка» <...> Щедринские типы, перенесенные на сцену, дали благодарный материал исполнителям, которые в главных ролях успешно им и воспользовались. Главную роль Иудушки исполнял г. Андреев-Бурлак, создав цельный, законченный тип». О впечатлениях Горького от постановки «Иудушки» 29 апреля 1883 г. в Нижнем Новгороде и игры Андреева-Бурлака см.: М. Горький. Полн. собр. соч., т. 15. М., 1972, стр. 555—556, 636.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подготовка текста и примечания
С. А. Макашина

I
СОЖЖЕННЫЕ ПИСЬМА САЛТЫКОВА К А. М. УНКОВСКОМУ 1876 (ИЮНЬ) — 1885 гг.[1]

1876

22 июня. Витенево

Июнь 22. <Витенево.>

Нецензурное дело о витеневском дьячке.

«Дело» — вероятно, шутливый рассказ — неизвестно. Когда витеневского дьячка постигло несчастье — у него сгорел дом и все имущество,— Салтыков оказал ему денежную помощь и предоставил жилье (см. об этом в письме Салтыкова от 23 сентября 1869 г. к управляющему его подмосковным имением Витенево А. Ф. Каблукову.— Наст. изд., т. 18, кн. II).

15 июля. Витенево

Июль 15. <Витенево.>
Марки.

1877

23 марта. Петербург

Март 23. <Петербург.>

О сожжении «Отеч. записок».
Об Илье Евграфовиче.

Мартовской книжке «Отеч. записок» за 1877 г. угрожал арест и уничтожение. О том, каким образом и какою ценою Салтыкову удалось предотвра-

[1] Продолжение. Начало аннотации сожженных писем, за 1875—1876 гг., см. в разделе Приложений, IX, т. 18, кн. II. Там же указан архивный источник публикаций.

тить нависшую над журналом опасность, которую он скрывал от больного Некрасова, см. в письме его к В. В. Григорьеву от 24 марта 1877 г.

Илья Евграфович Салтыков — младший брат писателя.

25 марта. Петербург

Март 25. <Петербург.>

Об «Отечественных записках».

Вероятно, о цензурном инциденте с мартовской книжкой. См. предыдущую аннотацию.

1879

Январь. Петербург

Январь. <Петербург.>

О картежных наказаниях.

1880

28 апреля. Петербург

Апрель 28. <Петербург.>

Не желает никаких переговоров о своей статье.

По-видимому, речь идет о статье Салтыкова «Не весьма давно. Осенние воспоминания» (вошла в цикл «Круглый год»). Статья эта, запрещенная ранее под другим названием — «Вечерок», была напечатана в четвертой книжке «Отеч. записок», вышедшей в свет 11 апреля, и едва не явилась поводом ко второму предостережению (см. письмо к Г. З. Елисееву от конца апреля — начала мая 1880 г.).

5/17 июля. Эмс

Июль 5/17. <Эмс.>

О Толстом, Победоносцеве и Синоде. Нецензурно.

Письмо содержало «детскую сказку» Салтыкова «Архиерейский насморк» (см. ниже, Приложения, III).

4/16 сентября. Париж

<Сентябрь> 4/16. <Париж.>

Фантастическое приключение с Унковским.

Очевидно, очередная сатирическая миниатюра.

Сентябрь. Париж

<Сентябрь. Париж.>

В письме из Парижа просит передать Елисееву, что, не желая ни объяснений, ни уговоров по поводу своей статьи, он хоть месяц просидит в Вержболове, пока не выйдет в свет книжка журнала.

31 августа — 12 сентября 1880 г. Салтыков послал из Парижа в редакцию «Отечественных записок» окончание первой главы «За рубежом». Его очень тревожила цензурная судьба этого зачина нового цикла. Статья появилась в девятой книжке, вышедшей в свет 20 сентября.

28/16 <?> сентября. Париж

Сентябрь 28 (?). <Париж.>

По поводу редакционных отношений.

1881

27 августа/8 сентября. Париж

<Август 27> / сентябрь 8. Париж.

О «задницах». Овации в Москве.

«Раблезианский» сюжет этого шутливо-сатирического послания повторен в письме к В. П. Гаевскому от 30 августа/11 сентября 1881 г.: «...в эту минуту жена и дети присутствуют на представлении «La biche au bois», а я, как дурак, сижу дома. А представь себе, в этой пьесе есть картина «купающиеся сирены», где на сцену брошено до 300 голых женских тел (по пояс), а низы и задницы оставлены под полом в добычу машинистам...»

«Овации в Москве» — организованный редакцией «Русской мысли» юбилейный обед в московском ресторане «Эрмитаж» по случаю 25-летия появления «Губернских очерков» (описание празднества см. «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 224).

1882

17 июля. Ораниенбаум

Июль 17. <Ораниенбаум.>

1883

9/21 июля. Баден-Баден

Июль 9/21. <Баден-Баден.>

Не совсем цензурное. О конституции.

Письмо написано в день приезда или на другой день по приезде Салтыкова в Баден-Баден.

18/30 июля. Баден-Баден

Июль 18/30. <Баден-Баден.>

8/20 августа. Кларан

Август 8/20. <Кларан.>

1885

Осень <сентябрь — ноябрь> <Петербург.>

О насилии над его совестью. Просит заступиться.

Эта запись В. П. Кранихфельда заканчивается его пояснением «(Иоанн Кронштадтский)». Однако такой комментарий неверен. Эпизод с посещением больного Салтыкова Иоанном Кронштадтским относится к апрелю 1889 г. Осенью же 1885 г. имел место другой случай, который Салтыков мог рассматривать как попытку совершить «насилие над его совестью». См. в т. 20 наст. изд. публикацию письма к А. М. Унковскому (1235), сохранившегося в копии В. П. Кранихфельда.

II

СВЕДЕНИЯ О САЛТЫКОВЕ В НЕИЗДАННЫХ ПИСЬМАХ Е. А. САЛТЫКОВОЙ К А. Ф. КАБЛУКОВУ 1876—1877 гг.[1]

(Первые числа июня 1876. Петербург.)

«Я выезжаю с детьми из Москвы в Витенево во вторник 8 июня, в 12 часов утра».

Вместе с женой и детьми, или на день-два позже, выехал в Витенево и Салтыков. Из письма к В. П. Гаевскому от 26 июня 1876 г. видно, что Салтыков «пробыл всего неделю» в Петербурге, после возвращения из заграницы, вернулся же он 30 мая.

7 ноября 1876. Петербург

«Мишель кажется здоров, ревматизм совсем прошел, его доктор Белоголовый едет в Сербию, но я надеюсь, что он ему не нужен будет <...>.

У нас уже два месяца живет гувернантка-парижанка, которая ни одного слова ни на каком языке, кроме французского, не понимает, а такая отличная».

15 февраля 1877. Петербург

«...пожалуйста, напишите мне, как зовут мужа Аннушки Бодровой. Я имею случай попросить здесь самого Мезенцо́ва, шефа жандармов, о выдаче ей отдельного вида на жительство <...>.

Очень бы хотелось, чтобы Вам удалось продать Витенево. Граф Головин, говорят, ужасно бросает деньги».

---

[1] Продолжение. Начало выдержек из писем, за 1867—1876 (май) гг., см. в разделе Приложений, VI, т. 18, кн. II. Там же указан архивный источник публикаций.

Е. А. Салтыковой удалось помочь бывшей няньке своих детей. При письме сохранилась копия распоряжения Мезенцова: «По распоряжению Его превосходительства г-на шефа жандармов предписано г-ну московскому обер-полицеймейстеру от 23 апреля 1877 года за № 1112, о немедленной выдаче отдельного вида на жительство крестьянке Анне Васильевой Мелюк».

<Февраль — март 1877>. Петербург

«...нашелся покупатель на Витенево, дает 25 тысяч, это сын генерал-адъютанта Ефимовича, молодой и очень богатый человек. Он, вероятно, приедет осмотреть Витенево на днях уже. Ради бога, примите его хорошо».

5 апреля <1877>. Петербург

«Как только дойдет до Вас это письмо, начните топить весь дом Витеневский несколько дней сряду и в середу 13-го апреля вышлите либо сани, либо карету, я не знаю, какая у вас дорога <...>

Мишель тоже приедет, но попозднее, он сам Вам будет писать».

В Витенево ехал его новый владелец С. И. Калабин. Салтыков прибыл в Москву для совершения купчей крепости и получения денег в пятницу 29 апреля.

7 апреля 1877. Петербург

«...вот наконец мое желание исполнилось, Витенево куплено. Так как Калабин взял на себя все расходы и по купчей крепости, и по всему, это составит еще полторы тысячи сверх 21 т. 500 р.»

20 мая 1877. Петербург

«Мишель просит Вас спросить у Калабина, заявил ли он о переходе к нему имения в Казенную палату, в Земскую управу и в Дворянское Депутатское собрание. А также получили ли Вы 50 руб., посланные Вам через контору Юнкера на пересылку наших вещей и коляски.

Пришлите поскорее, так как мы в эту середу[1] уезжаем в наше новое имение Лебяжье. Там тоже нам досталась отличная коляска. Вообще барыня, которой принадлежало Лебяжье, была ужасно богата, и муж на нее ужасно много тратил денег. Например, там два попугая, за одного из них заплачено 600 руб. Мебель отличная на 17 комнат, с коврами и с такими

---

[1] 25 мая.

прелестными дорогими зеркалами, что мы их в город перевезли. Спальная мебель роскошная. Там в доме амосовские печки, и вода проведена и в дом и в прачешную. Парк с утрамбованными дорожками, с оранжереей и с парниками. Мельница на речке и Финский залив близ дома, к нему ведет аллея березовая. Ужасно много разных служб, два каретных сарая, скотный двор, 4 коровы, 4 лошади, пропасть кур, индеек, пчел и свиней. Не знаю, что мы со всем этим будем делать. И лес есть. Земли всего 163 десятины. И заплатили мы за все это очень дешево, 13½ тысяч. Лизавета Борисовна уже там и Максим Андреев тоже. Вы нам пишите в Петербург, так как Мишель будет ездить очень часто в Петербург».

«Потребность в собственном угле» для работы и отдыха была столь сильна, что, невзирая на горький опыт Витенева, Салтыков, едва успев продать его, тотчас же, в конце апреля или в начале мая того же 1877 г., купил новое имение — Мызу Лебяжье, на берегу Финского залива, близ Ораниенбаума. Жизнь и хозяйствование в Лебяжьем в летние месяцы 1877, 1878 и 1879 гг., где вследствие ряда обстоятельств натиск новой сельской буржуазии, поддерживаемой властью, был еще сильнее, чем в Подмосковье, дали Салтыкову много наблюдений, обобщенных в художественных образах «Убежища Монрепо». Публикуемый текст из письма Елизаветы Аполлоновны позволяет составить представление о том, что́ являло собой реальное «Монрепо» — Лебяжье — в момент покупки имения Салтыковым.

28 июня 1877. Мыза Лебяжье, близ Ораниенбаума.

«В Петербурге духота, а у нас все ветер. Мишель что-то жалуется на нездоровье».

III

ИЗ «ДЕТСКИХ СКАЗОК» САЛТЫКОВА, НЕ ПРЕДНАЗНАЧАВШИХСЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Из переписки Салтыкова известно, что активность его творческого темперамента выражалась иногда в создании сатирических миниатюр, предназначавшихся не для печати, а для распространения в кругу ближайших друзей и знакомых писателя. К таким утаенным произведениям, в большинстве не дошедшим до нас, принадлежали, например, памфлет на тульского губернатора Шидловского, который послужил основой для главы «Органчик» в «Истории одного города», и Переписка Николая I с Поль де Коком, из которой в подлиннике сохранился лишь один фрагмент, посланный А. Н. Еракову при письме от 9/21 декабря 1875 г. (см. т. 18, письмо 449).

Некоторые из этих «фантастических рассказов на реальной подкладке» (А. М. Унковский), создававшихся без всякой оглядки на цензуру, имели ярко выраженную «раблезианскую» окраску. Однако за внешней грубостью и даже непристойностью иных из рассказов везде видна серьезная мысль большой щедринской сатиры. К таким рассказам принадлежит и «Архиерейский насморк», посланный А. М. Унковскому при письме от 5/17 июля 1880 г. из Эмса. Он исполнен политических обличений и по одной этой причине не мог появиться в печати при царизме.

Ядовитые издевательства над «царем Ароном», «главой церкви», возымевшим «желание прелюбодействовать» и не затруднившимся придать этому желанию «законную» форму, относились непосредственно к царю Александру II. Не выждав и двух месяцев со дня смерти императрицы Марии Александровны (ум. 22 мая 1880 г.), он вступил в морганатический брак со своей фавориткой, княжной Е. М. Долгорукой (вскоре она получила фамилию и титул светлейшей княгини Юрьевской).

По каноническим же законам православной церкви вступление в новый брак разрешалось лишь по прошествии года со дня смерти одного из супругов.

Таким образом, Александр II, обязанный в качестве главы не только государственной, но и церковной власти блюсти ее законы, явился нарушителем их, когда приказал Синоду венчать себя с Долгорукой раньше установленного срока. Браковенчание было совершено протопресвитером Бажановым 19 июля 1880 г. Но предстоящее событие, хотя и державшееся в

тайне, стало предметом внимания общественного мнения как в России, так и за границей. Салтыков узнал о предстоящем бракосочетании царя в Германии, в Эмсе. Отсюда, при письме, датированном 17 июля 1880 г., он и послал А. М. Унковскому свою очередную «детскую сказку».

В «Архиерейском насморке» Салтыков сатирически откликается еще на одно злободневное событие русской политической жизни тех дней — отставку гр. Д. А. Толстого с поста обер-прокурора Синода и вступление в эту должность Победоносцева (апрель 1880 г.). При этом Салтыков набрасывает ядовитые «характеристики» ряда иерархов, призванных по выбору нового обер-прокурора руководить деятельностью этого высшего органа управления православной церкви в России. Двух из них Салтыков знал лично по своей службе в провинции: с митрополитом Филофеем он встречался в Твери, с архиепископом Никандром — в Туле.

АРХИЕРЕЙСКИЙ НАСМОРК

Жил-был царь Арон и был глава церкви. Только спрашивает он однажды обер-прокурора Толстого: «Какие у архиереев привилегии?» Отвечал Толстой: «Две суть архиерейские привилегии: пить архиерейский настой и иметь архиерейский насморк». Рассердился царь. «Архиерейский настой я знаю, но отчего же мне, главе церкви, архиерейского насморка не предоставлено? Подавай в отставку». Подал Толстой в отставку; призывает царь нового обер-прокурора Победоносцева и говорит: «Чтобы завтра же был у меня архиерейский насморк!» Смутился Победоносцев, спешит в Синод, а там уж Святой дух обо всем архиереям пересказал. «Так и так,— говорит Победоносцев,— как хотите, а надо царю честь оказать!» — «Но будет ли благочестивейшему государю в честь, ежели нос у него погибнет?» — первый усумнился митрополит Макарий. «А я к тому присовокупляю,— сказал митрополит Исидор,— лучше пускай все сыны отечества без носов будут, нежели падет единый влас из носа царева без воли божией».— «Как же с этим быть?» — спрашивает Победоносцев.

Вспомнили тогда архиереи, как Яков Долгорукий царю Петру правду говорил, и сказали Филофею-митрополиту: «Иди к царю и возвести ему правду об архиерейском насморке». Предстал Филофей пред царя и пал на колени: «Смилуйся, православный царь,— вопил он,— отмени пагубное оное хотение!» Однако царь разгневался: «Удивляюсь я, старый пес, твоему злосчастию,— сказал он,— вы, жеребцы несытые, готовы весь мир заглотать, а меня, главу церкви, на бобах оставить».— «Но знаешь ли ты, благоверный государь, что означает сей вожделенный для тебя архиерейский насморк?» — вопрошал Филофей, не вставая с колен. «Образование я

получил недостаточное,— отвечал царь,— а потому знаю много вредного, а полезного ничего не знаю. Был у меня, впрочем, на днях Тертий Филиппов и сказывал, бывает простой архиерейский насморк и бывает с бобонами, но затем присовокупил: «Тайна сия велика есть»,— шед, удавися!» Тогда увидел Филофей, что теперь самое время царю правду возвестить, пал ростом на землю и, облобызав шпору цареву, возопил: «Не разжигайся, самодержец, но выслушай: привилегия сия дарована архиереям царем Петром <———> Сколь сие изнурительно, ты можешь видеть на мне, богомольце твоем. Еще в младенчестве был я постигнут сим <———> родители же мои, видя в оном знамение грядущего архиерейства, не токмо не прекращали такового, но даже всеми мерами споспешествовали. Потом, состоя уже викарием приснопамятного митрополита Филарета, я <———> едва не потерял носа и только молитвами московских чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Филиппа таковой удержал. Так вот она привилегия эта какова».

Выслушал царь Филофеевы слова, видит, правду старый пес говорит. «Спасибо тебе, долгогривый, что мой нос от погибели остерег. А все-таки надо меня чем-нибудь за потерю привилегии вознаградить. Иди и возвести святителям: имею я желание прелюбодействовать». Невзвидел света от радости Филофей. Бежит в Синод, шею вытянул, гриву по ветру распустил, ржет, гогочет, ногами вскидывает. Попался бог по дороге — задавил. Долго ли, коротко ли, а наконец прибежал. «Так и так,— говорит,— силою твоею возвеселится царь. Повелите-ка, святые отцы, из архива скрижали Моисеевы вынести». Поняли святители, что дело на лад идет, послали за скрижалями. Видят, на второй скрижали начертано: не прелюбодействуй! «Хорошо сие для тех,— молвил Никандр Тульский,— кои насморк архиерейский имеют».— «Для тех же,— возразил протопресвитер Бажанов,— кои такового не имеют, совсем без надобности, ибо тем только подавай». Судили, рядили, наконец послали за гравером Пожалостиным. Спрашивают: «Можешь ли ты к сему присовокупить: *Царь же да возвеселится?»* — «Могу»,— отвечал Пожалостин и, вынув резец, начертал. Тогда Синод постановил: копию с исправленных оных скрижалей отослать для сведения в правление райских селений, в святцах же на сей день отметить тако: разрешение вина и елея.

Автограф, *ИРЛИ,* р. III, оп. 1, ед. хр. 1868.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, стр. 405—406.

IV

КОНТРАКТ И ДОМАШНЕЕ УСЛОВИЕ, ЗАКЛЮЧЕННЫЕ МЕЖДУ КРАЕВСКИМ И САЛТЫКОВЫМ НА ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» В 1878—1884 гг.

После смерти Некрасова, 27 декабря 1877 г., редактором *Отеч. записок* стал Салтыков. Решение возглавить издание было принято им не сразу и не без колебаний. С другой стороны, также не сразу и не без колебаний его кандидатура была утверждена властями. Затянулись и деловые переговоры с собственником-издателем журнала Краевским. Формальным итогом переговоров явились «контракт» и «домашнее условие», заключенные Салтыковым и Краевским 8 апреля 1878 г. Этими документами, пролонгированными 20 октября 1883 г., и действовавшими в течение шести лет, вплоть до правительственного запрещения *Отеч. записок,* определялись деловые взаимоотношения между Салтыковым и Краевским по редактированию и изданию журнала.

Тысяча восемьсот семьдесят восьмого года, апреля восьмого дня, мы, нижеподписавшиеся: статский советник Андрей Александрович *Краевский* и действительный статский советник Михаил Евграфович *Салтыков,* заключили между собою сие условие об издании, впредь, в течение *шести лет, с первого января тысяча восемьсот семьдесят восьмого года по первое января тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, журнала «Отечественные записки»* на следующих основаниях: 1) Салтыков от вышеписанного числа, впредь по первое января тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года принимает на себя, с званием ответственного перед правительством и судом редактора, исключительное заведывание редакцией журнала «Отечественные записки», т. е. всю заботу о содержании журнала и ответственность перед публикою, правительством и судом, как за содержание, так и за направление его, приглашая по своему усмотрению товарищей по редакции и сотрудников

и помещая собственные свои труды, за плату, которая не должна выходить из суммы, определяемой пятым пунктом сего контракта, и, кроме того, заботиться также о срочном выходе книжек. 2) Краевский, оставаясь собственником журнала, принимает на себя все обязанности издателя его согласно четвертого пункта сего контракта. Предоставляя Салтыкову полную свободу во всем, касающемся содержания журнала, Краевский, как собственник журнала, сохраняет за собою право просматривать в корректурных листах все статьи, приготовленные к печати, и если заметит в них что-либо могущее вызвать преследование администрации или суда, имеет право печатание такой статьи приостановить, сообщив о том Салтыкову, и в таком случае дело между ними улаживается или по обоюдному соглашению, или, в случае серьезного разногласия, спорные вопросы такого рода разрешаются третьим лицом, избранным по общему их согласию, при участии одного из членов Главного управления по делам печати, если к тому представится возможность. Если же между Краевским и Салтыковым возникнут такие несогласия, при которых вести общее дело окажется невозможным, Салтыков, буде пожелает, имеет право оставить дело и ранее срока сего контракта, причем получает в конце года, по заключении всех счетов, причитающуюся ему долю чистого дохода (на основании расчета, изложенного ниже в пункте девятом) за весь год, хотя бы выходил из дела и в начале года, и затем контракт сей нарушается. Если ко времени выхода Салтыкова из дела касса журнала будет иметь на разных лицах долги, то Салтыков принимает половину их на себя, внося наличными деньгами из причитающейся ему прибыли, а если таковой в тот год не будет, то из собственных сумм. 3) Равным образом, если Салтыков поведет дело неудачно или неисправно до такой степени, что журнал упадет до четырех тысяч подписчиков, то и Краевский имеет право нарушить сей контракт с Салтыковым, причем производится расчет на основании предыдущего пункта. 4) Краевский, оставаясь собственником журнала «Отечественные записки», принимает на себя заведывание всею хозяйственною частью издания, как-то: прием подписки и объявлений, хранение денег, счетоводство, контроль над конторами, надзор за печатанием (которое должно постоянно производиться в его собственной типографии, если она будет исправна и не будет требовать цен, превышающих цены других хороших типографий в Петербурге), за своевременным выходом книжек при своевременном доставлении Салтыковым оригинала в типографию и исправною их рассылкою; покупку бумаги, брошюровку, наем и увольнение лиц, служащих по хозяйственной части журнала, подписку на рус-

ские и иностранные газеты и журналы или обмен на оные, приобретение нужных для редакции книг и т. п. Салтыков во всякое время может поверять приходо-расходные книги и счеты конторы «Отечественных записок», и если заметит какое-либо упущение, дает о том знать Краевскому, который обязан немедленно исправить замеченные упущения. На все расходы по хозяйственной части издания определяется примерно сумма, при шести тысячах подписчиков, в тридцать шесть тысяч рублей серебром. В случае изменения цифры печатаемых экземпляров эта сумма увеличивается или уменьшается. Цены на печать и бумагу, а равно количество печатаемых экземпляров журнала, определяются с общего согласия Салтыкова и Краевского, и наблюдение за тем, чтоб типография Краевского печатала именно то количество экземпляров, которое назначено ими, принадлежит одинаково Краевскому и Салтыкову; оставшиеся же экземпляры от годовой распродажи составляют общую собственность Салтыкова и Краевского. 5) По выходе каждой книжки составляется счет денег, следующих за помещенные в ней материалы, и контора Краевского уплачивает по запискам Салтыкова деньги, следующие лицам, участвовавшим в книжке, и месячное жалованье постоянным сотрудникам под их расписки, не позже пяти дней по выходе книжки. Общая сумма на оригинал, со включением жалования помощникам Салтыкова, полагается, при пяти тысячах подписчиков — тридцать тысяч рублей в год, при шести тысячах — тридцать шесть тысяч, при семи тысячах — сорок тысяч, а далее прибавляя по три тысячи рублей на каждую лишнюю тысячу подписчиков. Если же подписка на журнал упадет до пяти тысяч, то, само собою, и расходы должны быть сокращены и производятся по соображению с обстоятельствами и по взаимному соглашению Краевского с Салтыковым. 6) Если б журнал получил три предостережения, после которых, по закону шестого апреля тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, следует временная остановка в издании журнала, то в таком случае журнальная касса, находящаяся в заведывании Краевского, выдает Салтыкову, во время остановки журнала, по четыреста рублей в месяц, для тех сотрудников, которых необходимо удержать для продолжения дела по миновании срока остановки. Расход этот считается безвозвратным. Сверх того, Салтыков имеет право получать во время остановки журнала по семисот пятидесяти рублей в месяц для себя и для товарищей по редакции, с возвратом этих денег при расчете прибылей. 7) Объем журнала не может превышать тридцати одного печатного листа в месяц. Всякое увеличение объема или перемена формы журнала, равно и прибавка издержек на оригинал могут быть сделаны лишь с

общего согласия Салтыкова и Краевского. 8) Все условия, как изустные, так и письменные, заключаются с сотрудниками Салтыковым, а со всеми другими лицами Краевским. 9) По истечении каждого года, не позже января, составляется Краевским расчет, и, после поверки его Салтыковым, оставшаяся за всеми расходами прибыль делится между Краевским и Салтыковым следующим образом: из общей валовой суммы, вырученной за шесть тысяч экземпляров,— а если подписчиков будет менее, то из той валовой суммы, которая составится от подписки данного года,— вычитаются все годовые расходы на журнал, и затем остальная сумма, составляющая чистую прибыль, делится между Краевским и Салтыковым поровну. Если же подписчиков будет более шести тысяч, то, сохранив для прибыли от шести тысяч подписчиков вышеописанный расчет,— сумму, вырученную за количество экземпляров, превышающее эти шесть тысяч, делить так: Салтыкову две доли, а Краевскому одна (третья) доля. 10) Если б, по заключении счетов, за какой-либо год оказалось, что издержки превышают приход, то недостающую сумму Краевский и Салтыков обязаны пополнить из собственных средств по равной части, и контракт сей может быть расторгнут. 11) Конторские книги журнала «Отечественные записки» должны быть ведены отдельно от книг по другим делам Краевского, и касса журнала «Отечественные записки» должна быть отделена от других сумм Краевского. Сумма «Отечественных записок» должна храниться (за исключением одной тысячи, которая может находиться у Краевского) в одном из банковых учреждений С.-Петербурга. Проценты с текущего счета суммы «Отечественных записок», начиная с первого поступления подписных денег на тысяча восемьсот семьдесят восьмой год, вносятся по полугодию на приход и причисляются к общему доходу по журналу. 12) В случае смерти Краевского, наследники его, к которым перейдет право собственности на журнал «Отечественные записки», обязаны исполнять до истечения срока сего контракта все заключающиеся в нем условия, причем распоряжения по приему и хранению сумм журнала производятся ими с согласия Салтыкова. В случае смерти Салтыкова, права и обязанности сего контракта переходят к товарищам его по редакции, буде они пожелают: коллежскому советнику Григорию Захаровичу Елисееву и Николаю Константиновичу Михайловскому, к обоим им вместе или к одному из них и к которому именно — это предоставляется их обоюдному решению. 13) В случае болезни или отсутствия Салтыкова, он передает лежащие на нем обязанности одному из своих товарищей по редакции, причем, однако ж, не имеет права требовать из кассы журнала особой платы этому лицу. В случае бо-

лезни или отсутствия Краевского, он передает свои обязанности по хозяйственной части лицам, избранным с общего согласия с Салтыковым, причем тоже не ставит вознаграждения им на счет журнала и за действия лица, которому доверит хозяйственную часть, ответствует своим имуществом. 14) Проценты (10%) за внесенный Краевским в Государственное казначейство залог по изданию «Отечественных записок» уплачиваются Краевскому из кассы журнала, равно и могущие последовать по решению судебных мест денежные штрафы с редакции. 15) Так как Краевский, оставаясь издателем «Отечественных записок», остается в то же время редактором-издателем газеты «Голос», то в «Отечественных записках» Салтыков не должен помещать относительно «Голоса» ни статей, ни выражений порицательных; Краевский обязывается не делать того же в газете «Голос» относительно «Отечественных записок». Равным образом Салтыков не помещает в «Отечественных записках» никаких порицательных отзывов о прежней редакции «Отечественных записок» до первого января тысяча восемьсот семьдесят восьмого года. Но в тех случаях, где другие журналы, умышленно смешивая прежнюю редакцию «Отечественных записок» с новою, или редакцию «Отечественных записок» с редакциею «Голоса», станут упрекать журнал в противоречиях и т. п., Салтыков и Краевский имеют право входить в необходимые печатные разъяснения, соблюдая приличный тон. 16) Даровые экземпляры журнала «Отечественных записок» назначаются по общему согласию Краевского с Салтыковым. 17) Все могущие возникнуть между контрагентами или между одним из них и наследниками другого споры разрешаются третейским судом по совести. 18) Как в настоящее время прибылей, которые может принести это предприятие, определить невозможно, то мы полагаем примерно, что они могут простираться до *шести тысяч рублей серебром в год,* а потому условие сие написать на гербовом листе соразмерно означенной сумме за *шесть лет*. Расходы по заключению сего условия принимаем пополам. Условие сие нам и наследникам нашим хранить свято и ненарушимо, подлинное получить мне, Краевскому, а мне, Салтыкову, иметь засвидетельствованную с оного копию. К этому условию руку приложил статский советник *Андрей Александров Краевский.* К сему условию действительный статский советник *Михаил Евграфов Салтыков* руку приложил.

Тысяча восемьсот семьдесят восьмого года апреля восьмого, условие это явлено у меня. Николая Петровича Янкина, С.-Петербургского нотариуса, в конторе моей, по Литейному проспекту № 32, статским советником Андреем Александрови-

чем Краевским и действительным статским советником Михаилом Евграфовичем Салтыковым, жительствующими по Литейному проспекту: первый в доме № 38, а последний в доме № 62, лично мне известными и имеющими законную правоспособность к совершению актов. Сбора в доход города взыскано двести рублей. По реестру № 2076.

Нотариус *Николай Янкин.*

М.П.

1878 г. 8 апреля с этого условия засвидетельствована копия за № 2079 и выдана действительному статскому советнику Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Нотариус *Н. Янкин.*

Надписи на документах:

1) *На первой странице:*

а) *вверху:* Расчет за 1878 г. сделан. *М. Салтыков.*
Расчет за 1879 г. кончен. *М. Салтыков.*
Расчет за 1880 г. кончен. *М. Салтыков.*
Расчет за 1881 г. кончен. *М. Салтыков.*
» » 1882 г. кончен. *М. Салтыков.*
» » 1883 г. » *М. Салтыков.*

б) *сбоку:* По взаимному согласию силу сего условия продолжаем еще *на два года,* т. е. *по первое января тысяча восемьсот восемьдесят шестого года.* Статский советник *Андрей Краевский.* Действительный статский советник *Михаил Салтыков.* 20 октября 1883 г.

2) *На четвертой странице сверху:*

По сему условию все счета по 21 июля 1884 г. окончены и самое это условие, по обоюдному согласию, считается уничтоженным. Действ. стат. советник *Мих. Салтыков.* Статский советник *Андрей Краевский.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 4, № 4.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 417—422.

Домашнее условие

8 апреля 1878 года мы, нижеподписавшиеся, в дополнение к заключенному нами формальному контракту по изданию журнала «Отечественные записки», заключили еще следующее дополнительное домашнее условие:

1) Во все время существования упомянутого выше контракта, я, Салтыков, имею право, в течение года, впредь до определения следующего на мою долю размера прибылей, взять, в счет оного, из кассы *до семи тысяч двухсот рублей,* ежели по ходу подписки будет видно, что таковая сумма может в конце года прийтись в мою пользу.

2) Такое же право имею я, Краевский.

К этому дополнительному домашнему условию руку приложил *А. Краевский.* К этому дополнительному домашнему условию руку приложил *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ГПБ.*
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XIX, стр. 422.

ДОПОЛНЕНИЯ
К ВОСЕМНАДЦАТОМУ ТОМУ
(книга вторая)

I
ДОПОЛНЕНИЯ К ОСНОВНОМУ РАЗДЕЛУ

416-bis. В. Ф. БЕРСЕНЕВУ

16/28 июня 1875. Баден-Баден

Баден-Баден, 28 июня.

Многоуважаемый Василий Федорович!

Получив Ваше письмо от 9 июня, спешу ответить на него.

Мне до такой степени хочется развязаться с крестьянами, что я готов даже согласиться, чтоб выкупная ссуда была в 128 руб. с души (из оброка 7 руб. 50 коп.). Я боюсь, что если дело пойдет в долгий ящик, то никакого толка не будет.

В доверенности, данной Вам, об этом предмете не сказано, но мне кажется, что когда Вы подадите заявление, то я могу особым письмом к Смагину[1], дать на это уменьшение свое согласие. Я боюсь, что крестьяне, во-первых, будут отказываться от наделов, а во-вторых, потребуют перехода на меньший надел, тогда куда я денусь с остальною землею? Да и Шарапово с прочими пустошами — скоро не найдешь на них покупщика. Я же все болею и хотелось бы поскорее долги уплатить[2] и для детей что-нибудь устроить. Впрочем, делайте, как придумаете за лучше, но во всяком случае чем-нибудь кончайте. Неужели Смагин не окажет никакого содействия? Я вместе с сим пишу <ему> письмо. Хорошо было бы, если б крестьяне согласились за выкупаемые наделы давать по 130 руб. Но пусть уж хоть по 128 руб. дают, лишь бы побольше выкупали. Максим Андреев уже получил деньги за 4 надела, а мне следовало бы обратить <их> в билеты Государственного банка и внести в Казначейство для сношения с Опекунским советом. Это и прежде так делалось. Я пишу Смагину, что я поверял планы и разрешил дело о пустошах, которые до сих пор не выкуплены.

Это дело без конца тянется. Еще прошу об отрезке к одному месту наделов, после <?> Жарвиных крестьян. Но не знаю, хорошо ли это будет? Ведь отрежут где-нибудь в захолустье. Подумайте об этом.

Разрешил бы Опекунский совет перечислить земли на прежние наделы? Прошу Вас передать Максиму Андрееву, что я пишу об выкупе и сообщите мне, что Вы придумаете.

Прошу Вас передать мое почтение уважаемой Любови Ивановне[3].

Весь ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: Гос. архив Ярославской обл., ф. 2944, ед. хр. 55, л. 18. Сообщено Ю. Трыковым и Б. Челышевым.

Публикуется впервые.

Письмо обращено к Василию Федоровичу Берсеневу, члену уездного по крестьянским делам присутствия в Угличе. По своей должности он участвовал в операции перехода на выкуп крестьян принадлежавшей Салтыкову части имения Заозерье в Угличском уезде Ярославской губернии. Вследствие пассивного сопротивления крестьян переход этот затянулся на четырнадцать лет, хотя по закону выкуп надельной земли определялся волей помещика, а Салтыков и его бывший совладелец, брат Сергей Евграфович (ум. в 1872 г.), всячески старались ускорить эту операцию. О том же свидетельствует и настоящее письмо. Заозерские крестьяне согласились на выкуп лишь в 1876 г., причем не все: двадцать крестьян, получивших малые наделы, отказались от земли. Получив увольнительные свидетельства, они покинули Заозерье (*Макашин II*, с. 469).

---

[1] Смагин Александр Иванович — уездный предводитель дворянства в Угличе.

[2] К моменту перехода Заозерья в собственность Салтыкова и его брата Сергея Евграфовича (в 1859 г.) за имением числился долг Опекунскому совету в сумме 52 000 руб. Без получения выкупной ссуды, т. е. без получения денег за отданную в надел крестьянам землю, Салтыков не мог закончить платежи по этому долгу.

[3] По-видимому, жена В. Ф. Берсенева.

II

ДОПОЛНЕНИЯ К РАЗДЕЛУ ПРИЛОЖЕНИЙ

ДЕЛО О «ЗАОЗЕРСКОМ НАСЛЕДСТВЕ»

В 1859 г., в результате второго раздела земельных владений родителей, Салтыков и его брат Сергей Евграфович получили в совместное владение оброчное имение матери — село Заозерье с деревнями в Угличском уезде Ярославской губернии. Салтыков просил брата взять на себя управление имением и просьбу эту, которая была принята, оформил надлежащей доверенностью. Заозерье стало источником средств писателя, дополнительных к его литературным заработкам. Средства эти были необходимы Салтыкову главнейше для уплаты долгов, матери и другим лицам, в которые он вошел в 1861—1862 гг. при покупке подмосковного имения Витенево, а также для ликвидации большого долга Опекунскому совету, лежавшего на заозерском имении. Вместе с тем Заозерье стало источником немалых тревог Салтыкова. До него доходили сведения о крайне неумелом, отчасти же и не вполне добросовестном управлении брата, что грозило вовлечь и Салтыкова, как совладельца, в разного рода имущественные и гражданско-правовые неприятности. После смерти брата в 1872 г. Салтыкову пришлось убедиться, что тревоги его не были беспочвенными. Он оказался вовлеченным, с одной стороны, в распутывание крайне запущенных дел по управлению имением, а с другой — в семейно-имущественные споры, сразу же разгоревшиеся вокруг «заозерского наследства».

Защитить свои интересы от необоснованных претензий братьев, собственно от сутяжничества Дмитрия Евграфовича, а также вдовы умершего брата Лидии Михайловны и ее матери Клавдии Николаевны Ломакиной, Салтыков поручил, по совету А. М. Унковского, тверскому присяжному поверенному И. С. Сухоручкину.

В этих целях он составил для него в октябре 1872 г. «Записку», содержащую сведения о всех основных обстоятельствах, относящихся к истории перехода Заозерья в совместное владение Салтыкова и его брата. «Записка» содержит сведения также и о тверских владениях Салтыкова, полученных им по тому же разделу 1859 г. «Записка» к Сухоручкину дает достаточно полные ответы на вопросы, представляющие определенный интерес для биографии писателя: каково было его имущественное положение как помещика, как дробились, уходя из рук Салтыкова и его брата, их тверские

земли, каким образом совершалась постепенная ликвидация ярославского имения и *что хотел получить* Салтыков из «заозерского наследства» после смерти брата-совладельца.

Ответ же на вопрос, *что́ получил* Салтыков в итоге семейно-имущественных споров, омрачивших целое двухлетие его жизни, содержится в документе, публикуемом в настоящем разделе под № 4 — «Договоре» Салтыкова с братьями, а также со вдовой Сергея Евграф. и ее матерью. Этим «Договором», заключенным в декабре 1873 г., но введенным в действие, по-видимому, в начале 1874 г., формально закончилось дело по «заозерскому наследству». «Записка» и «Договор», а также публикуемые под №№ 2, 3 и 5 выдержки из писем брата Ильи Евгр. и матери Ольги Мих., содержат также материалы, рисующие взаимоотношения членов семьи Салтыковых в период между 1859—1874 гг.

Все материалы данного раздела публикуются впервые.

1. <ЗАПИСКА САЛТЫКОВА 1872 г. ПРИСЯЖНОМУ ПОВЕРЕННОМУ И. С. СУХОРУЧКИНУ>

19 декабря 1859 г. вдова кол<лежского> совет<ника> Ольга Михайловна Салтыкова отделила в общее владение Михаила и Сергея Евграфовичей Салтыковых имение свое, состоящее Ярославской губернии Угличского уезда в селе Заозерье с деревнями 1354 души (из них в селе 646 и в деревнях 708 душ), той же губернии Даниловского уезда деревни Куреево и Липовец (39 д.) и Тверской губ. Калязинского уезда в дер. Новинках и сельце Мышкине (44 души) и лесной даче Филипцево — 100 десятин. При этом отдельною записью прямо установлено, чтобы дохода со всего имения получать обоим братьям *по ровной части,* и только в случае ежели бы кто из совладельцев пожелал отделиться, то указано Михаилу получить в деревнях села Заозерья 440 д<уш> и сверх того имения Даниловское и Мышкинское и дачу Филипцево, а Сергею в селе Заозерье и деревнях 914 душ. Указание это было сделано в ущерб Михаилу, так как все имения одинаково безземельные и, следовательно, 523 души, разделенные при этом в 16 деревнях, никак не могут равняться 913 душам, поселенным в одном селе Заозерье и в трех ближайших к селу деревнях. При этом в селе Заозерье была усадьба (впоследствии проданная Сергеем в свою пользу за 12 тыс. руб.) и имеется торговая площадь, оцененная в 10 тыс. рублей, а в части Михаила был только скотный двор с небольшой запашкой в сельце Мышкине (продано впоследствии не помню за сколько, не более 2 тыс. руб., и деньги разделены пополам) и лесная дача Филипцево

(проданная, как будет объявлено ниже). Но так как Михаил считался в семействе строптивым, то и предполагалось, вероятно, этим указанием его обуздать. Законом оба брата никогда формально не делились, ни о разделе не просили и введены были во владение имением, как общим. Напротив того, Сергей до конца жизни управлял имениями, как общими, как в той, так и в другой части, подписывал все документы за себя и по доверенности брата (в селе Заозерье имеется много питейных домов, и все дозволения на откуп их подписаны Сергеем за себя и по доверенности брата). Сверх того, когда писалась уставная грамота (в 1861 году), то между прочим за наделом крестьян села Заозерья, по $1^{3}/_{4}$ дес. на душу, осталась у владельцев пустошь Шарапова, которая по раздельному акту приписана к селу, но Сергей половину этой пустоши отдал деревням, которые были все вместе, без различия, кому принадлежат, соединенные в одно общество, связанные одною круговой порукой и доныне платящие оброк сообща. Следовательно, если бы Сергей не считал имения общим, то не допустил бы соединения всех деревень в одно общество и не отдал бы пустошь Шарапову (на которую, *в случае раздела,* он один имел право) в общее владение всем деревням.

7 июля 1872 г. Сергей умер. Наследниками остались вдова его Лидия Михайловна, рожденная Ломакина, и братья: действительный статский советник Дмитрий, действительный статский советник Михаил и надв<орный> сов. Илья Салтыковы. Михаил полагает, что он имеет право на половину всего оставшегося имения и сверх того на одну треть (за исключением седьмой вдовьей части) из остальной половины. Напротив того, Дмитрий выражает такое мнение, что за смертью Сергея Михаилу следуют только деревни, указанные в отдельной записи на его часть, *в случае раздела,* и затем треть из остального имения. Сверх того, Дмитрий же намеревается искать вознаграждения за ту часть пустоши Шарапово, которая по уставной грамоте (подписанной Сергеем за себя и за брата Михаила) отведена крестьянам деревенского общества. Илья колеблется, но, по-видимому, желает присоединиться к Дмитрию. О мнении вдовы покойного ничего не знаю.

Что же касается пустоши Шараповой, то нелепость этой претензии очевидна: она отведена деревенскому обществу по желанию самого брата Сергея, который один и уставную грамоту подписал (первоначально уставная грамота была подписана обоими братьями, но потом была возвращена для исправления, и подписал один Сергей); сверх того крестьяне владеют пустошью более 10 лет.

Затем возникают вопросы:

1) Право требовать раздела принадлежало ли Сергею лично или же переходит и к его наследникам?

2) Не могут ли сонаследники стеснить Михаила, заставив его не совершать формального раздела, а лишь делить доходы поровну?

3) Не может ли иметь тут силу земская давность, в течение которой Михаил считался владельцем половины имения?

Кроме сего, в деле этом имеются еще следующие эпизоды.

1) В 1861 году за деревню Новинки была выдана выкупная ссуда, которую получил Михаил. Дмитрий будет доказывать, что это означает со стороны Михаила признание Новинок своею личною собственностью. Но против этого возражения:

а) Выкуп Новинок был только началом ликвидации имения, которую по смыслу уставных грамот владельцы обязывались произвести в 1862 году, и ежели не успели сделать, то по не зависящим от них обстоятельствам. Следовательно, Сергей при дальнейшей ликвидации мог получить и соразмерное вознаграждение. б) Вообще на это следует смотреть, как на частную сделку между братьями, ничего не доказывающую, ибо впоследствии Сергей продал господскую усадьбу в селе Заозерьи за 12 тыс. рублей и еще несколько усадебных мест в том же селе, и как распорядился этими деньгами — все это осталось между братьями. Во всяком случае, он из этих денег мог вознаградить себя за Новинки (он это и сделал даже с лихвою). в) После выкупа Новинок осталась в распоряжении владельцев земля, которая и продана крестьянину той деревни Софрону Осипову с товарищи, а деньги были разделены между братьями пополам.

2) В декабре 1861 года коллежская советница Ольга Салтыкова дала взаймы Михаилу Салтыкову 23 тыс. сер. на два года; затем, когда Михаил не уплатил в срок денег, начала иск, вследствие которого на доходы с имения Михаила был наложен арест и приступлено было к описи самого имения. Но в это время Сергей, как управлявший общим имением по доверенности, действительно указал на ту часть имения Михаила, которая следовала ему *в случае раздела,* и собираемые *с этой части* доходы действительно отсылались на удовлетворение долга г-же Салтыковой, и даже продана была пустошь Филипцево, которую в Тверском Губ. Правлении купил с публичных торгов за 2 200 руб. тот же Сергей. Но а) раздела между братьями все-таки не было, и Филипцево было продано, как имение, находящееся в общем владении; б) Сергей купил Филипцево для того, чтоб оно не пошло за бесценок, а потом не-

медленно продал его за 5 тыс. р., каковыми деньгами распорядился по общему согласию братьев; в) указание на заозерские деревни, следовавшие на часть Михаила (в случае раздела), так же ни к чему не повело, так как нельзя было, при общинном владении землею *всеми* деревнями, даже оставить оную имению, и даже оброчную сумму приходилось разверстывать не по действительным платежам тою или другою деревней, а по числу всех душ, составляющих деревенское общество. Это до такой степени справедливо, что сама кредиторша сознала это и заключила 5 сентября 1866 г. с Сергеем условие, которым этот последний, по доверенности Михаила, обязался уплатить долг в течение 8 лет из доходов должника. Причем имение должника поименовано глухо: «Угличское имение», а далее сказано, что кредиторам предоставляется право наложить запрещение на имение должника, *состоящее в селе Заозерье с деревнями,* и г) сверх того указание на деревни, следовавшие на часть Михаила, *в случае раздела*, могло быть сделано Сергеем, во-первых, с целью затруднить опись, и, во-вторых, чтобы не оставить брата совсем без куска хлеба, в случае продажи имения за бесценок.

3) Когда совершалась упомянутая выше сделка о способе уплаты долгов Михаила, последний выдал Сергею доверенность, засвидетельствованную 23 июня 1866 г. в Пензенской Гражданской Палате. В этой доверенности было между прочим указано, что в случае заявления нами желания <раздела>, Михаилу следует такая-то часть, и потому дано ему право собираемые в этой части доходы употреблять на уплату долга и выкупную ссуду с этой части употребить по тому же назначению. Но о том, чтобы это были *все* доходы или *вся* выкупная ссуда, следующие Михаилу, ничего не сказано. Напротив того, тут же предоставлено: «если признаете нужным совершить действительный раздел имения, то подавать по сему предмету бумаги и т. д.», но Сергей никаких бумаг в течение 6 лет не подавал, а следовательно, явно не желал этого раздела.

Основания считать меня половинщиком в общем имении состоят в следующем:

1) Хотя в раздельном акте и сказано, что в случае, если бы кто из братьев пожелал разделиться, то разделить имение так-то, но при жизни С. Евгр. ни он, ни я никакого желания делиться не заявляли.

2) Сергей Евгр. считал имение это до такой степени общим, что когда в 1865 году по просьбе матери моей было наложено за мой долг ей запрещение, то оно наложено было вообще на

все имение, т. е. общее брата и мое, и С. Евгр. против этого не протестовал [1].

3) С. Евгр. признавал имение общим уже по тому одному, что при составлении уставной грамоты перемешаны все земли, то есть те, которые условно (на случай раздела) были назначены мне, отданы в надел крестьянам, назначенным условно ему и наоборот. Так крестьянам села Заозерья (условно назначенные ему) он отдал мою пустошь Старцево (до 120 дес.) да лесу 30 дес. из кунинских дач. Деревням же (из коих две трети условно назначались мне, а $^1/_3$ С. Евгр.) отдал часть пустоши Шараповой (условно назначенную ему).

4) С. Евгр., сам писавший и подписывавший уставные грамоты, разделил имение на два общества, из коих в одном — село Заозерье, а в другом — все деревни как его, так и мои. Все эти деревни в настоящее время владеют всеми землями вместе по круговой поруке, так что трудно отобрать мои земли от братниных.

5) В имении произошли следующие изменения:

а) С. Евгр. продал несколько усадеб в селе Заозерье и получил деньги;

б) отпущено на выкуп сельцо Мышкино с дер. Новинки (44 дес.) и продана оставшаяся за наделом земля. Выкупную ссуду (до 4 тыс. руб.) получил я, брат же Сергей получил уплату за землю, оставшуюся от наделов (около 100 руб.).

в) Лесные пустоши (до 2 тыс. дес.) при селе Заозерье и деревнях были признаны собственностью крестьян, причем по уставной грамоте Серг. Евгр. выговорил в пользу владельцев по 4 р. 53 к. Большая часть этих денег уже внесена была при жизни покойного, и он ими воспользовался, и

г) продана пустошь Филипцево (Тверской губ., Калязинского уезда) с аукц<ионного> торга за мой долг. Купил ее Серг. Евгр. за 2800 р. единственно, чтоб на аукционе она не пошла за бесценок. Затем перепродал за 5 тыс. р. и деньги получил сам.

Все эти изменения я поименовываю на тот конец, что на них может указать противная сторона, как на доказательство, что я воспользовался частью имения лично, из части условно назначенной мне. Но юридического значения это возражение не имеет, так как все сделки шли от имени обоих братьев, и мы могли заменять, делиться, вознаграждать друг друга и дарить друг другу, как хотели. Главное возражение может касаться пустоши Филипцевой, почему, дескать, она предостав-

---

[1] *Карандашом сделана приписка рукой Салтыкова:* Запрещение существует и по сие время; можно справиться в закрепительных книгах.

лена была в продажу, а не другие имения. На это следует отвечать, что подвергнуто было описи за мой долг все имение, т. е. общее мое и брата; Филипцево пришлось продать скорее, потому что оно находится в другой губ<ернии> [1], составляет особняк и свободно от залога Опек<унскому> совету [2].

Общее имение Михаила и Сергея Салтыковых заключается в настоящее время в следующем:

1) В селе Заозерье Угличского уезда 624 души платят оброка по 6 р. 90 к. Обязательная выкупная ссуда 92 руб. с души, а всего 57 305 р. Долга Опекунскому совету — 27 932 р. Остаток — 30 176 руб.

2) В деревнях при селе Заозерье 683 души, оброку 8 р. 80 к. Обязательная выкупная ссуда — 92 р. с души, а всего 80 252 р. 50 к. Долга Опекунскому совету приблизительно — 29 730 руб. Остаток 50 522 р. 50 к.

3) В деревне Куреeве и Липовце приблизительно 36 душ. Выкупная ссуда около 3 600 руб.

4) В селе Заозерье торговая площадь, за которую крестьяне предлагают 10 000 руб.

5) При селе Заозерье пустошь Шарапова 274 дес., оцененная в 9 тыс. руб.

6) Там же пустошь Григорьева — 60 дес., оцененная в 1500 руб.

7) Там же шесть лесных пустошей, которые оцениваются в 17 500 руб.

8) Сверх того в Ярославском Губернском Казначействе хранится 2829 р. 38 коп., внесенные крестьянами, выкупившими земельные участки.

Следовательно, общая ценность всего имения 109 377 р. 88 коп.

Ежели имение это разделить, как желают прочие наследники, то на долю Михаила придется: за душевые наделы 34 362 р., да из денег, хранящихся в казначействе 586 р. 76 к. Итого 34 988 р. 76 к. Затем разделу подлежат 74 429 р. 12 к. Из них на седьмую часть вдове приходится 10 632 р. 73 к. Остальные 63 796 р. 39 к. подлежат разделу по 21 265 р. 96 коп. на каждого, а следовательно, на долю Михаила придется 56 214 р. 72 коп.

По слухам, покойным дано разным лицам векселей на сумму 36 000 руб., из них 7-я часть на долю вдовы, т. е. около

---

[1] В Тверской.

[2] *В тексте рукописи рукою Салтыкова сделана карандашная пометка:* Затем, с согласия кредиторши, продажа остального имения остановлена.

5 140 р., а на каждого брата около 10 300 р., затем придется Михаилу Салтыкову около 46 000 р.

Ежели имение разделить, как желает Михаил Салтыков, то на долю его придется: половина всего имения на сумму 54 688 р. 94 к., из остальной половины на седьмую часть приходится 7 812 р. 70 к., остальные 46 876 р. 24 коп. подлежат разделу по 15 622 р. 41 к. Следовательно, часть Михаила определится в 70 311 р. 35 коп.

То есть за уплатой долга на сумму около 60 000 р.

Если признан будет первый способ раздела, то на долю Михаила желательно получить заозерские деревни в 50 522 р. 50 к., Куреево в 3600 руб., а остальные 2092 р. 22 к. дополнить из суммы, хранящейся в Ярославском уездном казначействе. Выдел 7-й части остается уже на обязанности прочих наследников, а на Михаила падает только долг в 10 300 руб.

Если будет признан второй способ раздела, то желательно было бы получить заозерские деревни в 50 522 р. 50 к., Куреево в 3600 р., пустошь Григорьево в 1500 р., прочие пустоши в 1750 р., пустошь Шарапова в 9000 р. и деньги, хранящиеся в Казначействе 2829 р. 38 к., всего на сумму 69 201 р. 38 к. Причем на его долю придется уплата 10 300 р. частного долга. На долю же остальных братьев получится село Заозерье и площадь в нем на сумму 40 176 р., с обязанностью выделения вдове 7812 р. 70 к. и уплатить остальной частный долг полностью до 20 600 р.

Сергей Евграфович <умер> 7 июля 1872 г. в Москве в Нов. Слободе дом Кондаковой, наискось сущевской аптеки. Похоронен Тверской губ. Калязинского уезда в с. Воронцове, в имении жены, Лидии Михайловны Салтыковой, рожденной Ломакиной. Делами вдовы заведует мать ее Клавдия Николаевна Ломакина.

Действит. статский советник Дмитрий Евграфович Салтыков живет в Калязинском уезде в селе Спас на Углу.

Надворный советник Илья Евграфович Салтыков живет в Калязинском уезде в сельце Цедилове, около Калязина, или в Москве на Маросейке в Кузьмодемьяновском переулке, собств. дом.

Проект раздела

Первая часть:

1) Село Заозерье. За всеми последовавшими после уставной грамоты изменениями 620 наделов, платящих оброку по

6 р. 90 коп. Выкупной ссуды на душу по 115 р., а за вычетом 20% по 92 р., за все 620 наделов 57 040 р., а за вычетом доли Сохранной казне до 24 тыс. р.— 33 000 р.

2) Площадь торговая, которая может быть оценена в 10 000 р.

3) Пустошь Шарапова, Григорьево, Осеево, Бычиха, Гумина, Ульянцево и Мистровка — 12 000 р.

Итого на 55 000 р.

Вторая часть:

1) Деревни, принадлежащие к селу Заозерью, 670 наделов, платящих по 8 р. 80 к. Выкупная ссуда по 147 р., а за вычетом 20% по 117 р. 60 к., за все 670 наделов 78 792 р., а за вычетом долга Сохранной казне до 28 тыс.— 50 700 р.

2) Деревня Куреево 33 надела, оброк со всех 242 р., выкупная ссуда 4 тыс. р., а за вычетом 20% около 3200 р.

3) Капитала в 5% билетах Гос. банка 1100 р.

Всего на 55 000 р.

За тем остается капитала: 5% билетов Гос. банка 600 р., облигации Моск. Кред. Общества 700 р. Должно разделить пополам.

Невыкупленные пустоши должны остаться за владельцами их, смотря по тому, сельские или деревенские крестьяне владеют ими. Больше владеют деревенские.

Я желал бы первую часть.

Обязательство Салтыкова, данное И. С. Сухоручкину

Я, нижеподписавшийся, дал сие обязательство присяжному поверенному Ивану Сергеевичу Сухоручкину в том, что в случае утверждения меня в правах собственности на имение, состоящее в нераздельном владении моем и покойного брата моего Сергея Евграфовича Салтыкова так, что мне присуждена будет, во-первых, половина всего наличного недвижимого имения и, во-вторых, третья (за исключением вдовьей части) часть из остальной половины, то я обязуюсь уплатить г. Сухоручкину тысячу пятьсот рублей; в случае же, если за мной утверждена будет только та часть имения, которая назначена по раз-

дельному акту, на случай раздела, и третья часть из остального имения покойного брата, то я уплачиваю только пятьсот рублей.

Действ. стат. совет. *Михаил Евграфов Салтыков.*

17 октября 1872 г.

Гос. архив Калининской обл., ф. 527, оп. 140, д. 27. Автограф.

2. ИЗ ПИСЬМА О. М. САЛТЫКОВОЙ К Д. Е. САЛТЫКОВУ ОТ 25 ДЕКАБРЯ 1873 г.

Я разъехалась с Лидинькой. Она уехала в воскресенье домой, а я в понедельник приехала в Москву. Условие она, подписанное Михайлом, Лидинькой и Ильею подписанное, повезла с собою для подписи ее мамы Клавдии Николаевны и подписи твоей. Я читала копию у Ильи и душой радуюсь, что исход дела так благополучно для всех устроился к общему спокойствию, что лучше желать нельзя. Вероятно, ты беспрепятственно подпишешь, а за честность уплаты Михайлом я стою, общая ваша мать, за него порукою, что он честно удовлетворит всех, ибо крепко держится добрых правил честное свое имя оставить детям о себе. Значит, раздумывать нечего, бери перо и подмахивай свою подпись. Нужно мое ручательство разве для одного тебя. Изволь, и 73-летняя подпишется порукою в честности сына своего от себя и отца Евграфа, что у нас детей нечестных быть не может, что мы век свой прожили честно, и дети должны идти по следам своих стариков. Ну же, бери перо и подмахивай по-братски с любовью ближнего, и дело в шляпе. Ответу не будет никакого, назад вы повороту не сделаете, а по 6 ты<сяч> в кармане робятам годится.

ИРЛИ, ф. 366, оп. 12, № 352, л. 78.

3. ДОГОВОР САЛТЫКОВА С Д. Е., И. Е., Л. М. САЛТЫКОВЫМИ И К. Н. ЛОМАКИНОЙ. ДЕКАБРЬ 1873 г.

Копия.

1873 года Декабря...[1] дня. Мы, нижеподписавшиеся: Действительные статские советники: Дмитрий и Михаил и коллежский советник Илья Евграфовичи Салтыковы, вдова поручика Клавдия Николаевна Ломакина и вдова капитана-лейтенанта Лидия Михайловна Салтыкова заключили между собою нижеследующий договор. После смерти капитана-лей-

[1] Пропуск в тексте.

тенанта Сергея Евграфовича Салтыкова осталось недвижимое имение, состоящее в общем владении с одним из нас Михаилом Евграфовичем Салтыковым и доселе неразделенное. Имение это находится в Ярославской губернии Углического уезда в селе Заозерье с деревнями и пустошами, и той же губернии Даниловского уезда в селе Куреево с деревнею Липовец. К имению этому, в принадлежавшей покойному половинной части, состоим мы, за исключением Клавдии Николаевны Ломакиной, наследниками в законных частях. Между тем, покойный Сергей Салтыков остался должным 1. Клавдии Николаевне Ломакиной восемь тысяч руб. по векселю, писанному 23 Апреля 1872 г.; 2. Лидии Михайловне Салтыковой по заемному письму, писанному...[1] Июня 1872 г. в сумме 27 500 р. и 3. Угличскому мещанину Максиму Андреевичу Боталову, по заемному письму, писанному того же июня, 1873 г. в сумме 1000 р. Признавая, что долги эти могут быть удовлетворены лишь через продажу принадлежавшей Сергею Евграфовичу части из вышеозначенного, находящегося в общем владении имения, мы, в видах скорейшего погашения претензий кредиторов, постановили: Первое. Мы, Дмитрий, Михаил и Илья Салтыковы, обязуемся никаких прав на наследство после Сергея Евграфовича Салтыкова не предъявлять и признать все означенные претензии правильными; я же, Михаил Салтыков, как опекун над имением покойного, обязываюсь с согласия всех сонаследников, подписью сего акта выражаемого, признать эти претензии правильными перед судом или другим присутственным местом, куда они ко взысканию представлены будут; Второе. Я, Лидия Михайловна Салтыкова, и с своей стороны обязуюсь никаких прав на получение седьмой части из имения покойного моего мужа не предъявлять; Третье. По получении из нас Лидией Михайловной Салтыковой и Клавдией Николаевной Ломакиной исполнительных листов на взыскание упомянутых выше сумм, я, опекун Михаил Салтыков, с согласия сонаследников подписом сего акта выражаемого, обязываюсь, совместно с кредиторшами Ломакиной и Салтыковой, просить где следует о немедленной продаже упомянутого выше недвижимого имения покойного Сергея Салтыкова, не стесняясь правилами, на сей предмет указанными в законах; Четвертое. Буде судебное место не встретит к сему препятствия и назначит срок торгов, я, Лидия Михайловна Салтыкова, или мой поверенный, обязываюсь явиться на торги и оставить имение покойного моего мужа за собою, если не явятся лица, которые предложат за

---

[1] Пропуск в тексте.

оное более тридцати пяти тысяч р. сер.; Пятое. Мы, Дмитрий, Михаил и Илья Салтыковы, обязываемся не участвовать в торгах на продажу имения покойного брата нашего ни лично, ни через поверенных; Шестое. По приобретении сего имения с торгов, хотя и за меньшую против числящихся на нем долгов сумму, я, Лидия Михайловна Салтыкова, обязываюсь уплатить весь долг по векселю, выданному покойным мужем моим матери моей, Клавдии Николаевне Ломакиной; Седьмое. Так как по четвертому пункту сего условия, я, Лидия Михайловна Салтыкова, обязалась оставить имение покойного моего мужа за собой лишь в том случае, когда на торгах никто не даст за оное сумму более 37 тысяч руб., между тем претензии моя и моей матери на это имение превышают эту сумму, то обязываюсь я излишек сих претензий обратить на денежную сумму, собранную с общего имения покойного мужа моего и Михаила Евграфовича Салтыкова в числе трех тысяч руб. билетами Государственного банка 2-го выпуска (1700 р.) и облигациями Московского Городского Кредитного Общества (1300 р.), из коих, впрочем, лишь половина приходится на долю покойного Сергея Салтыкова; по получении же таковой суммы обязываюсь все расчеты по моей и матери моей претензиям считать конченными,— и за тем принять на себя все издержки и уплату крепостных пошлин по выдаче мне данной [1] на имение покойного моего мужа, в случае приобретения его мною.— Осьмое. По получении данной на приобретенное с торгов имение, я, Лидия Михайловна Салтыкова, обязываюсь в течение двух недель подать в надлежащее судебное место прошение о вводе меня во владение и одновременно с сим совершить с Михаилом Евграфовичем Салтыковым раздельный акт, по коему, признав право Михаила Евграфовича на половину имения, разделить сие последнее следующим образом. На свою часть взять: а) Село Заозерье с крестьянскими наделами, сколько таковых за изменениями, последовавшими после составления уставной грамоты, в настоящее время значится; б) Торговую площадь в селе Заозерье в том виде, как она указана в уставной грамоте и в) Наделы временнообязанных крестьян сельца Куреева и деревни Липовец с теми же изменениями, кои произошли после составления уставной грамоты. На часть же Михаила Евграфовича отделить: а) Земляные наделы временнообязанных крестьян гг. Салтыковых, поселенных во всех деревнях, принадлежащих к селу Заозерью, за теми изменениями, какие произошли после утверждения уставной грамоты и б) Все

---

[1] Данная — письменный вид на владение недвижимым имением.

без исключения пустоши, оставленные по уставным грамотам гг. Салтыковыми за собою, а равно и те, которые по уставным грамотам отданы были некоторым крестьянам в личную собственность под условием взноса определенной грамотами суммы денег, но до сих пор крестьянами не выкуплены. Девятое. Так как все имение г.г. Салтыковых находится в залоге в Московской Сохранной Казне, то я, Лидия Салтыкова, обязываюсь, при испрошении у Сохранной Казны разрешения на раздел имения, принять на себя ту часть долга казне, которая падает на село Заозерье и сельцо Куреево с деревнею Липовец по расчету того количества ревизских душ, какое значилось при залоге имения; Я же, Михаил Евграфович Салтыков, обязываюсь принять на себя ту часть долга, которая падает на деревни, к селу Заозерье принадлежащие по тому же расчету душ. Десятое. В случае ежели к 12 февраля 1874 г., или, по крайней мере, ко дню выдачи мне, Лидии Салтыковой, данной на купленное имение, долг Сохранной Казне не будет приведен в порядок из доходов имения (за уплатой из них расходов по управлению, а также 1150 р. следующих к уплате в начале февраля 1874 г. вдове коллежского советника Ольге Михайловне Салтыковой по долговому обязательству Михаила Евграфовича Салтыкова), то обязываемся мы, Лидия Михайловна и Михаил Евграфович Салтыковы, внести недостающую для приведения в порядок долга сумму из своей собственности в следующем размере: я, Лидия Салтыкова, $^{4}/_{9}$ недостающей суммы, а я, Михаил Салтыков, $^{5}/_{9}$ той же суммы. Одиннадцатое. Я, Михаил Салтыков, по исполнении всего того, что изложено в 8 пункте сего условия, обязываюсь выдать Дмитрию и Илье Евграфовичам Салтыковым от своего имени каждому по три векселя: по одному на две тысячи триста шестьдесят руб. сроком на один год, по одному на 2240 р. сроком на два года и по одному на 2120 р. сроком на три года со дня окончательного утверждения раздела имения; Двенадцатое. Мы, Дмитрий, Илья и Лидия Салтыковы, никаких отчетов по управлению Михаилом Салтыковым имением покойного Сергия Салтыкова требовать не должны и никаких претензий к нему не предъявлять, и ежели имеются начатые в присутственных или судебных местах дела, то таковые прекратить. Тринадцатое. В случае неисполнения кем-либо из нас какого бы то ни было обязательства, в сем условии означенного, неисполнивший обязывается уплатить в пользу каждого из подписавших условие (кроме, впрочем, Клавдии Николаевны Ломакиной) по десяти тысяч руб. Впрочем, ежели будет доказано, что какое-либо обязательство не выполнено вследствие причин непредвиденных, то неустойка не взыскива-

ется. Четырнадцатое. Условие это считать для всех нас обязательным лишь тогда, когда оно будет подписано всеми участвующими в договоре лицами.

Далее рукой Салтыкова: С подлинным верно: действительный статский советник Михаил Евграфов *Салтыков.*

ИРЛИ, ф. 366, оп. 9, № 90.

4. ИЗ ПИСЬМА О. М. САЛТЫКОВОЙ К Д. Е. САЛТЫКОВУ ОТ 10 ЯНВАРЯ 1874 г.

«...меня очень интересует знать, получил ли ты мое письмо, виделся ли с Лидинькой и окончили <ли> подписанием Общего Согласия о разделке».

ИРЛИ, ф. 366, оп. 11, № 280, л. 2.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

А. Для архивных источников

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Москва.

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области.

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ГЦТМ — Отдел рукописей Государственного театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, Ленинград.

ИРЛИ, ф. 155. Журналы Литфонда за... — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, ф. 155. Журналы заседаний Комитета Литературного фонда за...

ИРЛИ, ф. 155. Приложения к журналам Литфонда — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, ф. 155. Приложения к журналам Комитета Литературного фонда за...

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва.

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР, Москва.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград.

Б. Для печатных источников

Архив Карабихи — «Архив села Карабихи. Письма Н. Некрасова и к Некрасову». Примечания составил Н. Ашукин. М., 1916.

Боград. Указатель — В. Э. Боград. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. Л., 1971.

Евгеньев-Максимов. В тисках реакции — В. Евгеньев-Максимов. В тисках реакции. М.—Л., 1926.

Евгеньев-Максимов. Очерки — В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России в XIX в. М.—Л., 1927.

Из архива Островского — Неизданные письма к А. Н. Островскому. Из архива А. Н. Островского по материалам Театрального музея им. А. А. Бахрушина. М.— Л., «Academia», 1932 (Памятники литературного и общественного быта).

Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР, 1926, т. XXXI.

Изд. 1933—1941 — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах. М., ГИХЛ, 1933—1941.

Неизданные письма — М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизданные письма. Редакция Н. В. Яковлева. Подготовили к печати Е. Н. Дубов и Е. М. Макарова. М.— Л., «Academia», 1932.

Макашин II — С. Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., «Художественная литература», 1972.

ЛН — «Литературное наследство».

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. 1—12. Гослитиздат, 1948—1952.

Отеч. записки или *ОЗ* — «Отечественные записки»

Пантелеев — Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове.

Письма — М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под редакцией Н. В. Яковлева. Л., ГИЗ, 1924.

Письма Елисеева — Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935.

Салтыков в воспоминаниях — М. Е. Салтыков в воспоминаниях современников. Предисловие, подготовка текста и комментарии С. А. Макашина. Гослитиздат, 1957.

Стасюлевич — Стасюлевич и его современники в их переписке, тт. I—V. СПб., 1911—1913.

Тургенев. Соч.— И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Сочинения в 15-ти томах. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968.

Тургенев. Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Письма в 13-ти томах. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968.

СОДЕРЖАНИЕ

1881

[1] Перевод писем Ш. Шассена Л. Р. Ланского.

1882

1883

1884

Михаил Евграфович
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Собрание сочинений, т. 19, кн. 2

Редактор *В. Фридлянд*
Художественный редактор *С. Данилов*
Технический редактор *Л. Титова*
Корректор *Т. Кузина*

Сдано в набор 15/VIII 1975 г. Подписано в печать 7/I 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60 × 90[1]/16. 22,0 печ. л. 22,0 усл. печ. л. 20,289 уч.-изд. л. Тираж 30 500 экз. Заказ 4929. Цена 1 р. 82 к.

Издательство «Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.